

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Киселева Ольга Анатольевна

**Применение норм международных договоров
в практике арбитражных судов
Российской Федерации**

Специальность:

12.00.10 – Международное право; Европейское право

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:

кандидат юридических наук, доцент

Иваненко Виталий Семенович

**Санкт-Петербург
2019**

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
МЕСТО И ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНО- ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	13
1.1. Определение статуса международных договоров в правовой системе Российской Федерации: от теории к практике	13
1.2. Концептуальный подход к обоснованию юридической силы и места норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации	30
1.3. Арбитражное правосудие как форма применения норм международных договоров в российской правовой системе	38
ГЛАВА ВТОРАЯ	
СПЕЦИФИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ И ВНУТРИРОССИЙСКИХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЙ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ	45
2.1. Проблема определения правовых оснований применения норм международных договоров в арбитражном судопроизводстве России	45
2.2. Международно-правовые основания применения норм международных договоров в арбитражном судопроизводстве России	49
2.3. Внутрироссийские правовые основания применения норм международных договоров в арбитражном судопроизводстве России	59
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ	70
3.1. Применение процессуальных и материальных норм международных договоров арбитражными судами России	70
3.2. Процессуальные нормы международных договоров в правоприменительной деятельности арбитражных судов России	82

3.3. Материальные нормы международных договоров в правоприменительной деятельности арбитражных судов России	93
3.4. Проблема применения в судопроизводстве международных договоров в зависимости от их вида и правового статуса	103
3.5. Вопросы обнародования текстов международных договоров России как проблемный сегмент их применимости	110
3.6. Комплексный подход к определению места и характера толкования норм международных договоров в процессе их судебного применения	129
3.7. Толкование норм международных договоров международными судебными органами как фактор совершенствования их применения арбитражными судами России	147
3.8. Нормативные и ненормативные акты международного права в правоприменении арбитражных судов	154
3.9. Направления и способы обеспечения единообразия применения норм международных договоров арбитражными судами Российской Федерации ...	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	184
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	192

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Конституция Российской Федерации, закрепив в ч. 4 ст. 15 положение о вхождении международных общепризнанных и договорных норм в российскую правовую систему, породила уже четвертьвековые споры относительно того, каким образом международные нормы действуют в пределах национальной юрисдикции.

В первую очередь это касается норм международных договоров. Став важным компонентом функционирования правовой системы России, применение данных договоров столкнулось с серьезными проблемами прежде всего в области судопроизводства, особенно в ходе осуществления арбитражного правосудия.¹

Связано это с особенностями компетенции самих судов арбитражной юрисдикции, осуществляющих правосудие путем рассмотрения экономических споров и иных дел, отнесенных к их ведению Федеральным конституционным законом 1995 г. «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (далее – ФКЗ «Об арбитражных судах»)², Арбитражным процессуальным кодексом РФ (далее – АПК РФ)³ и принимаемыми в соответствии с ними другими федеральными законами (ст. 4 ФКЗ «Об арбитражных судах»).

Как свидетельствует практика, в современных условиях активизации международных торгово-экономических связей, часто сопровождаемых спорами с участием иностранных контрагентов, арбитражные суды испытывают затруднения при вынесении решений, связанных с применением международных договоров. Оказать помощь судам в разрешении этих трудностей было призвано и принятое Пленумом ВАС РФ широко известное постановление № 11 от 11.06.1999 г. «О действии международных договоров Российской Федерации применительно

¹ Арбитражные суды до судебной реформы 2014 г. представляли собой самостоятельную ветвь судебной власти во главе с Высшим Арбитражным Судом РФ (далее – ВАС РФ).

² Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (с измен. на 29.07.2018) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018)

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2018) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018)

к вопросам арбитражного процесса»,⁴ основные положения которого не утратили и в настоящее время своего руководящего и методического значения.

Вышеуказанные трудности вызваны, в том числе, и отсутствием ясных и непротиворечивых научно-теоретических разработок по вопросам правовых характеристик международных договоров и складывающейся из них концепции правоприменительной деятельности, раскрытия оснований осуществления такой деятельности применительно к каждой из частей федеральных судов России. Всё это не может негативно не сказываться на авторитете судов.

О необходимости повышения доверия к суду заявил Президент В.В. Путин в ходе выступления на Всероссийском съезде судей 06.12.2016 г.⁵ Для достижения данной цели судейский корпус должен иметь в своем распоряжении результаты исследовательской деятельности, направленной на обеспечение единообразия применения норм международных договоров. Они должны иметь формальную определенность – рекомендации или разъяснения высших судебных органов или законодательного реформирования.

О повышении роли международного права в деятельности национальных судов отмечается и на международном уровне. В Резолюции Института международного права от 07.09.1993 г. «Деятельность внутригосударственного судьи и международные отношения государства» отмечено, что «международное право играет все более важную роль в рамках различных национальных правовых систем; это неизбежно приводит национальные суды к необходимости разрешать вопросы, решение которых зависит от применения международных норм». При этом в п. 1 ст. 1 указано, что «национальные суды должны быть уполномочены их внутренней правовой системой толковать и применять нормы международного права в условиях полной независимости».⁶

⁴ Постановление Пленума ВАС РФ от 11.06.1999 № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

⁵ Официальный сайт Президента Российской Федерации // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53419> (дата обращения 18.09.2018).

⁶ Резолюция Института международного права от 07.09.1993 г. «Деятельность внутригосударственного судьи и международные отношения государства» URL: http://www.justitiapace.org/idiE/resolutionsE/1993_mil_01_en.PDF (дата обращения 18.09.2018).

Возрастающую роль международных договоров в правоприменительной практике можно также констатировать, исходя из формулировки нормы ст. 304 АПК РФ, которая содержит «экстраординарные основания»⁷ для передачи в президиум высшей судебной инстанции в пределах суверенного государства – Российской Федерации для пересмотра в порядке надзора дел, связанных с возможными нарушениями международных договорных обязательств России.⁸

О повышении роли международных договоров в судебной деятельности свидетельствуют и положения учредительных актов созданного в 2012 г. Суда Евразийского экономического сообщества (далее – Суд ЕвразЭС) и пришедшего ему на смену в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г.⁹ (далее Договор о ЕАЭС) с 01.01.2015 г. Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС). В соответствии с п. 39 Статута Суда ЕАЭС,¹⁰ он рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора о ЕАЭС 2014 г., международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, в том числе по заявлению хозяйствующего субъекта.¹¹

Отметим, что по данным официального сайта Суда ЕАЭС, основное количество судебных актов в 2015, 2016 и 2017 гг. вынесено по результатам заявлений именно хозяйствующих субъектов государств-участников.

Создание такого органа международной судебной власти, специализирующегося на экономических спорах, создает предпосылки для развития механизма надгосударственного контроля за соответствием

⁷ Определение ВАС РФ от 04.06.2012 № ВАС-6218/12 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» именно так именуется перечень оснований для передачи в Президиум ВАС РФ дела для пересмотра в порядке надзора // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

⁸ Глава 36 АПК РФ, в которой содержалась данная норма, утратила силу на основании Федерального закона от 28.06.2014 № 186-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». Однако основания для отмены или изменения судебного акта в общем остались такими же. Так, п. 1 ст. 308.8 АПК РФ указывает в качестве одного из «экстраординарных» случаев передачи дела в президиум нарушение обжалуемым судебным актом прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ.

⁹ Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 18.09.2018).

¹⁰ Статут Суда ЕАЭС. Приложение № 2 к Договору о ЕАЭС 2014 г. // Там же.

¹¹ Здесь под хозяйствующим субъектом понимаются юридические и физические лица, зарегистрированные в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства.

правоприменительной практики судов государств-участников, в том числе и арбитражных судов России, общим принципам международного права и международным договорам РФ. Российскому государству необходимо не только в должной степени профессионально отстаивать свои интересы в международных судебных органах, но и поддерживать авторитет внутригосударственной деятельности по отправлению правосудия.

Всё это повышает актуальность аккумулирования и научного анализа судебной практики в данной области и сопоставления ее с результатами теоретических изысканий по вопросам действия норм международных договоров РФ в правовой системе России.

Изложенное дает основания полагать, что необходимость соблюдения Российской Федерацией принятых на себя международных договорных обязательств посредством надлежащего применения норм международных договоров является приоритетной задачей арбитражных судов. Всё это обуславливает необходимость дополнительного изучения вопросов применения норм международных договоров именно арбитражными судами России.

Степень научной разработанности темы. Вопросы и проблемы, связанные со спецификой применения норм международных договоров арбитражными судами России, всё ещё слабо изучены в юридической литературе. Правоприменительная практика системы арбитражных судов РФ в данной области не была подвергнута комплексному исследованию и не получила должного научного осмысления в юридической литературе.

В современной российской науке при исследовании вопросов применения норм международного права в судебной практике общей тенденцией является акцент на практических вопросах деятельности судов общей юрисдикции и Конституционного Суда РФ.¹² Деятельность арбитражных судов РФ в этой сфере либо вообще не исследуется, либо им уделяется значительно меньшее внимание.

¹² Данная тенденция сохранилась и после объединения высших судебных инстанций судов общей юрисдикции и арбитражных судов. См., например: Егорова О.А., Беспалов Ю.Ф. Нормы международного права в судебной системе. М., 2016. С.142- 234.

Проблемы темы затрагиваются в трудах как ученых-международников (С.В. Бахин, Л.Н. Галенская, Б.Л. Зимненко, Г.В. Игнатенко, В.С. Иваненко, А.С. Исполинов, И.И. Лукашук, С.Ю. Марочкин, Т.Н. Нешатаева, Б.И. Осминин, В.Я. Суворова, В.П. Талимончик, С.В. Черниченко и др.), так и теоретиков (М.Н. Марченко), конституционалистов (В.П. Зорькин) и процессуалистов (Г.А. Жилин).

В фундаментальных монографических исследованиях Б.Л. Зимненко,¹³ И.И. Лукашука,¹⁴ С.Ю. Марочкина,¹⁵ посвященных теоретическим и практическим проблемам судебного применения норм международного права, в том числе и арбитражными судами, упор также сделан на деятельность судов общей юрисдикции и Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ).

Важное значение для исследования способов, порядка и особенностей введения в российскую правовую систему норм международного права имеют труды Г.В. Игнатенко,¹⁶ Б.И. Осминина,¹⁷ В.Я. Суворовой¹⁸ и ряда других авторов.

Ряд публикаций посвящены отдельным аспектам исследуемой темы (напр., процессу толкования норм международных договоров,¹⁹ их адаптации,²⁰ участия в арбитражном процессе иностранных лиц²¹ и др.).

¹³ Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. М., 2006. 454 с.

¹⁴ Лукашук И.И. Международное право в судах государств. СПб., 1993. 302 с.; Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997. 90 с.; Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Том 2. Действие международных договоров. М., 2006. 496 с.

¹⁵ Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. М., 2011. 288 с.

¹⁶ Игнатенко Г.В. Судебное применение международно-правовых норм: очерк деятельности Верховного Суда РФ // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 96-105.

¹⁷ Осминин Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. М., 2006. 408 с.; *Он же*. Международные договоры в российской правовой системе (к 20-летию Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации") // Журнал российского права. № 12. 2015. С. 126-139

¹⁸ Суворова В.Я. С какого момента международные договоры РФ подлежат исполнению и применению? // Российский юридический журнал. 2010. № 1. - С. 142-151.

¹⁹ Ануфриева Л.П. Выполнение обязательств, ответственность государств и толкование международных договоров в деятельности экономического суда СНГ (на примере Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 год // Российское правосудие. 2011. № 12. С. 36-48; Хаванова И.А. Особенности толкования международных налоговых договоров // Законодательство и экономика. 2016. № 2. - С. 80-84.

²⁰ Виноградова П.А. Судебные правовые позиции по вопросам адаптации международных договоров в правоприменительной практике // Российская юстиция. 2015. № 4. - С. 20-24.

²¹ Мусин В.А. Некоторые особенности участия в арбитражном процессе иностранных лиц // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2002 - 2003. № 2 - СПб, 2004. С. 93-98.

Различные аспекты анализируемой темы рассмотрены в диссертационных исследованиях Р.В. Винниковой (2003 г.),²² Б.Л. Зимненко (1999 г.),²³ В.В. Терешковой (1998 г.),²⁴ И.В. Федорова (2002 г.),²⁵ Н.А. Цивадзе (2005 г.),²⁶ И.И. Карандашова (2013 г.).²⁷

Вопросам применения международных договоров России в контексте соотношения международной и национальной правовых систем посвящены работы Б.Л. Зимненко, А.Н. Талалаева, С.В. Черниченко и др.

Проблемы применения международных договоров России отражены в главе монографии О.И. Тиунова, А.А. Каширкиной и А.Н. Морозова (2012 г.).²⁸

Вопросы международной правовой помощи, в том числе и в рамках арбитражного процесса, являлись объектами изучений Л.В. Ефремова, А.В. Лесина, Т.Н. Нешатаевой и др. Вопросы признания и приведения в исполнение решений иностранных арбитражных инстанций исследовались М.О. Лиц и др.

Значительное количество исследований проведено на тему имплементации норм международного права, в т.ч. и договорных норм, в правовую систему РФ.

Часть вышеупомянутых исследований в данной сфере была проведена до принятия АПК РФ 2002 г., поэтому в большинстве своем они уже не отражают особенностей современного процессуального законодательства.

Несмотря на столь внушительное научно-исследовательское внимание в отечественной юридической науке к проблематике международных договоров, всё ещё требуют научного осмысления и переосмысления многие базовые аспекты их действия и применения в российской правовой системе.

Так, по-прежнему в доктрине дискуссионными остаются вопросы:

²² Винникова Р.В. Имплементация норм международного права в арбитражном процессе Российской Федерации: дис. ... к.ю.н. Казань, 2003. 170 с.

²³ Зимненко Б.Л. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: автореф. дис. ... к. ю. н. М., 1999. 30 с.

²⁴ Терешкова В.В. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: автореф. дис. ... к.ю.н. Казань, 1998. 27 с.

²⁵ Федоров И.В. Гражданское и арбитражное судопроизводство как предмет совместного международно-правового и внутригосударственного регулирования: автореф. дис. ... к.ю.н. Казань, 2002. 32 с.

²⁶ Цивадзе Н.А. Применение норм международного права судами Российской Федерации: автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2005. 30 с.

²⁷ Карандашов И.И. Непосредственное действие норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации. Автореф. дис. к.ю.н. СПб., 2013. 26 с.

²⁸ Выполнение международных договоров Российской Федерации / Отв. ред. О.И. Тиунов. М., 2012. 256 с.

- статуса международных договоров как нормативно-правовых актов,
- правовых характеристик международных договоров России, их места в российской правовой системе,
- установления особенностей и порядка применения судами разных видов международных договоров в их взаимосвязи с разными видами нормативно-правовых актов в иерархической структуре российской правовой системы,
- перечня подлежащих установлению оснований (международно-правовых и внутригосударственно-правовых) для наиболее правильного и эффективного применения судами норм международных договоров РФ,
- особенностей и порядка толкования международных договоров РФ.

К сожалению, на деятельности арбитражной судебной системы продолжает негативно сказываться и отсутствие комплексного исследования практики применения норм международных договоров РФ специфической и по-прежнему структурно обособленной системой арбитражных судов, специализирующихся в области разрешения хозяйственных и коммерческих споров на всех стадиях арбитражного процесса от первой и до высшей инстанций.

Объект исследования – сфера общественных отношений, складывающихся в судебной системе России, связанная с особенностями применения норм международных договоров в процессе арбитражного судопроизводства.

Предмет диссертационного исследования составляют:

- доктринальные позиции по вопросам статуса, действия и применения международных договоров в судебной системе России;
- международные договорно-правовые обязательства России;
- комплекс законодательных актов РФ, направленных на регламентацию выполнения международных договорных обязательств;
- механизм взаимодействия разносистемных (международных и российских) источников права;
- правоприменительная деятельность российских арбитражных судов;
- правовые основания применения норм международных договоров в деятельности российских судов арбитражной юрисдикции;

– доктринальные и практические проблемные вопросы применения норм международных договоров российскими арбитражными судами.

Цель диссертационной работы:

– выявление и исследование теоретических и практических проблемных вопросов отправления правосудия арбитражными судами России, связанного с применением норм международных договоров;

– определение путей и средств повышения эффективности арбитражного судопроизводства в контексте применения норм международных договоров.

Задачи диссертационного исследования:

1) актуализация необходимости нового концептуального подхода к пониманию правовой природы и статуса международных договоров, усиление характерных признаков такого подхода;

2) определение и раскрытие основных характеристик международного договора России;

3) анализ теоретических и прикладных проблемных аспектов процесса применения арбитражными судами норм международных договоров РФ;

4) изучение правовых оснований и характера применения норм международных договоров РФ судами арбитражной юрисдикции России в процессе осуществления правосудия;

5) сравнительно-правовой анализ правовой природы и статуса международного договора в совокупности с внутрироссийскими нормами об иерархии источников права для оценки места международного договора в правовой системе России;

6) выявление способов отражения в решениях арбитражных судов применения норм международных договоров РФ, формирование практических предложений по повышению эффективности таких способов;

7) формулирование рекомендаций для совершенствования комплекса мер по обеспечению выполнения Россией своих международно-правовых обязательств в части правоприменительной деятельности арбитражных судов.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что оно является первым в отечественной юридической литературе комплексным исследованием теоретических и практических вопросов применения норм международных договоров в арбитражном судопроизводстве Российской Федерации всеми инстанциями судов арбитражной юрисдикции, выполненным на базе нового арбитражного процессуального законодательства и новейших его изменений.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
МЕСТО И ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ
В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ:
КОНЦЕПТУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

1.1. Определение статуса международных договоров в правовой системе
Российской Федерации: от теории к практике

Положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о включении международных договоров России в российскую правовую систему и о приоритетном их применении в случае возникновения противоречия с нормами российского законодательства внесли кардинальные изменения в систему источников российского права и механизм правоприменительной практики. Однако, как свидетельствует опыт последних десятилетий, в процессе применения международных договоров судами арбитражной юрисдикции, возник целый ряд проблем, требующих как теоретического осмысления, так и практических предложений по их разрешению.

Представляется, что большинство из существующих проблем в правоприменительной сфере Российской Федерации, прежде всего судебной, обусловлены существующей терминологической нечеткостью и выявившейся в процессе правоприменения юридической неопределенностью относительно понимания статуса международных договоров России в российской правовой системе. В существующих нормативных актах, в юридической литературе и на практике международные договоры традиционно воспринимаются на основе лишь их правовой природы – как соглашения договаривающихся сторон, что не раскрывает их правовой статус в системе источников применимого судами права.

Отечественная юридическая литература предлагает читателям с некоторыми отличиями, но в целом схожий перечень видов источников права: нормативный правовой акт, судебный прецедент, правовой обычай, нормативный договор.

Естественно, в рамках настоящего исследования нас интересует, прежде всего, нормативный договор (разновидностью которого, как правило, называют международный договор). В литературе нормативный договор выделяется как самостоятельный источник права и обычно обособляется от нормативно-правовых актов.²⁹

Такое выделение международных договоров из массива нормативно-правовых актов не может быть признано обоснованным и доказанным с позиции общей теории права и сложившейся правоприменительной практики.

Обращает на себя внимание, что само обоснование выделения в системе источников права нормативного правового акта и нормативного договора как разных источников авторами современной научной литературы приводится крайне редко.³⁰ Например, указывается, что международное правотворчество осуществляется по соглашению двух и более сторон, в связи с чем международные договоры, «в отличие от нормативно-правовых актов, не выражают непосредственно государственную волю и не являются официальным правовым актом государства».³¹

Отдельные ученые в качестве индивидуализирующей характеристики нормативного (а значит - и международного) договора в составе источников права предлагают считать то обстоятельство, что такой договор «представляет собой добровольное волеизъявление сторон», тогда как нормативный правовой

²⁹ См. об этом: Ануфриева Л.П. Понятие «источник права» в международной правовой науке: догма «классики» и современная доктрина // Современное международное право: теория и практика. М., 2015. С. 48; Арбитражный процесс / Учебник. Отв. ред. В.В. Ярков. М., 2014. С. 24-27; Арбитражный процесс / Учебник. Под ред. М.К. Треушникова. М., 2011. С. 46-47; Иванов Р.Л. К вопросу об источниках норм права в Российской Федерации // Вестник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Серия «Право». Омск, 2004. № 1. С. 13-23; Воронцова И.В. Современное понимание источников права в теории государства и права и гражданском процессуальном праве Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2015. № 2(103). С. 73; Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник. М., 2015. С. 212-219; Марченко М.Н. Источники права. М., 2009. С. 104-105; Морозова Л.А. Договор в публичном праве: юридическая природа, особенности, классификация // Государство и право. М., 2009. № 1. С 15; Теория государства и права / Учебник. Под ред. Т.Н. Радько, В.В. Лазарева, Л.А. Морозова. М., 2012. С. 153-171; Фархтдинов Я.Ф. Виды источников гражданского процессуального права // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса, 2001. М., 2002. № 1. С. 11.

³⁰ См., напр.: Жилин Г.А. Источники гражданского и арбитражного процессуального права // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процессуального права, 2007. СПб., 2008. №. 6. С. 83.

³¹ Фархтдинов Я.Ф. Виды источников гражданского процессуального права. С. 14.

акт «является актом одностороннего волеизъявления».³² Существует и точка зрения, согласно которой, «в отличие от нормативных актов, принимаемых государственными органами, нормативные договоры выступают результатом соглашения между равноправными субъектами по поводу деятельности, представляющей их общий интерес».³³

Если обобщить данные точки зрения, то получается, что равноправие субъектов, основанное на нём добровольное волеизъявление каждого из них и согласование таких волеизъявлений позиционируются в качестве критериев выделения международного договора в самостоятельный вид источников права и, тем самым, его обособления от такого вида, как нормативно-правовой акт. Такой подход к видовому составу источников права полагаем не объективным.

Для того, чтобы определить, относится ли тот или иной источник права к нормативным правовым актам, необходимо в первую очередь определиться с тем, что есть «нормативно-правовой акт» и с использованием каких критериев он может быть квалифицирован в качестве такового.

Современная юридическая наука и практика повсеместно оперируют понятием «нормативный правовой акт», при этом вкладывая в него различное содержание. В научных доктринах можно встретить различные по содержанию определения категории «нормативный правовой акт»: «акт правотворческой деятельности компетентных государственных органов, который устанавливает, изменяет или отменяет нормы права»³⁴ или «акт, содержащий нормы права и направленный на урегулирование определенных общественных отношений».³⁵

Органами государственной власти предпринимались попытки «договориться о терминах». Например, в п. 2 Запроса Государственной Думы в Конституционный Суд РФ «О проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 02.10.1996 г. № 1412 «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации» сформулирована

³² Иванов Р.Л. К вопросу об источниках норм права в Российской Федерации С. 13-23.

³³ Теория государства и права / Учебник. Отв. ред. А.В. Малько. М., 2010. С. 160.

³⁴ Фархтдинов Я.Ф. Виды источников гражданского процессуального права. С. 11; Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. С. 213.

³⁵ Теория государства и права / Учебник. Отв. ред. А.В. Малько. С. 161.

следующая официальная позиция: «В действующем законодательстве пока отсутствует определение понятия «нормативный правовой акт». Вместе с тем в юридической доктрине принято исходить из того, что нормативный правовой акт - это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм».³⁶

Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.1993 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел по заявлениям прокуроров о признании правовых актов противоречащими закону» (в редакции Постановления Пленума от 05.05.2000 г. № 19) нормативно-правовой акт есть изданный в установленном порядке акт уполномоченного на то органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, устанавливающий правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, действующий независимо от того, возникли или прекратились конкретные правоотношения, предусмотренные актом.³⁷

В определении ВАС РФ от 14.07.2014 г. № ВАС-5067/14 указано, что «под нормативным правовым актом понимается письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм, под правовой нормой - общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение».³⁸

³⁶ Постановление Государственной Думы от 11.11.1996 № 781-П ГД «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации» // СЗ РФ. 02.12.1996 г. № 49. Ст. 5506.

³⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.1993 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел по заявлениям прокуроров о признании правовых актов противоречащими закону» (в редакции от 05.05.2000 № 19) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018). Данный документ утратил силу в связи с изданием Постановления от 20.01.2003 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с принятием и введением в действие гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Там же. Однако отменяющий акт не содержит каких-либо иных определений понятия «нормативно-правовой акт». Поэтому для целей научного исследования представляется значимым в числе прочего принять во внимание и предпринимавшиеся попытки определить исследуемое понятие органом судебной власти.

³⁸ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.07.2014 № ВАС-5067/14 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

Можно также привести определение нормативного правового акта, предлагаемое в подготовленном Минюстом России проекте Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации».³⁹ Согласно ст. 1 проекта, нормативный правовой акт – это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме субъектом правотворчества в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение, разъяснение, введение в действие, прекращение или приостановление действия правовых норм, содержащих общеобязательные предписания постоянного или временного характера, распространяющиеся на неопределенный круг лиц и рассчитанные на многократное применение. При этом под правотворчеством понимается официальная деятельность государственных органов по разработке и принятию нормативных правовых актов.

Указанные определения отличаются стремлением сосредоточить в себе как можно больший объем основных характеристик нормативно-правового акта: создание (принятие) компетентными государственными органами; письменное выражение в строго определенной форме; содержание норм права; наличие процедуры его реализации, включающей, в случае необходимости, институт принудительного исполнения предписаний и не нарушения запретов. Эти характеристики в теории и практике используются как критерии квалификации того или иного источника права в качестве нормативного правового акта.

Между тем, такое формулирование характеристик нормативного правового акта приводит к необоснованно узкому пониманию данной категории.

Эти характеристики изложены на основе только национального, внутригосударственного подхода к категориям общей теории права. Не учтено при этом базовое единство права и, как следствие, его основополагающих источников. Безусловно, каждая правовая система оперирует совокупностью источников права, признаваемых ею в качестве таковых, поскольку они

³⁹ Проект Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» № 96700088-2 04.06.1996 принят к рассмотрению Протоколом заседания Совета Государственной Думы № 29; 11.11.1996 проект принят Государственной Думой в первом чтении Постановлением № 778-П ГД, а 12.05.2004 – отклонен и снят с дальнейшего рассмотрения Постановлением Государственной Думы № 491-IV ГД // Там же.

наиболее свойственны для ее модели устройства. Но такие различия не исключают ключевые с позиции общей теории права характеристики того или иного понятия.

Существует общеправовой набор свойств (характеристик) у каждого из видов источников права – их можно условно поименовать базовыми. В свою очередь присущие каждой правовой системе свойства различных видов источников накладываются на базовые, дополняют их. Таким образом, в основу классификации должны быть положены базовые фундаментальные характеристики соответствующих источников, а не их специфические черты, обусловленные особенностями каждой конкретной правовой системы.

Нормативно-правовой акт как разновидность источника права в первую очередь является общей категорией права в целом. Те или иные конкретные источники права могут быть отнесены к этому виду как в национальной, так и в международной правовой системе.

Выделим базовые значимые критерии для квалификации того или иного источника права в качестве нормативного правового акта:

- содержание в таком акте норм права;
- письменная форма изложения таких норм с учетом требований к порядку изложения;
- принятие акта субъектом(-ами) права, которому(-ым) такое полномочие предоставлено в рамках конкретной правовой системы;
- реализация полномочия по принятию акта в установленном процедурном порядке;
- наличие процедуры реализации такого акта.

В подтверждение своей позиции приведем следующие доводы.

Общепризнано, что акт - (от лат. *actum* – документ) это наименование разного рода документов.⁴⁰

⁴⁰ Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. М., 2009. С. 19; Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1985. С. 32.

Акт – это родовое понятие, означающее в данном случае формально выраженный официальный документ.

И закон, и договор – это акты, документы. Для такого их понимания не имеют приоритетного значения внутренние качественные характеристики акта – процессуальный порядок принятия (властно-императивное предписание или согласительный характер), форма (договор или закон) и принимающий субъект (государство единолично или путем согласования волеизъявлений с другими государствами). С точки зрения общей теории права важны только их предварительная установленность, определенность, поскольку соблюдение или несоблюдение порядка, формы и полномочности субъектов могут в каждом конкретном случае влиять на действительность документа, но не на его выраженность во вне.

Более того, в каждом конкретном случае акты принимаются посредством выражения воли уполномоченных на то субъектов – законодательных органов, если это национальная правовая система, и субъектов международного публичного права, если это соответствующая правовая система. Порядок выражения воли и способы ее изложения закреплены в каждой правовой системе и должны соблюдаться этими субъектами.

Такие выводы согласуются с мнением В.В. Иванова о том, что по существу правовые акты (акты-документы) являются «внешними выражениями правовой активности субъектов права».⁴¹ Когда речь идет о правовом (юридическом) акте как об источнике права, имеется в виду конечный результат волеизъявления, форма, в которую оно выливается.⁴²

Следовательно, полагаем, что формулирование в предложенных выше определениях нормативно-правового акта в качестве одной из основных его характеристик принятие данного акта уполномоченным органом государства необоснованно сужает данное понятие. Это лишь дополняющее, уточняющее качество такого акта, созданного в рамках национальной правовой системы.

⁴¹ Иванов В.В. Общие вопросы теории договора. М., 2000. С. 14-15.

⁴² См. об этом: Международное право / Учебник. Под ред. С.А. Егорова, С.В. Черниченко. М., 2014. С. 71.

Уполномоченный орган государственной власти – субъект национальной правовой системы. Применительно к международной правовой системе право участвовать в создании норм является основной составляющей правоспособности субъектов данной системы, при этом от их имени всегда выступает конкретный уполномоченный орган. И в том и в другом случае норма права создается уполномоченными на такую правовую деятельность субъектами каждой из правовых систем.

Обратимся к общему понятию нормативного договора. Он в основном определяется как совместно совершенные в соответствующей необходимой форме обособленные волеизъявления двух и более управомоченных субъектов правотворчества, направленные на регулирование поведения этих субъектов и (или) иных субъектов, на основе согласия устанавливающие правовые нормы. Иными словами, нормативным договором является «соглашение двух или более сторон, в результате которого устанавливаются, изменяются или отменяются нормы права».⁴³

Сопоставляя данную дефиницию с определениями международного договора, можно прийти к выводу о том, что в основу сформулированных российской юридической наукой определений понятия международного договора положено именно такое понимание нормативного договора.

В наиболее общих чертах международный договор определяют как международно-правовой акт, фиксирующий согласование волеизъявлений двух или более субъектов международного права, имеющих целью установить связывающие их дозволения, предписания и запреты, обеспечиваемые принудительной силой государств.⁴⁴ Еще более общим является определение международного договора как соглашения между субъектами международного права, заключение, действие и прекращение которого регулируются международным правом.⁴⁵

⁴³ Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. С. 219.

⁴⁴ См., напр.: Международное право / Учебник. Под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. М. 2008. С. 64.

⁴⁵ Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Том 1. Заключение международных договоров: в 2 т. М., 2004. С. 77-78.

Сформулированы и нормативно закреплены дефиниции рассматриваемого понятия.

Так, согласно п. 1 ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее – Венская конвенция 1969 г.)⁴⁶ и п. 1 ст. 2 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г.,⁴⁷ договор означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования. При этом, несмотря на то, что сфера действия Венской конвенции 1969 г. ограничена договорами между государствами, ее нормы могут применяться и в отношении иных международных договоров, под действие которых они подпали бы в силу международного права (ст. 3 Венской конвенции 1969 г.).

Венская конвенция о праве международных договоров между государствами и международными организациями или международными организациями 1986 г.⁴⁸ (далее – Венская конвенция 1986 г.) в п. 1 ст. 2 предлагает аналогичное определение международных договоров с особенностью субъектного состава соглашений — помимо государств к субъектам отнесены также международные организации.

Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ г. «О международных договорах Российской Федерации» (далее — ФЗ «О международных договорах РФ»), Закон о международных договорах РФ)⁴⁹ в ст. 2 компилирует указанные определения: «Международный договор Российской Федерации означает международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), с международной

⁴⁶ Венская конвенция о праве международных договоров, 1969 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

⁴⁷ Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров, 1978 г. // Международное публичное право. Сборник документов в 2 ч. Ч. 1. М., 2006. 115-130 с.

⁴⁸ Венская конвенция о праве международных договоров между государствами и международными организациями или международными организациями, 1986 г. // Международное публичное право. Сборник документов в 2 ч. Ч. 1. М., 2006. 339-362 с.

⁴⁹ Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ г. «О международных договорах Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры (далее — иное образование), в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования».

Такие определения имеют право и основание на существование, но они лишь констатируют отдельные признаки данного источника права, подчеркивающие его международно-правовую природу и сущность, такие как: согласительный характер, письменная форма и международно-правовое регулирование процессов реализации. При этом отправной категорией в данных определениях является лежащее в основе международного договора соглашение.

Безусловно «соглашение или согласие (consensus) составляет юридическую сущность любого договора, международного в том числе».⁵⁰ Согласительный характер способа создания норм права выделяет договор из числа содержащих нормы права актов. Но этот критерий присущ ему в силу специфики правовой системы, в которой он создается, специфики взаимодействующих в рамках этой системы субъектов. Для обособления договора в составе видов источников права использование такого критерия не обоснованно. Согласительная основа нормы международного договора не изменяет ее правовой сущности — правила поведения, имеющего обязательный характер для участников в силу соответствующей их воли на это и наличия правового механизма реализации.

В результате понятийного, лексико-семантического и содержательно-правового анализа словосочетания «международный договор — это соглашение» В.С. Иваненко пришел к обоснованным выводам о его неудачности, о внесении им путаницы в общую понятийную систему, а также о том, что оно «весьма точно раскрывает лишь одну часть понятия договоров — их юридическую сущность как результата согласования воли субъектов международного права».⁵¹

⁵⁰ Талалаев А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. М., 1997. С. 11.

⁵¹ Иваненко В.С. Международные договоры России как нормативно-правовые акты // Российский ежегодник международного права. СПб., 2014. С. 26–51.

Таким образом, в доктрине происходит подмена понятий: специфическая характеристика международного договора как соглашения субъектов международного права выводится на первый план в ущерб остальным его базовым характеристикам, присущим ему как источнику международного права.

Можно констатировать, что международный договор отвечает всем выше сформулированным базовым характеристикам нормативных правовых актов: данный акт содержит нормы права, имеет письменную форму изложения таких норм с учетом требований к порядку такого изложения, принимается уполномоченными органами субъектов международного права, в установленном процедурном порядке, а также имеет процедуру реализации.

Следовательно, международные договоры – это нормативные правовые акты со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями.⁵²

В обоснование такого утверждения, помимо изложенного выше, можно привести следующие аргументы.

Характеристику международного договора как источника права, содержащего нормы права, подчеркивает М.Н. Марченко, когда пишет, что все международные договоры являются «нормативными по своему содержанию», несмотря на то, что «одни из них формируют общие нормы, рассчитанные на широкий (точно неопределенный) круг субъектов и на многократность применения, а другие содержат в себе строго индивидуальные нормы, создающие права и обязанности только для договаривающихся сторон».⁵³

Как и нормативные правовые акты, международные договоры направлены на создание, изменение или прекращение действия норм права. Международные договорные нормы представляют собой правовые нормы, поскольку обладают всеми их признаками: санкционирование государствами, общеобязательность,

⁵² Такая точка зрения имеет противников. Так, Е.Л. Поцелуев, выделяя международные договоры как одну из разновидностей нормативного договора, отмечает при этом: «неубедительным, бездоказательным выглядит понимание отдельными юристами нормативного договора как разновидности юридического правового акта». Однако автор не приводит каких-либо доводов в обоснование своей критики; см.: Поцелуев Е.Л. Нормативный договор как источник (форма) права (Обзор учебной литературы по теории права) // Источники (формы) права. Межвуз. сборн. науч. труд. Иваново, 2003. С. 17.

⁵³ Марченко М.Н. Международный договор как источник современного российского права // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. М., 2004. № 3. С. 13.

формальная определенность, предоставительно-обязывающий характер, в случае необходимости властная обеспеченность, в том числе принудительной силой государств, включая международно-правовой механизм обеспечения исполнения норм международного права.

Кроме того, например, А.И. Минаков подходит с другой стороны к понятию «государственно-властного характера» норм права, он пишет о том, что всякая норма, чтобы быть нормой, должна обладать таким характером, то есть «исходить от государства или государств». По его мнению, как нормы внутригосударственных нормативных правовых актов, так и нормы международных договоров выражают государственную волю: в одном случае – это воля одного государства, в другом – согласованная воля.⁵⁴

Алгоритм принятия нормативно-правовых актов по сути во многом схож как в международной, так и в национальной правовых системах.⁵⁵

Принятие государством обязательств по международному договору (на всех стадиях) предполагает участие в этом процессе именно компетентных государственных органов, именно они от имени каждого государства принимают данный акт (в значении ст. 9 – 17 Венской конвенции 1969 г.). Далее, на внутригосударственном уровне обеспечения выполнения международных обязательств можно говорить об определенном «санкционировании», то есть осуществлении государством действий, которые допускают в правовую систему содержащие международные договорные нормы акты. Именно эта санкция (дозволение, обеспечение) в последующем дает основания для применения таких норм соответствующими национальными органами.

В свою очередь, в национальной правовой системе нормативно-правовые акты также принимаются от имени государства уполномоченными органами –

⁵⁴ См. об этом: Минаков А.И. Международный договор как источник международного частного права (Вопросы теории) // Советский ежегодник международного права. 1986. М.- М., 1987. С. 235-238.

⁵⁵ Автором в этом случае подчеркивается, что речь идет о философском, сущностном характере схожести в некоторых элементах процесса нормообразования. При этом не отрицается наличие «кардинальных различий между международным и национальным способом нормообразованием», к которому, например, подробно обращается С.В. Бахин // См. об этом: Бахин С.В. Международное и национальное право: соотношение правовой природы // Современное международное право: теория и практика. М., 2015. С. 84-85.

субъектами данной правовой системы. Вводятся в правовой механизм регулирования общественных отношений нормативно-правовые акты также путем соблюдения определенных процедур (определение порядка вступления в силу и сферы действия, официальное опубликование и последующее, по необходимости, официальное толкование).

В литературе отмечается, что «в международно-договорных отношениях, где фигурируют, казалось бы, равные субъекты – государства», «фактического равенства нет», «здесь отсутствуют равноправные и равноценные государственные воли, поскольку при подписании международных договоров неизбежно давление более сильных государств на своих контрагентов».⁵⁶ Изложенное в большей степени относится к политической стороне вопроса, а не к юридической, но в процессе научного познания не может быть упущено.

Важно отметить, что характеристика международных договоров как нормативно-правовых актов находит подтверждение и в законодательстве РФ.

Так, ст. 13 АПК РФ именуется «Нормативные правовые акты, применяемые при рассмотрении дел» и в п. 1 предусматривает, что арбитражные суды рассматривают дела на основании Конституции РФ, международных договоров РФ, федеральных законов, нормативных правовых актов Президента РФ, Правительства РФ и др.

Также следует отметить гл. I Налогового кодекса РФ, именуемую «Законодательство о налогах и сборах и иные нормативные правовые акты о налогах и сборах». Эта глава сдержит ст. 7 «Международные договоры по вопросам налогообложения».⁵⁷ Международные договоры в данном случае также отнесены к «иным» нормативным правовым актам о налогах и сборах.

⁵⁶ Морозова Л.А. Договор в публичном праве: юридическая природа, особенности, классификация. С. 17; См. также: Зарубаева Е.Ю. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в правовой системе России. Автореф. ... дисс. к.ю.н. М., 2003. С. 17.

⁵⁷ Налоговый кодекс РФ (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

Следовательно, можно предположить, что законодатель при формулировании указанных норм российского права исходил из того, что международные договоры являются нормативно-правовыми актами.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, выделим следующие признаки международных договоров как нормативных правовых актов:

- содержат нормы права – обязательные правила поведения для участников;
- принимаются уполномоченными органами субъектов права;
- основаны на волях субъектов, согласованных в процессе их выражения;
- обладают юридической силой по международному праву;
- способны действовать юридической силой также в национальных правовых системах с санкции таких систем;
- принимаются всегда в четко определенном процедурном порядке; для чего в международном праве формируется специальный конгломерат норм, именуемых «правилами процедуры»;
- имеют письменную форму, соответствующую принятым в международной правовой системе правилам документального оформления правовых актов.

Не умоляя значимости перечисленных нами ранее существующих в литературе определений данного источника права, для целей настоящего исследования полагаем необходимым предложить следующее определение, характеризующее исследуемое понятие как нормативно-правовой акт.

Международный договор – это международный нормативно-правовой акт, принятый полномочными субъектами международного права на согласительной основе, содержащий правила поведения, обязательные для договаривающихся сторон, направленные на регулирование общественных отношений, представляющих взаимный интерес.

Соответственно, если речь идет о международном договоре РФ, то последняя является одной из сторон в таком договоре и он санкционируется ею для реализации в пределах государственной юрисдикции.

Как отмечает В.С. Иваненко, квалификация международного договора в качестве нормативно-правового акта «позволяет уже на этапе дефиниции воспринимать и далее рассматривать международный договор не как договор-сделку между субъектами международного права, а как основной нормообразующий источник современного международного права». Такое понимание существа договора дает возможность «для точного установления места международных договоров России в российской правовой системе»⁵⁸.

Предложенное нами определение дает отправные точки для исследования процессов реализации содержащихся в международных договорах России правовых норм через правоприменительную деятельность арбитражных судов РФ.

В качестве правовых последствий квалификации международных договоров в качестве нормативно-правовых актов можно выделить следующие.

1. Международный договор – это международный нормативно-правовой акт, который подлежит применению судами РФ. Не следует понимать такой акт как «усилитель правовой позиции» судебного органа или лица, участвующего в деле. Дело в том, что в результате значительно преувеличенного в значении подразделения международного права на публичное и частное⁵⁹ сформировалось мнение о том, что международные договоры РФ носят публично-правовой характер и применению в связи с этим подлежат исключительно в международных межгосударственных отношениях.

Так, например, дуалистическая теория предполагает, что международное право и внутригосударственное право призваны регулировать различные группы общественных отношений: международное право — межгосударственные отношения, а внутригосударственное право — отношения с участием физических и юридических лиц, подчиненные верховной власти государства. Взаимодействие правовых систем в рамках этой теории предполагает, что «нормы международного права оказывают влияние на внутригосударственное нормотворчество и правоприменение, и наоборот.

⁵⁸ Иваненко В.С. Международные договоры России как нормативно-правовые акты. С. 45–46.

⁵⁹ См. об этом: Бахин С.В. Международное и национальное право: соотношение правовой природы. С. 93–94.

Каждая из взаимодействующих правовых систем обладает верховенством, действуя в своей среде».⁶⁰

Но практика свидетельствует о том, что эта концепция уже не всегда выдерживает объективную критику. Так, И.В. Федоров доказывает возможность применения судами норм международного права не только в делах с иностранным элементом (как это трактует международное частное право), но и в делах исключительно внутригосударственного характера, но связанных с международным правом. Таковую категорию дел нельзя ограничить трактовками международного частного права. Применяемые в таких делах договоры являются публично-правовыми по своему характеру, направлены на урегулирование в первую очередь межгосударственных публичных отношений, но в своей структуре имеют нормы непосредственного действия в отношении субъектов национального права. Таким образом, И.В. Федоров делает вывод, что возможно использование норм международного права для регламентации действий суда при разрешении спора, в котором отсутствует какое-либо иностранное участие, применение его исключительно для «мононационального» спора.⁶¹

Несмотря даже на такие выводы, значимые для теории и договорной практики, анализ арбитражной практики свидетельствует о том, что судебский корпус длительное время (даже после принятия Конституции РФ 1993 г.) относился к нормам международных договоров РФ как к категории, безусловно, правовой, но «иной», а потому не подлежащей применению. В этой связи ссылки на нормы международных договоров в судебных актах до сих пор в отдельных случаях носят формальный, несодержательный, нерегулирующий характер. Этому в значительной степени способствовало именно выделение международных договоров в отдельный вид источников права, обособление от нормативно-правовых актов.

⁶⁰ См. об этом: Толстых В.Л. Курс международного права. М., 2010. С. 208.

⁶¹ См. об этом: Федоров И.В. Указ. соч. 32 с.

Именно квалификация международного договора как нормативно-правового акта позволяет сконцентрировать суд на тех основных нюансах правоприменительной деятельности в отношении этого источника права, которые требуются для правильных выводов.⁶²

2. В случае поступления на рассмотрение спора, связанного с международным правом, арбитражный суд должен реализовать определенный алгоритм действий. Он по существу аналогичен алгоритму применения нормативно-правовых актов национального права. Отдельные особенности являются следствием международного происхождения договора.⁶³

Здесь отметим лишь следующее. Учитывая состязательный характер арбитражного процесса, наличие ссылки на международный договор лиц, участвующих в деле, требуется совершение судом правоприменительных действий в отношении данного акта. Но отсутствие такой ссылки участвующих в деле лиц не исключает обязанность арбитражного суда по отысканию и применению международного договора в процессе правовой квалификации спора.

3. Действующее российское законодательство допускает применение только официально опубликованных международных договоров РФ, вне зависимости от того, вступил он в силу или временно применяется.

Иные правовые последствия присвоения международному договору статуса нормативно-правового акта будут рассмотрены в совокупности с дальнейшим исследованием смежных с этим вопросов в ходе настоящего исследования.

⁶² В рамках этого правового последствия особенно отчетливо проявляется тесная связь таких компонентов правовой системы, как право и правосознание. Своеобразным индикатором этого является порядок формирования правовой позиции суда по существу спора, который отражается в судебном акте.

⁶³ Подробнее о процессе правоприменительной деятельности арбитражных судов России в отношении норм международных договоров в следующем параграфе настоящей работы.

1.2. Концептуальный подход к обоснованию юридической силы и места норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации

В отечественной науке сложился ряд теорий относительно порядка вхождения норм международных договоров России в российскую правовую систему и характера их взаимодействия с нормами национального права.

В качестве основных можно назвать теорию трансформации, теорию инкорпорации, теорию непосредственного действия международных договоров. Отдельного внимания заслуживает и теория правоприменительных комплексов.⁶⁴

Теория трансформации подразумевает, что нормы международного права на территории государства не имеют собственной юридической силы, поэтому для того, «чтобы правило, представляющее собой норму международного права, приобрело юридическую силу в пределах действия национального права, оно должно приобрести силу национально-правовой нормы» по воле территориального суверена и путем издания соответствующего национально-правового акта.⁶⁵

Согласно теории инкорпорации, нормы международных договоров вводятся во внутреннюю правовую систему государства путем заимствования из международной правовой системы и представляют собой особую разновидность национальных норм.⁶⁶

Теория непосредственного действия международного договора в правовой системе чаще всего обусловлена наличием в системе российского права санкционирующей такое действие нормы ч. 4 ст. 15 Конституции и наличием у норм самого международного договора качества самоисполнимости, то есть способности к непосредственному обязывающему воздействию на поведение субъектов внутреннего права.⁶⁷

⁶⁴ Взгляды российских и зарубежных ученых на вопросы правового взаимодействия и согласования норм национальной и международной правовых систем детально проанализированы в монографии Б.Л. Зимненко // Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. С. 33-63.

⁶⁵ Бутов В.Н., Ильиных А.В., Коробова Е.А. Международный договор и источники конституционного права. Челябинск, 2008. С. 67, - См. об этом также: Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и российская Конституция // Московский журнал международного права. М., 1995. № 2. С. 16.

⁶⁶ См. об этом: Лукашук И.И. Международное право / Учебник. Общая часть. М., 1996. С. 227-228.

⁶⁷ См., например: Карандашов И.И. Непосредственное действие норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации.

В то же время на основе выводов о том, что «формы права одной системы не в состоянии быть одновременно формами права другой системы», была разработана концепция правоприменительных комплексов, согласно которой «принадлежащие к различным правовым системам нормы взаимодействуют как нормативный комплекс не в статическом состоянии, а в правоприменительном процессе, причем в целях ... урегулирования конкретного правоотношения».⁶⁸ Такая концепция также получает свое развитие в научных трудах.⁶⁹

Из публикаций многих авторов по изложенным вопросам следует, что они включают международные договоры в состав источников системы внутреннего права России (с учетом различных особенностей, выделяемых данными авторами).⁷⁰

В противовес этому можно привести мнение Р.А. Мюллерсона о том, что «признание международных договоров источником внутрисударственного права не соответствует объективному положению вещей и приводит к стиранию границы между международным и национальным правом».⁷¹

С.Ю. Марочкин также считает, что «нормы и источники международного права в процессе их действия в правовой системе России не становятся соответственно внутренними правовыми нормами и источниками российского права. Они ... функционируют наряду с ним».⁷²

По обоснованному мнению В.В. Гаврилова, «международно-правовые нормы, в силу прямого указания внутреннего права соответствующих стран,

⁶⁸ См. об этом: Игнатенко Г.В. Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Советское государство и право. М., 1985. № 1. С. 75; Международное право / Учебник. Под ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова. М., 2016. С. 149;

⁶⁹ Гаврилов В.В. Понятие и взаимодействие международной и национальной правовых систем. Владивосток, 2005. С. 140; Нефёдов Б.И. Межсистемные надотраслевые образования в праве. Омск, 2008. С. 36, 52.

⁷⁰ См., например: Иваненко В.С. Международные договоры, Конституция и правовая система Российской Федерации: эволюция соотношения и тенденции взаимодействия // Российский ежегодник международного права, 2009. СПб., 2010. С. 23; Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. С. 53; Марченко М.Н. Международный договор как источник современного российского права. С. 3 – 18; Канашевский В.А. О квалификации международного договора как источника внутреннего права // Российский юридический журнал. М., 2013. № 5. С. 63-64.

⁷¹ Мюллерсон Р.А. Международное публичное и международное частное право: соотношение и взаимодействие // Советский ежегодник международного права, 1985. М., 1986. С. 73.

⁷² Марочкин С.Ю. О международной составляющей правовой системы России: освоение и развитие практикой конституционного принципа // Правоведение. СПб., 2010. № 1. С. 164.

сохраняют свою юридически обязывающую силу и способны поэтому выступать в качестве самостоятельного элемента нормативного уровня их национальных правовых систем».⁷³

В своём исследовании Б.Л. Зимненко также приходит к выводу, что «нормы международного права [являются] составной частью именно правовой системы России, а не национального законодательства, права».⁷⁴ И это, по его мнению, не противоречит возможности международного права оказывать регулирующее воздействие на внутригосударственные отношения.⁷⁵

Практически все из вышеизложенных научных позиций относительно порядка вхождения норм международных договоров в правовую систему России сопровождаются стремлением авторов определиться с местом таких норм в этой системе. Такое определение ставится в зависимость от юридической силы международного договора и результатов её соотнесения с юридической силой национальных нормативных правовых актов.

Юридической силой именуется основное свойство источника права, позволяющее ему действовать, порождать юридически обязательные последствия.

В российской правовой науке исследование вопросов юридической силы различных источников права неизбежно сводится к определению места каждого из них в системе права. Подход к решению вопроса о юридической силе исключительно с позиции построения иерархии нормативно-правовых актов представляется концептуально не полным, одномерным.

Юридическая сила – это характеристика источника права, которая раскрывается на двух уровнях.

Присущее любому нормативно-правовому акту внутреннее качественное свойство, без которого соответствующий акт не может являться нормативно-правовым, не может нести в себе нормы права. Это качество ему имманентно-

⁷³ Гаврилов В.В. Понятие национальной и международной правовых систем // Журнал российского права. М., 2004. № 11. С. 98-112.

⁷⁴ Зимненко Б.Л. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации. Автореф. дис. ... к.ю.н. С. 7.

⁷⁵ См. об этом: Там же. С. 8.

присущее в силу самого факта возникновения, создания. Юридическая сила в этом случае представляет собой способность того или иного предписания, заключенного в конкретную правовую форму, выступать регулятором общественных отношений. В юридической силе выражается регулирующий (предписывающий, запрещающий и дозволяющий) эффект волеизъявления создателей нормы.

Внешняя форма выражения этого качественного свойства используется для взаимного соотнесения источников права в рамках конкретной системы права посредством определения вида соответствующего источника, принявшего его субъекта (субъектов) и характера содержащихся в нем норм. Внешняя форма выражения юридической силы проявляется непосредственно в той системе права, в которой данный нормативно-правовой акт создан. Именно этой формой выражения юридической силы обусловлено место международного договора в системе источников международного права.

Юридическая сила ни в том, ни в другом проявлении не зависит от места того или иного источника в системе права, напротив, она определяет это место.

Значимость иерархических связей в системе источников права сложно переоценить как с теоретической, так и с практической точек зрения. Само по себе «соотношение источников права в науке рассматривается как один из системообразующих факторов, формирующих национальную правовую систему».⁷⁶ Аналогичные выводы можно сделать и в отношении международной правовой системы – иерархичность ее источников является системообразующим фактором в рамках самой такой системы.

Международный договор приобретает юридическую силу как внутреннее качественное свойство источника права в международной правовой системе. При этом регулирующий эффект, связанный с наличием такой юридической силы, распространяется не только на сферу международных правоотношений, но и на отдельные внутригосударственные общественные отношения. Это

⁷⁶ Нестеренко И.А. К вопросу о понятии и структуре правовой системы // Труды СГУ. Вып.16. М., 2000. С.10.

обусловлено сферой компетенции каждого конкретного органа, выступающего от имени государства–участника, в собственной национальной правовой системе.

Между тем, в российской науке наиболее распространенными являются суждения и выводы о том, что международные договоры, будучи включенными в национальную правовую систему, должны быть соотнесены по юридической силе с источниками российского права.⁷⁷

При этом традиционными являются стремления ученых определить место международных договоров в иерархии российских нормативных правовых актов. Такое место обычно ставится в зависимость от уровня, на котором государством принят данный международный договор. Это, в первую очередь, обусловлено положениями ч. 2 ст. 3 ФЗ «О международных договорах РФ», в которой закреплена отсутствующая в международном праве классификация международных договоров на: межгосударственные договоры, межправительственные договоры и договоры межведомственного характера.⁷⁸

Б.И. Осминин констатирует: «место международного договора в национальной правовой системе России, в случае возникновения коллизии между нормой обязательного для России международного договора и национальным правовым актом, не изменяет существа обязательности соблюдения государством своих международно-правовых обязательств, независимо от причин возникновения такой коллизии».⁷⁹ Он предлагает «проводить различие между местом в иерархической системе источников внутригосударственного права, которое отводится международным договорам на стадии принятия международных договорных обязательств, и тем особым

⁷⁷ См. об этом: Осминин Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. С. 345–355; Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и российская Конституция. С. 13–23; Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. 288 с.

⁷⁸ Отметим, что ч. 1 этой же статьи формулирует, по сути, правильное, соответствующее нормам международного права положение о том, что в соответствии с Конституцией РФ заключение, прекращение и приостановление действия международных договоров РФ находятся в ведении РФ. Из этого следует, что все такие договоры являются в равной степени международными.

⁷⁹ Осминин Б.И. Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право. М., 2010. С. 236.

положением, которое занимают в национальной правовой системе вступившие в силу для государства международные договоры в процессе реализации международных договорных обязательств».⁸⁰

Для выводов в данном вопросе необходим не только комплексный анализ действующих внутригосударственных нормативно-правовых актов, но и обращение к нормативным правовым актам международного права.

Так, международные договорные обязательства должны неукоснительно соблюдаться, независимо от построенной внутри государства иерархической системы источников права. Этот вывод, в том числе, может быть сделан из ст.ст. 26, 27 Венской конвенции 1969 г., согласно которым каждый действующий договор обязателен для его участников, должен ими добросовестно выполняться, и участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора.

В ст. 42 Венской конвенции 1969 г. содержится понятие действительности международного договора. Комментируя данные положения, А.Н. Талалаев понятие «действительность» описывает через свойство наличия у договора юридической силы. Он пишет, что «действительные международные договоры – это такие договоры, юридическая сила которых не может быть оспорена с точки зрения международного права, против которых нельзя выставить никаких международно-правовых возражений».⁸¹ Следует предположить, что в отсутствие действительности международного договора не может быть и юридической силы у данного нормативного правового акта. Вместе с тем, И.И. Лукашук закономерно отмечает, что «на действительность договора не влияют характер, организация, наименование государственных органов, наделенных правом заключать их».⁸² И.И. Лукашук также ссылается на И. Блюнчли, который констатировал, что «действительность трактатов не зависит ни от

⁸⁰ Там же. С. 236-237.

⁸¹ Талалаев А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров: комментарий. С. 116.

⁸² Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 1. С. 364.

формы правления договаривающихся государств, ни от религии их населения или представителей».⁸³

О.И. Тиуновым проанализирована ч. 1 ст. 17 Конституции, где нормы международного права поставлены в перечислении перед Конституцией, но это, по его мнению, «не означает, что они довлеют над ней». Однако, по нашему мнению, ни сам термин «довлеть» не может отражать сущность взаимодействия юридической силы разносистемных источников права, ни сам принцип определения такого взаимодействия через порядок перечисления в ходе изложения норм права на сегодняшний день не может быть взят за основу.

Следуя исключительно такой логике, исходя из положений законодательства, можно зайти в тупиковую ситуацию. Согласно ст. 3 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» единство судебной системы обеспечивается, в том числе, путем применения судами Конституции, федеральных конституционных законов, федеральных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров, а также конституций (уставов) и других законов субъектов РФ.⁸⁴ В свою очередь, ч. 1 ст. 17 Конституции РФ противоположным образом выстраивает цепочку перечисления: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». В соответствии с п. 1 ст. 13 АПК РФ арбитражные суды рассматривают дела на основании Конституции РФ, международных договоров РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных правовых актов Президента РФ и нормативных правовых актов Правительства РФ и др.

Данные примеры свидетельствуют о том, что формулировки российского законодательства не позволяют правоприменителю достаточно достоверно

⁸³ Блончли И. Современное международное право цивилизованных народов. М., 1876. С. 257. Цит. по: Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 1. М., 2004. С. 364.

⁸⁴ Федеральный конституционный закон Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018); первоначальный текст документа опубликован: СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

определить концептуально верный подход в вопросе определения места международных договоров РФ в правовой системе России.

Необходимо констатировать вхождение комплекса норм международных договоров РФ в состав национальной правовой системы относительно самостоятельным структурным компонентом. Не следует соотносить юридическую силу норм международных договоров с юридической силой норм внутригосударственных источников права. Это невозможно ввиду отсутствия единых критериев для такого соотнесения.

Подобный подход к понятию юридической силы нормативно-правового акта в совокупности с анализом нормативных актов позволяют сделать вывод: место международного договора в системе источников российского права не должно зависеть от органа, выразившего согласие от имени России на обязательность данного международного договора. Это обусловлено тем, что на международном уровне государство выступает как единый комплексный субъект. Относительно данного критерия юридическая сила любого международного договора предполагается равной, не подлежащей классификации по критерию уровня подписавшего его от имени государства органа. Таким образом, место международного договора в системе подлежащих применению российскими арбитражными судами источников права должно быть определено исходя из положений Конституции РФ и норм международного права и закреплено единообразно в российских нормативных правовых актах.

1.3. Арбитражное правосудие как форма применения норм международных договоров в российской правовой системе

Важнейшим компонентом правового регулирования выступает применение права. Это особый процесс, выделяющийся на фоне остальных форм реализации права своим субъектным составом, процессом и результатом. Применение права связывает действующую норму с конкретным правоотношением, более того, такую связь всегда обеспечивают уполномоченные на то органы государства.

Правоприменение – это лишь часть процесса реализации нормы права. Однако, встречаются случаи содержательного смешения понятий применения права и действия права (способности той или иной нормы права регулировать общественные отношения). Такое смешение произошло, например, у И.И. Лукашука, когда в части 12 его монографии, названной «Применение договоров», исследуются исключительно вопросы действия договора во времени и пространстве. И даже конкретизация этих положений в итоговой главе данной части «Применение последовательно заключенных договоров» не изменила факта исследования только вопросов действия и действительности договорных положений в зависимости от времени их принятия.⁸⁵ Поэтому закономерно, на наш взгляд, предвзятое дальнейшее исследование, остановиться на общеправовых вопросах комплексного процесса применения права российскими судебными органами с учетом специфики такого процесса в отношении норм международных договоров.

В качестве одного из важнейших самостоятельных способов применения права выделяется правосудие – деятельность судебных органов по рассмотрению и разрешению в судебном заседании спорных дел.

В контексте настоящего исследования в качестве таких органов правоприменения рассматриваются арбитражные суды РФ.

⁸⁵ См. об этом: Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 2. Действие международных договоров. С. 43 – 60.

Особенно важно, чтобы судебные органы (выступающие от имени государства в процессе осуществления правосудия и принимающие от его имени индивидуальные-правовые акты) в контексте выполнения государством своих международных правовых обязательств могли осуществлять свою деятельность, ориентируясь не только на необходимость добросовестного выполнения международных договоров, но и на формально-определенные, неразрозненные предписания и рекомендации в этой области.

С другой стороны, в Резолюции Института международного права от 07.09.1993 г. «Деятельность внутригосударственного судьи и международные отношения государства» указано: «для того, чтобы достичь правильного применения норм международного права в пределах каждого государства с помощью их собственных методов интерпретации, целесообразно в каждом государстве усилить независимость национальных судов от исполнительной власти, а также содействовать расширению знаний о международном праве такими судами».

В процессе судопроизводства должен быть найден баланс между независимостью, самостоятельностью судебных органов в системе органов государственной власти и обеспечением их должным объемом информации о порядке применения норм международных договоров РФ.

Обращаемся непосредственно к самой деятельности. Правоприменение выражается в основных стадиях, к которым принято относить установление фактических обстоятельств, выбор и анализ норм права и решение дела, выраженное в акте применения права.⁸⁶

В составе этих основных стадий можно выделить такие процессы, как исследование обстоятельств дела (определение субъектного и объектного состава отношений, выявление причинно-следственных связей и др.), выбор подлежащей применению правовой нормы, то есть юридическая квалификация; толкование текста нормативного акта («прежде всего уяснение смысла текста

⁸⁶ См., например: Теория права / Учебник. Под ред. Р.Б. Головина, С.А. Софроновой. М., 2012. С. 351; Алексеев А.А. Общая теория права. Учебник. М., 2009. С. 536.

закона, конструирование правовой нормы, подлежащей применению к данному случаю, со всеми ее элементами (гипотеза, диспозиция, санкция)»;⁸⁷ подготовка и принятие акта применения права.

Отдельными авторами предприняты попытки выявить основные процессы в составе стадий правоприменительной деятельности судов, осуществляемые именно в отношении норм международных договоров.

И.И. Лукашук указывал, что применение норм международного права в конкретном деле заключается в следующем: «а) установление фактических обстоятельств дела; б) правовая квалификация фактических обстоятельств, т.е. установление того, подпадают ли они под действие норм мп и если да, то каких именно; в) определение юридических характеристик относящихся к делу норм, сферы их действия, особенно в отношении данных субъектов. Иными словами, речь идет о специально-юридическом толковании норм; г) установление содержания нормы, т.е. общее толкование; д) принятие решения о способе применения норм к данным фактическим обстоятельствам; е) действия по обеспечению реализации принятого решения».⁸⁸ Он отмечает, что «наибольшая специфика связана со специальным, международно-правовым толкованием норм», остальные процессы правоприменительной деятельности в сущности идентичны такой же деятельности в отношении норм национального права.⁸⁹

Из работы С.Ю. Марочкина следует, что обязательными действиями со стороны суда при применении международного договора являются: а) квалификация ситуации с точки зрения внутреннего права; б) установление наличия соответствующего договора; в) определение юридических оснований возможности применения международного договора; г) соотнесение его по юридической силе с внутренним нормативным актом; д) определение

⁸⁷ Разуваев Н.В. Источники современного права Российской Федерации // Источники права: классическая и постклассическая парадигмы / Под общ. ред. И.Л. Честнова. СПб., 2011. С. 114. См. об этом также: Теория государства и права / Учебник. Под ред. М.Н. Марченко. М., 2009. С. 786-787.

⁸⁸ Лукашук И.И. Международное право в судах государств. С. 87-88.

⁸⁹ Там же.

применимого права (российское или международное); е) принятие решения в соответствии с применимым правом.⁹⁰

Кроме того, И.В. Федоров на стадии юридической квалификации общественных отношений в рамках динамичного процесса правоприменения выделяет такую особенность, как обязанность правоприменителя «при выборе нормы права, регулирующей рассматриваемую ... фактическую ситуацию, ... решить вопрос о соотношении нормы международного права с действующим национальным законодательством».⁹¹

Проведение такой дифференциации правоприменения на применение норм национального права и применение норм международных договоров может вызвать чрезмерную расчленённость действительно динамичной деятельности по отправлению правосудия.

Не следует неоправданно фрагментировать общий объём деятельности по применению норм права судом. Дело в том, что сформулированные различными авторами и изложенные нами виды действий органически вписываются в комплексный правоприменительный механизм. Такой механизм представляет собой алгоритм, последовательное выполнение которого обеспечивает правовой результат рассмотрения каждого конкретного дела. Очевидно, что на определенном этапе такого алгоритма возникает необходимость специфических действий, которые могут быть обусловлены как характером подлежащего применению источника права, так и спецификой обнаруживаемых в процессе исследования доказательств и прочими существенными явлениями. Но это не доказывает необходимости даже теоретического членения единого процесса правоприменения. Спорные правоотношения – многоуровневая субстанция. Часто их правовая регламентация осуществляется одновременно нормами и национальной, и международной систем права. А значит процесс должен быть комплексным и единым.

⁹⁰ Марочкин С.Ю. Применение судами России норм международного права: десять лет после принятия Конституции РФ // Российский ежегодник международного права. СПб., 2003. С. 72.

⁹¹ Федоров И.В. Указ. соч. С. 8 – 9.

Если суд обнаруживает необходимость применения нормы международного договора РФ к спорным правоотношениям, то нет необходимости соотносить нормативно-правовые акты различных систем права по юридической силе. Такой вывод возможен с учетом изложенной нами позиции в отношении правовой природы этого источника права и комплексного понимания юридической силы.

В этом случае суду следует установить качество правового регулирования норм различных систем права: исключает или дополняет регулирование нормой международного договора правовое регулирование нормы национального права.⁹²

Необходимо подчеркнуть следующую особенность судебного способа применения норм права. Дело в том, что арбитражно-процессуальные нормы обязывают суды в процессе правоприменительной деятельности не только применять нормы правовых актов к спорным правоотношениям, но и в случае неотносимости той или иной нормы к ним (при наличии ссылки на нее участвующих в деле лиц) обосновать это обстоятельство и отклонить соответствующие доводы. В связи с чем, даже если та или иная норма не регулирует спорные правоотношения, ее правовая квалификация может содержаться в судебном акте арбитражного суда.

Если речь в такой ситуации идет, например, о международном договоре,⁹³ то суд должен проанализировать содержащиеся в нем нормы права, осуществить их толкование с целью определения специфики общественных отношений, на регулирование которых они направлены, соотнести полученные в результате этого выводы с выявленной характеристикой спорных правоотношений и решить вопрос об относимости данных норм к делу.

Более того, первоначально суд должен определиться с комплексом международных и национальных правовых характеристик международного

⁹² Об этом подробнее и с конкретными примерами будет изложено в третьей главе настоящего исследования.

⁹³ С точки зрения наибольшей адаптированности российских субъектов права к реализации в своей деятельности норм национального права рассматриваемая ситуация чаще всего возникает именно в отношении норм международных договоров.

договора, чтобы установить, является ли он международным нормативно-правовым актом или международным актом рекомендательной силы, подлежит ли он реализации в российской правовой системе в силу должного принятия на себя Россией обязательств по нему (путем выполнения международных и внутригосударственных процедур).

Для обеспечения выполнения такого анализа, на наш взгляд, оптимальным является использование каждым конкретным судьей теоретических разработок, содержащихся в предыдущих параграфах данной работы (относительно квалификации международного договора в качестве нормативно-правового акта и определения его места в национальной правовой системе).

Даже в случае простого отклонения доводов участвующих в деле лиц о необходимости принять во внимание нормы международного договора (если такие нормы не регулируют спорные отношения) арбитражный суд приводит в действие такие изложенные нами ранее правоприменительные процессы, как юридическая квалификация, толкование, отражение в правоприменительном акте. Применением нормы международного договора в окончательном варианте такой процесс назвать нельзя, поскольку права и обязанности участников спора этой нормой не регулируются. Но в данном случае осуществление арбитражным судом как минимум части правоприменительной деятельности бесспорно имеет место. Следовательно, в правоприменительной деятельности суда можно выделить окончанный и неоконченный составы.

Такая градация дополнительно позволяет обосновать необходимость отражения в судебном акте мотивов отклонения доводов со ссылками на не относимые к существу спора нормативно-правовые акты. Кроме того, проводимый для этого правовой анализ может выявить толковательные аспекты норм, которые не были бы ясны при «умалчивании» неотносимых доводов.

АПК РФ в гл.гл. 20, 21 содержит требования к порядку вынесения и содержанию решений и определений, которые «являются юридическими

фактами, порождающими определенные правовые последствия».⁹⁴ Такие требования не исключают нашего вывода о подлежащих отражению в судебных актах результатах неоконченного состава правоприменительной деятельности по отношению к международным договорам.

К сожалению, сильнейшая загруженность судебной системы часто приводит именно к тому, что судебный акт не содержит указаний на доводы стороны со ссылкой на международные договоры и их мотивированное отклонение. Это часто становится причиной обжалования таких актов в суды вышестоящих инстанций, которые фактически вынуждены выполнять работу суда первой инстанции по отклонению доводов искового заявления или отзыва на него, продублированных в апелляционной или кассационной жалобах.

⁹⁴ Теория государства и права / Учебник. Под ред. М.Н. Марченко. С. 792.

ГЛАВА ВТОРАЯ

**СПЕЦИФИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ И ВНУТРИРОССИЙСКИХ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЙ ПРИМЕНЕНИЯ
НОРМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В АРБИТРАЖНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ**

**2.1. Правовые основания и проблемы применения международных договоров
в арбитражном судопроизводстве России**

Арбитражное судопроизводство, как разновидность гражданского, является одним из видов осуществления судебной власти в Российской Федерации. Дела из административных и иных публичных правоотношений, которые наряду с гражданскими относятся к компетенции арбитражных судов, рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства.

Конституция и другие правовые акты РФ ориентируют арбитражные суды на осуществление правосудия посредством применения не только норм Конституции и федеральных законов, но и международных общепризнанных и договорных принципов и норм. Это вытекает, в частности, из требований Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», ФКЗ «Об арбитражных судах РФ», АПК РФ, Федерального закона «Об исполнительном производстве», Закона «О международном коммерческом арбитражном суде».

Осуществляя от имени государства властную функцию, арбитражные суды становятся правообязанными по применению вошедших в правовую систему России договорных норм международного права. Как справедливо замечает Л.Н. Галенская, из ч. 4 ст. 15 Конституции РФ однозначно вытекает, что «в настоящее время арбитражные суды обязаны применять нормы международного права».⁹⁵ Такая правовая обязанность обусловлена комплексом правовых оснований для реализации соответствующих международных договорных норм во внутригосударственной правовой системе.

⁹⁵ Галенская Л.Н. Применение норм международных договоров в арбитражной практике // Журнал международного частного права. СПб., 1997. № 3 (17). С. 3.

В самом обобщенном виде правовые основания применения норм международных договоров можно разделить на юридические и фактические.

Юридические основания. К юридическим основаниям можно отнести квалификацию того или иного акта в качестве нормативно-правового с присущей ему юридической силой, а также содержащиеся в нем правовые нормы, направленные на урегулирование соответствующих правоотношений.

Комплекс юридических правовых оснований можно представить следующим образом.

Правовые основания международного характера: основные принципы международного права, международные договоры, международные обычаи, отдельные решения международных органов.

К *правовым основаниям национального характера* относятся основные принципы внутригосударственного права, конституционные положения, нормы иных источников российского права в их иерархической последовательности и руководящие разъяснения высших судебных инстанций, а также правовая культура и правосознание.

В дополнение к ним можно назвать еще один юридический факт – наличие правового спора между сторонами, т.е. ситуации, когда определены объект и предмет разногласий и разрешение вопроса передано компетентному органу. Для решения вопроса о подведомственности спора арбитражному суду необходимо решить, отвечает ли данный спор установленным процессуальным законодательством требованиям для отнесения его к компетенции арбитражных судов. Последний юридический факт является специальным применительно к арбитражному судопроизводству.

Фактические основания представляют собой совокупность юридических фактов, направленных на осуществление всех внутригосударственных процедур для введения международных договоров в правовую систему России и их последующего судебного правоприменения.

Следует отметить, что все основания тесно взаимосвязаны, взаимодополняют и взаимодействуют между собой.

Арбитражное судопроизводство обладает спецификой, которая проявляется во всем комплексе как юридических, так и фактических оснований применения норм международных договоров, порождая при этом и целый ряд проблем.

Как известно, арбитражный суд в процессе правоприменительной деятельности обязан руководствоваться нормами процессуального права, которые регламентируют процедуры отправления правосудия. Такие нормы содержатся на сегодняшний день не только в национальных процессуальных нормативных актах, но и в международных актах. Однако в данном случае вопрос заключается не просто в содержании процессуальных норм, но и в том, что арбитражные суды – это правоприменительные органы, которые должны руководствоваться правовыми нормами, все чаще получающими закрепление в источниках международного права. Поэтому точное применение судами норм международных договоров призвано выполнять и важную государственную функцию - формировать судебную практику исполнения Россией своих международно-правовых обязательств.

Следует также признать, что современное судопроизводство в должной степени не обеспечено эффективными механизмами (как международными, так и национальными) применения норм международных договоров и общепринятой практики его учета. Отсутствует институт преюдициального запроса, не представляется возможным в условиях соблюдения процессуальных сроков обеспечить своевременное получение квалифицированного разъяснения о порядке применения конкретных международных договорных норм.

Одной из проблем являются и существенные пробелы действующего российского законодательства по урегулированию внутригосударственных процедур исполнения международных договорных обязательств.

Целью арбитражного (как и любого иного) судопроизводства должно являться не согласование российского и международного права, а обеспечение их взаимовыгодного сотрудничества и соблюдения нормативных

предписаний. Судебные органы посредством юридически корректного применения могут сглаживать имеющиеся коллизии между нормами двух правовых систем.

Сложности проявляются как при применении норм российского права, так и в случае необходимости применения норм международных договоров. Однако в отношении внутреннего права государство имеет возможность оперативного реагирования и использования гибких механизмов устранения неточностей или пробелов (например, путем разъяснения высших судебных инстанций, обобщения практики, получение пояснений от должностного лица органа, издавшего нормативный акт и пр.). Такие механизмы активно используются в судебной системе. Но в отношении норм международных договоров они значительно более трудоемки и процедурно сложны, поскольку требуют не просто властного предписания, оформленного в надлежащую форму, а часто требуют согласования волеизъявлений различных равных между собой субъектов международного права. Практически возможно осуществить официальное толкование в отношении нормы международного договора, однако как показывает практика, в отдельных случаях оно осуществляется без учета соответствующих концептуальных разработок.

Анализ юридических правовых оснований применения норм международных договоров может способствовать формулированию общих целей и задач в ходе правоприменительного процесса, а также ориентиров для государства в сфере обеспечения выполнения обязательств, вытекающих из международных договоров.

2.2. Международно-правовые основания применения норм международных договоров в арбитражном судопроизводстве России

Как было указано в предыдущем параграфе, международно-правовыми основаниями применения международных норм российскими судами являются общепризнанные принципы международного права, международные договоры, международные обычаи, решения международных органов.

Основания для применения общепризнанных принципов международного права. О необходимости и возможности применения судами международно-правовых принципов неоднократно указывал Пленум ВС РФ. Так, согласно известному Постановлению Пленума № 5 от 10.10.2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», судам предписано в своей деятельности применять общепризнанные принципы международного права, под которыми Верховный суд, согласно п. 1 Постановления, понимает «основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо».

К таким принципам ВС РФ отнес, в частности, принцип добросовестного выполнения международных обязательств – *pacta sunt servanda*. Это основополагающий принцип международного права, являющийся нормой *jus cogens*, поскольку содержит императивное предписание и имеет всеобщее признание. Ст. 26 «*Pacta sunt servanda*» Венской конвенции 1969 г. гласит: «Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться».

Добросовестность выполнения договорных обязательств «является центральной во всей концепции *pacta sunt servanda*»⁹⁶ и предполагает: добросовестное пользование правами, предусмотренными в договоре; добросовестное толкование договора; исключение необоснованного отказа от договора.⁹⁷

⁹⁶ Элиас Т. Современное право договоров. Нью-Йорк, 1974. С. 41.

⁹⁷ Захарова Н.В. Выполнение обязательств, вытекающих из международного договора. М., 1987. С. 101-103.

Заключительный акт Хельсинского Совещания 1975 г. дает более развернутую трактовку данного принципа: государства-участники должны добросовестно выполнять свои международные обязательства, вытекающие из общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров; осуществлять свои суверенные права, включая установление законов и административных правил, соотнося их со своими обязательствами по международному праву.⁹⁸

Таким образом, добросовестному выполнению подлежат только нормы тех договоров, которые соответствуют международному праву.

Ст. 27 Венской конвенции 1969 г. установлено, что участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения им договора. Это правило действует без ущерба для ст. 46, закрепляющей положения внутреннего права, касающиеся компетенции заключать договоры.

Анализируя нормы международного права о невозможности для государства со ссылкой на нормы своего внутреннего права уклоняться от ответственности за неисполнение международных обязательств, В.С. Иваненко указывает на существенные положения отдельных актов, ставших основой соответствующих норм Венской конвенции 1969 г. Так, в проекте Декларации о правах и обязанностях государств, разработанном Комиссией международного права ООН в 1949 г., «рассматриваемое положение сформулировано предельно четко и точно: «Каждое государство обязано добросовестно выполнять свои обязательства, возникающие из договоров и иных источников международного права, и не может ссылаться на положение своей конституции или своих законов как на оправдание невыполнения им этой обязанности» (ст. 13), при этом государства должны руководствоваться тем принципом, что «суверенитет каждого государства подчинен супрематии международного права».⁹⁹

⁹⁸ Заключительный акт Хельсинского Совещания, 1975 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

⁹⁹ Иваненко В.С. Международные договоры, Конституция и правовая система Российской Федерации: эволюция соотношения и тенденции взаимодействия. С. 32.

Такая концепция не может оказать негативного влияния на существование иных принципов, таких, как принципы суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела государств. Принцип суверенного равенства, согласно Декларации о принципах международного права 1970 г., указывает, что все государства суверенно равны, имеют одинаковые права и обязанности и должны добросовестно выполнять международные обязательства.¹⁰⁰

Следует отметить, что и иные международные принципы могут быть правовым основанием для применения международных договоров. Так, например, в связи с присоединением России к Конвенции о защите прав человека 1950 г. в Информационном письме от 20.12.1999 г. № С1-7/СМП-1341 Высший Арбитражный Суд РФ отметил, что «судам надлежит принимать во внимание принципы, применяемые Европейским Судом по правам человека при защите имущественных прав в процессе осуществления правосудия в арбитражных судах Российской Федерации».¹⁰¹ Обязательства государства по выполнению его государственными органами, включая и арбитражные суды, принятых им международных обязательств никоим образом не свидетельствуют о внешнем вмешательстве в их компетенцию и нарушении международно-правового принципа невмешательства во внутренние дела государств.

Основания для применения международных договоров. Вся система международного договорного права направлена на добросовестное выполнение государствами принятых на себя обязательств по международным договорам, как в межгосударственной, так и во внутригосударственной сферах.

Базовым международно-правовым основанием применения норм договоров арбитражными судами является, безусловно, Венская конвенция 1969 г. Конвенция в своей части III «Соблюдение, применение и толкование договоров» закрепила основополагающие императивные нормы относительно дей-

¹⁰⁰ Декларация о принципах международного права, 1970 г. // Действующее международное право: в 2 т. Т. 1. - М., 1996. С. 65- 73.

¹⁰¹ Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.12.1999 № С1-7/СМП-1341 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2000. № 2. С. 93 – 96.

ствий государств и их юрисдикционных органов по соблюдению, исполнению, использованию и применению норм международных договоров.

Российское государство, как и любое другое государство, **добровольно:**

- вступает в международные отношения и участвует в них,
- выражает свою волю при формировании норм международных договоров,
- принимает обязательства по выполнению международных договоров.

Выступая в роли суверенного участника международных правоотношений, Российское государство соглашается со следующими позициями:

- обязательные нормы международных договоров содержат не только его волю, но и волю иных государств – участников;
- привнесение в национальную правовую систему международных договорных норм, предварительно согласованных с его участием или на обязательность которых оно дало согласие, не может быть и не должно быть квалифицировано как внешнее вмешательство в его внутренние дела.¹⁰²

В настоящее время Российская Федерация является участницей огромного числа многосторонних и двусторонних международных договоров.

Многие из таких договоров первоначально были подписаны и ратифицированы еще в период существования Российской империи и Советского Союза, но продолжают свое действие на территории Российской Федерации в силу правового института договорного продолжительства.

Россия выполняет обязательства по ряду многосторонних договоров в отношении более 100 государств. К наиболее значимым из этих договоров, содержащим процессуальные нормы, относятся следующие:

- Гагская конвенция по вопросам гражданского процесса 1954 г. (СССР присоединился к Конвенции нотой МИД СССР от 17.09.1966 г.);¹⁰³

¹⁰² Подробнее об этом см.: Криворучко О.А. Проблемные вопросы оснований применения международных договоров арбитражными судами Российской Федерации // Евразийский юридический журнал, 2014. № 9(76). С. 86-91.

¹⁰³ Гагская конвенция по вопросам гражданского процесса, 1954 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXV. М., 1972. С. 136 - 144.

- Гагская конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам 1965 г. (Россия присоединилась к Конвенции в соответствии с Федеральным законом от 12.02.2001 г. № 10-ФЗ);¹⁰⁴

- Гагская конвенция о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам 1970 г. (Россия присоединилась к настоящей Конвенции в соответствии с Федеральным законом от 12.02.2001 г. № 11-ФЗ);¹⁰⁵

- Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. (ратифицирована СССР 10.08.1960 г.);¹⁰⁶

- Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов 1961 г. (СССР присоединился к Конвенции в соответствии с Постановлением ВС СССР от 17.04.1991 г. № 2119-1).¹⁰⁷

В рамках СНГ важное значение имеют Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности 1992 г.,¹⁰⁸ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.,¹⁰⁹ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г.¹¹⁰

Нельзя также не отметить, что для обеспечения эффективной защиты прав в сфере имущественного оборота с участием иностранных лиц важное значение имеют международные договоры России с другими государствами, определяющие порядок оказания взаимной помощи по юридическим делам.

¹⁰⁴ Гагская конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам, 1965 г. // Собрание законодательства РФ. 13.12.2004 г. № 50. Ст. 4951.

¹⁰⁵ Гагская конвенция о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам, 1970 г. // Международное частное право. Сборник документов. М., 1997. С. 737 - 744.

¹⁰⁶ Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 46. Ст. 421.

¹⁰⁷ Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов, 1961 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. № 6.

¹⁰⁸ Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, 1992 г. // Международное частное право. Сборник документов, М.: Изд. «БЕК» 1997. С. 911-914.

¹⁰⁹ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, 1993 г. // Журнал международного частного права. 1996. № 3(13).

¹¹⁰ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, 2002 г. // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. № 2(41). С. 82 - 130.

При этом нормативное предписание о сфере применения международного договора в правовой системе государства в большинстве случаев содержится в первых статьях каждого конкретного акта. Так, например, оно отражено в ст. 1 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (ратифицировано Постановлением Верховного Совета РФ от 09.10.1992 № 3620-1), в ст. 1 Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов (Заключена в г. Гааге 05.10.1961, вступила в силу для России 31.05.1992), ст.ст. 1, 2 Конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (заключена в г. Монреале 28.05.1999).¹¹¹

Основания для применения международных обычаев. В качестве правовых основ применения норм международных договоров в деятельности арбитражных судов может выступать также международный правовой обычай.

В преамбуле Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. указано, что государства-участники настоящей Конвенции подтверждают, «что нормы международного обычного права будут по-прежнему регулировать вопросы, которые не нашли своего решения в положениях настоящей Конвенции».

Комментируя указанные положения, один из участников разработки Венской конвенции А.Н. Талалаев подчеркивает их принципиальную важность. Преамбула, по его мнению, «исходит из того, что как бы ни был широк охват Конвенцией права договоров, она не решает всех вопросов договорного права. Например, она не регулирует способы обеспечения выполнения международных договоров, порядок их подписания и парафирования» и др.¹¹²

Ст. 38 Статута Международного Суда ООН определяет международный обычай «как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы».

¹¹¹ Конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок, 1999 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

¹¹² Талалаев А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров. С. 8.

Специфика международного обычая в том, что он, в отличие от международного договора, не является документом с явно выраженными формулировками правил. Данные правила могут получать отражение в правительственных заявлениях, во внешнеполитических документах государств, в дипломатической переписке, тем самым приобретая правовые очертания, хотя и не столь формализованные, как международные договоры. Ввиду этого уяснение содержания международного обычая для арбитражных судов является более сложным и противоречивым, чем аналогичная деятельность в отношении международных договоров.

Отметим также, что в связи с интенсивными процессами кодификации международного права некоторые обычаи получают свое закрепление в международных договорах. Так, например, принцип *pacta sunt servanda*, ранее существовавший в качестве международного правового обычая, получил своё закрепление в ст. 26 Венской конвенции 1969 г. Важно также иметь в виду, что норма обычного права, закрепленная в договоре, сохраняет обязательную силу для неучастников договора.¹¹³ При этом, согласно ст. 38 Венской конвенции 1969 г. статьи 34-37 (регламентируют вопросы договоров и третьих государств) никоим образом не препятствуют какой-либо норме, содержащейся в договоре, стать обязательной для третьего государства в качестве обычной нормы международного права, признаваемой как таковой.

При переходе от обычая к договору новый источник заменяет прежний только для участвующих в договоре государств. В этой связи типичны ситуации, когда по одному и тому же вопросу применяются одновременно оба источника и международный договор, и международный обычай, но каждый применительно к определенной группе государств.

Обычай приобретает юридическое значение в результате однородных или идентичных действий государств и определенным образом выраженного ими намерения придать таким действиям нормативное значение.

¹¹³ См. об этом: Мовчан А.П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. М., 1972. С. 27; Алексидзе Л.А. Некоторые вопросы теории международного права: Императивные нормы. *Jus cogens*. Тбилиси, 1982. С. 177.

Повторяемость превращает применение международного обычая в устойчивую практику.¹¹⁴

В связи с этим необходимо учитывать отмеченную выше особенность арбитражного судопроизводства. Она заключается в установлении фактических обстоятельств дела на основании, в первую очередь, письменных доказательств, являющихся носителями изложенной в письменном виде информации по существу спора. При этом правовая квалификация обстоятельств дела связана не только с установлением фактов, но и с их интерпретацией применительно к конкретным нормам права. Следовательно, учитывая существенный формализм в документообороте, обычай как неписанный источник права может породить дополнительные сложности в интерпретации и квалификации.

Наряду с этим, часто правовой обычай в международной практике формировался в сфере товарно-денежных отношений. Исторически именно в этой сфере отношения субъектов различной государственной принадлежности требовали унифицированного урегулирования. В области торговли складывалась та самая практика неоднократного взаимовыгодного поведения сторон, на основе которой и формировались обычаи. И именно такие отношения социально-экономического характера часто становятся предметом исследования арбитражных судов. Более того, в первую очередь в российском праве именно гражданско-правовые отношения, являющиеся сферой всех споров в арбитражных судах, оперируют такой категорией источников права, как обычай.

Если разрешение спора, ввиду обычной практики такого разрешения, должно осуществляться посредством международной договорной нормы, арбитражному суду России предстоит достаточно сложная и не совсем привычная деятельность по отысканию такого обычая и его применению.¹¹⁵

¹¹⁴ См., например: Тирских М.Г., Черняк Л.Ю. Международно-правовой обычай: понятие и признаки // Сибирский юридический вестник. № 2. Иркутск, 2014. С. 89 – 97.

¹¹⁵ Вопросы международного обычая, порядка регулирования им общественных отношений и применения его национальными судебными органами требуют специального исследования.

От обычая следует отличать международное обыкновение, которое должно рассматриваться не как сформировавшаяся норма обычно-правового характера, а скорее как стадия в формировании международно-правового обычая. По мнению Т.Н. Нешатаевой, «в обыкновении присутствует только правило поведения, но не сформировалась юридическая обязательность этого правила».¹¹⁶ Весьма тонкая грань между обычаем и обыкновением не уменьшает, а часто может усугублять сложности судопроизводства.

Соблюдение международных договорных норм в сфере арбитражного судопроизводства - важная гарантия законности при рассмотрении споров.¹¹⁷

На базе изложенного можно резюмировать, что применение международных договоров арбитражными судами является сложным процессом в рамках общей реализации Россией норм международного права. В этой связи вопросы такого применения становятся насущными для арбитражных судов и требуют доктринальной проработанности, четко сформулированных практических руководств. Необходимо обеспечить судей, в случае возникновения сомнений в отношении порядка применения нормы международного договора, возможностью обратиться за квалифицированной помощью к научному сообществу, его представителям и к Верховному Суду. Ведь именно в функции этого судебного органа входит обобщение судебной практики, подготовка на основе такой деятельности разъяснений по вопросам применения норм права, что, в сущности, является толковательным процессом, носящим официальный характер в рамках национальной правовой системы.

Изложенные выше международно-правовые основания являются и основаниями для адаптации российского правоприменителя к процессу применения норм международных договоров. Никакие действия/бездействия субъектов национального права не должны вступать в противоречие с этими

¹¹⁶ Нешатаева Т.Н. Арбитражные суды и некоторые вопросы применения международного права в Российской Федерации // Российский ежегодник международного права. 1998 - 1999. СПб., 1999. С. 230.

¹¹⁷ См. об этом: Винникова Р.В. Имплементация норм международного права в арбитражном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... к.ю.н. Казань, 2003. С. 4 // URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=127339> (дата обращения 18.09.2018).

основам, несмотря на свободу выбора государством средств и способов обеспечения исполнения международных обязательств внутри страны.

Основания для применения решений международных органов. Всё большую роль в осуществлении арбитражного правосудия играют решения международных органов, прежде всего постановления Европейского суда по правам человека, выносимые по конкретным делам.

В Федеральном законе от 30.03.1998 г. «О ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» содержится заявление о признании обязательными для Российской Федерации как юрисдикции Европейского суда, так и решений этого суда.

В решениях ЕСПЧ выражена его правовая позиция по вопросам толкования и применения Европейской конвенции, имеющая исключительно важное значение и для арбитражных судов России. При этом важное значение имеют не только решения, которые были вынесены по делам против России, но и решения против других государств, поскольку постановления Суда являются нормоустанавливающими толкованиями Конвенции.

2.3. Внутрirosсийские правовые основания применения норм международных договоров в арбитражном судопроизводстве

Безусловно, для российских арбитражных судов базовым правовым основанием применения норм международных договоров является ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Конституционные основания применения норм международных договоров. Положения ч. 4. ст. 15 Конституции обеспечили юридическую прописку международных договоров в правовой системе России. На основе этих положений международные договоры РФ стали составной частью ее правовой системы; при этом если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотрены российским законом, то применяются правила договора.

Важно отметить, что в основу применения норм международных договоров в арбитражном судопроизводстве может быть положен и ряд других норм Конституции, прежде всего нормы Гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина».

В целом нормы Конституции РФ «являются концептуальной основой арбитражного процессуального права, которая определяет стратегию его развития и применения». ¹¹⁸ Более того, «в системе источников арбитражного процессуального права Конституция закладывает фундаменты иерархии ..., определяет основные векторы развития отраслевого законодательства и восполняет пробелы в праве». ¹¹⁹

Как отмечают В.Т. Кабышев и В.С. Хижняк, «Конституция не просто декларирует намерения государств в отношении международных договоров, но и определяет обязанности государственных органов по реализации их положений и надзору за реализацией». ¹²⁰

¹¹⁸ Николаев А.В. Влияние Конституции РФ на формирование и развитие арбитражного процессуального права. Автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов, 2013. С. 8.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Кабышев В.Т., Хижняк В.С. Российский конституционализм и нормы международного права и международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.) // Под ред. М.А. Митюкова. М., 2004. С. 137 // Цит. по: Тиунов

В силу вышеизложенного можно сделать вывод, что Конституция России является первостепенным внутригосударственным основанием применения норм международных договоров в арбитражном судопроизводстве.

Однако при этом важно отметить следующее: для арбитражного судопроизводства, как и в целом для всей судебной системы РФ, создает значительные сложности отсутствие единства в понимании соотношения и иерархии норм Конституции и норм международных договоров России.

На основе анализа ч. 4 ст. 15 Конституции учеными часто делаются полярные выводы: одни полагают, что в ней впервые в истории России закреплён примат международных договоров над внутригосударственными источниками права (Конституцией, федеральными законами),¹²¹ другие признают верховенство Конституции в системе источников права РФ, отводя в иерархии источников права международным договорам место после законов.¹²²

В качестве обоснования последней точки зрения используется ссылка на ч. 1 ст. 15 Конституции, согласно которой она имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории России; принимаемые законы и иные правовые акты не должны ей противоречить.

Вместе с тем В.С. Иваненко пришел к обоснованному выводу о том, что Конституция «не распространяет и не может распространять свое юридическое верховенство на нормы международного и иностранного права, допущенные в установленном порядке в правовую систему России», поскольку международные

О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Выполнение международных договоров Российской Федерации. М., 2012. С. 71.

¹²¹ См., например: Право и политика современной России. Под ред. Н.В. Варламовой, Е.А. Лукашевой, Г.В. Мальцева и др. М., 1996. С. 135-136.

¹²² См., например: Иванов С.А. Применение конвенций МОТ в России в переходный период // Государство и право. М., 1994. № 8. С. 72; Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. С. 37; Осминин Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. С. 346; Талалаев А.Н. Соотношение международного и внутригосударственного права и Конституции Российской Федерации // Московский журнал международного права. М., 1994. № 4. С.13-14; Топорнин Б.Н. Система источников права: тенденции развития // Судебная практика как источник права. Авт. кол.: Б.Н. Топорнин, Э. Серверэн, К. Гюнтер и др. М., 2000. С. 27; Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция. С.17-20.

договоры «как нормативно-правовые акты иной, международной правовой системы, не находятся в соподчиненном положении к Конституции».¹²³

Системное толкование положений Конституции свидетельствует, что международные договоры исключаются из состава подчиненных ей нормативных правовых актов.

Согласно ч. 6 ст. 125 Конституции, «не соответствующие Конституции РФ международные договоры РФ не подлежат введению в действие и применению».

Международные договоры выделены в отдельное предложение, по условиям которого для обеспечения правопорядка и законности в правовой системе перед введением в неё международные договоры должны быть проверены на предмет их соответствия конституционным нормам.

Федеральный законодатель поддерживает позицию Конституционного Суда о верховенстве Конституции в системе национального права. Это, однако, не исключает существования точки зрения о том, что в российской правовой системе существуют два правовых верховенства: территориально-правовое верховенство норм Конституции, и нормативно-правовое верховенство международных договоров России.¹²⁴

Законодательное регулирование применения норм международных договоров. Конституция устанавливает основные стандарты для выполнения международных договоров органами государственной власти. Кроме Конституции, для обеспечения выполнения международных договоров огромное значение имеют законы и подзаконные нормативные акты: федеральные законы, кодексы, указы Президента и постановления Правительства, акты министерств и ведомств.

Вышерассмотренные конституционные основы правоприменительной деятельности арбитражных судов конкретизированы в актах федерального законо-

¹²³ Иваненко В.С. Международные договоры и Конституция в правовой системе России: «война верховенств» или мирное взаимодействие? С. 152 - 153.

¹²⁴ Иваненко В.С. Международные договоры, Конституция и правовая система Российской Федерации: эволюция соотношения и тенденции взаимодействия. С. 34.

дательства, включая законодательство, закрепляющее основы судебной системы РФ. Так, согласно ст. 3 ФКЗ «О судебной системе РФ» единство судебной системы РФ обеспечивается, в том числе, применением всеми судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ. Подобные правовые основания нашли закрепления и в других законах: ФКЗ «Об арбитражных судах РФ», ФЗ «Об исполнительном производстве» и др.

Правовые основания применения норм международных договоров закреплены и в базовом для арбитражных судов отраслевом процессуальном законе – АПК РФ (ч. 3 ст. 3).

Арбитражное процессуальное законодательство предусматривает правовые основания для применения арбитражными судами норм международного права. При этом важно отметить, что АПК РФ прямо предусматривает приоритет применения только договорных норм международного права.¹²⁵ В этом можно убедиться, обратившись к п. 3 ст. 3 АПК РФ, согласно которому, если международным договором РФ установлены иные правила судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законодательством РФ о судопроизводстве в арбитражных судах, применяются правила международного договора.

Процессуальный кодекс является для арбитражных судов новейшим актом истории их развития. Стабильность и проработанность норм процессуального законодательства может быть подтверждена незначительным количеством внесенных изменений за период действия АПК РФ 2002 г. Относительно вносимых изменений следует отметить, что увеличение их количества в последние годы (2015 – 2018 гг.) обусловлено как реформой судебной системы РФ, так и стремлением усовершенствовать процессуальные механизмы рассмотрения подведомственных споров. Вместе с тем, как сам АПК РФ, так и внесенные в него изменения вывели систему государственных судов

¹²⁵ Зимненко Б.Л. Международное право в судебной практике России: арбитражное судопроизводство // Российская юстиция. М., 2004. № 1 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения 17.09.2018).

арбитражной юрисдикции на принципиально новый высокий уровень отправления правосудия.

Возможность применения арбитражными судами России норм международных договоров также предусматривают Кодекс торгового мореплавания, Воздушный кодекс, Федеральный закон «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» и др.

Подавляющее большинство федеральных законодательных актов закрепили положение о том, что в коллизионных ситуациях приоритетном применения обладают нормы международных договоров. Подобные нормы содержатся в Федеральных законах «О соглашениях о разделе продукции» (ст. 24), «О защите конкуренции» (ч. 3 ст. 2), «О концессионных соглашениях (ч. 2 ст. 2) и др.

Наконец, важнейшим актом российского законодательства в рассматриваемом вопросе является ФЗ «О международных договорах РФ». Закон основан как на положениях Конституции, так и на общепризнанных принципах и нормах международного договорного права, отраженных в Венских конвенциях о праве международных договоров с участием государств (1969 г.) и с участием международных организаций (1986 г.).¹²⁶

Содержащиеся в этом Законе положения направлены, в том числе, и на то, чтобы любой из арбитражных судов мог применять международные договоры при рассмотрении экономических споров с участием как российских, так и иностранных участников: фирм, компаний и иных организаций.

К правовым основаниям применения норм международных договоров может быть отнесен и ряд подзаконных нормативных актов. Эти акты регламентируют процедурные вопросы, которые в свою очередь справедливо было бы именовать условиями действия международных договоров в российской правовой системе, к которым мы обратимся в следующей главе. Среди них следует назвать, например, Указ Президента РФ от 11.01.1993 № 11 «О порядке опубликования международных договоров Российской

¹²⁶ См. об этом: Колюхова И.А. Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия. М., 2006. С. 255.

Федерации»,¹²⁷ Распоряжение Президента РФ от 08.09.1994 № 458-рп «О порядке, в соответствии с которым федеральными органами исполнительной власти заверяются копии официальных текстов международных договоров»¹²⁸ и соответствующее ему Письмо Министерства иностранных дел РФ от 17.11.1994 № 3633,¹²⁹ Указ Президента РФ от 12.07.2012 № 970 «Об официальном опубликовании временно применяемых международных договоров Российской Федерации».¹³⁰

Основные принципы внутригосударственного права. В качестве правового основания применения норм международных договоров в рамках правовой системы России необходимо также назвать основные принципы внутригосударственного права, в частности, принципы арбитражного судопроизводства, такие как: принцип законности, сочетания единоличного и коллегиального рассмотрения дел, гласности судебного разбирательства, диспозитивности, состязательности, процессуального равноправия сторон, сочетание устности и письменности, непосредственности.

Все эти принципы являются закономерным продолжением принципов международного права, ранее положенных нами в международно-правовые основы применения.

Правовые позиции высших судебных органов Российской Федерации. Для целей настоящего исследования полагаем необходимым в числе внутригосударственных правовых оснований применения норм международных договоров выделить еще одно, специфическое для судопроизводства: руководящие разъяснения и рекомендации высших судебных инстанций. Такое

¹²⁷ Указ Президента РФ от 11.01.1993 № 11 «О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации» // Первоначальная редакция: Собрание актов Президента и Правительства РФ. 18.01.1993 № 3. Ст. 182; редакция от 01.12.1995: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

¹²⁸ Распоряжение Президента РФ от 08.09.1994 № 458-рп «О порядке, в соответствии с которым федеральными органами исполнительной власти заверяются копии официальных текстов международных договоров» // Собрание законодательства РФ. 12.09.1994 № 20. Ст. 2269.

¹²⁹ Письмо Министерства иностранных дел РФ от 17.11.1994 № 3633 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

¹³⁰ Указ Президента РФ от 12.07.2012 № 970 «Об официальном опубликовании временно применяемых международных договоров Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 18.09.2018); СЗ РФ. 16.07.2012. № 29. Ст. 4069.

основание имеет значительное преимущество перед другими – оно призвано быть более оперативным, чем издание нормативных актов.

В решениях Верховного Суда РФ и прекратившего свою деятельность Высшего Арбитражного Суда РФ (основные правовые позиции которого, отраженные в его постановлениях, продолжают действовать) нашли отражения многие важные положения, играющие существенную роль в обеспечении надлежащего применения арбитражными судами норм международных договоров.

Эти решения касались как общих, так и специальных вопросов применения международных договоров.

Значимую роль в определении общих правовых основ и порядка толкования и применения материальных и процессуальных норм международных договоров выполнял в свое время ВАС РФ. Так, Пленумом ВАС РФ 11.06.1999 принято широко известное постановление № 11 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса», не утратившее и в настоящее время своего значения. В этом постановлении ВАС РФ дал нижестоящим арбитражным судам разъяснения о принципах толкования международных договоров России; о соотношении двусторонних и многосторонних международных договоров; о порядке официального опубликования международных договоров; о соотношении международных договоров и АПК РФ по вопросу компетенции арбитражных судов; об оплате государственной пошлины при обращении в суд; о порядке направления поручений арбитражных судов по совершению отдельных процессуальных действий в иностранных государствах; о процессуальных сроках; о легализации; об установлении статуса иностранного лица, участвующего в арбитражном процессе; о выполнении поручений судов иностранного государства и оформлении судебного поручения арбитражного суда в суд иностранного государства.

В этом постановлении ВАС РФ для обоснования и подтверждения своих правовых позиций и сам обратился к содержанию целого ряда международных

договоров России: Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.; Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961 г.; Конвенции, отменяющей требования легализации иностранных официальных документов, 1961 г.; Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.; Соглашению о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, 1992 г.; Соглашению о размере государственной пошлины и порядке ее взыскания при рассмотрении хозяйственных споров между субъектами хозяйствования разных государств 1993 г.

Однако в вышерассмотренное постановление 1999 г. «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» Верховным Судом РФ в 2017 г. внесены изменения. Согласно п. 53 постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»¹³¹, в связи с принятием данного Постановления признаны не подлежащими применению абз. 1 п. 1, абз. 1 п. 3, п.п. 5 - 7, 16 - 32 Постановления № 8 от 11.06.1999.

Постановлением № 23, как следует из его преамбулы, для целей рассмотрения споров, осложненных иностранным элементом, даны разъяснения по институтам судопроизводства, которые являются «необходимым условием справедливого правосудия»: о компетенции арбитражных судов России по разрешению таких споров, о юридическом статусе участников процесса, о порядке рассмотрения дел,¹³² о применимом праве. Исключенные из постановления № 8 положения нашли свое отражение в более распространенном виде в

¹³¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Российская газета, № 144, 04.07.2017.

¹³² Т.Н. Нешатаева вопросы подсудности споров с иностранным элементом, порядка установления содержания иностранного закона, порядка выполнения судебных поручений и др. относит к международному гражданскому процессу, констатируя, что они разрешаются в России в том числе и арбитражными судами // Нешатаева Т.Н., Павлова Н.В., Страженецкий В.В., Шарамова Г.И., Шебанова Н.А. Комментарий к постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.06.1999 г. № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» // Вестник ВАС РФ, 1999. № 8. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

новом постановлении, концептуально подходы не изменились, разъяснения теперь носят более распространенный характер и более системно изложены, например это можно утверждать о механизме оказания правовой помощи, о направлении судебных уведомлений о назначенном разбирательстве: ключевые международные договоры в данной сфере перечислены с краткой характеристикой их принципов процедуры.

Важным для деятельности арбитражных судов является постановление Пленума ВС РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Ещё до объединения высших судебных инстанций данные в Постановлении разъяснения, несмотря на то, что они адресованы судам общей юрисдикции, нашли применение и в практике арбитражных судов, что вполне вписывалось в принцип единства судебной системы и не противоречило принципу законности принимаемых решений.

Кроме того, высшие судебные инстанции России вырабатывали и общие правовые позиции, которые они отражали в совместно принимаемых решениях. Так, например, в совместном постановлении Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 04.12.2000 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей» обращено внимание судов на то, что при рассмотрении споров, связанных с обращением векселей, им следует учитывать, помимо внутригосударственных нормативных актов, и международные обязательства РФ, вытекающие из ее участия в Конвенции, устанавливающей Единообразный закон о переводном и простом векселе, и Конвенции, имеющей целью разрешение некоторых коллизий законов о переводных и простых векселях (Женева, 07.06.1930).¹³³

С объединением высших судов функции обобщения судебной практики, толкования и разъяснения сосредоточились в Верховном суде РФ и отражаются в постановлениях Пленума и в обзорах судебной практики.

¹³³ Постановление Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 04.12.2000 № 33/14 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

Как отметил В.Ф. Яковлев, среди актов толкования норм права разъяснения, даваемые в постановлениях Пленума ВС РФ, обладают наибольшим правовым весом, поскольку они имеют конституционную основу в виде норм ст. 126 Конституции, а также принимаются полным составом судей высшего суда на основе обобщения практики всех нижестоящих судов и после тщательной проработки, при учете позиций и представителей науки.¹³⁴

Отдельно следует выделить обзоры судебной практики разрешения судами отдельных категорий дел. Такая форма деятельности высшей судебной инстанции позволяет оперативно, целенаправленно и детально выявлять и даже ликвидировать возможные не соответствующие нормам национального и международного права выводы судов. В частности, можно отметить значительный объем и содержательную значимость, подчеркивающие сохранившиеся проблемы в исследуемой в работе области, Обзора практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017 г.¹³⁵

Важное значение имеют и Информационные письма, направляемые высшими судебными инстанциями нижестоящим судам. Так, например, информационное письмо ВАС РФ от 20.12.1999 № С1-7/СМП-1341 «Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие» привлекает внимание нижестоящих судов России к тому, что с присоединением России «к юрисдикции Европейского суда по правам человека российские механизмы судебного контроля за соблюдением имущественных прав участников экономического оборота в Российской Федерации получили поддержку в виде международного судебного контроля. Это означает, что компетенция арбитражных судов по рассмотрению имущественных споров и компетенция Европейского суда по рассмотрению жалоб на нарушение имущественных прав взаимосвязаны.

¹³⁴ Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования // Там же.

¹³⁵ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов, утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017 // Там же.

Связь базируется на необходимости решения единой задачи международного и внутригосударственного судопроизводства - защите имущественных прав частных лиц при надлежащей охране общественного порядка, что вытекает из статьи 6 Европейской конвенции, статьи 1 Протокола 1 к этой Конвенции.¹³⁶

К одному из внутригосударственных правовых оснований применения норм международных договоров в арбитражном судопроизводстве необходимо отнести и такую категорию как *правосознание*. Полагаем, что именно индивидуальное правосознание судьи, внутреннее убеждение, формирующее в каждом конкретном случае результат рассмотрения спора, положенные в основу принимаемого решения по делу, в современных условиях являются значительным движущим фактором прогрессивного развития практики применения норм международных договоров РФ арбитражными судами России.

В совокупности внутригосударственные правовые основы применения международных договоров РФ должны быть направлены на более строгое и четкое формулирование и закрепление правил такого применения.

Анализ правоприменительной практики арбитражных судов России свидетельствует о том, что первопричиной проблем в области применения норм международных договоров РФ являются имеющиеся лакуны во внутригосударственных правовых основаниях такого применения, а также противоречия (коллизии), о которых речь пойдет в следующем параграфе.

¹³⁶ URL: http://sudbiblioteka.ru/as/text1/vassud_big_3620.htm (дата обращения 18.09.2018).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ
В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

**3.1. Проблемы применения процессуальных и материальных норм
международных договоров арбитражными судами России**

В начале 2000-х годов в ходе анализа принятого в 2002 г. АПК РФ в литературе высказывалось мнение, что «в современном арбитражном процессуальном законодательстве ... правоприменитель ориентирован на использование главным образом национального процессуального права даже в тех случаях, когда имеется в виду судопроизводство с иностранным элементом».¹³⁷ В настоящее время ситуация изменилась. Руководствуясь нормами законодательства в области арбитражного процессуального права и руководящими разъяснениями высших судебных инстанций, арбитражные суды России активно включились в процесс применения не только норм иностранного права, но и материальных и процессуальных норм, содержащихся в международных договорах РФ, о чем свидетельствует практика такого применения за последние годы.

В арбитражном праве и практике получило отражение прямое предписание законодателя в отношении норм процессуального права о применении международных норм.

Согласно п. 3 ст. 3 АПК РФ, если международным договором РФ установлены иные правила судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законодательством РФ о судопроизводстве в арбитражных судах, применяются правила международного договора.

В соответствии с п. 4 ст. 13 АПК РФ, если международным договором РФ установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены законом, арбитражный суд применяет правила международного договора.

¹³⁷ Игнатенко Г.В., Федоров И.В. Арбитражный процессуальный кодекс РФ в международно-правовом измерении: достижения и упущения // Журнал российского права. М., 2003. № 7. С 27.

В отношении данного предписания непосредственно после принятия нового процессуального кодекса выражались сомнения в его четкости и исчерпывающем характере. Однако посредством комплексного толкования этой нормы было выявлено, что «имеются ввиду ... не правила судопроизводства, а материально-правовые предписания, определяющие нормативное содержание соответствующего предмета регулирования».¹³⁸

В практике применения действующего АПК РФ за истекший период такой вопрос не возникал. Само наименование ст. 13 – «Нормативные правовые акты, применяемые при рассмотрении дел» – и включение в перечень указанных актов международных договоров четко и определенно квалифицирует её содержание и позволяет сделать единственно правильный вывод о взаимодействии материальных предписаний национального и международного права при регулировании конкретных спорных правоотношений.

В процессе правоприменительной деятельности российские арбитражные суды могут руководствоваться нормами международных договоров РФ как для разрешения процессуальных вопросов в ходе рассмотрения дела, так и для разрешения материальных вопросов при разрешении спора по существу.

Это находит отражение и в доктрине. Так, например, И.И. Лукашук отмечает, что «суд непосредственно применяет нормы, инкорпорированные в национальное право, а не само [международное право], и делает это в порядке, предусмотренном правом своего государства».¹³⁹

Из данного утверждения следует, по меньшей мере, два вывода: во-первых, возможность непосредственного обращения национальных органов правоприменения лишь к тем нормам международных договоров, которые введены в состав системы права государства;¹⁴⁰ во-вторых, процессуальные вопросы разрешаются на основе исключительно национального права суда.

¹³⁸ Там же. С. 20-21.

¹³⁹ Лукашук И.И. Международное право в судах государств. С. 103.

¹⁴⁰ В отношении данного положения наша несколько иная позиция подробно изложена в Главе первой настоящего исследования.

Отдельными авторами также выдвигается тезис о том, что «суд, рассматривая экономические споры с участием иностранных лиц, действует в рамках национального процессуального законодательства».¹⁴¹

Арбитражная практика свидетельствует об обратном.

Во-первых, руководствуясь ст. 13 АПК РФ, арбитражный суд, в случае необходимости, применяет к рассматриваемому экономическому спору именно международные договорные нормы. Безусловно, применению подлежат нормы только надлежащим образом введенных в правовую систему страны международных договоров. Но, как нами уже отмечалось, такие нормы не утрачивают своего международного правового характера и необходимости соблюдения в отношении них соответствующего порядка применения.

Во-вторых, в отдельных случаях национальный суд в рамках разрешения процессуальных вопросов обязан руководствоваться нормами именно международных договоров РФ, а не национальным процессуальным правом. Например, такая ситуация может возникнуть в результате различий в способе процессуального разрешения конкретного вопроса или неспособности внутригосударственной процессуальной нормы предусмотреть сложившееся развитие хода рассмотрения дела.¹⁴²

Обоснованность нашей позиции по данному вопросу можно подкрепить разъяснениями Пленума ВС РФ, данными в п. 2 постановления от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»: если международным договором РФ установлены иные правила судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законодательством РФ о судопроизводстве в арбитражных судах РФ, применяются правила международного договора (ч. 3 ст. 3, ч. 4 ст. 13 АПК РФ); применяя правила судопроизводства, установленные нормами международных договоров, арбитражный суд определяет действие

¹⁴¹ Ефремов Л. О применении международных договоров о взаимном оказании правовой помощи в работе арбитражных судов // *Хозяйство и право*. 1999. № 10. С. 102 – 103.

¹⁴² В следующих параграфах мы намерены проиллюстрировать примерами данные утверждения.

этих правил во времени и пространстве в соответствии с разд. 2 ч. 3 Венской конвенции о праве международных договоров.

В данных разъяснениях речь идет именно о процессуальных нормах международных договоров в рамках арбитражного процесса, которые подлежат применению в случае расхождения их правового регулирования с правовым регулированием нормами российского арбитражного процесса. То есть, в случае, предположительно, совпадения правового регулирования не будет ошибочным для арбитражного суда применение только норм национального процессуального законодательства. Слово сочетание «правила судопроизводства» для обозначения процессуальных норм использовано неоднократно, что подчеркивает именно изложенное понимание данного пункта. В свою очередь, материально-правовые нормы международных договоров подлежат применению арбитражными судами даже в случае совпадения правового регулирования.

Еще одним важным аспектом правоприменительной деятельности арбитражных судов является комплексный характер актов правоприменения (как в отношении материальных, так и процессуальных норм), несмотря на порой весьма краткое и лаконичное изложение мотивировочной части.

В этом случае спорным является следующее утверждение В.В. Гаврилова: «несмотря на то, что нормы международных договоров в РФ способны непосредственно порождать права и обязанности юридических и физических лиц, а также служить юридическим основанием для правоприменительных актов, на практике трудно представить себе ситуацию, когда российский суд, вынося конкретное решение, применял бы только правила той или иной конвенции».¹⁴³

Автором не учтена особенность судопроизводства, заключающаяся в тесном переплетении подлежащих применению судом норм как материального, так и, что важно - процессуального права. В связи с чем в его утверждении произошло некоторое смешение понятий через их обобщение.

¹⁴³ Гаврилов В.В. Понятие и взаимодействие международной и национальной правовых систем. С. 191.

Данная проблема требует системного и институционального понимания характера и существа акта применения права арбитражными судами России.

Любой правоприменительный акт есть продукт комплексного применения в первую очередь норм материального права. Во вторую очередь, любой судебный акт также сочетает в себе применение процессуальных норм различного целевого назначения: это могут быть и нормы об оценке правосубъектности представителя в арбитражном процессе или о толковании положений действующего права в совокупности с положениями различных нормативных актов для принятия решения о форме судебного акта, нормы для процессуальной квалификации совершённых стороной в рамках судебного заседания и всего судебного разбирательства действий и для оценки юридической судьбы таких действий и т. п. Следовательно, вынося любой судебный акт, арбитражный судья не может ограничиться применением даже одного единственного внутрисударственного нормативного акта.

При этом если в тексте судебного акта арбитражного суда присутствует ссылка только на положения, например, АПК РФ, то следует помнить, что арбитражный судья руководствовался при его вынесении, по меньшей мере, различными регламентами, подзаконными актами или разъяснениями высших судебных инстанций. Аналогично и с нормами материального права.

В отдельных случаях можно констатировать наличие в принятом судебном акте основного нормативного акта, нормами которого обусловлен главный вывод по существу спора (вопроса). Такой нормативный акт может касаться как материальной, так и процессуальной стороны стоящих перед судом вопросов. Например (как будет отмечено далее), для того, чтобы оставить без рассмотрения неподведомственный арбитражным судам РФ спор, возможно руководствоваться в основном положением ст.ст. 20 – 21 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.¹⁴⁴ При этом, определяя такие процессуальные моменты как порядок

¹⁴⁴ См. об этом: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.08.2012 делу № А56-58029/2011 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

открытия и закрытия судебного заседания, коллегиальность рассмотрения апелляционной жалобы и другие вопросы, арбитражный суд будет руководствоваться национальным процессуальным законодательством.

Более того, усмотрение судьи, формирующее позицию по существу рассматриваемого спора или вопроса, есть комплексный умственный процесс, который в полной мере не может и не должен быть изложен в тексте судебного акта ввиду определенных требований к процессуальным документам и невозможности выделения на изготовление одного судебного акта соответствующих трудо-временных затрат.

Следует учитывать и специфику арбитражного судопроизводства – в основном профессиональное представительство субъектов коммерческой деятельности. Следовательно, правовая оценка отдельных правовых вопросов (относящихся к общей теории права и его функционирования и т.п.) может быть опущена при изложении мотивировочной части текста судебного акта, поскольку она должна быть известна квалифицированному юристу и предполагается очевидной.

Это не должно влиять и не влияет на мотивированность судебных актов арбитражных судов. Напротив, в подавляющем большинстве случаев судебные акты арбитражных судов отличаются четкостью, лаконичностью, обоснованностью, последовательностью и отражением сущности рассматриваемого спора через призму правового регулирования.

Обратимся к нормативной базе. Требования к содержанию актов применения права арбитражными судами России сосредоточены в статьях 170, 185, 271, 289 АПК РФ.

Из анализа данных норм права через призму настоящего исследования можно сделать следующие выводы:

Во-первых. П. 3 ст. 170 АПК РФ («Содержание решения») предусматривает, что описательная часть решения должна содержать краткое изложение заявленных требований и возражений, объяснений, заявлений и ходатайств лиц, участвующих в деле. Нигде в данной норме не указано, что

решение должно также содержать мотивированный результат рассмотрения таких заявлений и ходатайств лиц, участвующих в деле.

Такое указание отсутствует и в ст. 159 АПК РФ («Разрешение арбитражным судом заявлений и ходатайств лиц, участвующих в деле»). Но в числе таких ходатайств могут быть и ходатайства о применении к спорным правоотношениям норм международных договоров РФ либо о совершении процессуальных действий, предусмотренных нормами международных договоров.

Во-вторых. С учетом специфики относительно каждой из инстанций и видов судебных актов установлено, что в мотивировочной части судебного акта должны быть указаны, в том числе, законы и иные нормативные правовые акты, которыми руководствовался суд при принятии решения, и мотивы, по которым суд не применил правовые акты, на которые ссылались участвующие в деле лица, (пп. 3 п. 4 ст. 170, пп. 6 п. 1 ст. 185, пп. 12 п. 2 ст. 271, пп. 12 п. 2 ст. 289 АПК РФ). В свете выводов, сделанных в настоящей работе, изложенные нормативные требования относимы и к международным договорам, поскольку «иные нормативные правовые акты» указаны как общая категория, а не применительно к системе российского права. Однако такие выводы, на наш взгляд, носят научно-теоретический характер и требуют соответствующих разъяснений ВС РФ для всех судов арбитражной юрисдикции.

Не лишним было бы дополнение данного положения указанием на то, что если речь идет о нормативном правовом акте – международном договоре, то мотивировочная часть судебного акта должна включать правовую оценку его действия и действительности. То есть эти положения не должны оставаться за рамками письменного изложения мотивов принятия решения по существу спора.

В-третьих. В требованиях АПК РФ к содержанию постановлений Президиума ВС РФ вообще отсутствует необходимость ссылки на какие-либо иные нормативные правовые акты, кроме законов (согласно п. 8 ст. 308.12 АПК, в постановлении должны быть указаны, в числе прочего, мотивы, по которым Президиум «пришел к своим выводам, со ссылкой на законы, которыми он руководствовался при принятии постановления»).

Анализ содержания данного положения может дать основание предположить, что Президиум, рассматривая дела в порядке надзора, не применяет нормы международных договоров. Но это, очевидно, не так, учитывая основания для такого пересмотра, в числе которых указано «нарушение обжалуемыми судебными постановлениями прав и свобод человека и гражданина, гарантированных ... международными договорами РФ».

Формулировка ст. 308.12 АПК РФ требует доработки на предмет расширения перечня источников норм права, подлежащих применению при рассмотрении дела в порядке надзора.

Изложенные выводы носят не только и не столько теоретический, сколько прикладной характер. На практике в арбитражном процессе «можно считать обычной ситуацией, что суды всех видов не устанавливают (во всяком случае, не отмечают в решениях по делу) наличие юридических условий возможности применения конкретного [международного] договора».¹⁴⁵ Но именно такая практика может негативно отразиться на всем процессе применения норм международных договоров. В такой деятельности в равной степени важны детали и общие принципы (соблюдение всех процедур должного включения в правовую систему России международных договоров), а также единообразие (которое может быть достигнуто, в том числе, посредством анализа высшей судебной инстанцией мотивов того или иного применения / неприменения международных норм в конкретных областях общественных отношений).

Арбитражные суды в отдельных случаях даже не вникают в существо заявленных возражений, если они обосновываются ссылками на нормы международных договоров. В качестве примера можно проанализировать постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.03.2013 по делу № А40-105107/12-79-1057.¹⁴⁶ Спор в данном деле возник между иностранной компанией (истец) и российской коммерческой фирмой (ответчик)

¹⁴⁵ Марочкин С.Ю. Применение судами России норм международного права: десять лет после принятия Конституции РФ. С. 68.

¹⁴⁶ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.03.2013 по делу № А40-105107/12-79-1057 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

по вопросу оплаты поставленного товара. Решением Арбитражного суда г. Москвы от 28.12.2012 по делу № А40-105107/12-79-1057 в удовлетворении иска отказано. При этом суд исходил из того, что истцом не доказаны наличие договорных отношений между сторонами и факт принятия товара ответчиком от истца, а также из пропуска истцом срока исковой давности для защиты нарушенного права, о чем было заявлено ответчиком.

Истец, не согласившись с принятым решением, обратился в суд апелляционной инстанции с жалобой, в которой ссылался на то, что между сторонами заключен договор, а товар поставлен ответчику; суд неправильно применил ст.ст. 7, 196, 199, 434, 438, 458, 1209, 1211, 1186 ГК РФ, а также не применил ст. 7, 11, 12, 13, 31 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, ст.ст. 3, 20 Конвенции об исковой давности в международной купле-продаже товаров, в связи с чем необоснованно отказал в иске.

Апелляционный суд мотивировал отказ в удовлетворении апелляционной жалобы тем, что материалами дела подтверждается «отсутствие договорных отношений между сторонами, факта получения товара по спорным поставкам именно ответчиком; обратного истцом не доказано».¹⁴⁷ В отношении же доводов жалобы по сроку исковой давности со ссылками на нормы международных договоров апелляционный суд ограничился фразой, которая представляется спорной как по существу, так и по формулированию: суд первой инстанции «обоснованно по заявлению ответчика применил исковую давность в соответствии с законодательством РФ (ст. ст. 196, 199 ГК РФ), поскольку при отсутствии договорных отношений, в рассматриваемом случае, право иного государства не может быть применено». Дело в том, что истец (как следует из этого же постановления апелляционной инстанции) не просил применить положения иностранного права, он ссылался в обоснование своих доводов на нормы международного права. Более того, судом апелляционной инстанции не

¹⁴⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.03.2013 по делу № А40-105107/12-79-1057 // Там же.

дана оценка предложенным нормам (которые в этом же постановлении даже перечислены), не указано, по какой причине отсутствие договорных отношений исключает применение к спору норм международных договоров. Представляется, что отсутствие не только договорных отношений, но и отсутствие доказательств фактического наличия самих заявленных к оплате правоотношений между сторонами является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении исковых требований. В этой связи, судя по всему, суд полагал отсутствующей необходимость оценки доводов о неправильном применении норм права о сроке исковой давности.¹⁴⁸ Но данное обстоятельство никак не может быть положено в основу неприменения норм международных договоров при рассмотрении спора, связанного с такими нормами.

Примечательно в этом случае, что ссылку заявителя на норму международного договора можно было отклонить и куда более простым способом. Так, анализ положений Венской конвенции о договорах международной купли-продажи 1980 г. свидетельствует о том, что она подлежит применению только к правоотношениям сторон, которые заключили договор купли-продажи, доказательств чего в деле не усматривается (судя по содержанию судебных актов). В свою очередь Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров 1974 г. не вступила в силу в отношении нашего государства, поскольку не была ратифицирована.

В другом деле (№ А40-92579/11-5-654) апелляционный и кассационный суды не нашли оснований для применения норм указанных выше международных актов по причине того, что между сторонами фактически имели место не отношения по купле-продаже, а поручительство.¹⁴⁹ В сущности, отклонение доводов в таком ключе относительно Венской конвенции 1980 г. может считаться правильным. Но арбитражными судами не проанализирован второй нормативный акт, который вообще не вступил в силу в отношении России. «Умалчивание» такого обстоятельства может быть связано с отсутствием общего знания об этом

¹⁴⁸ Что также спорно с процессуальной точки зрения, но не существенно для данного исследования.

¹⁴⁹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.05.2012 по делу № А40-92579/11-5-654 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

либо с невыработанностью строго определенных критериев, которые должны быть проанализированы судом в отношении международных актов.

Такого рода мотивирование позиции судов свидетельствуют о пробелах в фундаментальных правовых знаниях относительно порядка применения норм международных договоров российскими арбитражными судами.

На основании чего, полагаем, целесообразно рекомендовать арбитражным судам в максимально полном объеме излагать в судебных актах мотивировочную часть в отношении норм международных договоров РФ. Особо отметим, что речь в данном случае идет об отражении в решении применительно к международным договорам как оконченного, так и не оконченного состава правоприменительной деятельности.¹⁵⁰

Следовательно, в качестве обязательного элемента судебных актов необходимо включить мотивированное изложение оснований применения / неприменения норм международных договоров к рассматриваемому спору / вопросу, если в ходе судебного разбирательства возникает ссылка на них. В этом случае речь идет о нормах международных договоров, направленных на урегулирование материально-правовой части рассмотрения спора.

В отношении преимущественно применяемых международных договоров (об избежании двойного налогообложения, о правовой помощи и др.) такая мотивированность должна состоять в установлении даты принятия договора, даты ратификации или иным образом выражения согласия России на его обязательность, даты вступления его в силу по международному праву, даты и источника его официального опубликования. Этих критериев вполне достаточно для вывода об относимости / неотносимости регулирующего эффекта международного нормативно-правового акта к спорным правоотношениям (с учетом предмета его правового регулирования, характера самих спорных отношений и периода их возникновения и развития).

Учитывая изложенные выше нормативные предписания, вопрос о включении такого элемента должен быть решен либо дифференцированно с

¹⁵⁰ См. об этом параграф 1.3 настоящего исследования.

учетом имеющегося правового регулирования, либо посредством его унификации в отношении различных видов актов правоприменения.

3.2. Процессуальные нормы международных договоров в правоприменительной деятельности арбитражных судов России

В отдельных случаях процессуальные вопросы арбитражного судопроизводства по разному регламентируются международными договорами РФ и процессуальным законодательством, что влечет необходимость приоритетного применения к ним норм международных договоров (в соответствии с изложенной выше правовой позицией по существу вопроса соотношения норм российского и международного права).

Дополнительным аргументом в подтверждение данной позиции служит также разъяснение Пленума ВС РФ в п. 2 постановления от 27.06.2017 № 23, согласно которому, если международным договором установлены иные правила судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законодательством РФ о судопроизводстве в арбитражных судах РФ, применяются правила международного договора (ч. 3 ст. 3, ч. 4 ст. 13 АПК РФ); применяя правила судопроизводства, установленные нормами международных договоров, арбитражный суд определяет действие этих правил во времени и пространстве в соответствии с разд. 2 ч. 3 Венской конвенции 1969 г.

Новым и прогрессивным является, например, разъяснение по вопросу приоритетности специальных международных договоров (абз. 4 п. 2 постановления Пленума ВС РФ № 23).

Интересным также новшеством является объем предоставленных в распоряжение арбитражного суда механизмов, связанных с установлением правового статуса иностранного лица в процессе. Комментируя в 1999 г. ныне утратившие силу положения раздела VIII (“Установление статуса иностранного лица, участвующего в арбитражном процессе”) постановления Пленума ВАС РФ, Н.В. Павлова обоснованно отметила значимость данного процесса для дальнейшего рассмотрения спора, так как на его основании разрешается значительное число иных важных вопросов. Она также указывает на то, что «зачастую при разрешении спора в Российской Федерации и юридический статус иностранного участника пытаются устанавливать в соответствии с

российским законодательством. Применительно к иностранным участникам такой подход ошибочен».¹⁵¹ Предлагая правоприменительным органам руководящие разъяснения, Пленум ВС РФ в постановлении № 23 подошел к данному вопросу более детально, чем в постановлении № 8. В частности, помимо общих положений о подлежащем применению праве в силу коллизионных норм о национальности юридического лица, арбитражным судам расширен спектр возможных инструментов подтверждения юридического статуса таких субъектов, например, открытая в сети «Интернет» информация, размещенная на официальных сайтах уполномоченных иностранных органов по регистрации юридических лиц (п. 19 постановления Пленума ВС РФ № 23).

Между тем нельзя не отметить, что остались не освещенными проблемные аспекты. Так п. 44 постановления Пленума ВС РФ № 23 дает подробные разъяснения о порядке применения п. 2 ст. 14 АПК РФ в отношении вопроса об установлении содержания норм иностранного права, но отсутствуют какие-либо рекомендации по вопросам установления действительного содержания нормы международного права – соответствующая процедура отсутствует как в нормативных правовых актах, так и в актах обобщения и приведения к единообразия судебной практики.

Отдельные разъяснения данного акта противоречат друг другу. Усматривается несогласованность по вопросу толкования процессуально-правового регулирования нормами российского и международного права в ситуации наличия пророгационного соглашения.

Как уже отмечалось, для государств-участников СНГ исключительно важное значение имеет Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, 1992 г. Важной также является Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., которая заключена между всеми странами СНГ (далее – Минская конвенция 1993 г).¹⁵²

¹⁵¹ Нешатаева Т.Н., Павлова В.В., Старженецкий В.В., Шарамова Г.И., Шебанова Н.А. Указ. соч.

¹⁵² Для Российской Федерации Конвенция вступила в силу 10.12.1994 г.

Указанные международные договоры РФ регламентируют не только порядок осуществления правовой помощи, но и значительный объем процессуальных вопросов в отношении судов государств – участников.

Ст. 21 Минской конвенции 1993 г. предусматривает, что суды Договаривающихся Сторон могут рассматривать дела и в других случаях, если имеется письменное соглашение сторон о передаче спора этим судам. При этом исключительная компетенция, вытекающая из п. 3 ст. 20 и других установленных норм, а также из внутреннего законодательства соответствующего государства-участника, не может быть изменена соглашением сторон. При наличии соглашения о передаче спора суд по заявлению ответчика прекращает производство по делу.

В п. 2 ст. 4 Соглашения о порядке разрешения споров 1992 г. предусмотрено, что при наличии письменного соглашения сторон о передаче спора компетентному суду государства-участника Содружества суд другого государства-участника СНГ прекращает производство дел по заявлению ответчика, если такое заявление сделано до принятия решения по делу.

Международными договорами практически идентично урегулирована ситуация, когда по тем или иным причинам в производстве государственного суда, неуполномоченного на то пророгационным соглашением, оказывается дело по спору между сторонами такого соглашения. В этих случаях неуполномоченный суд должен прекратить производство по делу.

П. 7 постановления Пленума ВАС РФ № 8 от 11.06.1999 (до утраты своей силы с 27.06.2017),¹⁵³ предлагал официальное разъяснение по вопросу применения данной нормы международного права арбитражными судами России, согласно которому при наличии пророгационного соглашения о передаче спора в компетентный суд иностранного государства арбитражный суд РФ по заявлению ответчика прекращает производство по делу между теми же

¹⁵³ Согласно пункту 53 постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2017 № 23, в связи с принятием настоящего постановления признаны не подлежащими применению абзац первый пункта 1, абзац первый пункта 3, пункты 5 - 7, 16 - 32 постановления Пленума ВАС РФ от 11.06.1999 № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям, принятому к своему производству по правилам общей подсудности.

Арбитражный процессуальный кодекс в ст. 150 не содержит прямого указания на необходимость прекращения производства по делу в случае подсудности спора суду иного государства, что может привести к процессуальной неопределенности в данном вопросе и возможным ошибкам правоприменителя.

Как разъясняется в определении Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 144-О, «положения ст. 270, 288 и 304 АПК РФ во взаимной связи с ч. 4 ст. 39 данного Кодекса в системе правового регулирования предполагают обязанность судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций отменить решение арбитражного суда первой инстанции в случае рассмотрения им дела с нарушением правил подсудности и направить данное дело в тот арбитражный суд, к подсудности которого оно отнесено законом».¹⁵⁴

Изложенная позиция Конституционного Суда РФ позволяет считать рассмотрение судом иска с нарушением правил о подсудности как рассмотрение иска в незаконном составе судей, что влечет безусловную отмену судебного акта и обязанность суда апелляционной и кассационной инстанции передать иск для рассмотрения по подсудности, установленной действующим законодательством.

Однако указанные нормы российского законодательства применимы лишь в отношении взаимодействия арбитражных судов правовой системы России.

При возникновении спора между хозяйствующими субъектами различных государств (например, государств – участников СНГ) изложенные нормы не подлежат применению, поскольку образуют противоречие с нормами, отраженными в имеющихся международных договорах о правовой помощи. Во взаимоотношениях государств, которые не урегулировали свои сношения в данной области каким-либо международным договором, такие нормы могут

¹⁵⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 144-О-П «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Халимбековой Шамалы Шарабудиновны положениями части 4 статьи 39, статей 270, 288 и 304 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

вступать в противоречие с общими принципами международного права. В частности, могут быть затронуты такие основополагающие принципы, как принцип суверенного равенства государств и уважения прав, присущих суверенитету, юридического равенства государств, взаимоуважения и добросовестного выполнения принятых на себя международных обязательств.

Принятое к своему производству арбитражным судом РФ дело по спору, в отношении которого имеется пророгационное соглашение, гласящее, что такой спор подсуден арбитражному суду иного государства, не подлежит передаче по подсудности с установлением компетентного в данном случае органа. В отношении такого дела ранее изложенными нормами международных договоров прямо предусмотрено, что производство должно быть прекращено с указанием на соответствующие причины и его неподсудность арбитражным судам РФ.

И такой вывод можно было бы сделать также со ссылкой на п. 2 постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2017 № 23, провозглашающий приоритет норм международных договоров в случае, если они отличным от законодательства России образом регулируют процессуальные вопросы.

Однако в п. 11 данного постановления Пленума дано совершенно противоположное по своим правовым последствиям разъяснение, согласно которому, по смыслу статьи 252 АПК РФ, при наличии пророгационного соглашения о передаче спора в компетентный суд иностранного государства арбитражный суд России оставляет исковое заявление без рассмотрения, если любая из сторон не позднее дня представления своего первого заявления по существу спора в арбитражном суде первой инстанции заявит по этому основанию возражение в отношении рассмотрения дела в арбитражном суде РФ, за исключением случаев, если арбитражный суд установит, что пророгационное соглашение недействительно, утратило силу, не может быть исполнено или не предусматривает исключение компетенции арбитражных судов России (ч. 5 ст. 3, п. 5 ч. 1 ст. 148 АПК). Указанные правила применяются вне зависимости от того, находится ли в производстве иностранного суда дело по спору между сторонами пророгационного соглашения.

Область правового регулирования ст. 252 АПК РФ является смежной с вопросами принятия дела к рассмотрению арбитражным судом с соблюдением правил о подсудности в условиях наличия пророгационного соглашения, но регулирование не аналогично.

П. 1 ст. 252 АПК РФ предусмотрено, что арбитражный суд оставляет иск без рассмотрения по правилам гл. 17 Кодекса, если в производстве иностранного суда находится на рассмотрении дело по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям, при условии, что рассмотрение данного дела не относится к исключительной компетенции арбитражного суда в соответствии со ст. 248. А в п. 2 данной статьи установлено, что арбитражный суд прекращает производство по делу по правилам гл. 18, если имеется вступившее в законную силу решение иностранного суда, принятое по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям, при условии, что рассмотрение данного дела не относится к исключительной компетенции арбитражного суда в РФ или указанное решение не подлежит признанию и приведению в исполнение в соответствии со ст. 244.

То есть, речь по сути идет о ситуациях, когда установлено фактическое совпадение основания и предмета исковых требований, принятых к рассмотрению судами различных государств. Более того, указанные в данной статье случаи будут правомерным вариантом поведения российского арбитражного суда безотносительно к тому, имеется ли между сторонами действительное пророгационное соглашение и какой суд по его условиям является компетентным.

Ситуация с принятием искового заявления арбитражным судом в нарушение правил о подсудности по условиям пророгационного соглашения имеет иные фактические основания, является иным юридическим фактом, который должен иметь самостоятельные правовые последствия – в данном случае процессуальные.

АПК РФ соответствующим образом разграничивает ситуации в рамках национальной юрисдикции:

- если в производстве арбитражного суда имеется дело по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям - суд оставляет исковое заявление без рассмотрения, если такие обстоятельства установит после его принятия к производству (п. 1 ч. 1 ст. 148);

- если же при рассмотрении дела в суде выяснилось, что оно было принято к производству с нарушением правил подсудности - арбитражный суд передает дело на рассмотрение другого арбитражного суда того же уровня (п. 3 ч. 2 ст. 39).

И это объяснимо. Если иной суд спор еще не разрешил, то имеется вероятность его неразрешения, а оставление искового заявления без рассмотрения позволяет заявителю вновь обратиться с аналогичным иском в защиту своих прав и законных интересов. В случае же, когда спор по существу уже разрешен иным судом, то нет оснований сохранять за заявителем даже гипотетическую возможность повторного обращения с аналогичными требованиями.

О каком праве на судебную защиту по аналогичным требованиям может идти речь, когда арбитражный суд РФ в целом не компетентен рассматривать настоящий спор ввиду наличия согласованного волеизъявления сторон на рассмотрение спора судом иного государства? Очевидно, что в случае изменившихся обстоятельств, в частности, в случае изменения волеизъявления сторон, будут и иные основания исковых требований, что позволяет принять и рассмотреть исковые требования даже при наличии определения о прекращении производства по делу ввиду наличия пророгационного соглашения.

П. 11 постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2017 № 23 не соответствует и самому контексту международных договоров с участием России.

В п. 18 постановления разъяснено, что применительно к ч. 1 ст. 148 АПК РФ участие иностранного лица в судебном разбирательстве и отсутствие возражений с его стороны в отношении компетенции арбитражного суда России до первого заявления по существу спора подтверждают его волю на рассмотрение спора указанным судом и влекут за собой утрату права ссылаться на отсутствие у данного суда компетенции (правило утраты права на возражение - ч. 5 ст. 3 АПК

РФ).¹⁵⁵ А далее указывает: «Такое процессуальное поведение ответчика в суде первой инстанции не дает оснований для прекращения производства по делу в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ».

В случае противоположного процессуального поведения ответчика, то есть в ситуации, когда он заявит надлежащим образом о наличии пророгационного соглашения, арбитражному суду предоставлены все-таки «основания для прекращения производства по делу в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ», в разрез с п. 11 этого Постановления.

Как пример вынужденного, но весьма спорного разрешения процессуального вопроса о подсудности конкретного спора можно привести следующую ситуацию. Эта ситуация имела место до принятия разъяснений Пленума в июне 2017 г., но и на момент рассмотрения дела арбитражными судами ее разрешение было также спорным.

Российская коммерческая организация (истец) обратилась в Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области с иском к Республиканскому унитарному предприятию Беларуси (ответчик) о взыскании задолженности, образовавшейся в результате ненадлежащего исполнения последним своих обязательств по договору подряда между ними. Данный договор подряда (учитывая протокол разногласий) в п. 7.1 предусматривал, что все споры, разногласия или требования сторон из этого договора подлежат разрешению в арбитражном (хозяйственном) суде по месту нахождения ответчика в соответствии с законодательством страны ответчика. Ответчиком по данному спору являлось предприятие Беларуси, что свидетельствует о подсудности данного спора белорусскому суду по месту нахождения предприятия-ответчика.

¹⁵⁵ Обращает на себя внимание также указание на ч. 5 ст. 3 АПК, в которой речь идет об аналогии права и аналогии закона, поскольку остался не определенным вопрос, какая аналогия в данном случае использована для возможности применения правила об утрате права на возражение, так называемый эстоппель (*estoppel – venire contra factum propositum*). При этом концепция утраты права на возражения не является проработанной в российской правоприменительной практике и ее безапелляционное введение на таком значительном уровне в оборот может вызвать и вызовет массу вопросов. Не разрешенными остались вопросы о том, можно ли считать отсутствие возражений относительно компетентности суда молчаливым заключением сторонами нового пророгационного соглашения, может ли последнее иметь такую форму, соответствует ли такой институт контексту международных договоров и пр.

Между тем, в отсутствие каких-либо возражений ответчика, представитель которого в заседание суда первой инстанции не явился, Арбитражный суд Петербурга и Ленинградской области рассмотрел исковые требования и 11.05.2012 принял решение об их частичном удовлетворении.¹⁵⁶

Апелляционная жалоба ответчика содержала возражения в части неподсудности данного дела арбитражным судам РФ со ссылкой на изложенное выше пророгационное соглашение сторон. Данные возражения восприняты арбитражным судом апелляционной инстанции, в связи с чем, постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.08.2012 решение от 11.05.2012 отменено, дело передано для рассмотрения по существу в Хозяйственный суд Гомельской области Республики Беларусь.¹⁵⁷

В обоснование своего постановления арбитражный суд апелляционной инстанции сослался на вышеизложенную позицию Конституционного суда РФ в отношении рассмотрения дела судом с нарушением правил о подсудности.

В данном случае постановление суда апелляционной инстанции принято в разрез с нормой международного договора, прямо предусматривающей необходимость полномочного суда государства — участника Конвенции прекратить производство по делу.

В рамках механизма правовой помощи и правовых отношений по гражданским (в данном случае) делам не имеется вообще такого института, как передача дела по подсудности в суд компетентного государства. Отсутствие такого механизма, очевидно, обусловлено спецификой системы правосудия в каждом из договаривающихся государств и отсутствием необходимости приводить к единообразию отдельные нормы о принятии к производству судами

¹⁵⁶ Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 11.05.2012 по делу № А56-58029/2011 // Официальный сайт Электронное правосудие. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/8f74a66b-c50c-4046-b2e3-1041b787ffdb/A56-58029-2011_20120502_Reshenie.pdf (дата обращения 18.09.2018).

¹⁵⁷ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.08.2012 по делу № А56-58029/2011 // Официальный сайт Электронное правосудие. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/68d7419b-cdfc-4e15-a260-e7763155adf9/A56-58029-2011_20120813_Postanovlenie%20apeljacionnoj%20instancii.pdf (дата обращения 18.09.2018).

гражданских споров, о порядке представления доказательств, о стадиях судопроизводства и о многих других процессуальных действиях.

В таком варианте разрешения вопроса косвенно затрагивается принцип суверенного равенства государств – участников Минской конвенции 1993 г., который исключает возможность органа судебной власти одного государства давать органу государственной власти (в лице отдельно взятого суда) другого государства юридически значимые предписания (рассмотреть конкретный гражданский спор с конкретным субъектным составом и конкретному хозяйственному суду, учитывая право сторон на судебное разбирательство в разумные сроки). При этом в п. 4 ст. 39 АПК РФ закреплена обязанность суда, которому дело направлено по подсудности, принять к своему производству данное дело и рассмотреть его. Каким образом должно быть обеспечено исполнение этой обязанности в рассмотренном нами случае, остается не ясным. Очевидно, что этот вопрос не исследовался арбитражным судом апелляционной инстанции при вынесении соответствующего постановления.

Недопустимость смешения механизмов осуществления правовой помощи и порядка разрешения вопроса пересечения юрисдикций судебных органов различных государств нашла отражение в разъяснениях, данных в абз. 2 п. 50 постановления ВС РФ от 27.06.2017 № 23, согласно которому применение обеспечительных мер (равно как и возбуждение искового производства по заявлению иностранного суда в пользу какого-либо частного лица) не входит в объем взаимной правовой помощи и не может быть осуществлено в порядке ее оказания судом одного государства на основании поручения иностранного суда.

Изложенное можно истолковать как попытку при сохранении приоритета норм международных договоров в процессуальных вопросах минимизировать влияние международного права на правоприменительную деятельность.

Следует отметить прогрессивный характер данного постановления, оно содержит существенное количество институциональных и терминологических новшеств, таких как уже упоминавшийся эстоппель, пророгационное и дерогационное соглашения, правила соотношения общих и специальных норм

международных договоров, порядок разрешения коллизионного вопроса о подсудности в деликтных обязательствах с использованием гибких коллизионных привязок, порядок и основания применения тех или иных теорий для определения личного закона юридического лица, установление процессуальной дееспособности юридического лица в арбитражном процессе, вопросы надлежащего извещения юридических лиц о производстве в арбитражном суде, в том числе при наличии представителя или представительства на территории России, вопросы соотношения институтов оказания правовой помощи и взаимодействия судебных учреждений различных государств и др. Более того, сделаны существенные замечания в отношении отдельных международных договоров РФ, подлежащих применению при рассмотрении конкретных процессуальных вопросов арбитражными судами, определен их правовой статус и сфера применения. Такие замечания со стороны высшей судебной инстанции могут значительно облегчить процесс правоприменения в этой области.

Не получил должного отражения, но усматривается из существа данного Постановления (в отличие от постановления Пленума ВАС РФ № 8 от 11.06.1999 г.) важнейший тезис, что международные договоры РФ подлежат применению арбитражными судами при разрешении процессуальных вопросов не только в ситуации противоречия между его нормам и нормами российского законодательства, но и в ситуации, когда такие нормы взаимно дополняют друг друга, как в случае с определением процессуальной дееспособности юридического лица или порядком извещения участников процесса, находящихся за пределами России в совокупности с определением оснований для продления процессуальных сроков рассмотрения дела. Целесообразно дать такие разъяснения для обеспечения акцентирования внимания судебного сообщества.

3.3. Материальные нормы международных договоров в правоприменительной деятельности арбитражных судов России

В процессе судопроизводства арбитражные суды сталкиваются с непростыми ситуациями, когда во внутрirosсийское правовое регулирование вклинивается международно-правовое регламентирование. Особую сложность в этом случае может представлять возникновение такой ситуации на стыке частных и публичных интересов. Так, например, произошло в результате заключения значительного количества международных договоров об исключении двойного налогообложения.

Показательными в данном вопросе являются постановление Президиума ВАС РФ от 15.11.2011 № 8654/11 по делу № А27-7455/2010¹⁵⁸ и принятые со ссылками на него последующие судебные акты арбитражных судов, например, по делу № А46-24377/2012.¹⁵⁹

В указанном Постановлении высшего судебного органа предложено спорное толкование норм международных договоров с точки зрения определение их соотношения с внутрirosсийским налоговым законодательством России.

Из судебных актов по делу № А27-7455/2010 усматривается, что арбитражные суды трех инстанций (первой, апелляционной и кассационной), признав задолженность акционерного общества (истец) по долговым обязательствам контролируемой, вместе с тем достаточно обоснованно сочли, что в рассматриваемом случае приоритет имеют нормы международных договоров, регулирующих вопросы налогообложения участников заемных сделок.¹⁶⁰

¹⁵⁸ Постановление Президиума ВАС РФ от 15.11.2011 № 8654/11 по делу № А27-7455/2010 // Вестник ВАС РФ. М., 2012. № 3.

¹⁵⁹ С судебными актами четырех инстанций арбитражных судов РФ по делу А46-24377/2012 можно ознакомиться в системе «Электронное правосудие». URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/e3fbeb5e-be35-44b7-b141-308598348f81> (дата обращения 18.09.2018).

¹⁶⁰ С судебными актами четырех инстанций арбитражных судов РФ по делу А27-7455/2010 можно ознакомиться в системе «Электронное правосудие». URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/04154295-3f19-4e9b-9d24-fdd4a274cac7> (дата обращения 18.09.2018).

Рассмотрев нормы Соглашения об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал, заключенного между Россией и Швейцарией 15.11.1995,¹⁶¹ и Соглашения об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал, заключенного между Правительством России и Правительством Кипра 05.12.1998,¹⁶² (идентичных по содержанию, далее – соглашения), арбитражные суды первой, апелляционной и кассационной инстанций пришли к выводу, что налогообложение общества, в том числе разрешение вопросов, связанных с особенностями формирования его расходов при определении налогооблагаемой прибыли, должно производиться с учетом требований данных соглашений.¹⁶³

Между тем, Президиума ВАС, пересмотрев это дело в порядке надзора, отменил принятые судебные акты, посчитав, что выводы, сделанные судами трех инстанций, противоречат налоговому законодательству. По мнению Президиума, из ст. 7 Налогового кодекса РФ следует, что международные договоры, в частности, соглашения об избежании двойного налогообложения, применяются в случаях, когда законодательство России вступает в противоречие с международно-правовыми актами и устанавливает иное правовое регулирование тех или иных вопросов налогообложения. Президиум указал, что суды придали ст. 24 означенных соглашений более широкое толкование, фактически исключая возможность применения п. 2 ст. 269 НК РФ при учете процентов по контролируемой задолженности.¹⁶⁴

В рассматриваемом постановлении № 8654/11 дано следующее толкование ст. 24 соглашений об избежании двойного налогообложения: «Эти статьи направлены на устранение дискриминации при налогообложении

¹⁶¹ Соглашение об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал, заключенное между Россией и Швейцарией 15.11.1995 г. // СЗ РФ. 09.06.1997. № 23. Ст. 2666.

¹⁶² Соглашение об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал, заключенное между Правительством России и Правительством Кипра 05.12.1998 г. // СЗ РФ. 13.09.1999. № 37. ст. 4447.

¹⁶³ Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 12.08.2010 по делу № А27-7455/2010, Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 01.11.2010 по делу № А27-7455/2010, Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.03.2011 по делу № А27-7455/2010. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/04154295-3f19-4e9b-9d24-fdd4a274cac7> (дата обращения 18.09.2018).

¹⁶⁴ Постановление Президиума ВАС РФ от 15.11.2011 № 8654/11 по делу № А27-7455/2010.

национальных лиц одного договаривающегося государства в другом, включая гарантию на равные условия налогообложения, и не исключают возможности установления специальных правил налогообложения на уровне национального законодательства договаривающихся государств как средства борьбы с минимизацией налогообложения. К числу этих правил относится, в том числе п. 2 ст. 269 НК РФ, вводящий ограничения для налогоплательщиков – российских организаций – при учете ими процентов по долговым обязательствам перед компаниями, доминирующими в различных формах в деятельности налогоплательщика – российской организации. Указанное ограничение по учету процентов вводится при таком построении бизнеса российской компании, когда имеет место высокая доля долга, аффилированность заемщика и кредитора, в лице которого выступает не только иностранная компания, но и российская компания, аффилированная с иностранной компанией, отсутствие факта погашения долгового обязательства. Данные признаки соответствуют понятию «ассоциированные предприятия», в отношении которых ст. 9 соглашений от 15.11.1995 г. и от 05.12.1998 г. вводится особый порядок налогообложения прибыли, полученной такими предприятиями ввиду наличия между ними особых коммерческих и финансовых взаимоотношений».

Президиум ВАС РФ в обоснование своей позиции сослался также на официальный комментарий Организации экономического сотрудничества и развития к Модельной конвенции об избежании двойного налогообложения, «являющейся рамочным документом, устанавливающим общие принципы и подходы к устранению двойного налогообложения».¹⁶⁵

В результате Президиум сделал вывод, что статьи 9 вышеуказанных соглашений не только позволяют, но и указывают на необходимость применения норм национального законодательства о контролируемой

¹⁶⁵ Примечательно, что, например, в письмах Министерства финансов РФ содержатся утверждения, что хотя в настоящее время Россия не является членом ОЭСР, но для неё официальное толкование, содержащееся в комментариях к Модели соглашения ОЭСР, приобретает обязательный характер в результате действия принципа идентичности толкования договора об избежании двойного налогообложения с государствами – членами ОЭСР. См. об этом: письма Министерства финансов РФ от 19.08.2013 № 03-08-05/33673, от 16.08.2013 № 03-01-18/33520 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

задолженности, в связи с чем п. 3 ст. 24 соглашений, устанавливающие определенные гарантии резидентам договаривающихся государств по применению вычетов при определении налогооблагаемой прибыли, не распространяются на резидентов, обладающих признаками ассоциированного предприятия, о чем прямо говорится в данной норме. При этом, по мнению Президиума, положение п. 4 ст. 24 соглашений означает, что ко всем без исключения российским организациям, подпадающим под действие п. 2 ст. 269 НК РФ, применяется порядок, установленный названными положениями Кодекса, который лишь вводит для российских налогоплательщиков дополнительное условие, которому необходимо соответствовать для получения возможности вычитать проценты без соответствующих ограничений.

Президиумом установлено, что правила п. 2 ст. 269 НК РФ направлены на противодействие злоупотреблениям в налоговых правоотношениях и их нельзя рассматривать в качестве дискриминационных по отношению к российским организациям с существенным иностранным капиталом при наличии у них контролируемой задолженности перед иностранной организацией.

ВАС РФ в нелегком выборе между частными и публичными интересами в процессе взаимосвязанного толкования положений норм законодательства РФ и международных договоров приоритеты публичного интереса России поставил выше приоритетного применения норм международных договоров. Примечательно, что в отношении ранее рассмотренных арбитражными судами дел с прямо противоположными выводами ВАС не пошёл на применение обратной силы такого толкования и оставил в силе соответствующие решения, например, по делу № А46-10363/2010¹⁶⁶ (Определение об отказе в передаче дела в Президиум ВАС РФ № 13698/11 от 02.03.2012 г.¹⁶⁷).

¹⁶⁶ С судебными актами четырех инстанций арбитражных судов РФ по делу № А46-10363/2010 можно ознакомиться в системе «Электронное правосудие». URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/8cbd8ece-6bbc-4f40-8a32-e55bf35d6ad2> (дата обращения 18.09.2018).

¹⁶⁷ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ № 13698/11 от 02.03.2012 URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/5f271789-4fb4-4256-9367-4b385eefb3ef/A46-10363-2010_20120302_Opredelenie.pdf (дата обращения 18.09.2018).

Изложенное дополнительно свидетельствует о многогранности, значимости и сложности задачи унифицированного подхода к совершенствованию правоприменительного процесса в части взаимодействия российских и международных правовых актов.

В отдельных ситуациях, например, Россия и ряд других государств могут принять решение о регулировании отдельного круга правоотношений между ними и между субъектами их правовых систем только на международном уровне в унифицированном порядке. Они заключают международный договор, а направленное на урегулирование данного объема правоотношений национальное законодательство прекращает свое действие в каждом из государств – участников. Так произошло с Таможенным кодексом Российской Федерации,¹⁶⁸ который утратил силу (в основной своей части) с 29.12.2010 г. после принятия Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества № 17 от 27.11.2009 г. Таможенного кодекса Таможенного союза.¹⁶⁹ После этого таможенное регулирование на территории России осуществляется в соответствии с Федеральным законом № 311-ФЗ от 27.11.2010 г. «О таможенном регулировании в Российской Федерации».¹⁷⁰

Таможенный кодекс Таможенного союза – это международный договор регионального характера. Он является нормативно-правовым актом международного права, который подлежит непосредственному применению органами государственной власти РФ. Помимо регулирования межгосударственных отношений, его нормы распространяются на права и обязанности физических и юридических лиц, вступающих в таможенные правоотношения. Его применение связано не только с прохождением таможенного контроля гражданами и с таможенным оформлением товаров в процессе пересечения границ государств-участников Таможенного союза, но и с

¹⁶⁸ Таможенный кодекс Российской Федерации от 28.05.2003 № 61-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 02.06.2003 г. № 22. Ст. 2066.

¹⁶⁹ Таможенный кодекс Таможенного союза, 2009 г. // Собрание законодательства РФ. 13.12.2010. № 50. Ст. 6615.

¹⁷⁰ Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 29.11.2010. № 48. Ст. 6252.

последующим контролем со стороны уполномоченных органов за правильностью осуществления связанных с этим процедур, а также разрешением возникающих в этой связи экономических споров.

Практика применения норм Таможенного кодекса Таможенного союза и сопутствующих ему документов международного характера складывалась не однозначно на территории Российской Федерации.

Показательным в этом отношении является уже отмеченное нами дело гражданина И.Д. Ушакова, который при перемещении 10.07.2010 г. на территорию России товаров для личного пользования уплатил таможенную пошлину и налог в размере, определенным таможенным органом в соответствии с нормами Таможенного кодекса РФ и Положения о применении единых ставок таможенных пошлин, налогов в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу России физическими лицами для личного пользования. Однако позже таможенный орган предъявил И.Д. Ушакову требование о выплате недоимки по таможенным платежам и пени за их просрочку (сумма превысила уже оплаченную более чем в 30 раз), которое было удовлетворено решением мирового судьи, оставленным без изменения определением районного суда.¹⁷¹

При требовании уплаты измененных платежей и применении санкции за просрочку их исполнения правоприменительные органы исходили из положений введённого за 10 дней до этого (с 01.07.2010) в качестве временно применяемого международного договора – Соглашения между Правительством России, Правительством Беларуси и Правительством Казахстана от 18.06.2010 «О порядке перемещения физическими лицами товаров для личного

¹⁷¹ Анализ дела гражданина И.Д. Ушакова приводится на основании описательной части постановления Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 № 8-П, ссылка на которое имеется далее. Рассмотрение ситуации, возникшей в практике судов общей юрисдикции, применительно к арбитражному судопроизводству возможно по двум причинам. Во-первых, на сегодняшний день высшей судебной инстанцией для арбитражных судов и судов общей юрисдикции является Верховный суд РФ, что обуславливает в последующем в ходе обобщения практики органов этих судебных систем формирование ее единообразных критериев и подходов к решению задач судопроизводства. Во-вторых, Таможенный кодекс Таможенного союза и принимаемые в продолжение него международные нормативные правовые акты регламентируют не только вопросы пересечения физических лиц через таможенную границу РФ, но и, например, перемещение товаров через такую границу, а деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в этой связи, в случае возникновения спорной ситуации, будет относиться к сфере арбитражной юрисдикции.

пользования через таможенную границу таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском», предусматривающего более высокие ставки таможенных платежей. Несмотря на то, что указанное Соглашение до времени рассмотрения спора официально не было опубликовано, правоприменительные органы не нашли препятствий для его применения к таможенным правоотношениям, имевшим место 10.07.2010 г. (Россия его ратифицировала Федеральным законом № 60-ФЗ лишь 05.04.2011 г.).

Гражданин И.Д. Ушаков оспаривал в Конституционном Суде на предмет конституционности положение п. 1 ст. 23 ФЗ «О международных договорах РФ», согласно которому международный договор или часть договора до его вступления в силу могут применяться Российской Федерацией временно, если это предусмотрено в самом договоре или если об этом была достигнута договоренность со сторонами, его подписавшими. Кроме того, оспаривался факт применения указанного Соглашения до его официального опубликования, что противоречит ч.3 ст. 15 Конституции. С применением оспоренных законоположений в его деле о взыскании недоимки и пени по таможенным платежам и связывал нарушение своих конституционных прав И.Д. Ушаков.

Конституционный Суд в постановлении № 8-П от 27.03.2012 г. пришел к выводам, в том числе и в части соблюдения принципа добросовестного выполнения Российской Федерацией международных обязательств. В мотивировочной части данного постановления указано, что п. 1 ст. 23 ФЗ «О международных договорах РФ» не противоречит Конституции, поскольку – по своему конституционно-правовому смыслу – не предполагает возможность временного применения в Российской Федерации международного договора (или части международного договора) РФ, затрагивающего права, свободы и обязанности человека и гражданина и устанавливающего при этом иные правила, чем предусмотренные законом, без его официального опубликования.

Кроме того, Конституционный Суд постановил, что временно применяемые Российской Федерацией международные договоры, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина и

устанавливающие при этом иные правила, чем предусмотренные законом, подлежат официальному опубликованию в порядке, предусмотренном п. 1 и 2 ст. 30 данного Федерального закона для вступивших в силу международных договоров РФ, либо в порядке, предусмотренном ч. 3 статьи 3 и ч. 1 ст. 4 ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» для международных договоров, ратифицированных Федеральным Собранием.

Признание п. 1 ст. 23 ФЗ «О международных договорах РФ» не противоречащим Конституции РФ в его конституционно-правовом истолковании, содержащемся в данном Постановлении, не ставит под сомнение обязанность Российской Федерации добросовестно соблюдать в межгосударственных отношениях общепризнанный принцип международного права *pacta sunt servanda* (согласно ст. 26 и 27 Венской конвенции о праве международных договоров) и, по общему правилу, не может служить оправданием для неисполнения Российской Федерацией обязательств, вытекающих из временно применяемых ею международных договоров в отношениях с другими государствами-участниками в связи с отсутствием внутригосударственного официального опубликования таких договоров.

Определением Забайкальского краевого суда от 05.06.2012 г. по делу № 33-1653-2012 удовлетворено заявление гражданина И.Д. Ушакова о пересмотре по новым обстоятельствам кассационного определения по делу о взыскании задолженности по уплате таможенных платежей со ссылкой на указанное постановление Конституционного Суда РФ № 8-П.¹⁷²

Это дело выявило особую специфику международных договорных обязательств государства и процесса их выполнения с участием российских органов правоприменения (как налоговых органов, так и судебных инстанций в ходе рассмотрения спора). Более того, проблемные аспекты этого дела имеют в своей основе и серьезные теоретические пробелы в праве, которые были

¹⁷² Определение Забайкальского краевого суда от 05.06.2012 по делу № 33-1653-2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

подчёркнуты и проанализированы В.С. Иваненко в ходе обоснования отнесения международных договоров к нормативно-правовым актам.¹⁷³

Следуя сложившейся на сегодняшний день доктрине в области соотношения международного и национального материально-правового регулирования правоотношений, входящих в арбитражную юрисдикцию, можно сформулировать правовые ориентиры для правоприменительной практики арбитражных судов.

Безусловно, арбитражному суду необходимо учитывать факт наличия норм международных договоров РФ, направленных на регулирование спорных правоотношений. Необходимо проверять вступление международного договора в силу в целом и для России, в частности. Также необходимо проверять соблюдение в отношении данного договора внутригосударственных процедур, обеспечивающих возможность его применения к спорным правоотношениям, и, в частности, официальное опубликование международного договора.

Дальнейший порядок действий обусловлен сформировавшейся практикой на базе выводов высших судебных инстанций. Так, в процессе толкования норм международных договоров суд должен определить характер правового регулирования норм международных договоров и как они соотносятся с характером правового регулирования норм российского права в данной области.

Варианта может быть два.

Первый: правовое регулирование нормами международного договора носит дополнительный характер по отношению к регулированию нормами российского права, когда совпадающими являются лишь цели, задачи и общие принципы регулирования. В таком случае международные и российские нормы должны применяться в совокупности, обогащая и детализируя друг друга.

Второй вариант: правовое регулирование международных договоров носит преимущественный характер по отношению к нормам российского права. В этом случае не совпадают могут цели и/или задачи такого регулирования, способы и

¹⁷³ См. об этом: Иваненко В.С. Международные договоры России как нормативно-правовые акты. С. 26 – 51.

методы воздействия на общественные отношения. В такой ситуации примат правоприменения за международным договором.

Руководствуюсь принципом доброжелательного отношения к международному праву и необходимостью соблюдения баланса публичных и частных интересов в российской правовой системе, арбитражному суду в каждом конкретном случае следует стремиться к такому толкованию норм международного и российского права, которое сможет обеспечить в каждом конкретном случае их совместное или раздельное, но правомерное применение.

3.4. Проблема применения в арбитражном судопроизводстве международных договоров в зависимости от их вида и правового статуса

В современном международном праве принято классифицировать международные договоры по ряду признаков: по количественному составу – двусторонние и многосторонние; по объекту – политические, экономические, социальные и др., по субъектам – межгосударственные и договоры, заключенные между государствами и международными организациями или между международными организациями. Возможны и иные классификации.

Однако в международном праве отсутствует классификация международных договоров по органу, действующему от имени государства при его заключении. И такое положение вещей вполне оправдано, поскольку государство, как суверенное образование, свободно в определении своих органов, уполномоченных от его имени выступать в международных сношениях. Определить заранее и унифицированно уполномоченные органы / должностные лица для всех участников таких отношений невозможно. Кроме того, государство свободно в определении внутригосударственных организационных процедур по даче согласия на обязательность международного договора и по приведению его в исполнение. Это обусловлено тем, что государство на публичной международной арене выступает как единое образование, обладающее собственной обособленной, неделимой волей, олицетворенной в своих органах и должностных лицах.

Государство само определяет, кто от его имени вправе участвовать в международных договорных правоотношениях. Так, согласно ч. 2 ст. 3 ФЗ «О международных договорах РФ», международные договоры России заключаются на трех уровнях от имени: Российской Федерации (межгосударственные договоры), Правительства (межправительственные договоры), федеральных органов исполнительной власти или уполномоченных организаций (договоры межведомственного характера).

Это нашло отражение и в науке. Указывается, что в правовую систему России входят три типа международных договоров: межгосударственные,

межправительственные и межведомственные. При этом приводится оговорка, что эти три типа договоров в широком смысле «являются межгосударственными договорами, т.е. международными договорами государства как субъекта международного права, которое и несет ответственность за их выполнение».¹⁷⁴

Законодательство России предлагает соответствующие данной классификации юридические последствия для международных договоров (их юридическая сила, порядок введения в правовую систему и их исполнения, взаимодействия их норм с нормами российского права).

Наличие практической необходимости в уточнении этого вопроса может быть подтверждено следующим. В п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 разъясняется, что международный договор, согласие на обязательность которого принято в форме федерального закона, имеет приоритет применения в отношении законов; международный договор, согласие на обязательность которого принято не в форме федерального закона, имеет приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти, заключившим данный договор.

На практике арбитражные суды, пользуясь данной классификацией, делают противоречивые и не всегда правильные выводы по существу подлежащих применению норм.¹⁷⁵

Отдельные ученые, делая порой спорные выводы,¹⁷⁶ не анализируют вопрос о том, имеются ли какие-либо международно-правовые основания для изложенных выше разъяснений высшей судебной инстанции и законодательного закрепления такой классификации международных договоров РФ.

¹⁷⁴ См., например: Морозов А.Н. Реализация международных договоров в Российской Федерации: правовые основания // Журнал российского права. № 2 (146). М., 2009. С. 103.

¹⁷⁵ Такие противоречивые выводы в отношении порядка официального опубликования международных договоров РФ и, соответственно, их применения или не применения к спорным правоотношениям сделаны, например, по арбитражным делам № А71-2758/2014 и А65-5254/2013, к фабуне которых обратимся в ходе дальнейшего изложения.

¹⁷⁶ Например, о том, что в пользу трехзвенной классификации международных договоров в зависимости от уровня государственного органа, выразившего от имени государства согласие на его обязательность, говорит подп. «а» п. 1 ст. 15 ФЗ «О международных договорах РФ». // Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Выполнение международных договоров Российской Федерации. С. 87. Однако данный пункт является логичным продолжением в рамках данного закона, определяющим целевой уровень международных договоров, которые должны быть подвергнуты ратификации. То есть, этот пункт является следствием уже сформулированной проблемной посылки другой нормы Закона 1995 г.

Данные авторы даже предложили привнести указанную классификацию договоров в международные региональные правоотношения: «в рамках межгосударственного объединения, например, ЕврАзЭС, целесообразно разработать и принять документ, посвященный иерархии международных договоров, заключаемых на разных уровнях (межгосударственном, межправительственном и межведомственном) в рамках объединения».¹⁷⁷

Однако авторами такого предложения не учтено, что такой документ об иерархии может существенно подорвать стабильность международных договорных отношений, он, в сущности, противоречит общим принципам международного права. Международная правовая система не квалифицирует органы государственной власти конкретных стран в качестве субъектов права. Субъектами международного права являются суверенные государства. Теория присвоения относит к деятельности основных акторов международного права такую деятельность, которую осуществляют их органы и должностные лица. Таким образом, один и тот же субъект международных правоотношений, выступая в лице своих органов власти различного уровня, не может и не должен в этой связи придавать различную юридическую силу заключаемым договорам.

Построение системы органов государственной власти – это суверенная функция каждого государства. Такая система органов власти не может и не должна быть единой для всех государств мирового сообщества. В такой ситуации объективно не возможно создание единой унифицированной классификации международных договоров в международной правовой системе.

Как справедливо подчеркивает Б.Л. Зимненко, «международное право исходит из того, что международный договор может быть заключен исключительно субъектом международного права. Ни правительство, ни тем более министерство, ведомство, иной государственный орган и/или орган государственной власти не имеют права заключать международные договоры от своего имени. В связи с этим приведенная ... классификация ... является алогичной, не вполне соответствующей общепризнанным нормам

¹⁷⁷ Там же. С. 94.

международного права, действующим в сфере права международных договоров». ¹⁷⁸ При этом автор отмечает, что означенный «Закон мог бы указать перечень лиц, государственных органов, имеющих возможность участвовать в заключении международных договоров от имени Российской Федерации, не подразделяя международные договоры». ¹⁷⁹

Такое предположение ученого оправдано и закономерно. Даже принимая во внимание предоставленную международным правом каждому государству свободу в определении порядка и способов обеспечения исполнения международных договорных обязательств, следует понимать, что международные договоры являются источниками международного права и их характеристики, предполагающие, в том числе, классификацию, определяются именно в международной правовой системе. Внутригосударственная правовая система должна воспринимать и применять данные источники права в итоговом, сформированном варианте, не вмешиваясь в их качественные характеристики.

Вместе с тем, государство выступает как субъект права через свои органы и должностных лиц. Система и структура органов и должностных лиц государства построена таким образом, что каждое звено специализируется, отвечает за определенный круг вопросов. Такая организация оптимально обеспечивает рациональное законотворчество, правореализацию и иные правовые и связанные с ними процессы в правовой системе.

Интеграционные процессы современного общества все больше приводят государства к сотрудничеству не только в международной сфере, но и к согласованному урегулированию отдельных внутригосударственных вопросов. В литературе уже отмечалось, что «предметом регулирования международного права не могут более считаться только вопросы, относящиеся исключительно к территории или к юрисдикции государств, оно все более активно начинает участвовать в регламентации и разрешении специализированных проблем

¹⁷⁸ Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации / Курс лекций: общая часть. М., 2010. С. 277.

¹⁷⁹ Зимненко Б.Л. Указ. соч. С. 277.

современного общества».¹⁸⁰ Как пишет В.В. Гаврилов, «в наше время государства вынуждены совместно решать не только международные проблемы, но и задачи, которые еще вчера считались чисто внутренними».¹⁸¹

Не всегда только наличие иностранного элемента в спорных правоотношениях порождает необходимость обращения арбитражного суда к нормам международного договора, особенно если это касается материально-правовых аспектов, например, института прав человека. Отметим, что сфера возможного использования разъяснений постановления Пленума ВС РФ № 23 от 27.06.2017 в этом смысле значительно более узкая, а постановление Пленума ВС РФ № 5 от 10.10.2003 уже не всегда может оперативно помочь в возникающих на практике вопросах.

Международные договоры с течением времени охватывают все больший спектр вопросов и областей деятельности субъектов как международного, так и национального права. Закономерно, что участие каждого государства в создании международных договорных норм и в придании им юридической силы (то есть в процессе заключения международных договоров) должно обеспечиваться через специализированные органы. Таким образом, достигается оптимальное согласованное взаимодействие национальной и международной правовых систем.

Наиболее вероятно, что именно о такой специализации говорит Б.Л. Зимненко, предлагая отразить ее в Законе «О международных договорах РФ». Это в полной мере будет соответствовать принципу добросовестного исполнения государством своих обязательств. Узкоспециализированный орган или должностное лицо обладает всей полнотой информации о состоянии дел в предполагаемой для урегулирования международным договором области общественных отношений.

Придание особого статуса или нивелирование регулирующего эффекта международного договора в зависимости от уровня принятия решения о его обязательности для государства является необоснованным.

¹⁸⁰ Шо М. Международное право. Третье издание. Кэمبرидж, 1991. С. 57.

¹⁸¹ Гаврилов В.В. Понятие и взаимодействие международной и национальной правовых систем. С. 75.

В таком случае с юридической точки зрения целесообразнее различать фактическую классификацию видов международных договоров РФ и детализацию того, какой орган выступает от имени государства при заключении международного договора. На наш взгляд, именно последнее преследовалось в качестве цели в ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О международных договорах РФ». Данное положение следует оценивать как указание на возможность и обоснованность участия в процессе принятия международного договора не какого-то одного представительного органа государства, а специализацию такого участия. Расширительное толкование этого положения Закона в пользу формулирования дополнительной классификации видов международных договоров РФ противоречит гармонизированному пониманию смежных различным правовым системам вопросов. Любой и каждый международных договор является международным договором РФ.

В этой связи следует отметить позицию М.Г. Розенберга, полагающего, что по вопросу классификации международных договоров официальные разъяснения (постановления Пленумов от 31.10.1995 № 8 и от 10.10.2003 № 5) «необоснованно сужают предписания Конституции РФ», в то время как «решающее значение должно придаваться тому, входило ли в компетенцию органа, подписавшего такой международный договор, его заключение, и требуется ли по законодательству РФ для его вступления в силу издание специального закона РФ».¹⁸² Такая позиция ученого представляется наиболее правильной.

Устранение противоречий будет способствовать устранению в России разрозненности в вопросах процедуры применения международных договоров.

Статья 46 Венской конвенции 1969 г. в п. 1 предусматривает, что государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушении того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если только

¹⁸² Розенберг М. Актуальные вопросы практики разрешения споров в Международном коммерческом арбитражном суде при ТПП РФ // Хозяйство и право. № 12. М., 2003. С. 113.

данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения.

Данная норма подчеркивает значимость слаженного функционирования внутригосударственных институтов организации деятельности органов государственной власти для целей обеспечения эффективного применения норм международных договоров.

3.5. Вопросы обнародования текстов международных договоров России как проблемный сегмент их применимости

Современная российская доктрина исходит из того, что международные договоры, в которых участвует Российская Федерация, действуют при соблюдении определенных условий, в числе которых важную роль выполняет официальное их опубликование.¹⁸³

Л.Н. Галенская совершенно справедливо констатирует, «что договор, о наличии которого не доведено до сведения непосредственных исполнителей, не может быть ими исполнен».¹⁸⁴

«Требование опубликования, обнародования договоров, утверждает И.И. Лукашук, - вытекает из одного из важнейших принципов права ... [-] коль скоро договор является непосредственно применимым, то он подлежит опубликованию так же, как и закон. В противном случае суд не вправе его применять».¹⁸⁵

Проблемы в области официального опубликования международных договоров РФ не новы в науке. Однако они остаются актуальными, о чём свидетельствует практика применения норм международных договоров российскими арбитражными судами.

Например, сохраняется неопределенность в вопросах о том, что является официальным опубликованием, чем оно отличается от доведения до всеобщего сведения; опубликование в каком источнике из предложенного перечня следует считать датой первого официального опубликования; является ли официально неопубликованный договор составной частью правовой системы РФ и др.

До изменений законодательства в области официального опубликования в 2012 г. С.Ю. Марочкин обращал внимание на имевшиеся существенные противоречия, среди которых было предусмотрено два тезиса – международные

¹⁸³ См. об этом: Марочкин С.Ю. Применение судами России норм международного права: десять лет после принятия Конституции РФ. С. 71-72; *Он же*. Какие международные нормы и договоры подлежат применению судами // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 1. С. 44; п.п. 1, 2 постановления Пленума ВАС РФ № 8 от 11.06.1999.

¹⁸⁴ Галенская Л.Н. Применение норм международных договоров в арбитражной практике. С. 5-6.

¹⁸⁵ Лукашук И.И. Международное право в судах государств. С. 133.

договоры публикуются одновременно с законом о ратификации, а также опубликованию подлежат вступившие в силу международные договоры. «На самом деле, - подчеркнул автор, - это не происходит ни в первый, ни во второй обозначенные моменты. Закон о ратификации конкретного договора в «Собрании законодательства РФ» сопровождается пояснением – текст договора будет опубликован после вступления его в силу для РФ. Реально же он появляется много времени спустя даже после вступления в силу, несмотря на то, что договор уже действует и порождает юридические последствия».¹⁸⁶

Конституция в ч. 3 ст. 15 содержит лишь косвенное требование опубликования международных договоров: «любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения».

Конституцию очень значимо дополняет ФЗ «О международных договорах РФ», который в п. 3 ст. 5 напрямую связывает непосредственное действие договоров с его официальным опубликованием.

«Общепринято считать, - писал С.Ю. Марочкин еще в 1997 г., - что данное конституционное положение [ч. 3. ст. 15 Конституции РФ] в полной мере распространяется и на международные договоры».¹⁸⁷

Но, как оказалось, не совсем «общепринято». Одним из оснований рассмотрения в 2012 г. Конституционным Судом жалобы гражданина И.Д. Ушакова было применение в отношении его неопубликованного международного договора.¹⁸⁸ В Постановлении Суда отмечено, что вступившие в силу международные договоры РФ, в том числе затрагивающие права, свободы и законные обязанности человека и гражданина, подлежат на основании ч. 3 ст.

¹⁸⁶ Марочкин С.Ю. Законодательное, доктринальное и практическое освоение конституционного принципа о нормах международного права в правовой системе России // Применение международных договоров в области прав человека в правовой системе Российской Федерации: Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 2003. С. 61.

¹⁸⁷ Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий // Под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М., 1997. С. 109.

¹⁸⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.03.2012 № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2016).

15 Конституции обязательному официальному опубликованию в установленном порядке, без чего они не могут считаться удовлетворяющими принципам правового государства, юридического равенства и правовой определенности как необходимым конституционным критериям защиты прав и свобод человека и гражданина на территории России. Этот вывод сделан органом конституционного контроля на основе отнесения международных договоров к числу нормативно-правовых актов.¹⁸⁹

Возможно, именно это решение (хотя не исключено и влияние отдельных научных разработок) повлияло на принятие изменений в законодательстве России об официальном опубликовании.

Что же еще мы имеем в действующем законодательстве России в отношении данного вопроса?

Согласно абз. 3 ст. 3 ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» (с изменениями от 25.12.2012 г.), международные договоры, ратифицированные Федеральным Собранием, публикуются одновременно с федеральными законами об их ратификации.¹⁹⁰

Ст. 4 данного Закона предусматривает, что официальным опубликованием федерального конституционного закона, федерального закона, акта палаты Федерального Собрания считается первая публикация его полного текста в «Парламентской газете», «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» или первое размещение (опубликование) на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

¹⁸⁹ Однако в полемике до принятия данного Постановления высказывались весьма противоположные точки зрения. Как отмечает В.С. Иваненко, «в официальных ответах федеральных ведомств и ученых – конституционалистов и международников» на запрос Суда и «в выступлениях представителей федеральных ведомств на заседании Конституционного Суда содержались утверждения, что международные договоры не являются нормативно-правовыми актами», а, следовательно, не подпадают под действие ч.3 ст. 15 Конституции и поэтому на них не распространяется требование об обязательном опубликовании // Иваненко В.С. Международные договоры России как нормативно-правовые акты. С. 30.

¹⁹⁰ Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» (в редакции Федерального закона от 25.12.2012 № 254-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018); первоначальный текст документа опубликован: СЗ РФ. 20.06.1994. № 8. С. 801.

Хотя международные договоры в перечислении ст. 4 данного Закона не указаны, следует полагать, что в совокупности со ст. 3 эти положения формулируют нормативное содержание понятия «официальное опубликование», в том числе и в отношении такой категории нормативно-правовых актов, как международные договоры.

При этом путаница с источниками опубликования продолжается. Так, справочно-правовая система «КонсультантПлюс» по вопросу об официальном опубликовании международных договоров по прежнему отсылает к Указу Президента «О порядке опубликования международных договоров РФ» 1993 г.,¹⁹¹ согласно п. 1 которого вступившие в силу для РФ договоры (кроме межведомственных договоров) подлежат официальному опубликованию в ежемесячном «Бюллетене международных договоров», а в необходимых случаях - в газете «Российские вести». Кроме того, международные договоры могут доводиться до всеобщего сведения иными СМИ и издательствами.

В п. 2 Указа речь идет об уполномоченных органах по осуществлению представления на официальное опубликование международных договоров – это Министерство иностранных дел РФ, в необходимых случаях - совместно с заинтересованными органами федеральной исполнительной власти.

При этом в пункте 3 данного Указа предусмотрено, что международные договоры РФ, заключенные от имени министерств и других центральных органов федеральной исполнительной власти (договоры межведомственного характера), публикуются в официальных изданиях этих органов.

Отсутствует в этом документе четкая процедура опубликования и доведения до всеобщего сведения международных договоров, совершенно не определены сроки данной процедуры. Остался нерешенным вопрос о том, «является ли своевременное официальное опубликование международных договоров обязанностью»¹⁹² Министерства иностранных дел РФ.

¹⁹¹ Указ Президента Российской Федерации от 11.01.1993 № 11 «О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

¹⁹² Джамалдинов С.А., Иваненко В.С. Вопросы официального опубликования международных договоров в России // Правоведение. СПб., 2004. № 1. С. 119.

Не произведено четкое разграничение понятий «официальное опубликование» и «доведение до всеобщего сведения». Однако на практике может произойти смешение данных понятий.

Можно констатировать, что имевшиеся на момент принятия изменений в законодательство теоретические разработки ученых российским законодателем не были учтены. Так, не установлены единые сроки официального опубликования международных договоров, четкий перечень субъектов, в обязанности которых входит своевременное официальное опубликование международных договоров; отсутствует единый и систематизированный перечень органов официального опубликования.

Прогрессивным моментом нововведений можно считать признание в качестве официального источника опубликования размещение текста договоров на официальном сайте в сети «Интернет»¹⁹³ - такое опубликование, очевидно, призвано быть оперативным. Анализ Интернет-сайта показывает следующее.

Портал действует с 2005 г., свидетельство о его регистрации как средства массовой информации выдано 10.11.2011 г. Самая ранняя публикация международного договора на портале датируется 13.07.2012 г. Всего публикаций на дату обращения автора к ресурсу (01.02.2018 г.) - 1080. Однако исходя из этих дат и цифр возникают два закономерных вопроса: является ли официальным опубликование до внесенных в федеральный закон изменений от 25.12.2012 г., предусматривающих признание за таким опубликованием официального статуса? Будут ли опубликованы на данном сайте иные международные договоры, уже вступившие в силу для России на дату признания официальным такого опубликования? И если второй из названных вопросов менее актуален для правоприменителя, то первый – более чем актуален.

Частично отвечая на второй вопрос, проиллюстрируем одну из публикаций на сайте. Это - Соглашение об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза от

¹⁹³ Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения 18.09.2018).

25.01.2008 г., дата опубликования: 13.07.2012 г. При этом в скобках отмечено, что вступило оно в силу 06.07.2010 г. и ранее не опубликовывалось. Таким образом, арбитражный суд может применить для улаживания спора настоящее Соглашение только если соответствующие правоотношения возникли после 13.07.2012 г. Между тем, Соглашение до этой даты уже как два года вступило в силу и не просто должно было быть формально опубликовано, официальным образом доведено до сведения физических и юридических лиц, могущих стать участниками регламентируемых им правоотношений, но и до различного уровня правоприменителей (таможенных органов, судов, налоговых органов и др.).

Или другой пример. Протокол к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Европейским сообществом о финансировании и реализации программы приграничного сотрудничества «Юго-Восточная Финляндия-Россия», подписанный 15 и 18 декабря 2014 г., вступил в силу 26.12.2014 г., дата опубликования: 11.08.2015 г. В отношении данного документа отсутствует указание на наличие либо отсутствие иного официального опубликования. И такой случай не единичен. Для правоприменителя остается открытым вопрос, является ли опубликование на сайте первичным и возможно ли применение нормативного акта до даты опубликования на данном сайте.

Российскому правоприменителю, видимо, требуется определенный переходный период для освоения данного ресурса, а разработчикам или координаторам необходимо оперативно размещать на нем соответствующие нормативные правовые акты и, возможно, добавить к ним некоторые разделы информативно-справочного характера. Например, разделы о дате вступления акта в силу с указанием обоснования этой даты, о месте и времени официального опубликования данного акта в иных источниках и аналогичные данные о доведении до всеобщего сведения иными средствами массовой информации.¹⁹⁴

¹⁹⁴ Отметим, что по состоянию на январь 2019 года данный источник официального опубликования является наиболее оперативным из всех представленных.

Показательным может быть и постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.03.2009 г. по делу № А42-3138/2008.¹⁹⁵ Фабула дела состоит в том, что ОАО «РЖД» (истец) обратилось в Арбитражный суд Мурманской области с иском к ОАО «Сибирская Алюминиевая компания» (ответчик) о взыскании штрафа за превышение грузоподъемности вагона. Решением арбитражного суда первой инстанции от 31.10.2008 г. в удовлетворении исковых требований было отказано.

В ходе кассационного рассмотрения истец не согласился с выводом суда первой инстанции о том, что Соглашение между Российской Федерацией и Финляндией о российско-финляндском прямом железнодорожном сообщении, заключенное 16.04.1996 г., так и не опубликовано в установленном законом порядке.¹⁹⁶ Он полагал, что суд первой инстанции «ошибочно признал приоритет национального законодательства перед Соглашением».¹⁹⁷

В отзыве на кассационную жалобу ответчик достаточно обоснованно, на наш взгляд, доказал: суд первой инстанции правильно признал, что поскольку в Собрании законодательства РФ от 18.03.1996 г. № 12, ст. 1146 опубликовано только постановление Правительства от 28.02.1996 г. № 197 «О подписании Соглашения между Правительством РФ и Правительством Финляндской Республики о российско-финляндском прямом железнодорожном сообщении», а не само Соглашение и Условия перевозок пассажиров, товаробагажа и грузов в российско-финляндском прямом железнодорожном сообщении, то это Соглашение не может применяться при спорной перевозке.¹⁹⁸

Однако с такой позицией не согласились ни суд кассационной инстанции (постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.03.2009 г. по делу № А42-3138/2008), ни суд первой инстанции при

¹⁹⁵ С судебными актами по делу № А42-3138/2008 можно ознакомиться на официальном сайте Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/5b1aaf1b-c00a-4c78-a310-c3ffbc536ed2> (дата обращения 18.09.2018).

¹⁹⁶ Данный документ официально не опубликован, прекратил свое действие со дня вступления в силу Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о прямом международном железнодорожном сообщении от 28.04.2015 г.

¹⁹⁷ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.03.2009 по делу № А42-3138/2008 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

¹⁹⁸ Там же.

повторном рассмотрении дела (решение Арбитражного суда Мурманской области от 23.06.2009 г. по делу № А42-3138/2008), ни Высший Арбитражный Суд РФ (определение от 16.06.2010 г. № ВАС-8025/09 об отказе в передаче дела № А42-3138/2008 в Президиум ВАС).

В Постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.03.2009 г. по данному делу изложена достаточно подробная мотивировка в обоснование необходимости применения норм международного договора и приложения к нему. Суд делает следующие выводы. Данное Соглашение носит межправительственный характер. В соответствии с рекомендациями, изложенными в постановлении Пленума ВАС РФ от 11.06.1999 г. № 8 «О действии международных договоров РФ применительно к вопросам арбитражного процесса», арбитражным судам рекомендовано учитывать, что международные договоры РФ, заключенные министерствами и ведомствами, публикуются в официальных изданиях этих органов. Кроме того, в п. 2 названного постановления указано, что международные договоры РФ могут доводиться до всеобщего сведения иными средствами массовой информации и издательствами (Указ Президента РФ от 11.01.1993 г. № 11 «О порядке опубликования международных договоров РФ»). Согласно приказу Министерства транспорта РФ (являющегося правопреемником упраздненного Указом Президента от 09.03.2004 г. № 314 Министерства путей сообщения РФ) от 02.11.2004 г. № 28 официальным источником актов данного Министерства, признанных не нуждающимися в государственной регистрации, является газета «Транспорт России». В газете «Транспорт России» опубликовано сообщение Министерства транспорта РФ о вступлении в действие с 10.03.2007 г. лишь Условий перевозок.

Анализируя материалы дела, суд констатирует два факта: телеграммой от 18.10.2007 г. № ВЛ-11582 ОАО «РЖД» доведено до сведения, в том числе грузополучателей, сообщение Министерства транспорта РФ, а также известно о том, что Условия перевозок размещены на интернет-сайте данного Министерства; ранее телеграммой от 22.05.2007 г. № СК-5397 ОАО «РЖД»

извещало грузополучателей о том, что текст вступивших на территории Российской Федерации Условий перевозок размещен на сайте ОАО «РЖД» и на сайте Трансинформа.

При этом суд делает вывод о том, что такой порядок размещения сведений о международных договорах, в реализации которых принимает участие федеральный орган исполнительной власти, предусмотрен постановлением Правительства РФ от 12.02.2003 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти», принятым в целях обеспечения реализации прав граждан и организаций на доступ к информации о деятельности Правительства и федеральных органов исполнительной власти. А в соответствии с положениями ФЗ от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», Интернет, в свою очередь, являясь разновидностью информационно-телекоммуникационных сетей, представляет собой средство передачи и доступа к информационным ресурсам и в силу этого становится средством массовой информации.

В результате суд указывает, что компания, являясь профессиональным участником перевозочного процесса и регулярно получая груз, перевозимый в российско-финляндском прямом железнодорожном сообщении, должна была получить сведения о вступлении в действие Условий перевозок и, соответственно, могла с ними ознакомиться.

Из изложенной мотивировочной части следует, что судом в целом сделан верный вывод о том, что рассматриваемое Соглашение между Россией и Финляндией (как и все его составные части, в том числе, Условия перевозок) является международным договором. Являясь нормативным правовым актом, этот договор подлежит официальному опубликованию.

Спорная в данном деле ситуация не возникла бы вообще в случае отсутствия в российском законодательстве градации международных договоров в зависимости от уровня подписавшего его органа. Но, с учетом наличия таких положений, арбитражный суд обратился к разъяснениям Пленума ВАС РФ,

согласно которым международные договоры, заключенные на уровне министерств и ведомств, подлежат официальному опубликованию лишь в официальных изданиях этих органов.

Однако в газете «Российский транспорт» опубликовано только сообщение о вступлении в действие с конкретной даты Условий перевозок. Опубликование такого сообщения не может являться основанием для начала действия данных Условий, так как их текст официально не опубликован в этом издании. Такое сообщение является повторением ошибки законов о ратификации, когда при их опубликовании делались сообщения о том, что текст самого международного договора будет опубликован отдельно позже.

Арбитражными судами необоснованно институт официального опубликования нормативных актов часто подменяется институтом обеспечения доступа к информации. Если первый призван создавать юридический факт начала действия нормативного акта в пространстве, во времени и по кругу лиц путем отражения соответствующего акта в официальном СМИ, то второй институт направлен только на уведомительное действие, чтобы дополнительно в наиболее доступной форме поставить в известность и ознакомить население с действующими нормативными актами.

В данной связи в научной литературе высказывались вполне обоснованные мнения о неоднозначности категории «доведение до всеобщего сведения» и необоснованности ее смешения с понятием «официальное опубликование» как на законодательном, так и на правореализационном уровнях.¹⁹⁹ Доведение до всеобщего сведения может осуществляться наряду с опубликованием в официальных изданиях, но никак не вместо него.

Верховный Суд РФ в своем Решении от 20.04.2011 г. № ГКПИ11-383 также подтвердил: из п. 1 Указа Президента «О порядке опубликования международных договоров РФ» усматривается, что международные договоры (кроме межведомственных) подлежат официальному опубликованию в

¹⁹⁹ Джамалдинов С.А., Иваненко В.С. Вопросы официального опубликования международных договоров в России. С. 119; Марочкин С.Ю., Лесин А.В. Еще раз к вопросу о том, подлежат ли применению неопубликованные международные договоры // Арбитражный и гражданский процесс. М., 2003. № 1. С. 29.

«Бюллетене международных договоров», в Собрании законодательства РФ, а в необходимых случаях и в газете «Российские вести», а также размещению на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Что касается формулировки абзаца третьего п. 1 Указа Президента о том, что международные договоры «могут доводиться до всеобщего сведения иными средствами массовой информации и издательствами», то Верховный суд определил, что данный абзац не регулирует вопросы, связанные с официальным опубликованием договоров, а предусматривает лишь возможность доведения их до всеобщего сведения иными СМИ и издательствами. Формулировка данного абзаца не позволяет считать такое опубликование договоров официальным, влекущим соответствующие юридические последствия, и не отменяет требование об их официальном опубликовании в определенных для этих целей изданиях.²⁰⁰

В.Я. Суворова в ходе детального анализа вопроса о том, с какого момента международные договоры подлежат исполнению и применению, тем не менее ответа по существу не дает. Вместе с тем автор отмечает, что арбитражные суды «не всегда обращают внимание на не опубликование договора», предполагая, что «это происходит ... потому, что они не считают это препятствием для его применения». При этом В.Я. Суворова справедливо указывает, что вступивший в законную силу договор «подлежит добросовестному исполнению и применению, а его своевременное опубликование способствует этому».²⁰¹

Необходимо понимать, что осведомленность судебного корпуса о действующих источниках норм права очень значима. Однако и осведомленность частных лиц (юридических и физических) о нормах права, закрепляющих права, свободы и законные интересы, имеет не меньшее значение. Презумпция такой осведомленности зависит от соблюдения государством принятых на себя обязательств по официальному опубликованию нормативно-правовых актов. Но

²⁰⁰ Решение Верховного Суда РФ от 20.04.2011 № ГКПИ11-383 Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим абзаца третьего пункта 1 Указа Президента РФ от 11.01.1993 № 11 «О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

²⁰¹ См. об этом: Суворова В.Я. С какого момента международные договоры Российской Федерации подлежат исполнению и применению? С. 142-151.

необходимо четко понимать, что получение информации и официальное опубликование – это разнопорядковые явления, и только последнее порождает правовые последствия.

Сохраняющаяся на сегодняшний день ситуация неопределенности в процедурах официального опубликования международных договоров порождает, на наш взгляд, серьезные правовые последствия в области правоприменительной деятельности. Так, например, в некоторых случаях арбитражными судами делаются абсолютно противоположные выводы о применимости/неприменимости одного и того же международного договора.

Так произошло с Европейским соглашением о международной дорожной перевозке опасных грузов 1957 г. (ДОПОГ).²⁰² Россия присоединилась к данному Соглашению Постановлением Правительства от 03.02.1994 г. № 76.²⁰³ Из информации в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс» следует, что данный документ вступил в силу еще 29.01.1968г., а для Российской Федерации - с 28.04.1994 г. Однако такой вывод сделан исключительно на основании п. 2 ст. 7 самого Соглашения 1957 г., согласно которому в каждой стране, которая присоединится к нему, настоящее Соглашение вступает в силу по истечении одного месяца со дня сдачи на хранение Генеральному секретарю ООН акта о присоединении данного государства. Однако в России Соглашение официально не было опубликовано. Таким образом, получился правовой вакуум: с точки зрения международного права данное Соглашение вступило в силу для России и должно ею добросовестно выполняться, а с точки зрения российской правовой системы данное Соглашение, как неопубликованное, не подлежит применению, поскольку затрагивает права и свободы участников гражданского оборота (в частности, предусматривает основания для привлечения к ответственности за несоблюдение закрепленных в нем положений).

²⁰² Данный международный договор по состоянию на 17.09.2018 официально не опубликован // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

²⁰³ Постановление Правительства РФ от 03.02.1994 № 76 «О присоединении Российской Федерации к Европейскому соглашению о международной дорожной перевозке опасных грузов» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. № 7. От 14.02.1994. Ст. 508.

Весьма спорно на сегодняшний день законодательное закрепление вопросов определения необходимости официального опубликования международных договоров, заключенных на уровне ниже федерального закона. Необходимость совершения таких действий обуславливается конституционной категорией «затрагивания прав и свобод человека» (ч. 3 ст. 15 Конституции). При этом применительно и к иным нормативно-правовым актам уровня ниже федерального закона достаточно сложным представляется определение того, затрагивает ли конкретный акт права и свободы человека и, следовательно, подлежит ли он официальному опубликованию для вступления в силу. Эта оценка в соответствии с Постановлением Правительства от 13.08.1997 г. № 1009 возложена на Министерство юстиции РФ, которым утверждены Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации.²⁰⁴ Из пунктов 10, 11 данных Правил следует, что в процедуре государственной регистрации нормативных правовых актов выделяется отдельная стадия – принятие решения о необходимости регистрации акта, которая, в свою очередь, связана с тем, затрагивает ли данный нормативный правовой акт права, свободы и обязанности человека. Исходя из принятой в России классификации международных договоров, аналогичные правила должны применяться и к международным договорам межведомственного характера.

В связи этим сделаем еще одно замечание. В соответствии с п. 3 ст. 15 Конституции обязательное официальное опубликование предусмотрено в отношении нормативных правовых актов, затрагивающих права и свободы человека. Но в коммерческом обороте, когда субъектами правоотношений в основном являются коммерческие предприятия, сложно констатировать прямое затрагивание, например, нормами вышерассмотренного ДОПОГ прав и свобод человека. Однако именно имущественные споры между хозяйствующими субъектами являются предметом деятельности арбитражных судов РФ.

²⁰⁴ Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.

Строго говоря, юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде (п. 1 ст. 48 ГК РФ).

Однако ни это легальное определение, ни последующие нормы ГК РФ не исключают того обстоятельства, что юридическое лицо – это юридическая категория, характеризующая образование, производное от основных, первостепенных субъектов внутригосударственного права – физических лиц. Именно по воле и для реализации потребностей в первую очередь социально-экономического характера последних образуются юридические лица. Человек на основании международного и внутригосударственного права обладает набором личных прав. Эти права не реализуемы без набора принадлежащих человеку свобод, к числу которых можно отнести свободу осуществления экономической деятельности и объединения. Конечной целью осуществления предпринимательской деятельности в любом случае является реализация права на жизнь через получение прибыли, которая в том или ином объеме распределяется на пропитание, что обеспечивает поддержание жизненных циклов. Через организацию деятельности юридических лиц обеспечивается реализация права на труд конкретных индивидов. Более того, в следующей главе нами будет приведен пример толкования международным судебным органом права учредителей защищать свои интересы, связанные с юридическим лицом, которое уже прекратило свою деятельности, то есть за пределами существования юридического лица как такового.

На основании изложенного, полагаем, что права и свободы физических лиц могут затрагиваться нормами международных договоров опосредованно через регулирование ими правоотношений с участием юридических лиц. Следовательно, официальному опубликованию подлежат все международные договоры России (за исключением договоров, связанных с государственной безопасностью и содержащих государственную тайну в соответствии с законодательством РФ), что обеспечит их доступность и позволит

арбитражным судам непосредственно применять их при рассмотрении арбитражных споров.

Приведем примеры того, во что выливаются изложенные теоретические и практические недоработки в российской правовой системе.

Арбитражный суд Удмуртии в решении от 21.04.2014 г. по делу № А71-2758/2014 по заявлению ООО «Удмуртская коммерческая компания» к Отделению Государственной инспекции безопасности дорожного движения Отдела МВД России по Ижевску о признании незаконным и отмене постановления о привлечении к административной ответственности, в мотивировочной части которого на основании анализа положений законодательства РФ и принимая во внимание, что информация об официальном опубликовании ДОПОГ отсутствует, а приложения А и В к указанному Соглашению не только не опубликованы, но и не размещены в справочно-правовых системах, резюмировал, что «привлечение общества к ответственности за нарушение требований, содержащихся в ДОПОГ, следует признать неправомерным».²⁰⁵ Это решение оставлено в силе постановлением Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2014 г.²⁰⁶

Прямо противоположные выводы сделаны в рамках арбитражного дела № А65-5254/2013 по заявлению ООО «Управление технического транспорта Бугульминское» к Отделению Государственной инспекции безопасности дорожного движения Отдела МВД России по Бугульминскому району Татарстана об оспаривании постановления о привлечении к административной ответственности. Обстоятельства наличия/отсутствия в действиях истца по данному делу состава административного правонарушения были оценены

²⁰⁵ Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 21.04.2014 по делу № А71-2758/2014 // Официальный сайт Электронное правосудие. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/8827fc80-29fc-40f1-9764-a50ae199c9b7/A71-2758-2014_20140421_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (дата обращения 18.09.2018).

²⁰⁶ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2014 по делу № А71-2758/2014 // Официальный сайт Электронное правосудие. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/33824b2f-8ffb-4702-a0d6-01c4bb6df846/A71-2758-2014_20140709_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (дата обращения 18.09.2018).

Арбитражным судом Татарстана на основании положений ДОПОГ.²⁰⁷ Такие выводы были поддержаны Одиннадцатым арбитражным апелляционным судом и Федеральным арбитражным судом Поволжского округа.²⁰⁸ В частности, в мотивировочной части постановления суда третьей инстанции указано, что «судами применены к рассматриваемому случаю соответствующие положения ДОПОГ». Такой вывод сделан на основании следующей оценки: согласно ст. 1 ФЗ «О международных договорах РФ» международным договором является межгосударственный, межправительственный договор и договор межведомственного характера независимо от его вида и наименования.

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 03.02.1994 № 76 Россия официально присоединилась к Европейскому соглашению о международной дорожной перевозке опасных грузов (ДОПОГ) с 28.04.1994.

ДОПОГ в силу ч. 4 ст. 15 Конституции с 28.04.1994 является составной частью правовой системы Российской Федерации.²⁰⁹

Размер штрафов, вменяемых обществам за административные правонарушения, являлись значительными (400 000 руб.), а область регулируемых ДОПОГ правоотношений – значимой (перевозка опасных грузов). Но каких-либо действий со стороны высших государственных органов по легализации возможности применения данного международного договора правоприменительными органами России не предпринято (официальное опубликование не осуществлено), а его полный текст (включая приложения) до сих пор отсутствует даже просто в общем доступе.²¹⁰ В связи с чем полагаем

²⁰⁷ Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 24.05.2013 по делу № А65-5254/2013 // Официальный сайт Электронное правосудие. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/36230fbc-f8da-431a-a6fc-8261a7731d67/A65-5254-2013_20130524_Reshenie.pdf (дата обращения 18.09.2018).

²⁰⁸ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.09.2013 и постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 09.01.2014 по делу № А65-5254/2013 // Официальный сайт Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/ffe03866-eeef-45a0-90d5-7b38dd40a7a9> (дата обращения 18.09.2018).

²⁰⁹ Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 09.01.2014 по делу № А65-5254/2013 // Официальный сайт Электронное правосудие. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/494d2471-048b-45b4-931e-26d5d32a6621/A65-5254-2013_20140109_Postanovlenie%20kassacionnoj%20instancii.pdf (дата обращения 18.09.2018).

²¹⁰ В результате поиска в сети Интернет был найден один сайт, дающий реальную возможность ознакомления с положениями полного текста (включая приложения) ДОПОГ: URL: <http://zakonrus.ru/asmf/dopog/dopog.htm> (дата обращения 18.09.2018).

необоснованным не только оформление протоколов об административных правонарушениях со ссылками на данное Соглашение, но и принятие судебных актов на основании его положений.

Подводя итог изложенной проблеме, подчеркнем следующее.

Необходимость законодательного урегулирования вопросов официального опубликования международных договоров и на сегодняшний день не потеряла своей актуальности.²¹¹

С одной стороны – не обнародование международного договора как неисполнение внутригосударственной процедуры по обеспечению российского правоприменителя возможностью его должного применения является основанием для ответственности именно государства, нарушившего принципы обязательности и добросовестности выполнения обязательств по договору. В свою очередь, органы правоприменения и частные (будь то юридические или физические) лица обязаны руководствоваться тем, что применению подлежат только официально опубликованные договоры. В противном случае государство не может предъявлять должных требований к своим органам и частным лицам в части применения норм международных договоров.

Но с другой стороны – возникает коллизийная ситуация: международное право не предусматривает в качестве одного из оснований применения норм международных договоров их официальное опубликование, а законодательство России такое основание устанавливает. Следовательно, руководствуясь общими принципами международного права, правоприменители России должны в своей деятельности учитывать и применять заключенные и вступившие в силу международные договоры России, невзирая на положения внутреннего права о применимости только опубликованных договоров.

Представляется более правильным первый вариант, но с оговоркой. Российское государство, самостоятельно определяя порядок и способы

²¹¹ В литературе в качестве перспективного направления развития данного института обосновывается даже необходимость опубликования актов международных организаций и международных судов. - См. об этом: Морозова Ю.Г. Подлежит ли применению международное соглашение, не опубликованное в средствах массовой информации? // Арбитражная практика. М., 2002. № 6. С. 95.

реализации международных договоров в рамках своей правовой системы, может обременить себя необходимостью соблюдения дополнительных процедур с целью обеспечения наиболее эффективной защиты прав и свобод человека, а также для упорядочения правоприменительной практики.

Требование об официальном опубликовании не бесосновательно, имеет свои вполне закономерные цели и должно быть исполнено.

Дорожа своей международной репутацией и соблюдая положения как общепризнанных принципов международного права, так и международных договоров, государство обязано создать такой механизм официального опубликования, который позволит исключить имеющиеся недостатки в этом процессе, предотвращая возможные уклонения от исполнения международных обязательств. При формулировании порядка официального опубликования международных договоров государство должно учитывать и положения ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., согласно которой, участник не может сослаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора. Следовательно, какие бы порядки и процедуры не были предусмотрены во внутренней правовой системе для достижения цели реализации на внутригосударственном уровне международного договора, само государство не освобождается от международно-правовой ответственности за ненадлежащее исполнение своих обязательств в результате соблюдения таких порядков и выполнения процедур.

Из комплексного толкования норм ст. 15 Конституции следует, что правовая система России построена таким образом, что включает в себя международные договоры, независимо от наличия/отсутствия официального опубликования. Но применению подлежат только опубликованные договоры, поскольку «любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения» (ч. 3 ст. 15 Конституции).

Механизм официального опубликования международных договоров РФ, ввиду значимости требующих разрешения вопросов, должен быть уточнен и закреплён на уровне федерального закона. Это возможно путем внесения необходимых изменений в ФЗ «О международных договорах РФ». Этот механизм может быть эффективно разработан при исключении необоснованной классификации международных договоров в зависимости от органа, выразившего свое согласие на обязательность такого договора; при определении конкретного органа, ответственного за официальное опубликование, с возложением на него соответствующих обязанностей (информирование такого органа должно осуществляться еще на стадии согласования международного договора и выражения согласия на него); при предоставлении в распоряжение данного органа доступа к соответствующему Интернет-ресурсу (который можно назвать наиболее оперативным из всех средств официального опубликования); при установлении четких сроков для данной процедуры; установления обязанности (а не возможности) опубликования полного текста (включая все приложения и иные возможные неотъемлемые части) международного договора совместно с актом о его принятии или ратификации.

Более того, следует дать официальное разъяснение в части применения арбитражными судами только тех международных договоров РФ, которые официально опубликованы, независимо от того, что такие договоры могут напрямую не затрагивать права и свободы именно человека и гражданина. Речь в таких договорах может идти о сфере правового регулирования арбитражного судопроизводства, то есть преимущественно об общественных отношениях, относящихся к сфере деятельности юридических лиц. Но это не исключает в конечном итоге действие принципа правовой определенности. Следует помнить, что за личностью коммерческого предприятия всегда стоит человек.

3.6. Комплексный подход к определению места и характера толкования норм международных договоров в процессе судебного применения

Сложно представить, каким образом без уяснения содержания и смысла самой нормы международного договора с её помощью может быть урегулировано какое-либо правоотношение или разрешён конкретный спор.

С целью обеспечения российскими правоприменителями правил толкования международно-правовых норм в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 разъясняется, что неправильное применение международных норм может иметь место и в случаях, когда судом было дано неправильное их толкование.

В п. 10 данного Постановления указано, что толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 г. (раздел 3; ст. 31-33). И особо отмечено, что «согласно пункту "b" части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

В п. 4 Постановления Пленума ВАС от 11.06.1999 № 8 (в ред. от 27.06.2017) «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» дано разъяснение: «Суд, применяя нормы международных договоров, руководствуется тем, что толкование международных правил производится в порядке, определенном разделом 3 части 3 Венской Конвенции о праве международных договоров от 23.05.1969 г. Суд толкует международно-правовую норму добросовестно, в контексте и в соответствии с объемом и целями международного договора Российской Федерации».

Некоторые ученые придерживаются мнения о том, что толкование норм права и их применение представляют собой два самостоятельных процесса, следующих друг за другом. Так, например, Д. Харати отмечал, что «толкование имеет своей целью разъяснение смысла текста договора, тогда как применение предполагает установление последствий, вытекающих для сторон, и, в

исключительных случаях, также для третьих государств в конкретной ситуации».²¹² В.С. Нерсесянц пишет, что «очевидным и неизменным является только то, что содержание конкретной правовой нормы [национальной или международной], прежде чем оно будет применено (реализовано), должно быть выяснено».²¹³

Ранее в настоящем исследовании было проанализировано правоприменение международных договоров как комплексный правовой институт. В этой связи более обоснованным, на наш взгляд, является включение процесса толкования договорных норм в состав правоприменения. Неразрывная связь, комплексное единство толкования с остальными процессами, составляющими сущность правоприменения, не позволяют обособить их друг от друга. Такие выводы будут подкрепляться дальнейшим изложением данного вопроса.

Концепция добросовестного выполнения международных договорных обязательств предполагает, в числе прочего, обязанность и по добросовестному толкованию подлежащей применению нормы договора. При этом, как отмечает С.В. Бахин, «право не может рассматриваться вне того контекста, в котором оно формируется и функционирует».²¹⁴

Российскому правоприменителю не избежать в конкретных случаях установления правового значения подлежащего применению нормативного акта – международного договора. Однако, как отмечает И.И. Лукашук, часто «суды прибегают к ограничительному толкованию норм международного права, полагая, что они [нормы международного права] ограничивают суверенитет государства», в результате чего «международные нормы приобретают неодинаковое содержание в разных правовых системах».²¹⁵ Но, как было отмечено ранее в данной работе, принципы уважения государственного

²¹² Харати Г. Некоторые фундаментальные проблемы права международных договоров. Будапешт, 1973. С. 18.

²¹³ Проблемы общей теории права и государства / Учебник. Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2006. С. 443.

²¹⁴ Бахин С.В. Международная составляющая правовой системы России // Правоведение. СПб., 2007, № 6 (275). С. 127.

²¹⁵ Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 1. С. 653.

суверенитета и невмешательства во внутренние дела не ограничиваются принципом добросовестного выполнения международных договоров (составной частью которого является и добросовестное толкование их норм в процессе применения). Напротив, они являются взаимодополняющими правовыми принципами, направленными на обеспечение не только стабильности мирового порядка, но и развития правовых систем государств.

Как справедливо пишут Брагинский М.И. и Витрянский В.В., «любая правовая норма как таковая представляет собой абстрактное правило поведения, которое реализуется в актах его применения», а «связующим звеном между нормой и ее применением служит понимание нормы, или, иначе, ее толкование».²¹⁶ Именно это, на наш взгляд, и обуславливает то обстоятельство, что толкование есть компонент правовой системы, неразрывно связанный с самим толкуемым актом – международным договором.²¹⁷

Толкование нормы права представляет собой сложный процесс, сопряженный с необходимостью использования различных стратегий и механизмов, как международно-правовых, так и внутригосударственных.

Представляется спорным тезис, что «нет ничего предосудительного в том, чтобы толковать [международный] договор как внутренний нормативный акт».²¹⁸ В случаях необходимости применения норм международных договоров арбитражный суд должен руководствоваться специальными правилами как международно-правового, так и российско-правового толкования.

Международно-правовое толкование нормы международного договора есть компонент международной правовой системы. При этом оставаясь содержательно международным явлением, такое толкование становится, наряду с самими международными договорами, частью национальной правовой системы, ее компонентом.

²¹⁶ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. М., 2011. С. 137

²¹⁷ Подробнее об этом см.: Криворучко О.А. Официальное международно-правовое толкование международных договоров как компонент правовой системы России // Вестник ОмГУ. Серия «Право». 2015. № 1. С. 104-113.

²¹⁸ Канашевский В.А. О толковании международных договоров, регулирующих гражданско-правовые отношения // Применение международных договоров в области прав человека в правовой системе Российской Федерации: Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 2003. С. 26.

Нормативной основой процесса международного толкования международных договоров, в первую очередь, являются положения ст. 31 – 32 Венской конвенции 1969 г.

В ст. 31 «Общее правило толкования» данной Конвенции сформулированы (несмотря на наименование данной статьи) несколько правил. В нормах статьи нашли отражение все три основных подхода к толкованию международных договорных норм: школы намерений (большее значение придается подготовительным материалам), школы текстуалистов (выяснение смысла договора путем анализа его содержания) и телеологической школы (толкование видится в уяснении объекта и целей договора; причем оказывается возможным путем такого толкования изменить содержание договора для его приспособления к изменившимся с момента его принятия обстоятельствам).²¹⁹

Трехкомпонентный подход к толкованию норм международных договоров целесообразен с точки зрения устранения возможных противоречий, возникающих ввиду различий правовых систем договаривающихся государств.

Важно не прибегать к аналогии с толкованием гражданско-правовых договоров, когда устанавливается «действительная воля сторон».²²⁰ В случае с международными договорами неременное следование принципу буквального толкования содержащихся в нем слов и выражений может ошибочно исключить применимость норм конкретного договора к спорным правоотношениям, либо привести к искажению существа договорной нормы.

В этой связи приведем пример.

Арбитражным судом Омской области 16.02.2017 г. по делу № А46-1495/2017 вынесено Определение об отказе в принятии заявления Управления Пенсионного фонда РФ о возражениях против решения иностранного суда.²²¹ Управление в своем заявлении возражало против определения Хозяйственного

²¹⁹ См. об этом: Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 1. С. 612-613.

²²⁰ Статья 431 Гражданского кодекса РФ обязывает установить действительную волю сторон при заключении сделки в ходе толкования соответствующего договора / Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 // СЗ РФ, 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

²²¹ Определение Арбитражного суда Омской области от 16.02.2017 по делу № А46-1495/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

суда г. Ташкента (Узбекистан) от 01.12.2016 по делу № 10-1503/5011, которым удовлетворено заявление судебного управляющего ОАО «ТТЗ» о понуждении к принятию территориальными внебюджетными пенсионными фондами документов на бывших работников ОАО «ТТЗ», получающих компенсации по выплатам за вред, причинённый здоровью на производстве, для дальнейшей выплаты. Обязанность принять обязательства должника – ОАО «ТТЗ» - по выплате бывшим работникам ОАО «ТТЗ» компенсации за причиненный вред возложена на территориальные внебюджетные пенсионные фонды по Узбекистану, а также Пенсионные фонды России и Казахстана.

Арбитражный суд с использованием комплексного толкования норм национального и международного права установил, что определение Хозяйственного суда г. Ташкента «возлагает на перечисленных в нем лиц солидарную, по сути, обязанность, причем обязанность, связанную с выплатой денежных средств третьим лицам, что, в представлении суда, указывает на то, что оно (определение) требует исполнения, при этом, его исполнение, очевидно, не обеспечивается исключительно доброй волей обязанных им лиц». Поэтому это определение, «исходя из его содержания, не соотносится с решениями, не требующими по своему характеру исполнения и признаваемыми на территории Российской Федерации без специального производства, поскольку не отвечает условиям, предусмотренным статьей 52 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, совершенной в г. Минске 22 января 1993 года».

Суд сделал вывод, что определение Хозяйственного суда г. Ташкента не принадлежит к решениям, в отношении которых в соответствии со статьей 245.1 АПК РФ «заинтересованным лицом может быть подано заявление о возражениях против него».

В данном случае арбитражный суд не использовал буквальное толкование содержания Конвенции о правовой помощи 1993 г., которая оперирует термином «решение». Безусловно, судебные акты – решения и определения – существенно различаются по своим юридическим характеристикам. На наш

взгляд, арбитражным судом дано исчерпывающее обоснование того, что судебный акт иностранного государства в силу международного договора является актом, подлежащим признанию и принудительному исполнению.

Безусловно, «реально, на практике, участники гражданских правоотношений и российские суды не имеют возможности использования всех ... средств [международно-правового] толкования, а ограничиваются анализом только текста договора, ... суды придерживаются объективистского подхода, ставя во главу угла текст..., поскольку иные средства толкования менее доступны суду».²²²

Но в этом случае необходимо пользоваться спецификой российского арбитражного процесса – формальность взаимоотношений сторон, то есть оценке подлежат письменные доказательства, представленные в материалы дела. Доказательственное значение иных ссылок – показания свидетелей, пояснения сторон и пр. – хоть формально и не носит второстепенного характера, но не могут равноценно противопоставляться письменным доказательствам. Такая специфика позволяет, в отдельных случаях, обосновать «действительную волю сторон» посредством представления материалов письменных переговоров сторон. Аналогичным образом следует воспринимать и отдельные вопросы толкования норм международных договоров.

Неоднократно критиковалось, но имеет под собой устойчивую почву утверждение о том, что «историческое основание договора, подготовительные работы, обстоятельства, в которых находились стороны во время заключения договора, изменение этих обстоятельств, которые договор стремился осуществить, последующее поведение сторон при применении положений договора и условия, существовавшие в то время, когда толкование производилось, должны быть принимаемы во внимание, в связи с общей целью, на удовлетворение которой договор направлен».²²³

²²² Канашевский В.А. Указ. соч. С. 26; См. также: Лукашук И.И. Международное право / Учебник. Общая часть. С. 208.

²²³ Американский журнал международного права. 1935. № 4. Октябрь. Том 29. Дополнение.

Такой подход к процессу толкования норм договоров весьма сложен и трудозатратен на практике. Принимая решение по существу спора или предоставляя официальные разъяснения в отношении той или иной правовой ситуации, арбитражный суд любого уровня сталкивается с необходимостью отыскания, помимо текста подлежащего применению договора, также огромного набора сопутствующей информации, которая не может быть охарактеризована как общедоступная. Следует также отметить большую абстрактность языка многих международных договорных норм, по сравнению с нормами российского законодательства, что также создает необходимость официального международно-правового толкования порядка их применения.

Таким образом, применяя норму международного договора, судья национального суда неизбежно сталкивается со сложностями отыскания различного рода информации по порядку такого применения. Официальные разъяснения, как видно, не облегчают данную работу. Не последнюю роль в таком процессе играет и временной фактор. Количество дел в производстве арбитражных судов прогрессирует, прослеживается тенденция к усложнению категорий таких дел. Информационно-техническое обеспечение деятельности арбитражных судей находится на высоком уровне и постоянно развивается, однако пока не может покрыть все потребности, сопутствующие правильному толкованию и применению норм международных договоров.

Е.А. Куделич обоснованно приходит к выводу о том, что «вопросы применения и зачастую сопряженного с этим процесса толкования норм международных договоров носят исключительно сложный характер, что обуславливается существенным отличием системы международного права от более привычной для судьи системы норм национального права. Однако расширение участия российских предпринимателей в международном коммерческом обороте все чаще ставит перед судьями арбитражных судов нелегкую задачу по толкованию международных актов».²²⁴

²²⁴ Куделич Е.А. Теоретические и практические аспекты толкования арбитражными судами Российской Федерации норм международных договоров // Вопросы международного права в правоприменительной

Применение норм международных договоров требует подчас не просто правовой оценки конкретной ситуации с учетом закрепленному в норме правилу поведения, которое призваны применить судьи, а наличия специальных познаний в области международного права. И в таких случаях у арбитражного судьи зачастую отсутствует возможность получить требуемое консультативное заключение по вопросам применения нормы международного договора.

Только за высшей судебной инстанцией закреплено право обращаться с запросом о порядке применения международных договоров в тот или иной международный орган. В качестве примера можно привести имевшееся до создания Евразийского экономического союза право (если решение не является окончательным) и обязанность (если решение не подлежит дальнейшему обжалованию) на обращение в Суд Евразийского Экономического Сообщества (далее Суд ЕврАзЭС) с запросом, на который выносится соответствующее решение, являющееся обязательным в силу п. 5 ст. 10 Договора об обращении в Суд ЕврАзЭС хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним от 09.12.2010 г.²²⁵

С соответствующими запросами в Суд ЕврАзЭС мог обратиться только суд высшей инстанции государства. Следовательно, в случае возникновения у арбитражных судов иных инстанций спорной ситуации по вопросу толкования нормы международного договора они были лишены возможности напрямую получить нужное разъяснение. Это создавало препятствия на пути точного применения норм международных договоров судами всех уровней арбитражной системы. Арбитражный судья, связанный необходимостью соблюдения процессуальных сроков, отсутствием возможности получить официальное консультативное заключение или международно-правовое толкование, обремененный огромным количеством дел, становился заложником ситуаций и вынужден принимать решение, опираясь только на свою субъективную оценку

деятельности суда. Актуальные проблемы судебной практики в сфере защиты интеллектуальной собственности. М., 2006. С. 27.

²²⁵ Договор об обращении в Суд ЕврАзЭС хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним от 09.12.2010 // URL: <http://sudevrazes.org/main.aspx?guid=21791> (дата обращения 18.09.2018).

нормы международного права или конкретного международного договора, полагаясь при этом на возможную последующую её поддержку вышестоящим судом. Такая ситуация являлась угрозой для соблюдения принципов единообразия судебных актов и правовой определенности.

В учредительных договорах нового образования – Евразийского экономического союза – отсутствует разделение запроса на преюдициальный и консультативный, а право на запрос консультативного заключения по толкованию актов Союза оставлено за теми органами государств-членов, которые укажет в специальной дипломатической ноте каждое государство.²²⁶

Т.Н. Нешатаева отмечает, что «ликвидация особой формы запроса от судов таит угрозу осложнения в деле формирования единообразного понимания права Союза и, как следствие, его эффективного функционирования».²²⁷

В свете указанных проблем исключительно важной и необходимой является функция Верховного Суда РФ (в свете исследования Коллегии по рассмотрению арбитражных споров) по формированию рекомендаций и разъяснений по вопросам применения международных договоров.

Европейский суд по правам человека отмечал, что роль высшего национального суда заключается именно в урегулировании противоречий в прецедентной практике, связанных с отсутствием ее единообразия. На такой суд возлагается функция устранять подобные противоречия и утверждать толкование, которому должны следовать нижестоящие суды.²²⁸

Не отрицая необходимости такой функции высшего судебного органа и не умаляя ее достоинств, следует отметить, что решение суда любого уровня должно отвечать критериям законности и обоснованности, а высший суд не может охватить толкованием все возможные вариации применения норм действующих в России международных договоров. Более того, разъяснения и

²²⁶ Пункт 49 Статута Суда Евразийского экономического союза, 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018); см. также: Указ Президента РФ от 21.05.2015 № 252 «О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном на обращение в Суд Евразийского экономического союза» // Там же; Нешатаева Т.Н. Евразийская интеграция: роль Суда. М., 2015. С. 63.

²²⁷ Нешатаева Т.Н. Евразийская интеграция: роль Суда. С. 63.

²²⁸ Постановление Европейского суда по правам человека от 06.12.2007 по делу «Баян против Румынии» (№ 1), жалоба № 30658/05 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

рекомендации Верховного Суда РФ (как и ранее Высшего Арбитражного Суда РФ) предлагаются после обобщения судебной практики и в случае возникновения конкретного вопроса по конкретному делу. Условно говоря, для того, чтобы констатировать правильное применение нормы международного договора, необходимо, чтобы конкретное дело прошло все судебные инстанции.

Анализируя имеющиеся в России процедуры устранения коллизий норм права (в том числе коллизий национального и международного права), Т.Н. Нешатаева обоснованно указывает на их характер *lex ferenda*, то есть направленность на будущее.²²⁹ К процедурам устранения коллизий она относит закрепление «в процессуальном законодательстве особого экстраординарного основания для отмены судебного акта в целях формирования единообразной (правильной) практики» - носит обязательный характер - и выработку верховными судами обзоров судебной практики – носит рекомендательный характер.²³⁰ Но «они не способны, - пишет Т.Н. Нешатаева, - помочь судье разобраться в ситуации в конкретном случае, впервые возникающем в его профессиональной деятельности».²³¹ По ее мнению, решить эту проблему может преюдициальный запрос в высший суд на этапе рассмотрения дела.

Решением такой проблемы также является введение в арбитражное судопроизводство института процессуального запроса, который мог бы направить арбитражный суд любой инстанции в высшую судебную инстанцию «в целях обеспечения единообразного толкования и применении арбитражными судами норм права в связи с принятием закона, коллизией норм материального или процессуального права, отсутствием нормы права, подлежащей применению в рассматриваемом деле, которые могут привести к нарушению

²²⁹ Нешатаева Т.Н. Формирование единообразной судебной практики и возможности введения процедуры преюдициального запроса в процессуальное законодательство России // Законодательство: Право для бизнеса. М., 2007. № 5. С. 53.

²³⁰ Там же. С. 52 – 53.

²³¹ Там же. № 5. С. 53.

прав и свобод человека и гражданина и законных интересов неопределенного круга лиц».²³²

Кроме того, возможны ситуации, когда толкование норм права может и не быть исчерпывающим и окончательным. Применительно к конкретной ситуации и с учетом изменившихся обстоятельств (будь то политическая обстановка или экономические условия, либо какие-либо конкретные действия сторон международного договора, могущие повлечь соответствующие санкции или контрдействия), норма международного договора по-разному может быть и истолкована и, соответственно, реализована.

И.И. Лукашук утверждает, что «законодательные и судебные органы государства не всегда подготовлены к должному учету предписаний международного права и тем более к толкованию его норм».²³³ Он подчеркивает, что решение задач толкования норм международного права «требует основательных знаний не только в области права, но в области политики, экономики др.»²³⁴

Не позволяет судьям ставить вопросы о порядке применения отдельных материальных или процессуальных норм международного права и институт экспертизы. Вопросы применимого права, порядка применения его норм, толкования актов относятся к исключительной компетенции суда и не могут составлять предмет экспертного исследования. По крайней мере, суд не может официально ссылаться на сделанные по таким вопросам выводы эксперта в качестве обоснования соответствующего правоприменительного поведения.

В обязанности судьи при принятии решения по конкретному спору входит правовая оценка обстоятельств дела, определение подлежащих применению к спорному правоотношению норм. Однако специально-юридический анализ положений международных договоров с использованием комплексных познаний в этой области (то есть международно-правовое толкование в его широком,

²³² См. об этом: Крымский Д.И. Подходы к пониманию «единообразия» судебной практики по арбитражным делам: критический взгляд // Арбитражная практика. М., 2009. № 11. С. 51-52.

²³³ Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 1. С. 654.

²³⁴ Там же. С. 657.

объективном понимании) не может быть отнесен к компетенции арбитражного суда, поскольку представляет собой скорее область экспертного исследования. Тем не менее, вынося судебный акт по существу спора с применением нормы международного договора, арбитражный судья действует от имени Российской Федерации, как орган государственной власти, и должен обладать полным объемом информации о порядке применяемой нормы.

Необходимо помнить, что «в любом правоприменительном акте, в любом решении юридического дела уже выражено понимание права правоприменителем, хотя бы буквально в тексте об этом не говорилось».²³⁵

А.В. Дарда обоснованно исходит из того, что «даже когда суд общей юрисдикции обязан придерживаться толкования, которое дал Верховный Суд Российской Федерации, судьи все равно должны самостоятельно осмысливать соответствующий правовой материал и высказывать свои суждения, поскольку решение исходит именно от данного суда».²³⁶ Принцип независимости судей является не только гарантией беспристрастности принимаемого решения, но и возлагает обязанность на каждого судью по отысканию правильного значения норм применяемого права и решения спора на основе собственного усмотрения.

Не стоит преувеличивать значение акта применения права с точки зрения толкования норм международных договоров. Из существа построения нашей системы арбитражных судов до её реформирования следовало, что правомочием издавать акты толкования и разъяснения порядка применения норм права обладал лишь Высший Арбитражный Суд РФ. После реформы 2014 г. такими полномочиями в отношении арбитражных судов наделен Верховный Суд РФ.

В данной ситуации полагаем возможным разделить понятие толкования на субъективный процесс уяснения существа правовой нормы международного договора и процесс изложения ввне сущности нормы в таком виде, в каком его должен понимать каждый реализующий право субъект.

²³⁵ Проблемы общей теории права и государства / Учебник. Под ред. В.С. Нерсесянца. С. 442.

²³⁶ Дарда А.В. Общие принципы и правила судебного толкования общепризнанных принципов и норм международного права // Вестник Российского университета дружбы народов. М., 2004. № 1. С. 118. Отметим также, что предложенное утверждение касается судов общей юрисдикции, однако является справедливым и в отношении вопросов международно-правового толкования арбитражными судами.

Каждый судебный акт арбитражного суда является актом толкования нормы права в субъективном смысле. Более того, именно толкование как субъективный процесс уяснения смысла нормы входит в состав каждой из форм реализации права (соблюдение, исполнение, использование, применение).

Если обратиться к категории «официального толкования», то можно увидеть, что Конвенция о праве международных договоров 1969 г. не устанавливает субъектный состав лиц, полномочных давать официальное аутентичное толкование. Такое указание отсутствует как в тексте Конвенции, так и в подготовительных материалах по ее разработке и принятию.

По мнению И.И. Лукашука, «толкование, осуществляемое субъектами международного права, является официальным, а не субъектами – неофициальным».²³⁷ Однако представляется недостаточным квалифицировать толкование как «официальное» лишь по критерию субъектов.

Официальный характер толкования отличает его от неофициального тем, что такое толкование обладает признаками нормативности и общеобязательности. «Обязательность официального толкования вызывает, во-первых, обязанность правоприменительного органа по отысканию и изучению актов разъяснения и, во-вторых, следование им в случае расхождения собственных представлений о содержании применяемых норм с указаниями, содержащимися в актах официального толкования».²³⁸

Если говорить о толковании норм международных договоров государствами, как основными субъектами международного права, то для квалификации толкования как официального, на наш взгляд, необходимо признание такого толкования хотя бы большинством договаривающихся сторон, в то время как И.И. Лукашук квалифицирует данное толкование уже как «общее» после того, как оно уже являлось «официальным».²³⁹ О. Шехтер утверждает, что «в теории международного права толкование договора,

²³⁷ Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 1. С. 642.

²³⁸ Проблемы общей теории права и государства / Учебник. Под ред. В.С. Нерсесянца. С. 451.

²³⁹ Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 1. С. 642.

принятое всеми участниками, считается «аутентичным» толкованием, обладающим той же юридической силой, что и сам договор».²⁴⁰

В этом случае следует оговориться, что официальное и аутентичное толкования международного договора должны совпадать по объему на момент неизменившихся обстоятельств в рамках регулируемых нормой правоотношений, однако в случае изменения таких обстоятельств именно официальное толкование будет направлено на правильное применение нормы.

Субъектами международного права также являются международные органы и организации, роль которых в толковании норм международных договоров неуклонно растет. Однако следует признать, что акты толкования таких субъектов носят рекомендательный характер.

И.И. Лукашук отмечает: «В связи с тем, что важным качеством договорных норм является стабильность их содержания – меньшая подверженность влиянию практики по сравнению с обычными нормами, они в течение срока своего действия обеспечивают большую предсказуемость поведения участников, что чрезвычайно важно для международного правопорядка, так как имеет особое значение при урегулировании жизненно важных для государств проблем. ... Вместе с тем, стабильность договорных норм имеет свои минусы, поскольку затрудняет адаптацию их содержания к меняющимся условиям». Для нивелирования данного обстоятельства «используются и неправовые международные нормы. Широкое распространение получила практика создания для реализации договоров специальных органов, решениями которых конкретизируются, восполняются постановления договоров, руководствуясь его целями и принципами».²⁴¹

В данной связи особый интерес представляют акты органов международных организаций, создаваемых с целью содействия развитию той или иной области международного права. Например, Комиссия ООН по праву

²⁴⁰ Шахтер О. Законодательство в Организации Объединенных Наций // Перспективы международного права. London, 1995. P. 126. Цит. по: Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 1. С. 642.

²⁴¹ Лукашук И.И. Нормы международного права в международной нормативной системе. С. 275.

международной торговли (ЮНСИТРАЛ) создана как вспомогательный орган Генеральной Ассамблеи ООН для содействия прогрессивному согласованию и унификации права международной торговли. Комиссия разрабатывает конвенции, типовые законы, правила, правовые и законодательные руководства и рекомендации, а также осуществляет иную деятельность, направленную на реализацию её целей. Таким образом, Комиссия является специализированным органом в области права международной торговли и международного коммерческого оборота. Очевидно, что проводимое ею обобщение практики в указанной области международного правоприменения является специально-юридическим анализом, на основе которого делаются выводы о порядке понимания и реализации тех или иных норм. Данные выводы можно квалифицировать как компетентное международно-правовое толкование как общих норм международного права, так и норм международных договоров, которым, несмотря на рекомендательный характер актов ЮНСИТРАЛ, должны руководствоваться национальные суды государств. Такая обязательность проистекает именно из компетентности в конкретной области данного органа, из того, что выводы о толковании делаются на основе сложившейся практики государств и направлены на обеспечение единообразного применения норм международных договоров.

ЮНСИТРАЛ имеет официальный сайт в сети Интернет (русскоязычная версия), где размещены, помимо прочего, принимаемые данным органом документы. Между тем, учитывая колоссальную нагрузку судьи арбитражного суда, невозможно возложить на него обязанность при подготовке к рассмотрению дела также знакомиться с имеющейся в сети Интернет практикой применения норм международных договоров. С другой стороны, АПК РФ не регламентирует правовой статус и юридическую силу материалов сети Интернет. Выходом может служить, например, ссылка сторон на соответствующую практику, учитывая по большей части профессиональный характер представительства сторон в арбитражных судах. Однако более эффективным было бы издание на государственном уровне нормативного акта,

отсылающего правоприменителя к материалам соответствующего международного органа или организации, в случае возникновения необходимости определения содержания той или иной нормы, либо обеспечение информационной доступности такой отсылки как на уровне публикации в официальных источниках, так и на уровне включения соответствующего раздела с справочно-правовые системы.

Несмотря на то, что рекомендациям (разъяснениям) международных органов и организаций не придается форма официального толкования, не представляется правильным освободить правоприменительный орган от обязанности соотнести свое понимание нормы международного договора с точкой зрения специализированного органа или организации.

И.И. Лукашук полагает, что «суды должны воздерживаться от одностороннего толкования ..., не следует ориентироваться лишь на национальную правовую систему», а необходимо «принимать во внимание соответствующую судебную практику других стран».²⁴²

Как бы ни было правильно данное утверждение с точки зрения международного права, оно может поставить российский арбитражный процесс в тупиковую ситуацию – широкий спектр нюансов, подлежащих учету конкретным судьей при рассмотрении отдельного спора и вытекающий из этого недостаток времени, технических решений и как следствие - компетентности.

Хотя важно отметить - на фоне всей судебной системы арбитражные суды в техническом плане являются, без преувеличения, наиболее оснащенными.

Важное значение имеет и понимание терминов международных договоров. На сложности в определении обычного значения терминов договоров обращали внимание в научных работах Т.Н. Нешатаева, В.А. Канашевский. Так, например, В.А. Канашевский обращает внимание на термин «обычай» («usage»),

²⁴² Лукашук И.И. Международное право Общая часть. С. 208; аналогичной позиции придерживается О.Н. Садилов // См., например: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. О.Н. Садилова. М., 1997. С. 23.

использованный в ст. 9 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.: «... его значение в части 1 указанной статьи (обычай как обыкновение) не совпадает со значением в части 2 этой же статьи (обычай как правовая норма, классический торговый обычай)».²⁴³

Не облегчает участь судей и институт комментирования нормативно-правовых актов. Поддержим критическое отношение С.Ю. Марочкина к различного рода комментариям: «... чаще они дают произвольное толкование, без конкретного юридического анализа, дезориентируют правоприменителя, дают просто неточную информацию».²⁴⁴ «К сожалению, - утверждает автор, - вряд ли можно констатировать, что комментарии оказывают ощутимую помощь в толковании положений о применении норм международного права в контексте вопросов соответствующего кодекса (закона)».²⁴⁵

Поэтому хотя и чрезмерно категорично, но, безусловно, с большим сожалением С.Ю. Марочкин приходит к весьма неутешительному выводу: «в отсутствие четких законодательных и доктринальных ориентиров трудно ожидать от практики обоснованных, непротиворечивых и юридически корректных решений».²⁴⁶

Подводя итог, дополнительно хотелось бы отметить следующее.

Каждый раз, применяя нормы международного договора, каждый арбитражный суд осуществляет их толкование. Однако лишь применение и разъяснение такой нормы высшей судебной инстанцией является актом официального международно-правового толкования от имени Российской Федерации. Это толкование должно соответствовать существующим требованиям к этому процессу со стороны международного права, и оно является обязательным для всех нижестоящих судов арбитражной системы.

²⁴³ См., например: Канашевский В.А. О толковании международных договоров, регулирующих гражданско-правовые отношения. С. 25 – 32; Нешатаева Т.Н. Иностранные предприниматели в России. Судебно-арбитражная практика. М., 1998. С. 31.

²⁴⁴ Марочкин С.Ю. Законодательное, доктринальное и практическое освоение конституционного принципа о нормах международного права в правовой системе России. С.62.

²⁴⁵ Марочкин С.Ю. Применение судами России норм международного права: десять лет после принятия Конституции РФ. С. 65.

²⁴⁶ Марочкин С.Ю. Законодательное, доктринальное и практическое освоение конституционного принципа о нормах международного права в правовой системе России. С. 63.

Решения же таких судов, содержащие ссылки на нормы международных договоров, могут расцениваться только как акты уяснения существа таких норм. Формально вынесение арбитражным судом решения, содержащего неправильное толкование нормы международного договора, является нарушением государством своих международно-правовых обязательств. Между тем, такое нарушение может быть исправлено в процессе рассмотрения жалобы на незаконное, с точки зрения одной из сторон, постановление соответствующим вышестоящим судом. Чтобы со стороны высшей судебной инстанции нарушение в порядке толкования норм международных договоров не носило системного характера, аппаратом ВС РФ предпринимаются меры для исключения таких ситуаций. При толковании Верховным Судом РФ в настоящее время учитываются основные правила толкования норм международного права, имеющиеся разъяснения специализированных международных органов и организаций, сложившаяся практика применения данного международного договора.²⁴⁷

Россия является полноправным субъектом международных отношений и сформировавшаяся в пределах нашего государства практика применения конкретного международного договора, не вызвавшая нареканий со стороны иных субъектов – участников договора, должна учитываться при составлении соответствующих обобщений. Российская Федерация также может высказывать свои возражения в рамках работы специализированных органов и организаций по обобщению договорной практики и, соответственно, формированию официального международно-правового толкования норм международных договоров.

²⁴⁷ Под термином «правильное толкование международного договора» в настоящей работе подразумевается толкование, соответствующее нормам международного права, которые регламентируют данный процесс и описаны нами ранее. Однако работа не носит характер сравнительно-правового исследования, она не направлена на сравнение конкретных примеров толкования норм международных договоров, например, международными судебными органами и арбитражными судами России. Данная область исследования, безусловно, заслуживает отдельного детального исследования. Нами лишь сделаны выводы общего характера о том, что должно быть положено в концепцию правоприменения арбитражными судами норм международных договоров РФ.

3.7. Толкование норм международных договоров международными судебными органами как фактор совершенствования их применения арбитражными судами России

Если обратиться к п. 10 многоупомянувшегося постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5, то можно заметить следующее. Основным содержанием данного пункта, несомненно, являются положения о толковании международных договоров, которыми следует руководствоваться судам в процессе их применения. Но есть в этом пункте и абзац третий, где сказано: «Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (ст. 1 ФЗ от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Поэтому, указал Верховный Суд, применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда во избежание любого нарушения Конвенции.

Указанная Конвенция обладает собственным правовым механизмом реализации, который включает необходимость национальных судов в случае ее применения следовать толкованию ее положений, данному ЕСПЧ.²⁴⁸

Это положение постановления Пленума основано на нормах самой Конвенции 1950 г. На наш взгляд, в нем прослеживается ключевая предпосылка к признанию института международно-правового судебного толкования, то есть толкования норм международных договоров международными судебными органами в процессе рассмотрения конкретных споров.

²⁴⁸ Вопросам организации и функционирования Европейского суда по правам человека и юридической силы принимаемых им актов посвящен раздел II данной Конвенции.

Выделим основные признаки данного процесса толкования. Такое толкование носит профессиональный характер, даётся органом, компетентным применять соответствующую норму международного договора, этот орган формируется на основании норм и принципов международного права. Такое толкование является обязательным для национального правоприменения, если только оно дано в рамках компетенции соответствующего органа и исключительно в отношении спорных правоотношений и спорящих субъектов. При этом в отношении государств, принявших юрисдикцию такого органа международного правосудия, но не являющихся стороной спора, такое толкование будет являться рекомендательным. В этом случае речь не идет о создании новой нормы международного права. Это только формулирование внутреннего усмотрения международного суда на регулирующее воздействие нормы международного права в срезе конкретной спорной ситуации.

Следует подчеркнуть обоснованную точку зрения Б.Л. Зимненко: «Правотворческая деятельность [Европейского суда по правам человека] противоречила бы не только Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ... но и общепризнанному принципу международного права – суверенного равенства государств Государства, выражая согласие с Конвенцией, исходили из того, что Суд наделяется компетенцией именно применять и толковать данный международный договор, а не создавать новые нормы, обязывающие государства – участников Конвенции».²⁴⁹

Именно такое международно-правовое толкование способно влиять на динамику развития процессов применения норм права в различных сферах юрисдикции арбитражных судов России. Оно может способствовать дальнейшему развитию принципа благожелательного отношения к международному праву, «в соответствии с которым предпочтение должно отдаваться таким толкованию и применению внутреннего права, которые соответствуют принципам и нормам международного права».²⁵⁰

²⁴⁹ Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. С. 306-307.

²⁵⁰ Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. С. 14.

Учитывая изложенное, представляется интересной практика Суда Евразийского экономического сообщества в вопросах соотношения нормативного регулирования международного (регионального) и национального уровней.²⁵¹

В деле по заявлению ООО «ОНП» против Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) Суд ЕврАзЭС осуществил толкование права интеграционного объединения во взаимодействии с Конвенцией о защите прав человека 1950 г.²⁵² Из обстоятельств дела следует, что к моменту обращения в Суд ЕАЭС общество «ОНП» решением Арбитражного суда Белгородской области признано банкротом и в отношении него была введена процедура конкурсного производства. Это указывает на то, что предприятие уже не осуществляло предпринимательскую деятельность, а это, по мнению ЕЭК, свидетельствовало об отсутствии у общества качества хозяйствующего субъекта и не позволяло Суду усмотреть наличие у заявителя прямого интереса в судебной защите своих прав.

Как указал Суд в мотивировочной части решения Апелляционной палаты, несмотря на то, что заявитель находится в процессе банкротства, он не ликвидирован и продолжает обладать статусом юридического лица (хозяйствующего субъекта), поэтому не теряет возможности обращаться в международные судебные органы (см.: практика Европейского Суда по правам человека, дело *Credit and Industrial Bank v. Czech Republic*).

²⁵¹ Предварительно, с целью обоснования возможности обращения к практике международного органа, прекратившего свою деятельность, отметим: Суд Евразийского экономического сообщества – это судебный орган ЕврАзЭС, существовавший в 2001—2014 гг. Прекратил деятельность вместе с самим ЕврАзЭС в связи с созданием Евразийского экономического союза. С 01.01.2015 начал свою деятельность Суд Евразийского экономического союза, созданный в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 как постоянно действующий судебный орган Союза. Статус, состав, компетенция, порядок функционирования и формирования Суда определяются его Статутом (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014).

Т.Н. Нешатаева – в прошлом – судья Суда ЕврАзЭС и, ныне, судья Суда Евразийского экономического союза – обосновывает концепцию о том, что «Евразийский суд следует скорее рассматривать как правопреемника Суда Евразийского экономического сообщества». Это утверждение основывается на наличии отдельных структурных, нормативных и компетенционных тождеств между этими двумя органами, о чем пишет Т.Н. Нешатаева. // См. об этом: Нешатаева Т.Н. Евразийская интеграция: роль Суда. С. 72-64; Нешатаева Т.Н. Единообразное правоприменение - цель Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. М., 2013. № 3. С. 106-117; URL: <http://отрасли-права.pf/article/13821> (дата обращения 18.09.2018).

В целом в компетенции обоих означенных судебных органов заложены возможности для достижения такой цели как поддержание единообразия в рамках соответствующих интеграционных образований.

²⁵² Решение Апелляционной палаты Суда ЕврАзЭС от 21.02.2013 по делу по заявлению ООО «ОНП» // URL: <http://www.tsouz.ru/Docs/sud/Documents/apellyaciya.pdf> (дата обращения 18.09.2018).

Судом были в совокупности применены нормы международных договоров различных уровней – субрегионального (ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека 1950 г., закрепившая право каждого на доступ к суду) и регионального (ст. 14 Статута Суда Евразийского экономического сообщества 2002 г. – определившая круг субъектов, по заявлению которых могут возбуждаться и рассматриваться дела в Суде).

Интересным в данной связи представляется мнение Т.Н. Нешатаевой: в указанном деле «Суд ЕврАзЭС применил расширительное толкование права хозяйствующих субъектов на суд и защитил не только права, но и законные интересы юридических лиц – банкротов, постановив, что и после окончания ликвидационных процедур и последующего исключения из реестра интересы юридических лиц в судах могут быть защищены их менеджерами (генеральным директором, если речь идет о кредитной организации), а также акционерами».²⁵³

Законодательство России в области банкротства юридических лиц констатирует полное прекращение деятельности юридического лица и утрату им каких-либо прав и законных интересов с момента внесения записи о завершении конкурсного производства и ликвидации в Единый государственный реестр юридических лиц. Более того, арбитражный суд после этой даты отказывает в совершении каких-либо процессуальных действий, производство по делу прекращается, даже обжалование судебного акта о завершении конкурсного производства невозможно с момента внесения в реестр записи о ликвидации.

Согласно п. 48 Постановления Пленума ВАС от 15.12.2004 г. № 29 «О некоторых вопросах практики применения ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», с момента внесения записи о ликвидации должника в Единый государственный реестр на основании доказательств о ликвидации должника, поступивших от конкурсного управляющего либо регистрирующего органа,

²⁵³ Нешатаева Т.Н. Евразийская интеграция: роль Суда. С. 68 – 69.

арбитражный суд выносит определение о прекращении производства по рассмотрению всех разногласий, заявлений, ходатайств и жалоб.²⁵⁴

Арбитражным судам поэтому не следует пренебрегать имеющейся в этой области практикой рассмотрения дел международным судебным органом, его токованием взаимосвязанных категорий «ликвидированное юридическое лицо», «законный интерес хозяйствующего субъекта» и «доступ к суду».

Как следует из толкования процессуальной правоспособности хозяйствующих субъектов на защиту их законных интересов, арбитражным судам необходимо принимать во внимание значимые в данном случае обстоятельства. В частности, важно наличие у заявителя законного интереса в оспаривании, обжаловании или совершении иных процессуальных действий от имени и в интересах ликвидированного юридического лица. Не лишним также является установить наличие интереса данной компании, выражающегося в планировании возврата на профессиональный сегмент рынка (если нет оснований полагать, что такой интерес не является законным).²⁵⁵

Конституционным Судом уже положено начало такой практике. Так, Суд в своем Постановлении от 12.10.2015 № 25-П указал, что п. 5 ч. 1 ст. 150 АПК (предусматривающий полномочие арбитражного суда прекратить производство по делу в случае, если он установит, что организация, являющаяся стороной в деле, ликвидирована) в системе действующего правового регулирования не препятствует арбитражному суду апелляционной инстанции рассмотреть по существу и вынести решение по жалобе конкурсного управляющего на определение арбитражного суда первой инстанции о признании незаконными его действий (бездействий), совершенных при исполнении возложенных на него обязанностей в рамках дела о банкротстве, в случае, когда во время осуществления апелляционного производства в Единый государственный реестр юридических лиц вносится запись о ликвидации организации-должника и на

²⁵⁴ Постановление Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 № 29 «О некоторых вопросах практики применения ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. М., 2005. № 3.

²⁵⁵ См. об этом: Нешатаева Т.Н. Евразийская интеграция: роль Суда. С. 69.

этом основании прекращается дело о банкротстве. В противном случае Конституционным судом РФ констатируется возможность нарушения права управляющего на защиту деловой репутации (ч. 1 ст. 23 Конституции) и корреспондирующего ему права на защиту деловой репутации, неразрывно связанных с его личностью, интерес в защите которых непосредственно не зависит от реализации прав и обязанностей должника в деле о банкротстве.²⁵⁶

Безусловно, в данном случае фабула дела несколько отличается, но само допущение органом конституционного контроля возможности защиты нарушенного права личности в рамках дела о банкротстве, но за пределами ликвидации самого должника, является новеллой в правовом регулировании. Такая новелла имеет положительную и потенциальную возможность развития.

Такой подход применим и к порядку рассмотрения кассационных жалоб кредиторов, поданных на судебные акты об отказе в удовлетворении их требований о признании незаконными действий (бездействий) управляющего, о чем указал в своих судебных актах Верховный Суд РФ в апреле 2016 г.²⁵⁷

Мотивировочная часть Определения Верховного Суда от 04.04.2016 г. № 306-ЭС15-15954 содержит указание на то, что в рассматриваемом случае на основании положений п. 3 ст. 49 ГК РФ на момент разрешения кассационной жалобы прекратилась правоспособность кооператива. При этом ни кредитор (истец), ни арбитражный управляющий (ответчик) правоспособность не утратили. Следовательно, прекращение производства по кассационной жалобе кредитора (по причине ликвидации юридического лица) лишило его возможности обжалования судебного акта, принятого судом апелляционной инстанции, что по сути является отказом в праве на судебную защиту.

Это свидетельствует о том, что новелла, толчком для развития которой стала толковательная практика международного судебного органа, начинает

²⁵⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.2015 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.А. Татарникова» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

²⁵⁷ Определение Верховного Суда РФ от 04.04.2016 № 306-ЭС15-15954 и Определение Верховного Суда РФ от 28.04.2016 г. № 307-ЭС15-3429(3) // Там же.

играть все большую роль в системе внутригосударственного правового регулирования. По нашему мнению, таких новых, не стандартных и положительных в своей основе решений в судебной практике будет больше с развитием интеграционных связей и самих международных органов правосудия.

3.8. Нормативные и ненормативные акты международного права в правоприменении арбитражных судов

В решении Постоянной палаты международного правосудия 1928 г. по делу парохода «Лотос» было указано, что «обязательные для государства нормы права порождаются свободной волей последних, выраженной в конвенциях или общепринятых обычаях».²⁵⁸ Норма права выражается в источниках, ее содержащих. Именно поэтому для отыскания подлежащей применению правовой нормы происходит обращение к источнику, чаще всего к источнику той правовой системы, субъектом которой является правоприменитель. На данном этапе развития процесса взаимодействия международной и российской правовых систем можно констатировать, что российские суды всё чаще и чаще начинают обращаться для целей применения к источникам «не родной» для них правовой системы, прежде всего к международным договорам.

В этой связи в правоприменительной практике российских арбитражных судов можно выделить следующую проблемную область.

С одной стороны, в ситуации, когда международный договор распространяет свое воздействие на область общественных отношений, связанных с предпринимательской и иной экономической деятельностью, его правовые нормы могут и должны быть реализованы через правоприменение.

С другой стороны, в отдельных случаях в правоприменительный процесс арбитражных судов включаются акты, не обладающие юридически обязательной силой по международному праву, не содержащие нормы права, не порождающие для России международных правовых обязательств – это так называемые политические акты (декларации, заявления, меморандумы и т.д.).

Но наиболее распространенной формой политических актов на данном этапе являются резолюции международных форумов. В теории международного права вопрос о статусе резолюций дискуссионный.²⁵⁹ Но если не вдаваться в

²⁵⁸ Цит. по: Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997. С. 8.

²⁵⁹ См. об этом: Международное право / Учебник. Под ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова. С. 145 – 150. В основном дискуссия развивается в отношении того, какая международная организация принимает такой акт и какой характер носят содержащиеся в нём предписания – правовой или политической.

полемику таких дискуссий,²⁶⁰ то полагаем возможным под термином «резолюции международных форумов» объединить акты международных конференций, совещаний, а также международных организаций, их органов. Можно констатировать, что этот термин носит родовой характер. На наш взгляд, такой подход не противоречит основам общей теории международного права и допустим для целей настоящего исследования.

Как правило, резолюции международных форумов не обладают юридически обязательной силой. В этом случае подчеркнем, что «различие между рекомендацией и юридически обязательным постановлением состоит в том, что первая является пожеланием, в то время как второе налагает юридические обязательства на государство».²⁶¹ В результате голосования в рамках международной организации и принятия текста резолюции не образуется норма международного права. Напротив, как правильно отмечает Г.И. Тункин, «постановления международных организаций ... могут входить в процесс нормообразования и играть определенную роль в формировании новых принципов и норм международного права, подтверждении, закреплении, развитии и толковании существующих принципов и норм».²⁶²

Р.В. Винникова, сравнивая международные политические акты и договоры, пишет: «если договор, заключенный и опубликованный должным образом, становится частью правовой системы страны, то в отличие от этого должным образом принятый и официально опубликованный документ органа международной организации такого качества не приобретает».²⁶³

И.И. Лукашук констатирует, что «резолюции международных организаций в соответствии с их уставами обладают статусом рекомендаций. Государства-члены обязаны относиться к ним с уважением».²⁶⁴

²⁶⁰ Поскольку они носят комплексный характер и выходят за пределы настоящего исследования.

²⁶¹ Тункин Г.И. Теория международного права. М., 2006. С. 150.

²⁶² Там же. С. 152.

²⁶³ Винникова Р.В. Имплементация норм международного права в арбитражном процессе Российской Федерации: автореф. дисс. ...к.ю.н. С. 16.

²⁶⁴ Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. С. 26; См. также: Решение по делу о дипломатическом и консульском персонале США в Тереране // ICJ.Reports. 1980. P. 93.

Однако «уважительное отношение к рекомендациям» – это абстрактная категория международной правовой системы, преломление которой на практику правоприменительных органов России представляется достаточно сложно. В первую очередь потому, что российское право такими абстракциями не оперирует. Чаще всего роль таких актов международного права заключается в том, чтобы стать частью процесса нормообразования, о котором сказано выше, но не регулировать конкретные правоотношения.

Однако важно отметить происходящие изменения в этой области правоприменения. Это проявляется в том, что деятельность российских арбитражных судов уже не всегда «согласовывается с теоретическими представлениями о роли и значении резолюций международных организаций». ²⁶⁵ Арбитражное судопроизводство начинает «поворачиваться лицом» к актам международных форумов и «ссылки на такого рода документы все чаще встречаются в судебных документах (исковых заявлениях, ходатайствах сторон, ответах на иски и т.д.)». ²⁶⁶

В международных политических актах норм международного права нет, ²⁶⁷ они не являются нормативными правовыми актами, несмотря на частое сходство по форме изложения с международными договорами. При этом не исключена способность таких актов участвовать в процессе правоприменения на отдельных стадиях. Они могут быть использованы арбитражным судом для целей толкования положений подлежащего применению международного договора, доказательства наличия обычной практики государств по конкретному вопросу и т.п.

²⁶⁵ Талимончик В.П. Резолюции международных организаций в правовой системе России // Правоведение. СПб., 2008. № 5. С. 134.

²⁶⁶ Нешатаева Т.Н. Арбитражные суды и некоторые вопросы применения международного права в Российской Федерации. С.228.

²⁶⁷ Своеобразным исключением могут считаться политические акты (например, резолюции), в которых могут быть письменно отражены международные обычаи. Резолюция в этом случае не становится источником права. Так, Международным Судом ООН в консультативном заключении относительно правомерности угрозы или использования ядерного оружия (1996 г.) указано: «Резолюции Генеральной Ассамблеи, даже если они не обязательны, могут иногда иметь нормативную ценность. Они могут в определенных обстоятельствах предоставить значимое свидетельство в пользу наличия нормы или возникновения *opinion juris*» // URL: <https://www.futurepolicy.org/wp-content/uploads/2015/01/Annex-5.pdf>. (дата обращения 18.09.2018).

И.И. Лукашук пишет: «Суд не обязан применять резолюции международных конференций, но применяет изданные в соответствии с ними нормативные акты государства. При этом, будучи органом государства, он должен принимать во внимание и неправовые международные обязательства. Выражается это в том, что при расхождении между ними и национальным правом последнее должно толковаться с учетом первых. Если же согласование невозможно, то применению подлежит норма национального права даже в случае ее явного противоречия резолюции конференции».²⁶⁸

Несмотря на, казалось бы, простой и естественный выход из предложенной ситуации, не все так однозначно. Дело в том, что противоречие кроется в самой сущности резолюций международных органов. По своей правовой природе они не обладают обязательной юридической силой, но и игнорировать их не представляется возможным даже в гипотетическом случае их противоречия с нормами внутригосударственных нормативных правовых актов. Несмотря на то, что государство только политически заявило о своей приверженности тем или иным правилам, оно принимает на себя хоть и не правовые, но политические обязательства по гармонизации своего внутригосударственного правового регулирования и правоприменения в соответствии с такими правилами.

В отношении сущности сотрудничества государств в рамках международных организаций Международный Суд ООН подчеркивает, что сам факт членства государства в международной организации «предполагает определенные взаимные обязательства сотрудничества и добросовестности», лежащие на государстве и организации».²⁶⁹

В этом случае необходимо заметить, что международные акты политического характера чаще всего являются политическими руководящими направлениями деятельности государств – членом международного органа или организации. Это обуславливает последующую законотворческую,

²⁶⁸ Лукашук И.И. Международное право в судах государств. С. 169.

²⁶⁹ Решение по делу о дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране/ICJ.Reports. 1980. P. 93 // Цит. по: Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. С. 26.

программно-политическую деятельность во внутригосударственной правовой системе и в области международного общения. Следовательно, в большинстве случаев идеи и положения политических актов воплощаются в нормах национального или международного права. Суд в процессе применения права должен оценить наличие такого воплощения и применить норму соответствующего права с учетом сущности рекомендательного акта международного права, на базе которого она создана. Однако и изложенное не позволяет делать выводы о том, что международные рекомендательные акты должны применяться судами России в порядке, аналогичном международным договорам.

Рекомендательные международные акты принимаются международными форумами, созданными для обеспечения действия того или иного международного договора, обобщения практики его применения и формулирования на основе этого практических рекомендаций. В этом случае можно говорить об исключительной важности таких актов для внутригосударственных органов правоприменения, поскольку они являются актами официального международно-правового толкования норм международного права.

Сами по себе резолюции, например, Генеральной Ассамблеи ООН, не носители норм международного права. Но, как показывает практика, государства чаще стремятся к тому, чтобы их действия не расходились с предписаниями, содержащимися в таких документах, поскольку они «представляют собой важную разновидность коллективной практики государств, которая должна приниматься во внимание при толковании норм международного права».²⁷⁰

Учет данных ненормативных актов на стадии толкования в процессе применения норм международных договоров РФ не может и не должен подменяться фактической правоприменительной деятельностью в отношении них.

²⁷⁰ Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. С. 26.

Конкретный судья, во-первых, должен иметь представление о ненормативном и неправовом характере данных актов.²⁷¹ Во-вторых, в условиях невозможности полного игнорирования такого неправового акта, субъект правоприменения должен понимать, каким образом построить процесс юридической квалификации и последующей аргументации своих выводов и постановлений, чтобы не допустить противоречия политическим обязательствам своего государства.

Проанализировав конкретные случаи использования в правоприменительной деятельности судами РФ различных актов международных организаций, В.П. Талимончик делает выводы о том, что «в практике судов отсутствуют единые подходы ... в ряде случаев при рассмотрении дел применяются резолюции, не имеющие обязательного характера», а некоторых случаях применение таких актов «для рассмотрения конкретного дела является ошибочным и не основанным на нормативных предписаниях, касающихся структуры правовой системы России».²⁷²

С.Ю. Марочкин констатирует, что не всегда суды устанавливают «является ли вообще международный документ договором, т.е. имеет ли он юридическую обязательность».²⁷³

Анализ судебных актов арбитражных судов свидетельствует о верности данных утверждений.

Приведем пример. Резолюцией 217 (А) III Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 г. принята Всеобщая декларация прав человека, в преамбуле которой указано: «Генеральная Ассамблея, провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую

²⁷¹ Произведенный автором в период работы в арбитражных судах России и диссертационного исследования анализ значительного количества актов правоприменения арбитражных судов показывает в нередких случаях отсутствие такого понимания или пренебрежение правилами изложения судебных актов, в результате чего могут складываться неверные выводы об уровне правопонимания субъектов правоприменения.

²⁷² Талимончик В.П. Резолюции международных организаций в правовой системе России. С. 141.

²⁷³ Марочкин С.Ю. Какие международные нормы и договоры подлежат применению судами. С. 44.

Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению, путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств-членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией».²⁷⁴

Решения международных организаций «принимаются на основе учредительных документов международных организаций, т.е. международных договоров, устанавливающих полномочия органов этих организаций» и именно они «являются правообразующими источниками для определения юридической силы решений международных организаций».²⁷⁵

В соответствии со ст. 10 Устава ООН, Генеральная Ассамблея уполномочена делать рекомендации Членам ООН.²⁷⁶ А значит указанная Декларация является актом провозглашенным органом международной организации и носит рекомендательный характер. Он не проходил и не требует каких-либо международных или национальных процедур для приобретения обязательной юридической силы. Несмотря на отражение в данном документе отдельных основополагающих принципов международного права в области прав человека, его нельзя отнести к нормативным правовым актам международного права, поскольку отсутствуют основные признаки для этого.

В свете современных дискуссий вокруг нормативной силы Всеобщей декларации 1948 г. А.С. Исполинов не отрицает того обстоятельства, что это не международный договор, который накладывает правовые обязательства на

²⁷⁴ Всеобщая декларация прав человека, 10.12.1948 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения 18.09.2018).

²⁷⁵ Выполнение международных договоров Российской Федерации / Отв. ред. О.И. Тиунов. С. 39-40.

²⁷⁶ Устав Организации Объединенных Наций от 24.10.1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14 – 47; URL: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-iv/index.html> (дата обращения 18.09.2018).

государства, а также делает вывод о том, что «только некоторые положения Декларации приобрели статус обычных норм международного права».²⁷⁷

Следовательно, данный акт носит характер намерений государства и в строгом понимании не подлежит применению национальными арбитражными судами и квалификации в качестве международного договора.²⁷⁸

Между тем, в мотивировочной части постановления Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.12.2014 г. по делу № А64-3716/2014 при оценке доводов апелляционной жалобы указано следующее: «В статье 17 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной ассамблеей ООН 10.12.1948 г., провозглашен принцип, согласно которому каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими и никто не должен быть произвольно лишен своего имущества. Реализуя указанный принцип, статья 35 Конституции Российской Федерации установила, что право частной собственности охраняется законом...».²⁷⁹ Но «реализованы» могут быть нормы права и субъектами данного процесса выступают сами субъекты права, но не нормативно-правовой акт (тем более Основной закон государства). Поэтому первоначально арбитражным судом правомерно сделано указание на «провозглашение» Декларацией «принципов», но никак нельзя сказать, что положения Декларации были реализованы и уж никак не Конституцией РФ. В данном случае Российской Федерацией реализованы основополагающие принципы международного права в этой области путем изложения основных направлений внутригосударственной политики в Основном законе.

²⁷⁷ Исполинов А.С. Правовой статус Всеобщей декларации прав человека (к 70-летию принятия) // Сравнительное конституционное обозрение. М., 2018. № 4(125). С. 4-5.

²⁷⁸ В данном случае автором не отрицается факт того, что Всеобщая декларация прав человека 1948 г. является доказательством наличия обычаев в области прав человека, сформировавшихся задолго до ее принятия ГА ООН и признанных государствами в качестве таковых. Этот акт являет собой процесс образования обычной нормы международного права. Но, несмотря на это, источником права – нормативно-правовым актом международного права данный акт не является и может быть использован органами правосудия только для целей толкования норм международного или национального права.

²⁷⁹ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.12.2014 по делу № А64-3716/2014 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

Формулировки: «в соответствии со статьями 7, 8 и 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и статьей 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. все равны перед законом и судом»,²⁸⁰ «это положение соответствует Всеобщей декларации прав человека 1948 г.»,²⁸¹ «согласно положениям Всеобщей декларации прав человека 1948 г.»,²⁸² - являются общепринятыми в правоприменительных актах арбитражных судов. Однако сложно оценить их как правильные с правовой точки зрения, поскольку такие ссылки могут свидетельствовать о предположении судом обязательного нормативного правового характера данного акта международного права.

В Постановлении Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2015 г. по делу № А83-1853/2014 указано, что «международные соглашения и конвенции закрепляют право каждого человека на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом (ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН)».²⁸³ В данном случае остаются неясными мотивы данного изложения судебного акта, поскольку отсутствует указание на вид источника международного права, но употреблен глагол «закрепляют», который является указанием на обязательный характер предписаний. Таким образом эта ссылка не носит характер декларации о намерениях государства и наличии в этом направлении определенных законодательных закреплений, а имеет целью отразить «применение судом нормы международного права», которого, по существу, в данном случае не может быть. Аналогичные выводы

²⁸⁰ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.06.2014 по делу № А32-2304/2014 // Там же; аналогичная ссылка имеется в уже упомянутом Постановлении Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.03.2015 г. по делу № А06-12095/2014.

²⁸¹ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.11.2009 по делу № А32-23686/2008 // Там же.

²⁸² Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 12.08.2008 по апелляционной жалобе № 07АП-4331/08 // Там же.

²⁸³ Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2015 по делу № А83-1853/2014 // Там же

можно сделать и в отношении мотивировочной части Постановления Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.09.2014 г. по делу № А13-7185/2014.²⁸⁴

Спорной является мотивировка Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда в Постановлении от 13.08.2013 г. по делу № А55-34819/2012 в части указания на то, что «решение о реорганизации двух муниципальных бюджетных медицинских учреждений должно быть принято с учетом предписаний статьи 25 Всеобщей Декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., статьи 41 Конституции Российской Федерации и положений Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»». ²⁸⁵ Предписывающими, то есть обязывающими, по своему существу положения Всеобщей декларации 1948 г. не являются.

В тех странах, где нормы международного права входят в национальный правовой порядок, по мнению А.С. Исполинова, они подлежат применению национальными судами. При этом он делает оговорку, что положения Декларации, как и других международно-правовых документов могут использоваться национальными судами двояко: «при толковании норм национального права для повышения убедительности и легитимности своих выводов», а также «для разрешения конкретных споров вместо применимых норм национального права, но для этого любому суду надо обосновать свое признание применяемых им положений Декларации в качестве выражения обычных норм международного права». ²⁸⁶ Очевидно, что в рассмотренных случаях не было избрано того или иного варианта и, уж тем более, не проводился судом анализ возможности установить характер обычая в каком-либо положении Декларации.

²⁸⁴ Постановления Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.09.2014 по делу № А13-7185/2014 // Там же.

²⁸⁵ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.08.2013 по делу № А55-34819/2012 // Там же.

²⁸⁶ Исполинов А.С. Правовой статус Всеобщей декларации прав человека (к 70-летию принятия). С. 6.

С точки зрения требований к правоприменительной деятельности следует все-таки четко разделять нормативные правовые акты международного права и иные акты международного права, не обладающие общеобязательной юридической силой источника права. На основании такого разделения необходимо подбирать терминологический аппарат при изложении мотивировочной части судебных актов. Так, для изложения в судебном акте положений актов международного права рекомендательного характера допустимыми, на наш взгляд, являются речевые обороты: «основные принципы международного права сформулированы в ...», «основные принципы международного права нашли свое отражение в ...» «в ... провозглашены ...», «из содержания ... можно сделать вывод о намерении государства ...», «... к числу основных прав и свобод относит ...»²⁸⁷ и т.п. При этом в каждом конкретном случае следует учитывать характер и содержание каждого конкретного рекомендательного акта.

Приведем еще один пример. Седьмой арбитражный апелляционный суд в деле № А27-8992/2014 рассматривал заявление ОАО «РЖД» (истец) о признании недействительным ненормативного акта Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области (ответчик). Предметом исследования стал объект культурного наследия. Апелляционный суд, сделал вывод о том, что «требования об охране окружающей среды, предполагающей в числе прочего предотвращение негативного воздействия на нее хозяйственной и иной деятельности, применимы и к городской среде».²⁸⁸ После этого изложены доводы, вызывающие объективное сомнение: «Такой подход соответствует положениям международно-правовых актов, в том числе Всеобщей декларации прав человека, согласно статье 27 которой ..., а также Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в

²⁸⁷ См., например: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.10.2011 по делу № А56-43904/2011, Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.12.2014 по делу № А64-3716/2014 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018). Но второй судебный акт содержит погрешность, о которой мы писали выше – указание на то, что Конституция РФ в своих статьях «реализует» принцип, провозглашенный в Декларации 1948 г.

²⁸⁸ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 31.10.2014 по делу № А27-8992/2014 // Там же.

Европе, согласно которому ...». Два указанных международных акта имеют международный политический характер, без нормативных обязательств государства в этой области. При этом цитирование положений этих актов с предлогом «согласно» свидетельствует о мнении суда об обязательности указываемых положений, то есть нормативном правовом характере актов, что не отвечает действительности. Если бы судом предварительно была дана оценка (правовая квалификация) указываемых международных документов, то не возникло бы необходимости буквально толковать положения судебного акта и делать предположения о правовой позиции суда.

В этом постановлении апелляционный суд ссылается на указания «Международной хартии по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест, принятой на II Международном конгрессе архитекторов и технических специалистов по историческим памятникам в Венеции (1964 год)».²⁸⁹ Помимо того, что ссылка в целом является некорректной,²⁹⁰ судом не дана оценка того, что это за акт и какой характер он имеет.²⁹¹ После этого арбитражный суд ссылается на статьи 4, 5, 6 Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, указывая, что она «принята Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры 16 ноября 1972 года»,²⁹² но никакого анализа юридической силы данного акта (тем более учитывая предыдущие ссылки на акты рекомендательного характера международных организаций) судом не

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Судом предлагается цитата из указанного международного акта с указанием на статью 7, но перечисленные положения взяты из преамбулы и статьи 7 данного акта.

²⁹¹ Данный акт принят международной неправительственной организацией - Международным советом по охране памятников и исторических мест (ИКОМОС); Россия является страной-членом ЮНЕСКО и в связи с этим в нашем государстве создан национальный комитет ИКОМОС, однако принимаемые данной организацией акты не обладают обязательной юридической силой. Более того, данный акт не был каким-либо образом опубликован на территории Российской Федерации – письменное изложение русскоязычного текста данного документа осуществлено только в следующем издании Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов: Запесоцкий А.С. Международно-правовые документы по вопросам культуры. СПб., 1996. 389 с. Это не исключает учет ее положений в процессе толкования норм международного права или национальных норм права в данной области общественных отношений. Ссылка суда в данном случае должна была носить характер использования дополнительного средства толкования.

²⁹² Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 31.10.2014 по делу № А27-8992/2014 // СПС «КонсультантПлюс (дата обращения 17.09.2018).

осуществлено (нет анализа участия/неучастия России в данном международном договоре, вступления/невступления его в силу по международному праву, наличия/отсутствия официального опубликования данного акта на территории России, нет и в целом анализа относимости изложенных норм международного договора к спорным правоотношениям).

Даже на уровне руководящих разъяснений для целей судопроизводства имеются существенные пробелы. Отсутствует концептуальное единство по вопросу порядка изложения и формулирования в отношении ненормативных актов международного права, что, безусловно, влечет недопонимание в этом вопросе органов правосудия. Так, п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» содержит следующее разъяснение: «Судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах), и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы». ²⁹³ Можно предположить, что Пленум ВС РФ в данном пункте имел намерение отметить отдельные акты международного права, на которые судам следует обращать особое внимание, а также подчеркнуть возможность различного их наименования. Но такое разъяснение совершенно не отвечает международному праву. Международными пактами и конвенциями действительно закрепляются отдельные общепризнанные принципы и нормы международного права, но это лишь некоторые наименования международных договоров – нормативно-правовых актов международного права.

²⁹³ Постановление Пленума ВС РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Там же.

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.,²⁹⁴ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.²⁹⁵ – это международные договоры, по какой причине они указаны в одном ряду с Всеобщей декларацией прав человека, являющейся актом рекомендательной силы международного права, не ясно. Как не ясно и то, почему они не указаны в качестве примера в отношении международных договоров РФ.

В данной части сложно требовать от органа высшей судебной инстанции непротиворечивых разъяснений по причине имеющейся не совсем корректной формулировки самой ч. 4 ст. 15 Конституции. Так, например, Б.И. Нефёдов отмечает, что «формулировка п. 4 ст. 15 Конституции РФ является правотворческой ошибкой, поскольку содержит в себе глубокое внутреннее противоречие: одновременно закрепляет приоритет норм международных договоров над национальными нормами права и прямо противоположный ему тезис о включении общепризнанных принципов и норм международного права в национальную правовую систему России».²⁹⁶ Однако, неоспоримым является факт того, что разъяснения по вопросам применения тех или иных актов должны вносить ясность, четкость, правовую грамотность и определенность в вопросы осуществления такой деятельности, что в данном случае не достигнуто. Так, в частности, в одном из комментариев к Конституции РФ данный пункт Постановления № 8 положен в основу вывода о том, что в силу п. 4 ст. 15 Конституции РФ «международные договоры должны применяться даже в тех случаях, когда это наносит ущерб интересам Российской Федерации и ее граждан».²⁹⁷ Такое утверждение даже на первый взгляд противоречит общесоциальной сущности международного права, не учитывает возможностей каждого суверенного государства по денонсации

²⁹⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. // Там же.

²⁹⁵ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. // Там же.

²⁹⁶ Нефёдов Б.И. Соотношение международного и внутригосударственного права: проблема формирования межсистемных образований. Автореф. дис. ... д.ю.н. М., 2011. С. 14-15.

²⁹⁷ Борисов А.Б. Комментарий к Конституции РФ (постатейный). С комментариями Конституционного Суда РФ. М., 2012. С. 34.

международных договоров, а также не учитывает внутрисистемных процессов в правовой системе государства, верховенства в этой системе Конституции как Основного закона, принципов правоприменительной деятельности, а также иных общеправовых категорий и институтов в их взаимодействии.

В связи со всем вышеизложенным полагаем необходимым и закономерным отметить отдельные судебные акты в исследуемых вопросах, как бесспорно свидетельствующие об осуществлении более тщательного анализа в этой области.

Четвертый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 09.09.2015 г. по делу № А78-4606/2015 поддержал решение суда первой инстанции от удовлетворении заявления ОАО «Аэрофлот» (заявитель) к Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия по Забайкальскому краю (Управление) о признании недействительным предписания об устранении нарушения, выразившегося в непредоставлении необходимой и достоверной информации об услугах в национальной валюте Российской Федерации (рубль).²⁹⁸ В своем постановлении апелляционный суд последовательно установил наличие акта международной неправительственной организации (Международной ассоциации воздушного транспорта (ИАТА)) – Резолюции об особых положениях по валютному регулированию № 024а, по условиям которой на территории России тарифы должны устанавливаться в евро. Данный документ не является международным договором РФ,²⁹⁹ но его положения обязательны для заявителя по делу как участника международной организации. В этой связи арбитражным судом правильно проанализированы положения действующего внутригосударственного правового регулирования в данной области на предмет непротиворечия ему положений резолюции

²⁹⁸ Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 09.09.2015 по делу № А78-4606/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

²⁹⁹ Апелляционным арбитражным судом предварительное, конечно, сделана не относимая к данному случаю ссылка на статью 2 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», согласно которой если международным договором РФ установлены иные правила о защите прав потребителей, чем те, которые предусмотрены настоящим Законом, применяются правила международного договора.

международной организации. То есть судом использовано толкование норм национального права с учетом положений рекомендательных международных актов которое можно именовать гармоничное. Таким образом, апелляционный суд пришел к выводу: «законодательство Российской Федерации не предусматривает ограничений в отношении выбора перевозчиком валюты, в которой осуществляется опубликование тарифов на перевозки. На территории Российской Федерации оплата установленных в иностранной валюте тарифов и сборов взимается в рублях. При этом на руки пассажиру выдается соответствующий документ, подтверждающий произведенную оплату, где размер оплаченных денежных также указан в рублях. Таким образом, факт установления тарифов в иностранной валюте [по основанию участия заявителя в ИАТА] не является нарушением законодательства Российской Федерации, в том числе и Закона о защите прав потребителей».

Восьмой арбитражный апелляционный суд в своем постановлении от 24.12.2012 г. по делу № А75-1015/2012 поддержал решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры об отказе в удовлетворении исковых требований ООО ПСК «ВТОРМА» (истец) о признании не соответствующей действительности и порочащей деловую репутацию истца информации, размещенную в сети «Интернет» на официальном сайте ответчика (ООО «Мой город»)³⁰⁰. В частности, по вопросу толкования права свободно выражать свое мнение судебная коллегия в мотивировочной части правомерно сослалась на ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 29 Конституции РФ. Далее судом проанализированы положения Резолюции 7/36 Совета по правам человека и совместной Декларации о свободе выражения мнений в Интернете от 01.06.2011 г., после чего сделан вывод: «Указанная Декларация не является

³⁰⁰ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2012 по делу № А75-1015/2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

нормой права, обязательной к применению».³⁰¹ Несмотря на очевидную общетеоретическую ошибку изложения мысли (Декларация – это документ, следовательно, она не является источником права и не содержит нормы права, как общеобязательные правила поведения), суть ее абсолютно верная – международно-правовых обязательств для государств данный акт не создает.

Более того, судом в данном постановлении сделан достойный положительной оценки с точки зрения международного права вывод о том, что в рассматриваемом случае «возложение ответственности ... возможно лишь по основаниям, предусмотренным общими нормами гражданского законодательства. При этом общие принципы, в том числе международные, при решении вопроса об ответственности владельцев сайтов, не являющихся средствами массовой информации, не могут кардинально отличаться от принципов ответственности владельцев сайтов, являющихся средствами массовой информации. Об этом свидетельствует также совпадение правовых позиций, изложенных в Декларации [о свободе выражения мнений в Интернете] и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"».³⁰²

При этом судом корректно были подобраны формулировки при анализе ненормативных актов международного права. Корректной и достойной для примера является формулировка Пятого арбитражного апелляционного суда в постановлении по делу № А51-6157/2012 в отношении резолюции международной организации: «Делая указанный вывод, суд принимает во внимание положения Резолюции Международной морской организации (ИМО) А.1052 (27) «Процедуры государственного портового контроля, 2011 года» ..., согласно которой ...». В этом случае допустим даже предлог «согласно», поскольку первоначально отмечено, что положения данного акта «принимаются во внимание», а не к руководству.

³⁰¹ Там же.

³⁰² Там же.

Таким образом, полагаем требующими дополнительного нормативного или по меньшей мере рекомендательного закрепления следующие выводы.

Международный договор РФ является нормативным правовым актом, в нем содержатся нормы права, он подлежит применению российскими арбитражными судами.

Международные акты рекомендательного характера (политические акты, резолюции международных организаций), не зависимо от наименования и частого сходства по форме изложения с международными договорами, не являются источниками права, по общему правилу норм международного права в них нет. Такие акты не могут становиться объектом применения арбитражными судами России.

Учет ненормативных международных актов на стадии толкования норм международных договоров РФ арбитражными судами не может и не должен подменяться фактическим применением данных актов. Необходимость дифференциации применения нормы международного договора РФ и учета при толковании (одной из стадий правоприменения) положений ненормативного, рекомендательного акта международного права обуславливает требования к порядку изложения мотивировочной части судебных актов.

3.9. Направления и способы обеспечения единообразия применения норм международных договоров арбитражными судами Российской Федерации

На основе анализа направлений и способов формулирования арбитражными судами России правоприменительных актов по делам, связанным с международным правом, можно констатировать наличие четырех вариантов возможного использования норм международных договоров.

1. *Простая ссылка на международный договор России* в тексте судебного акта, как правило, в общем перечне применимых источников, без указания на конкретные статьи и положения договора. При этом арбитражный суд приходит к выводу, что нормы договора регулируют рассматриваемые и оцениваемые в рамках конкретного спора внутригосударственные отношения.

Однако чаще всего такое использование характеризуется фактическим совпадением регулирующего эффекта нормы международного договора с нормой внутригосударственного нормативно-правового акта.

Источник международного права не анализируется на предмет его юридической силы в рамках внутригосударственного правоотношения, не исследуется его действительность, даже его содержание не всегда раскрывается (судебный акт может быть ограничен лишь формулировкой о том, что правовое регулирование аналогично положениям, содержащимся в международном договоре).

В основном причиной этому служит нежелание суда ставить свое решение под угрозу возможной неправильной трактовки или оценки норм международного договора. Более того, формулировки самих норм российского законодательства (ч. 3 ст. 3 и ч. 4 ст. 13 АПК РФ, п. 2 ч. 2 ст. 7 ГК РФ, п. 1 ст. 7 НК РФ и др.) имеют преимущественно «негативный» характер в отношении применения норм международных договоров. Изложенные и многие другие нормы российского законодательства формулируют теоретическую посылку: только лишь в случаях, если международным договором РФ предусмотрено иное, чем законодательством РФ, то применяется международный договор.

Как отмечалось ранее в работе, в случае совпадения регулирующего эффекта международного договора и российского правового акта следует применить оба нормативных акта с целью наиболее полного, объективного и всестороннего анализа ситуации, в том числе путем соответствующего каждой норме толкования. В таких случаях, чаще всего, регулирующий эффект норм международного и внутреннего права является взаимодополняющим.

В качестве иллюстрации можно привести следующее.

В Постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 23.04.2012 г. по делу № А70-11038/2010 указано: «Об одностороннем отказе от исполнения договора отказавшаяся сторона должна уведомить другую сторону, и договор поставки считается расторгнутым с момента получения соответствующей стороной такого уведомления (п. 4 ст. 523 ГК РФ). В Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (1980 г.) содержатся аналогичные положения».³⁰³

В Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.10.2008 г. по делу № А56-5652/2008 содержится следующая мотивировка: «Указанные правовые нормы согласуются с Конвенцией по облегчению международного морского судоходства от 9 апреля 1965 г. (далее — Конвенция), регулирующей отношения в сфере морского судоходства, а также требования в отношении документов и процедур при приходе, стоянке и отходе судов заграничного плавания».³⁰⁴

Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 14.07.2010 г. по делу № А53-29588/2009 указал: «В соответствии с пунктом 5 Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений и пунктом 3 статьи 5 Закона Российской Федерации “Об авторском праве и

³⁰³ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 23.04.2012 по делу № А70-11038/2010 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

³⁰⁴ Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.10.2008 по делу № А56-5652/2008 // Там же.

смежных правах” произведениям, созданным в США, предоставляется такой же режим правовой охраны, как и российским объектам авторского права». ³⁰⁵

В последнем судебном акте также дано следующее уточнение: «Соединенные Штаты Америки, как и Российская Федерация, являются участниками указанной Конвенции (Россия присоединилась к указанной Конвенции на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 3 ноября 1994 г. № 1224). Конвенция вступила в силу для России 13 марта 1995 г., Соединенные Штаты Америки участвуют в Конвенции с 1 марта 1989 года». ³⁰⁶ Однако в последующем суд ограничился лишь анализом правовых норм российского законодательства в исследуемом ключе.

2. С учетом последнего замечания, вторым вариантом следует выделить *непосредственное применение норм международного договора России* в качестве правового регулятора правоотношений. Такой вариант, выражается, как правило, в форме правовой оценки соответствующего источника международного права и констатации факта преимущественного применения его норм. ³⁰⁷

Этот вывод отражает следование правоприменителя более распространенному течению в составе дуалистической теории о приоритете международного права перед национальным в сфере применения права.

Сославшись на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и п. 2 ст. 7 ГК РФ, арбитражные суды первой и апелляционной инстанций при рассмотрении дела № А60-7091/2007 с применением Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов 2008 г. пришли к выводу о том, что «поскольку Конвенция предусматривает иной порядок и размер исчисления и возмещения стоимости утраченного груза при перевозке, чем это установлено Законом...»

³⁰⁵ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.07.2010 по делу № А53-29588/2009 // Там же.

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ См. об этом постановления: Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.12.2009 № 9918/09; Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 01.12.2009 № 11284/09; Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.05.2009 № Ф04-1571/2009(2526-А03-21) по делу № А03-12971/2006-3; Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.05.2010 по делу № А05-7314/2008; Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.11.2010 по делу № А56-26717/2009 // Там же.

размер ущерба подлежит определению в соответствии с положениями Конвенции». ³⁰⁸

Другой пример: отклоняя доводы заявителя апелляционной жалобы «об ошибочном применении судом нормы международного договора и неприменении нормы внутреннего права», Тринадцатый арбитражный апелляционный суд указал на их противоречие «ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ст. 7 НК РФ, устанавливающих приоритет норм международного договора, стороной которого является РФ, над нормами национального российского законодательства». ³⁰⁹

Однако в данном случае могут остаться упущенными ряд значимых обстоятельств, таких как юридическая сила и действительность конкретного международного договора, сфера общественных отношений, подлежащих регулированию данными нормами, толкование норм международных договоров, общепризнанная практика применения норм международных договоров. Изложенные аспекты хоть и имеют скорее теоретический характер, но являются весьма значимыми для правоприменительной практики, поскольку без их оценки нельзя констатировать возможность или невозможность регулирования международным договором спорных правоотношений.

Наблюдаются тенденции в арбитражной практике, характеризующиеся стремлением суда оценить международный договор как целостное правовое явление, с присущими ему особенностями. В таком случае суд после проведения правового анализа соответствующего международного договора может прийти к следующим выводам: об отнесении спорных правоотношений к сфере правового регулирования конкретного международного договора либо об исключении спорных правоотношений из-под его юрисдикции.

³⁰⁸ Речь в данном случае идет о Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов, 2008 г. и Федеральном законе от 30.06.2013 № 78-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» (постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.05.2008 и решение Арбитражного суда Свердловской области от 18.03.2008 по делу № А60-7091/2007 // Там же.

³⁰⁹ Речь идет о Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Кипр об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал, 1998 г. (постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.06.2007 по делу № А56-51459/2005) // Там же.

При первом выводе суду следует также проверить действительность международного договора и его действие на момент возникновения спорного правоотношения. Некоторые суды также правомерно оценивают наличие либо отсутствие официальной публикации международного договора в России. Последовательность установления данных факторов не имеет правового значения для существа итогового вывода, они в совокупности должны быть исследованы и только после этого может быть сделан вывод о применении или неприменении конкретных норм договора к спорным правоотношениям.³¹⁰

3. Весьма неустойчивым в плане критики является третий вариант использования норм международных договоров,³¹¹ суть которого - полное *отсутствие ссылки на международный договор*, хотя по характеру его регулирующего назначения он должен быть применен арбитражным судом к спорному правоотношению.

Такая позиция может привести и часто приводит к двум правовым последствиям: либо к отмене судебного акта вышестоящим судом в порядке одного из способов обжалования или надзора, либо оставлению в силе судебного акта вышестоящим судом, но с указанием на непримененные нормы международных договоров.

Примером первого последствия может служить следующая ситуация. В постановлении Президиума ВАС РФ от 01.12.2009 г. № 11284/09 констатировано наличие оснований для отмены обжалуемых судебных актов и направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции,

³¹⁰ Восьмой арбитражный апелляционный суд в постановлении от 07.05.2009 по делу № А70-2918/2007 указал, что «суд первой инстанции правильно применил к правоотношениям сторон положения Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (1980 г.), поскольку Российская Федерация (с 1990 г.) и Чешская Республика (с 1993 г.) являются участниками данной Конвенции»; Судебная коллегия Двенадцатого арбитражного апелляционного суда в постановлении от 15.07.2010 по делу № А57-2685/2010 установила, что «судом первой инстанции необоснованно были применены нормы только российского законодательства, не применены положения указанной конвенции» в силу того, что «неверно было указано на то, что Российская Федерация не является участником Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов и протокола от 05.07.1978 г.» // Там же.

³¹¹ Хотя как данный вариант, так и первый следует именовать «пассивным правоприменением», которое было охарактеризовано в предыдущих параграфах настоящей работы.

обусловленных постановкой выводов без учета положений Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов от 19.05.1956 г.³¹²

Федеральный арбитражный суд Московского округа в Постановлении от 28.06.2011 г. по делу № А41-34563/10 установил, что «в соответствии со статьей VII Будапештской Конвенции от 05.12.1980, а также согласно статье 16 Соглашения между Правительством РФ и Объединенным институтом ядерных исследований о местопребывании и об условиях деятельности института в Российской Федерации, совершенного в городе Дубна Московской области 23 октября 1995 г., ратифицированного Федеральным Собранием РФ (Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 39-ФЗ)... Объединенный институт ядерных исследований освобожден от уплаты государственной пошлины. Оба документа являются международными договорами. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Объединенным институтом ядерных исследований о местопребывании института в стране опубликовано в Собрании законодательства Российской Федерации № 9 от 28 февраля 2000 г. и в пятом номере Бюллетеня международных договоров 2000 г. В апелляционной жалобе Объединенного института ядерных исследований была указана ссылка на вышеуказанные нормативные акты. Однако судом апелляционной инстанции указанные нормы не были применены».³¹³

При этом второе из изложенных выше последствий является следствием схожести правового регулирования спора нормами международного и российского права.

4. Еще одним вариантом обращения российских арбитражных судов к нормам международных договоров является сопоставление целенаправленности их предметного регулирования и содержанием конкретных рассматриваемых спором и формулирование судом вывода, что в разрешении данного спора ***международный договор не подлежит применению***. Такой вывод должен

³¹² Постановление Президиума ВАС РФ от 01.12.2009 № 11284/09 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

³¹³ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 28.06.2011 по делу № А41-34563/10 // Там же.

быть основан на всестороннем исследовании характеристик самого договора и сферы регулирующего эффекта его нормы.

Таким образом, каждое конкретное использование / неиспользование норм международных договоров базируется на собственном усмотрении судьи (или состава суда), сложившейся правоприменительной практике в отношении конкретного вопроса, а также сформированности по спорному вопросу позиции Верховного Суда РФ (ранее ВАС РФ) или отсутствию таковой.

Оперативное и грамотное применение российскими судами норм международных договоров должно стать результатом консолидации внутригосударственных механизмов совершенствования российской судебной системы: выявления на практике проблемных областей, улучшения научных разработок в данной области, обеспечения государством должных механизмов применения международных договоров.

Выявление Верховным Судом РФ проблем в области применения норм международных договоров и принятие рекомендаций по их разрешению.

Учитывая наличие пробелов в правовом регулировании отдельных вопросов в данной области, важную роль могли бы иметь специально подготовленные высшей судебной инстанцией – Верховным Судом – рекомендации и разъяснения по применению норм международных договоров, основанные на обобщении и анализе правоприменительной судебной практики. Свои рекомендации и разъяснения Верховный Суд РФ может реализовывать в различных формах, основными из которых являются принимаемые Пленумом Верховного Суда постановления и утверждаемые Президиумом Верховного Суда РФ обзоры судебной практики. Данные документы явились бы оперативным способом формирования юридически правильного и эффективного правоприменительного поведения арбитражных судов России.

Нормы международного права, по справедливому замечанию И.И. Лукашука, «недостаточно конкретно сформулированы, напоминая зачастую

декларации и намерения»,³¹⁴ поэтому рекомендации и разъяснения Верховного Суда РФ должны носить характер толкования и настрой нижестоящих судов на необходимость более детального подхода к правовой оценке каждого международного договора в каждом конкретном случае.

Одно из главных назначений обзоров и постановлений Верховного Суда РФ должно стать обеспечение единообразного и юридически правильного применения арбитражными судами не только законов и подзаконных нормативных актов, но и международных договоров Российской Федерации.

Повышение профессиональной квалификации судей по вопросам международного права. В п. 18 известного Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 Российской академии правосудия³¹⁵ рекомендовано при организации учебного процесса подготовки, переподготовки и повышения квалификации судей и работников аппаратов судов обращать особое внимание на изучение принципов и норм международного права и международных договоров, регулярно анализировать источники международного и европейского права, издавать необходимые практические пособия, комментарии, монографии и другую учебную, методическую и научную литературу.

Т.Н. Нешатаева считает: «В силу того обстоятельства, что применение международных норм всегда является достаточно сложным процессом, в арбитражных судах развернута программа по углубленному изучению вопросов международного права. Представляется, что российская международно-правовая наука также сможет оказать содействие процессу применения норм международного права судами Российской Федерации».³¹⁶

Программы повышения квалификации судей арбитражных судов России включают в качестве обязательного компонента раздел по исследованию порядка применения норм международного права.

³¹⁴ Лукашук И.И. Международное право в судах государств. С. 106.

³¹⁵ Российская академия правосудия 04.09.2014 переименована в Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия».

³¹⁶ Нешатаева Т.Н. Арбитражные суды и некоторые вопросы применения международного права в Российской Федерации. С. 231.

В то же время при решении вопроса об утверждении кандидата на должность судьи арбитражного суда сложилась, по нашему мнению, не совсем нормальная ситуация.

На сайте Высшей экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи размещены «Вопросы для подготовки к сдаче квалификационного экзамена на должность судьи арбитражного суда».³¹⁷ В перечне – 163 вопроса по 6-ти разделам права: теории права, конституционному, гражданскому, арбитражно-процессуальному, административному и налоговому праву.

Экзаменационная проверка степени квалификационной готовности кандидата в судьи арбитражного суда по проблемам международного права проводится лишь по 4-м самым общим вопросам: двум вопросам из раздела *«Вопросы по теории права»* **«Источники и формы международного права, применяемые в России»** и **«Соотношение международного и российского права»**, а также двум вопросам из раздела *«Вопросы по арбитражному производству»* – **«Производство по делам о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений»** и **«Особенности извещения иностранных лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного разбирательства»**.

С учетом существующих в арбитражном судопроизводстве проблем с применением международных принципов и норм общепризнанного и договорного характера, частично отраженных и в настоящем исследовании, нельзя не отметить очень низкий уровень требований к кандидатам в арбитражные судьи по вопросам международного права: предложенные формулировки вопросов для подготовки и проверки экзаменуемых кандидатов соответствует уровню экзаменационных испытаний студентов 2-го курса университета, что нельзя признать приемлемым.

Кроме того, помощники судей, в должностные обязанности которых входит в первую очередь подготовка проектов судебных актов, а также анализ

³¹⁷ URL: <http://www.vekrf.ru/publication/1715/> (дата обращения 18.09.2018).

нормативной документации и судебной практики по имеющимся вопросам, также должны в ходе повышения квалификации получать необходимые знания и информацию о разного рода новеллах в области применения норм международных договоров российскими арбитражными судами. В некоторых случаях, учитывая особенности судебного процесса, внутренней организации работы аппарата, и секретарям судебного заседания следовало бы обладать упорядоченными знаниями в отношении порядка и процедуры, например, участия в процессе иностранного гражданина. Однако программы повышения квалификации таких судебных работников, чаще всего, не включают международно-правовой компонент.

Обеспечение государством должных механизмов применения норм международных договоров. Как отмечает Н.М. Юрова, «отсутствие четко прописанного внутригосударственного механизма реализации норм международного права в правосознании судей порождает нигилистическое отношение к международному праву, непонимание регулирующего потенциала, который заложен в международно-правовых нормах, а также сопровождается боязнью применения «чуждых норм»». ³¹⁸ Следует с сожалением констатировать, что данное утверждение небезосновательно.

По результатам Международного научного симпозиума в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ 21.04.2008 г. опубликованы тезисы докладов участников.

Так, Ю.А. Тихомиров считает, что при реализации международных договоров Правительство возлагает соответствующие обязанности на министерства и ведомства, а их кадры не подготовлены к реализации договоров.

А.Г. Шатуновская-Бюрно сообщила о том, что ведомства, призванные осуществлять деятельность по исполнению международного договора, не всегда понимают, что от них требует данный договор из-за содержания некоторых терминов, не свойственных российскому законодательству, но существующих в

³¹⁸ См. об этом: Юрова Н.М. Международное гражданское процессуальное право: теоретические основы имплементации норм в правовой системе Российской Федерации. М., 2008. 352 с.

международном праве; в связи с этим задача компетентных ведомств, ответственных за подготовку международного договора, следить за тем, чтобы договор был составлен таким образом, чтобы у правоприменителей не возникало вопросов о толковании положений данных договоров.

Н.М. Колосова по результатам своего выступления пришла к выводу о том, что в Российской Федерации следует принять закон о нормативно-правовых актах, где нужно, в числе прочего, определить механизм единообразного применения международных договоров.³¹⁹

Необходимость нормативного урегулирования единообразного порядка применения норм международных договоров арбитражными судами назрела давно. Соответствующим государственным органам необходимо обеспечить российского правоприменителя должной степенью конкретики в этом вопросе.

Кроме того, должна проводится адаптивная работа уполномоченными официальными органами по подготовке к применению международных договоров. При принятии международных договоров данные органы должны осуществлять нормативное толкование содержащихся в них терминов и положений, регулирующий эффект которых имеет новеллы по отношению к уже сложившемуся российскому нормативному регулированию в данной области. В этом случае представляется недостаточным только внести изменения в действующие российские нормативно-правовые акты. Должны быть приняты доступные практические рекомендации относительно каждого международного договора для организации его должного толкования и применения.

Только комплексное взаимодействие органов исполнительной, законодательной и судебной власти способно обеспечить выполнение Россией принятых на себя международно-правовых обязательств из международных договоров и реализацию положений Конституции в области включения таких нормативно-правовых актов в правовую систему страны.

³¹⁹ См. об этом: Тиунов О.И., Манов Б.Г. Принцип соблюдения международных договоров: коллизии международного и национального права // Журнал российского права. М., 2008. № 6. СПС «ГАРАНТ» (дата обращения 17.09.2018).

Требует совершенствования и система взаимодействия с иностранными странами по вопросам правовой взаимопомощи. По мнению Р.В. Винниковой, «практика испытывает потребность в средствах, обеспечивающих надежное взаимодействие российских арбитражных судов с иностранными учреждениями юстиции и повышающих эффективность межгосударственного сотрудничества».³²⁰ Правовая помощь может включать не только запросы о подлежащем применению иностранном праве, но и содействовать практике применения норм международных договоров в российском арбитражном судопроизводстве.

³²⁰ Винникова Р.В. Имплементация норм международного права в арбитражном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... к.ю.н. С. 6.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе работы над диссертацией автором были определены следующие нормативно-правовая, методологическая и доктринальная основы исследования и сформулированы выводы и предложения, выносимые на защиту.

Нормативно-правовую основу исследования составили международные договоры Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, законы и подзаконные нормативные акты, регулирующие вопросы арбитражного судопроизводства и применения норм международных договоров.

При подготовке диссертации были исследованы различные судебные акты арбитражных судов России (преимущественно арбитражных судов Западно-Сибирского, Северо-Западного и Центрального округов, Высшего Арбитражного Суда РФ), отдельные судебные акты судов общей юрисдикции России, Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, а также Европейского суда по правам человека, Суда Евразийского экономического сообщества и Суда Евразийского экономического союза, Международного суда ООН.

Автором также были исследованы постановления, информационные письма и разъяснения Высшего Арбитражного Суда и Верховного Суда РФ.

Методологическую основу составили такие диалектические методы познания как дедукция и индукция, анализ и синтез, теоретическое моделирование, сравнение, обобщение, системный и структурный подходы и др.

Использовались также частно-научные методы исследования: формально-юридический и формально-логический методы, сравнительно-правовой метод и метод изучения и обобщения судебной практики.

Практика арбитражных судов была исследована путем поисковых запросов как во внутренней базе, так и на официальных сайтах судов в сети Интернет, в Справочно-правовой системе «КонсультантПлюс». Поиск и отбор судебных актов осуществлялся с использованием релевантных запросов по ключевым словам, позволяющим индивидуализировать международные договоры РФ, резолюции и т. п.

Теоретическую основу диссертации составили труды таких ученых советского и современного периода как Л.А. Алексидзе, Л.П. Ануфриева, А.С. Гавердовский, С.В. Бахин, В.Г. Буткевич, В.В. Гаврилов, Л.Н. Галенская, Г.М. Даниленко, Б.Л. Зимненко, В.С. Иваненко, Г.В. Игнатенко, И.И. Лукашук, О.И. Лукашук, С.Ю. Марочкин, Р.А. Мюллерсон, Т.Н. Нешатаева, Б.И. Осминин, И.С. Перетерского, В.Я. Суворова, А.Н. Талалаев, Г.И. Тункин, Е.Т. Усенко и др.

В процессе исследования автор обращался также к трудам и других ученых, в которых отражены вопросы действия, толкования и применения международных правовых норм в национальных правовых системах.

Значимую помощь в ходе исследования оказали труды таких теоретиков права как М.Н. Марченко, А.В. Малько, Н.И. Матузова и В.С. Нерсесянца.

В работе использованы и труды ученых-отраслевиков: М.И. Брагинского, В.В. Витрянского, Ю.С. Гамбарова, М.К. Треушникова, Я.Ф. Фархтдинова, В.М. Шерстюк и др.

Особо важно использование в данном исследовании теоретических работ практикующих судей и научных работников, которые посвящены анализу практики правоприменительных органов: Р.В. Винниковой, Л.Н. Галенской, Г.А. Жилина, С.Ю. Марочкина, Т.Н. Нешатаевой, В.П. Талимончик.

Выводы и положения, выносимые на защиту:

1. Анализ практики четвертьвековой реализации императивных положений ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации о применимости международных договоров России в российской правовой системе и конкретизирующих их соответствующих норм Арбитражно-процессуального кодекса РФ свидетельствует о том, что российская арбитражная судебная система в целом восприняла международные договоры как реально востребованный правоприменимый источник арбитражного судопроизводства, использование которого в необходимых случаях, как правило, реально содействует повышению эффективности деятельности арбитражных судов и судебного разрешения экономических споров.

2. Однако, несмотря на столь относительно длительный период применения норм международных договоров РФ, накопленный значительный правоприменительный опыт системы арбитражных судов РФ, открывшуюся возможность исключения противоречий в правовых позициях высших судебных инстанций вследствие их объединения в 2014 г., а также наличие многочисленных разъяснений Конституционного Суда РФ, всё ещё не достигнуто необходимого единообразия в общих вопросах понимания и применения норм международных договоров арбитражными судами России.

3. Практика применения арбитражными судами международных договоров всё ещё неоднозначна и противоречива, а ссылки на них нередко некорректны, даже юридически необоснованны, или наоборот – неправомерно отсутствуют.

По мнению автора, причины такого аномального положения зависят от множества осложняющих процесс факторов, основные из которых следующие:

- недостаточная нормативная урегулированность и научная проработанность вопросов и проблем, возникающих в данной области;

- наличие в законодательстве, а также в постановлениях, указаниях и разъяснениях высших судов не достаточно ясных и даже противоречивых положений, затрудняющих четкое уяснение содержания, особенностей и порядка применения норм международных договоров в арбитражном процессе;

- фрагментарные, нередко противоречивые позиции законодательных органов и высших судов относительно статуса, места и роли разных видов международных договоров (межгосударственных, межправительственных и межведомственных) в иерархической структуре нормативных актов российской правовой системы и связанных с этим особенностей применения различных видов международных договорных норм в арбитражном судопроизводстве;

- отсутствие четкости в разграничении различных видов международных актов, многочисленных по наименованию, но имеющих разный юридический или политический статус, носящих обязательный и рекомендательный характер;

- недостаточный уровень квалификации судей и их профессиональной готовности к пониманию международных договорных терминов, уяснению содержания договорной нормы, её правильному толкованию и применению;

- недостаточная международно-правовая грамотность и гибкость представителей сторон в арбитражном процессе;

- отсутствие доступной и достоверной системы информирования участников процесса о реально действующих в России международных договорах;

- отсутствие постоянно действующей системы практического обучения и консультирования судей применению норм международных договоров;

- колоссальная загруженность судебной системы.

4. Негативно сказывается и отсутствие четкого понимания характера и статуса международных договоров в российской правовой системе. Представляется необоснованным имеющее место в юридической литературе и судебной практике обособление международного договора от нормативно-правовых актов в системе источников российского права, основывающееся на восприятии правовой природы договора лишь как соглашения договаривающихся сторон, а не на его правовом статусе как международного нормативно-правового акта. В работе обосновывается необходимость единообразного понимания и толкования в правоприменительной практике понятия международного договора как нормативного правового акта.

Исходя из этого предложено следующее определение искомого понятия: международный договор – это международный нормативно-правовой акт, принятый полномочными субъектами международного права на согласительной основе, направленный на регулирование общественных отношений, представляющих для договаривающихся сторон взаимный интерес, содержащий правовые нормы, обязательные для участвующих в договоре сторон.

5. По мнению автора, место международных договоров России в системе источников права, подлежащих применению российскими арбитражными судами, должно быть единообразно определено и закреплено в российских

нормативных правовых актах, исходя из положений Конституции РФ и норм международного права. Таким местом для международных договоров России в иерархической структуре источников российского права должно быть место после Конституции. Это позволит устранить имеющие место в нормативных правовых актах России недопустимые с точки зрения законодательной техники факты произвольного закрепления места международных договоров России в перечне актов (от места после Конституции до места после актов местных органов власти), на которых базируется правовая основа действия и применения того или иного федерального закона или иного нормативного акта. Это, в свою очередь, облегчит работу судов при правильном выборе необходимого нормативного акта по его юридической силе из их иерархического перечня в тексте того или иного правоприменительного источника.

6. Одним из существенных средств повышения эффективности судебного способа применения норм международных договоров РФ является максимальная информированность суда о действительности и юридической силе потенциально применимых международных договоров. Это позволит суду сформировать внутреннее убеждение о допустимости / недопустимости применения конкретного договора, основанное на уяснении совокупности всех его правовых характеристик.

Для этого, по мнению автора, приоритетными являются два направления: нормативно-правовое направление, которое состоит в следующем:

- введение Россией международных договоров в российскую правовую систему как нормативно-правовых актов;
- уяснение высшими уполномоченными государственными органами содержания норм международных договоров на предмет установления их самоисполнимости или несамоисполнимости в системе российского права;
- принятие, при необходимости, внутригосударственных актов по введению и трансформации норм международных договоров в систему российского права;

организационно-правовое направление:

– обнародование международных договоров в установленных официальных средствах массовой информации;

– издание высшими судебными органами постановлений о порядке применения международных договоров в арбитражном судопроизводстве;

- доведение высшей судебной инстанцией России до всеобщего сведения информации в форме инструктивных писем, разъяснений, докладов или обзоров о практически применявшихся или потенциально применимых международных договорах с конкретизацией и разъяснением их юридических свойств и правоприменительных характеристик и с анализом допускаемых судами ошибок.

7. Любое и каждое применение нормы международного договора арбитражным судом – это и акт ее толкования в значении личного, внутреннего профессионального уяснения судьей / составом суда существа такой нормы. Разъяснения данной нормы высшей судебной инстанцией России будет являться актом официального толкования от имени Российской Федерации и обязательно для всех нижестоящих судов арбитражной системы. Подобное толкование может рассматриваться в международных отношениях как официальная позиция Российской Федерации относительно содержания тех или иных норм международных договоров.

8. Толкование, предлагаемое международными судебными учреждениями, прежде всего ЕСПЧ и Судом ЕАЭС, в отношении норм международных договоров, может в отдельных случаях создавать предпосылки или реально способствовать развитию практики максимально точного применения международно-правовых норм в сфере компетенции арбитражных судов.

9. По мнению диссертанта, на практике сформировалась модель деятельности арбитражных судов России по отправлению правосудия при возникновении противоречия между частными и публичными интересами в тех или иных хозяйственных правоотношениях, урегулированных нормами как внутригосударственного, так и международного права.

Значимым в данной модели является определение регулирующего характера нормы международного договора: дополнительной или исключающей по отношению к норме российского права. При исключающем характере должна применяться норма международного договора в силу его примата в сфере правоприменения, при дополнительном - нормы международного и российского права должны применяться в совокупности, обогащая и детализируя друг друга.

10. Автор констатирует наличие 4-х вариантов возможного применения / неприменения норм международных договоров арбитражными судами:

- простая ссылка на международный договор России в тексте судебного акта в общем перечне применимых источников, без указания на конкретные статьи и положения договора;

- непосредственное применение международного договора РФ или его конкретных статей в качестве правового регулятора правоотношений;

- формулирование вывода о том, что международный договор не подлежит применению;

- отсутствие ссылки на международный договор, который должен быть применен к спорному правоотношению.

Теоретическая значимость и прикладной аспект исследования заключается в том, что в работе исследованы вопросы применения норм международных договоров с позиции отнесения данного источника международного права к нормативным правовым актам России, определено его место в российской правовой системе, а не в системе права Российской Федерации, уточнены основания применения таких норм, а также связанные с этим проблемные вопросы российского арбитражного судопроизводства.

Полученные результаты исследования могут быть:

- полезны в качестве теоретической базы для дальнейших научных работ в области применения международных договоров судебными органами России;

- восприняты российскими законодательными органами для совершенствования национального механизма обеспечения реализации норм международных договоров РФ;

- использованы судами в контексте определения применимости к конкретной ситуации норм международного договора РФ, а также порядка такого применения, в том числе способа толкования соответствующей нормы;
- применены высшей судебной инстанцией для целей формулирования обобщений и составления разъяснений по вопросам порядка применения норм международных договоров арбитражными судами в России;
- могут быть учтены при последующем реформировании судебной системы РФ, проекты которого уже разрабатываются и обсуждаются;
- использованы в процессе преподавания учебных дисциплин «Международное право», «Международное частное право», «Арбитражный процесс» по специальности «юриспруденция» и курсов повышения квалификации судей арбитражных судов и сотрудников аппаратов судов.

Апробация результатов исследования осуществлена на кафедре международного права Санкт-Петербургского государственного университета, в выступлении на заседании Российской Ассоциации международного права (25 июня 2015 г., г. Москва), на XIII Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» (21 – 23 ноября 2017 года, г. Москва).

Результаты исследований были применены автором в ходе профессиональной деятельности в должности помощника судьи в арбитражных судах апелляционных инстанций (Восьмой арбитражный суд (г. Омск) и Тринадцатый арбитражный суд (г. Санкт-Петербург), в Омском областном суде.

Материалы научно-исследовательской работы были также использованы автором в процессе чтения лекций и проведения практических занятий по курсам «Международное право» и «Международное частное право» в Институте правопедения и предпринимательства (Санкт-Петербург), на юридическом факультете Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Основные выводы изложены автором в девяти научных статьях, в т.ч. в четырех статьях в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ
МЕЖДУНАРОДНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ И
РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ

1. Устав Организации Объединенных Наций, 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14 – 47; URL: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-iv/index.html> (дата обращения 18.08.2018).
2. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).
3. Венская конвенция о праве международных договоров между государствами и международными организациями или международными организациями, 1986 г. // Международное публичное право. Сборник документов в 2 ч. Ч. 1. М., 2006. 339-362 с.
4. Венская конвенция о преемстве государств в отношении договоров, 1978 г. // Международное публичное право. Сборник документов в 2 ч. Ч. 1. М., 2006. 115-130 с.
5. Гагская конвенция по вопросам гражданского процесса, 1954 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXV. М., 1972. С. 136 - 144.
6. Гагская конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам, 1965 г. // Собрание законодательства РФ. 13.12.2004 г. № 50. Ст. 4951.
7. Гагская конвенция о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам, 1970 // Международное частное право. Сборник документов. М., 1997. С. 737 - 744.

8. Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 46. Ст. 421.
9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, 1950 г. // СЗ РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.
10. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).
11. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).
12. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, 1992 г. // Международное частное право. Сборник документов, М.: Изд. «БЕК» 1997. С. 911-914.
13. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. // Журнал международного частного права. 1996. № 3(13).
14. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. № 2(41). С. 82 - 130.
15. Конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок 1999 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).
16. Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов 1961 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. № 6.
17. Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов 2008 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018)

18. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018)

19. Статут Суда Евразийского экономического союза 2014 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

20. Договор об обращении в Суд ЕврАзЭС хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним от 09.12.2010 // URL: <http://sudevrazes.org/main.aspx?guid=21791> (дата обращения 18.09.2018).

21. Таможенный кодекс Таможенного союза 2009 г. // Сборник законодательства РФ. 13.12.2010 г. № 50. Ст. 6615.

22. Соглашение об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал, заключенное между Россией и Швейцарией 15.11.1995 // СЗ РФ. 09.06.1997 г. № 23. Ст. 2666.

23. Соглашение об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал, заключенное между Правительством России и Правительством Кипра 05.12.1998 // СЗ РФ. 13.09.1999 г. № 37. ст. 4447.

24. Декларация о принципах международного права 1970 г. // Действующее международное право: в 2 т. Т. 1.- М., 1996. С. 65- 73.

25. Заключительный акт Хельсинского Совещания 1975 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 18.09.2018).

26. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения 18.09.2018).

27. Резолюция Института международного права от 07.09.1993 г. «Деятельность внутригосударственного судьи и международные отношения государства» // URL: http://www.justitiaetpace.org/idiE/resolutionsE/1993_mil_01_en.PDF (дата обращения 18.09.2018).

АКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ

28. Решение по делу о дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране // ICJ. Reports. 1980. P. 93 // Цит. по: Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. С. 26.

29. Консультативное заключение Международного Суда ООН относительно правомерности угрозы или использования ядерного оружия 1996 // URL: <https://www.futurepolicy.org/wp-content/uploads/2015/01/Annex-5.pdf>. (дата обращения 18.09.2018).

30. Постановление Европейского суда по правам человека от 06.12.2007 по делу «Беян против Румынии» (№ 1), жалоба № 30658/05 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

31. Решение Апелляционной палаты Суда ЕврАзЭС от 21.02.2013 по делу по заявлению ООО «ОНП» // URL: <http://www.tsouz.ru/Docs/sud/Documents/apellyaciya.pdf> (дата обращения 18.09.2018).

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ИНЫЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

32. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

33. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018); первоначальный текст документа опубликован: СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

34. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.

35. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

36. Таможенный кодекс Российской Федерации от 28.05.2003 № 61-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 02.06.2003 г. № 22. Ст. 2066.

37. Налоговый кодекс РФ (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

38. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

39. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ г. «О международных договорах Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

40. Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 29.11.2010 г. № 48. Ст. 6252.

41. Федеральный закон от 30.06.2013 № 78-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

42. Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» (в редакции Федерального закона от 25.12.2012 г. № 254-ФЗ) // Доступ из справ.-правовой системы (дата обращения 17.09.2018); первоначальный текст документа опубликован: Собрание законодательства Российской Федерации. 20.06.1994. № 8. С. 801.

43. Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Доступ из справ.-правовой системы (дата обращения 17.09.2018).

44. Указ Президента РФ от 11.01.1993 № 11 «О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

45. Указ Президента РФ от 12.07.2012 № 970 «Об официальном опубликовании временно применяемых международных договоров Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации URL:

<http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения 18.09.2018); Собрание законодательства РФ. 16.07.2012 № 29. Ст. 4069.

46. Указ Президента Российской Федерации от 11.01.1993 № 11 «О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

47. Указ Президента РФ от 21.05.2015 № 252 «О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном на обращение в Суд Евразийского экономического союза» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

48. Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.

49. Постановление Правительства РФ от 03.02.1994 № 76 «О присоединении Российской Федерации к Европейскому соглашению о международной дорожной перевозке опасных грузов» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. № 7. От 14.02.1994 г. Ст. 508.

50. Письма Министерства финансов РФ от 19.08.2013 № 03-08-05/33673, от 16.08.2013 № 03-01-18/33520 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

51. Постановление Государственной Думы от 11.11.1996 № 781-П ГД «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации» // СЗ РФ. 02.12.1996. № 49. Ст. 5506.

52. Распоряжение Президента РФ от 08.09.1994 № 458-рп «О порядке, в соответствии с которым федеральными органами исполнительной власти заверяются копии официальных текстов международных договоров» // Собрание законодательства РФ. 12.09.1994. № 20. Ст. 2269.

53. Письмо Министерства иностранных дел РФ от 17.11.1994 № 3633 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

54. Проект Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» № 96700088-2 04.06.1996 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

АКТЫ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

55. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

56. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.2015 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.А. Татарникова» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

57. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 144-О-П «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Халимбековой Шамалы Шарабудиновны положениями части 4 статьи 39, статей 270, 288 и 304 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

58. Постановление Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.12.2000 № 33/14 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

59. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.1993 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел по заявлениям прокуроров о признании правовых актов противоречащими закону» (в редакции

Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.05.2000 № 19) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

60. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.01.2003 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с принятием и введением в действие гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

61. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Российская газета, № 144, 04.07.2017.

62. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

63. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда от 15.12.2004 № 29 «О некоторых вопросах практики применения ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. М., 2005. № 3.

64. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.06.1999 № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

65. Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.12.1999 № С1-7/СМП-1341 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2000. № 2. С. 93 – 96.

66. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов, утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

67. Решение Верховного Суда РФ от 20.04.2011 № ГКПИ11-383 Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим абзаца третьего пункта 1 Указа Президента РФ от 11.01.1993 № 11 «О порядке опубликования международных договоров Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

68. Определение Верховного Суда РФ от 04.04.2016 № 306-ЭС15-15954 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

69. Определение Верховного Суда РФ от 28.04.2016 № 307-ЭС15-3429(3) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

70. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.11.2011 № 8654/11 по делу № А27-7455/2010 // Вестник ВАС РФ. М., 2012. № 3.

71. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.12.2009 № 9918/09 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

72. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.12.2009 г. № 11284/09 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

73. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.06.2012 № ВАС-6218/12 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» именно так именуется перечень оснований для передачи в Президиум ВАС РФ дела для пересмотра в порядке надзора // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

74. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.07.2014 № ВАС-5067/14 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

75. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ от 02.03.2012 № 13698/11 //

URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/5f271789-4fb4-4256-9367-4b385eefb3ef/A46-10363-2010_20120302_Opredelenie.pdf (дата обращения 18.09.2018).

76. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.05.2009 № Ф04-1571/2009(2526-A03-21) по делу № А03-12971/2006-3 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

77. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.05.2010 по делу № А05-7314/2008 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

78. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.11.2010 по делу № А56-26717/2009 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

79. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.03.2009 по делу № А42-3138/2008 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

80. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 09.01.2014 по делу № А65-5254/2013 // Официальный сайт Электронное правосудие. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/494d2471-048b-45b4-931e-26d5d32a6621/A65-5254-2013_20140109_Postanovlenie%20kassacionnoj%20instancii.pdf (дата обращения 18.09.2018).

81. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 28.06.2011 по делу № А41-34563/10 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

82. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 09.09.2015 по делу № А78-4606/2015 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.01.2018).

83. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 31.10.2014 по делу № А27-8992/2014 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.01.2018).

84. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 12.08.2008 по апелляционной жалобе № 07АП-4331/08 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.01.2018).

85. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2012 по делу № А75-1015/2012 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.01.2018).

86. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 07.05.2009 по делу № А70-2918/2007 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.01.2018).

87. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 23.04.2012 по делу № А70-11038/2010 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.01.2018).

88. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.03.2013 по делу № А40-105107/12-79-1057 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.01.2018).

89. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.05.2012 по делу № А40-92579/11-5-654 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.01.2018).

90. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.09.2013 по делу № А65-5254/2013 // Официальный сайт Электронное правосудие. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/ffe03866-eeef-45a0-90d5-7b38dd40a7a9> (дата обращения 18.09.2018).

91. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.08.2013 по делу № А55-34819/2012 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

92. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.06.2007 по делу № А56-51459/2005 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

93. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.10.2011 по делу № А56-43904/2011 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

94. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.08.2012 по делу № А56-58029/2011 // Официальный сайт Электронное правосудие. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/68d7419b-cdfc-4e15-a260-e7763155adf9/A56-58029-2011_20120813_Postanovlenie%20apelljacionnoj%20instancii.pdf (дата обращения 18.09.2018).

95. Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.10.2008 по делу № А56-5652/2008 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.01.2018).

96. Постановления Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.09.2014 по делу № А13-7185/2014 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

97. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.06.2014 по делу № А32-2304/2014 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

98. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.11.2009 по делу № А32-23686/2008 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

99. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.07.2010 по делу № А53-29588/2009 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

100. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.05.2008 по делу А60-7091/2007 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

101. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2014 по делу № А71-2758/2014 // Официальный сайт Электронное правосудие. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/33824b2f-8ffb-4702-a0d6-01c4bb6df846/A71-2758-2014_20140709_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (дата обращения 18.09.2018).

102. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.12.2014 по делу № А64-3716/2014 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

103. Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2015 по делу № А83-1853/2014 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

104. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 18.03.2008 по делу № А60-7091/2007 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

105. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 11.05.2012 по делу № А56-58029/2011 // Официальный сайт Электронное правосудие. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/8f74a66b-c50c-4046-b2e3-1041b787ffdb/A56-58029-2011_20120502_Reshenie.pdf (дата обращения 18.09.2018).

106. Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 21.04.2014 по делу № А71-2758/2014 // Официальный сайт Электронное правосудие. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/8827fc80-29fc-40f1-9764-a50ae199c9b7/A71-2758-2014_20140421_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (дата обращения 18.09.2018).

107. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 24.05.2013 по делу № А65-5254/2013 // Официальный сайт Электронное правосудие. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/36230fbc-f8da-431a-a6fc-8261a7731d67/A65-5254-2013_20130524_Reshenie.pdf (дата обращения 18.09.2018).

108. Определение Арбитражного суда Омской области от 16.02.2017 по делу № А46-1495/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения 17.09.2018).

109. Определение Забайкальского краевого суда от 05.06.2012 по делу № 33-1653-2012 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

110. Судебные акты арбитражных судов РФ по делу А46-24377/2012 // Система «Электронное правосудие». URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/e3fbeb5e-be35-44b7-b141-308598348f81> (дата обращения 18.09.2018).

111. Судебные акты арбитражных судов РФ по делу А27-7455/2010 // Система «Электронное правосудие». URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/04154295-3f19-4e9b-9d24-fdd4a274cac7> (дата обращения 18.09.2018).

112. Судебные акты арбитражных судов РФ по делу № А46-10363/2010 // Система «Электронное правосудие». URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/8cbd8ece-6bbc-4f40-8a32-e55bf35d6ad2> (дата обращения 18.09.2018).

113. Судебные акты арбитражных судов РФ по делу № А42-3138/2008 // Система «Электронное правосудие». URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/5b1aaf1b-c00a-4c78-a310-c3ffbc536ed2> (дата обращения 18.09.2018).

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

114. Алексеев А.А. Общая теория права. Учебник. М., 2009. 566 с.

115. Алексидзе Л.А. Некоторые вопросы теории международного права: Императивные нормы. Jus cogens. Тбилиси, 1982. 406 с.

116. Американский журнал международного права. 1935. № 4. Октябрь. Том 29. Дополнение.

117. Ануфриева Л.П. Выполнение обязательств, ответственность государств и толкование международных договоров в деятельности экономического суда СНГ (на примере Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 год) // Российское правосудие. 2011. № 12. С. 36-48.

118. Ануфриева Л.П. Понятие «источник права» в международной правовой науке: догма «классики» и современная доктрина // Современное международное право: теория и практика. М., 2015. С. 39-53.
119. Арбитражный процесс / Учебник. Под ред. М.К. Треушникова. М., 2011. 672 с.
120. Арбитражный процесс / Учебник. Отв. ред. В.В. Ярков. М., 2014. 848 с.
121. Бахин С.В. Международная составляющая правовой системы России // Правоведение. СПб., 2007. № 6 (275). С. 126-137.
122. Бахин С.В. Международное и национальное право: соотношение правовой природы // Современное международное право: теория и практика. М., 2015. С. 79-101.
123. Блюнчли И. Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса. М., 1876 // Перевод со 2-го немецкого издания. Под ред.: Л. Камаровский. М., 1876. 634 с.
124. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. М., 2009. 858 с.
125. Борисов А.Б. Комментарий к Конституции РФ (постатейный). С комментариями Конституционного Суда РФ. М., 2012. 272 с.
126. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. М., 2011. 847 с.
127. Бутов В.Н., Ильиных А.В., Коробова Е.А. Международный договор и источники конституционного права. Челябинск, 2008. 170 с.
128. Винникова Р.В. Имплементация норм международного права в арбитражном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... к.ю.н. Казань, 2003. 33 с. // URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=127339> (дата обращения 18.09.2018).
129. Винникова Р.В. Имплементация норм международного права в арбитражном процессе Российской Федерации: дисс. ...к.ю.н. Казань, 2003. 170 с.

130. Виноградова П.А. Судебные правовые позиции по вопросам адаптации международных договоров в правоприменительной практике // Российская юстиция. 2015. № 4. С. 20-24.

131. Воронцова И.В. Современное понимание источников права в теории государства и права и гражданском процессуальном праве Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2015. № 2(103). С. 69-75.

132. Выполнение международных договоров Российской Федерации / Отв. ред. О.И. Тиунов. М., 2012. 256 с.

133. Гаврилов В.В. Понятие и взаимодействие международной и национальной правовых систем. Владивосток, 2005. 260 с.

134. Гаврилов В.В. Понятие национальной и международной правовых систем // Журнал российского права. М., 2004. № 11. С. 98-112.

135. Галенская Л.Н. Применение норм международных договоров в арбитражной практике // Журнал международного частного права. СПб., 1997. № 3 (17). С. 3-9.

136. Дарда А.В. Общие принципы и правила судебного толкования общепризнанных принципов и норм международного права // Вестник Российского университета дружбы народов. М., 2004. № 1. С. 117-123.

137. Джамалдинов С.А., Иваненко В.С. Вопросы официального опубликования международных договоров в России // Правоведение. СПб., 2004. № 1. С. 117-131.

138. Егорова О.А., Беспалов Ю.Ф. Нормы международного права в судебной системе. М., 2016. С.142- 234.

139. Ефремов Л. О применении международных договоров о взаимном оказании правовой помощи в работе арбитражных судов // Хозяйство и право. 1999. № 10. С. 99 – 107.

140. Жилин Г.А. Источники гражданского и арбитражного процессуального права // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процессуального права, 2007. СПб., 2008. №. 6. С. 73-92.

141. Зарубаева Е.Ю. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в правовой системе России: автореф. дисс. ... к.ю.н. М., 2003. 25 с.

142. Захарова Н.В. Выполнение обязательств, вытекающих из международного договора. М., 1987. 139 с.

143. Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. М., 2006. 454 с.

144. Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации / Курс лекций: общая часть. М., 2010. 416 с.

145. Зимненко Б.Л. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: автореф. дис. ... к. ю. н. М., 1999. 30 с.

146. Зимненко Б.Л. Международное право в судебной практике России: арбитражное судопроизводство // Российская юстиция. М., 2004. № 1. С. 10-14.

147. Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации: автореф. дис. ... д. ю. н. М., 2006. 49 с.

148. Иваненко В.С. Международные договоры и Конституция в правовой системе России: война «верховенств» или мирное взаимодействие? // Правоведение. 2010. № 3. С. 135-161.

149. Иваненко В.С. Международные договоры России как нормативно-правовые акты // Российский ежегодник международного права. СПб., 2014. С. 26–51.

150. Иваненко В.С. Международные договоры, Конституция и правовая система Российской Федерации: эволюция соотношения и тенденции взаимодействия // Российский ежегодник международного права, 2009. СПб., 2010. С. 9-34.

151. Иванов В.В. Общие вопросы теории договора. М., 2000. 160 с.

152. Иванов Р.Л. К вопросу об источниках норм права в Российской Федерации // Вестник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Серия «Право». Омск, 2004. № 1. С. 13-23.

153. Иванов С.А. Применение конвенций МОТ в России в переходный период // Государство и право. М., 1994. № 8. С. 66-73.

154. Игнатенко Г.В. Судебное применение международно-правовых норм: очерк деятельности Верховного Суда РФ // Журнал российского права. 2008, № 1. С. 96-105.

155. Игнатенко Г.В. Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Советское государство и право. М., 1985. № 1. С. 73-84.

156. Игнатенко Г.В., Федоров И.В. Арбитражный процессуальный кодекс РФ в международно-правовом измерении: достижения и упущения // Журнал российского права. М., 2003. № 7. С. 20-28.

157. Исполинов А.С. Правовой статус Всеобщей декларации прав человека (к 70-летию принятия) // Сравнительное конституционное обозрение. М., 2018. № 4(125). С. 1-8.

158. Кабышев В.Т., Хижняк В.С. Российский конституционализм и нормы международного права и международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.) // Под ред. М.А. Митюкова. М., 2004. С. 137 // Цит. по: Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Указ. соч. С. 71.

159. Канашевский В.А. О квалификации международного договора как источника внутреннего права // Российский юридический журнал. М., 1999. № 2. С. 57-64.

160. Канашевский В.А. О толковании международных договоров, регулирующих гражданско-правовые отношения // Применение международных договоров в области прав человека в правовой системе Российской Федерации: Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 2003. С. 25-32.

161. Карандашов И.И. Непосредственное действие норм международных договоров в правовой системе Российской Федерации: автореф. дис. ... к.ю.н. СПб., 2013. 26 с.

162. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. О.Н. Садикова. М., 1997. 777 с.
163. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий // Под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М., 1997. 624 с.
164. Конюхова И.А. Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия. М., 2006. 496 с.
165. Криворучко О.А. Проблемные вопросы оснований применения международных договоров арбитражными судами Российской Федерации // Евразийский юридический журнал, 2014. № 9(76). С. 86-91.
166. Криворучко О.А. Официальное международно-правовое толкование международных договоров как компонент правовой системы России // Вестник ОмГУ. Серия «Право». 2015. № 1. С. 104-113.
167. Крымский Д.И. Подходы к пониманию «единообразия» судебной практики по арбитражным делам: критический взгляд // Арбитражная практика. М., 2009. № 11. С. 51-58.
168. Куделич Е.А. Теоретические и практические аспекты толкования арбитражными судами Российской Федерации норм международных договоров // Вопросы международного права в правоприменительной деятельности суда. Актуальные проблемы судебной практики в сфере защиты интеллектуальной собственности. М., 2006. С. 5-27.
169. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник. М., 2015. 521 с.
170. Лукашук И.И. Международное право в судах государств. СПб., 1993. 302 с.
171. Лукашук И.И. Международное право / Учебник. Общая часть. М., 1996. 368 с.
172. Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997. 90 с.

173. Лукашук И.И. Нормы международного права в международной нормативной системе. М., 1997. 322 с.
174. Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Том 1. Заключение международных договоров: в 2 Т. М., 2004. 672 с.
175. Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Том 2. Действие международных договоров: в 2 Т. М., 2006. 496 с.
176. Лукашук О.И. Толкование норм международного права: автореф. дис. ... к. ю. н. Киев, 1980. 20 с.
177. Марочкин С.Ю. Законодательное, доктринальное и практическое освоение конституционного принципа о нормах международного права в правовой системе России // Применение международных договоров в области прав человека в правовой системе Российской Федерации: Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 2003. С. 60-63.
178. Марочкин С.Ю. Применение судами России норм международного права: десять лет после принятия Конституции РФ // Российский ежегодник международного права. СПб., 2003. С. 61-72.
179. Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. М., 2011. 288 с.
180. Марочкин С.Ю. Какие международные нормы и договоры подлежат применению судами // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 1. С. 43-48.
181. Марочкин С.Ю. О международной составляющей правовой системы России: освоение и развитие практикой конституционного принципа // Правоведение. СПб., 2010. № 1. С. 160-189.
182. Марочкин С.Ю., Лесин А.В. Еще раз к вопросу о том, подлежат ли применению неопубликованные международные договоры // Арбитражный и гражданский процесс. М., 2003. № 1. С. 23-29.
183. Марченко М.Н. Источники права. М., 2009. 760 с.

184. Марченко М.Н. Международный договор как источник современного российского права // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. М., 2004. № 3. С. 3-18.
185. Международное право / Учебник. Под ред. С.А. Егорова, С.В. Черниченко и др. М., 2014. 622 с.
186. Международное право / Учебник. Под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. М. 2008. 832 с.
187. Международное право / Учебник. Под ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова. М., 2016. 752 с.
188. Международно-правовые документы по вопросам культуры. / Составитель и гл. редактор А.С. Запесоцкий. - СПб., 1996. 389 с.
189. Минаков А.И. Международный договор как источник международного частного права (Вопросы теории) // Советский ежегодник международного права. 1986. М.- М., 1987. С. 228-241.
190. Мовчан А.П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. М., 1972. 216 с.
191. Морозов А.Н. Реализация международных договоров в Российской Федерации: правовые основания // Журнал российского права. № 2 (146). М., 2009. С. 100-110.
192. Морозова Л.А. Договор в публичном праве: юридическая природа, особенности, классификация // Государство и право. М., 2009. № 1. С. 15-22.
193. Морозова Ю.Г. Подлежит ли применению международное соглашение, не опубликованное в средствах массовой информации? // Арбитражная практика. М., 2002. № 6. С. 93-95.
194. Мусин В.А. Некоторые особенности участия в арбитражном процессе иностранных лиц // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2002 - 2003. № 2 - СПб, 2004. С. 93-98.
195. Мюллерсон Р.А. Международное публичное и международное частное право: соотношение и взаимодействие // Советский ежегодник международного права, 1985. М., 1986. С. 63-84.

196. Нестеренко И.А. К вопросу о понятии и структуре правовой системы // Труды СГУ. Вып.16. М., 2000. С. 9-18.
197. Нефёдов Б.И. Межсистемные надотраслевые образования в праве. Омск, 2008. 232 с.
198. Нефёдов Б.И. Соотношение международного и внутригосударственного права: проблема формирования межсистемных образований. Автореф. дис. ... д.ю.н. М., 2011. 63 с.
199. Нешатаева Т.Н. Арбитражные суды и некоторые вопросы применения международного права в Российской Федерации. // Российский ежегодник международного права. 1998 - 1999. СПб., 1999. С. 218-231.
200. Нешатаева Т.Н. Евразийская интеграция: роль Суда. М., 2015. 304 с.
201. Нешатаева Т.Н. Единообразное правоприменение - цель Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. М., 2013. № 3. С. 106-117; URL: <http://отрасли-права.рф/article/13821> (дата обращения 18.09.2018).
202. Нешатаева Т.Н. Иностранцы предприниматели в России. Судебно-арбитражная практика. М., 1998. С. 216 с.
203. Нешатаева Т.Н., Павлова Н.В., Страженецкий В.В., Шарамова Г.И., Шебанова Н.А. Комментарий к постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.06.1999 г. № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» // Вестник ВАС РФ, 1999. № 8. СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения 17.09.2018).
204. Нешатаева Т.Н. Формирование единообразной судебной практики и возможности введения процедуры преюдициального запроса в процессуальное законодательство России // Законодательство: Право для бизнеса. М., 2007. № 5. С. 52-55.

205. Николаев А.В. Влияние Конституции РФ на формирование и развитие арбитражного процессуального права. Автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов, 2013. 26 с.
206. Осминин Б.И. Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право. М., 2010. 400 с.
207. Осминин Б.И. Принятие и реализация государствами международных договорных обязательств. М., 2006. 408 с.
208. Осминин Б.И. Международные договоры в российской правовой системе (к 20-летию Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации") // Журнал российского права. № 12. 2015, С. 126-139.
209. Поцелуев Е.Л. Нормативный договор как источник (форма) права (Обзор учебной литературы по теории права) // Источники (формы) права. Межвуз. сборн. науч. труд. Иваново, 2003. С. 9-18.
210. Право и политика современной России. Под ред. Н.В. Варламовой, Е.А. Лукашевой, Г.В. Мальцева и др. М., 1996. 215 с.
211. Проблемы общей теории права и государства / Учебник. Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2006. 832 с.
212. Разуваев Н.В. Источники современного права Российской Федерации. // Источники права: классическая и постклассическая парадигмы / Под общ. ред. И.Л. Честнова. СПб., 2011. 172 с.
213. Розенберг М. Актуальные вопросы практики разрешения споров в Международном коммерческом арбитражном суде при ТПП РФ // Хозяйство и право. № 12. М., 2003. С. 112-121.
214. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1985. 1600 с.
215. Суворова В.Я. С какого момента международные договоры РФ подлежат исполнению и применению? // Российский юридический журнал. 2010. № 1.- С. 142-151.
216. Талалаев А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. М., 1997. 336 с.

217. Талалаев А.Н. Соотношение международного и внутригосударственного права и Конституции Российской Федерации // Московский журнал международного права. М., 1994. № 4. С. 3-15.
218. Талимончик В.П. Резолюции международных организаций в правовой системе России // Правоведение. СПб., 2008. № 5. С. 134-141.
219. Теория государства и права / Учебник. Отв. ред. А.В. Малько. М., 2010. 400 с.
220. Теория государства и права / Учебник. Под ред. М.Н. Марченко. М., 2009. 800 с.
221. Теория государства и права / Учебник. Под ред. Т.Н. Радько, В.В. Лазарева, Л.А. Морозова. М., 2012. 448 с.
222. Теория права / Учебник. Под ред. Р.Б. Головина, С.А. Софроновой. М., 2012. 494 с.
223. Терешкова В.В. Применение норм международного права в судебной системе Российской Федерации: автореф. дис. ... к.ю.н. Казань, 1998. 27 с.
224. Тирских М.Г., Черняк Л.Ю. Международно-правовой обычай: понятие и признаки // Сибирский юридический вестник. № 2. Иркутск, 2014. С. 89 – 97.
225. Тиунов О.И. Суверенное равенство государств в системе основных принципов международного права // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 5-21.
226. Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Выполнение международных договоров Российской Федерации. М., 2012. 247 с.
227. Тиунов О.И., Манов Б.Г. Принцип соблюдения международных договоров: коллизии международного и национального права // Журнал российского права. М., 2008. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения 17.11.2017).
228. Толстых В.Л. Курс международного права. М., 2010. 1056 с.

229. Топорнин Б.Н. Система источников права: тенденции развития // Судебная практика как источник права. Авт. кол.: Б.Н. Топорнин, Э. Серверэн, К. Гюнтер и др. М., 2000. 160 с.
230. Тункин Г.И. Теория международного права. М., 2006. 396 с.
231. Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и российская Конституция // Московский журнал международного права. М., 1995. № 2. С. 13-28.
232. Фархтдинов Я.Ф. Виды источников гражданского процессуального права // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса, 2001. М., 2002. № 1. С. 3-35.
233. Федоров И.В. Гражданское и арбитражное судопроизводство как предмет совместного международно-правового и внутригосударственного регулирования: автореф. дис. ... к.ю.н. Казань, 2002. 32 с.
234. Хаванова И.А. Особенности толкования международных налоговых договоров // Законодательство и экономика. 2016. № 2. С. 80-84.
235. Харасты Г. Некоторые фундаментальные проблемы права международных договоров. Будапешт, 1973. 439 с.
236. Цивадзе Н.А. Применение норм международного права судами Российской Федерации: автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2005. 30 с.
237. Шахтер О. Законодательство в Организации Объединенных Наций // Перспективы международного права. London, 1995. P. 126. Цит. по: Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 1. С. 642.
238. Шо М. Международное право. Третье издание. Кэмбридж, 1991. 128 с.
239. Элиас Т. Современное право договоров. Нью-Йорк, 1974. 272 с.
240. Юрова Н.М. Международное гражданское процессуальное право: теоретические основы имплементации норм в правовой системе Российской Федерации. М., 2008. 352 с.

241. Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.09.2018).

РЕСУРСЫ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

242. Официальный сайт Президента Российской Федерации // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53419> (дата обращения 18.09.2018).

243. Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 18.09.2018).

244. Официальный сайт Высшей экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи // URL: <http://www.vekrf.ru/publication/1715/> (дата обращения 18.09.2018).

Saint Petersburg State University

Manuscript rights

Kiseleva Olga Anatolyevna

**Application of the Norms of International Treaties in the
Practice of Commercial Courts of Russian Federation**

Specialisation:

12.00.10 – International Law; European Law

A thesis submitted for the degree of Candidate of Juridical Sciences

Research supervisor:

Candidate of Juridical Sciences, Docent

Ivanenko Vitaly Semenovich

**Saint-Petersberg
2019**

TABLE OF CONTENTS

INTRODUCTION	221
 CHAPTER ONE	
PLACE AND LEGAL FORCE OF INTERNATIONAL TREATIES IN THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPTUAL AND LEGAL ASPECTS	229
1.1. Definition of the status of international treaties in the legal system of the Russian Federation: from theory to practice	229
1.2. Conceptual approach to the justification of the legal force and place of norms of international treaties in the legal system of the Russian Federation	244
1.3. Commercial justice as a form of application of the international treaties' norms in the Russian legal system	251
 CHAPTER TWO	
THE SPECIFICITY OF INTERNATIONAL AND INTERNATIONAL CONCEPTUAL LEGAL FRAMEWORK FOR APPLICATION OF NORMS OF INTERNATIONAL TREATIES IN THE RUSSIAN COMMERCIAL COURT SYSTEM	257
2.1 The problem of determining the legal grounds for the application of the norms of international treaties in the commercial proceedings in Russia.....	257
2.2. International law grounds for applying the norms of international treaties in the commercial proceedings in Russia	261
2.3. National law grounds for applying the norms of international treaties in commercial proceedings in Russia	270
 CHAPTER THREE	
STATUS AND PROBLEMS OF APPLICATION OF THE NORMS OF INTERNATIONAL TREATIES IN RUSSIAN COMMERCIAL PROCEEDINGS	281
3.1. Application of procedural and material norm of international treaties by Russian commercial courts	281
3.2. Procedural norms of international treaties in Russian commercial courts' law	

enforcement	292
3.3. Substantive norms of international treaties in Russian commercial courts' law enforcement.....	303
3.4. Problems of application of international treaties by courts depending on their type and legal status	312
3.5. The issues of promulgating of texts of international treaties of Russia as a problematic segment of their applicability	318
3.6. Comprehensive approach to the definition of the place and nature of the interpretation of the norms of international treaties in the process of their judicial application	336
3.7. Interpretation of the norms of international treaties by judiciary as a factor of improving of their application by arbitration courts of Russia	353
3.8. Normative and non-normative acts of international law in judicial enforcement of commercial courts	359
3.9. Directions and ways to ensure uniformity of application of international treaty rules by commercial courts of the Russian Federation.....	375
CONCLUSION	385
LIST OF USED SOURCES	393

INTRODUCTION

Relevance of the research topic. The Constitution of the Russian Federation, by recognizing in paragraph 4 of Article 15 that the universally-recognized norms of international law and international treaties shall be a component part of Russian legal system, has generated quarter-century disputes over how international norms operate within the framework of national jurisdiction.

First of all, this concerns the norms of international treaties. Having become an important component of the functioning of the Russian legal system, the application of these treaties has faced serious problems, especially in the field of judicial proceedings, notably in the commercial proceedings.¹

This is due to the peculiarities of the competence of the jurisdiction of commercial courts that exercise justice by dealing with economic disputes and other cases referred to them by the 1995 Federal Constitutional Law “On Commercial Courts in the Russian Federation” (hereinafter referred to as FKZ “On Commercial Courts”),² Commercial Procedural Code of the Russian Federation (hereinafter - the APC of the RF)³ and other federal laws adopted in accordance with them (Article 4 of the FKZ “On Commercial Courts”).

As practice shows, in the current conditions of intensification of international trade and economic relations, often accompanied by the emergence of disputes involving foreign counterparts, commercial courts often experience difficulties in issuing judicial acts when applying international treaties. Assistance to the courts in resolving these difficulties was also called upon by the widely known Resolution of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 11 dated 11.06.1999 “On the effect of the international treaties of the Russian Federation in relation to the issues of the arbitration process”,⁴ the main provisions of which have not lost and methodical meaning.

¹ Commercial courts before the judicial reform of 2014 represented an independent branch of the judiciary, headed by the Supreme Commercial Court of the Russian Federation (hereinafter – SCC of the RF).

² SZ RF. 1995. No. 18. Art. 1589.

³ *Id.* 2002. No. 30. Art. 3012.

⁴ The Resolution of the Plenum of the Supreme Commercial Court of the RF dated 11.06.1999 No. 8 "On the operation of the international treaties of the Russian Federation with regard to the Commercial Court

These difficulties are caused, among other things, by the lack of clear and consistent scientific and theoretical developments on the legal characteristics of international treaties and the resulting concept of law enforcement, the disclosure of the grounds for carrying out such activities in relation to each of the parts of federal courts in Russia. All this can negatively affect the authority of the courts.

The President V.V. Putin in a speech at the All-Russian Congress of Judges on 06.12.2016 proclaimed the necessity to increase confidence in the courts.⁵ To achieve this goal, the judiciary must have at its disposal results of research that ensures uniform application of the norms of international treaties. They must have formal certainty - recommendations or clarifications of higher judicial bodies or legislative reform.

An increase in the role of international law in the activities of national courts is also noted at the international level. In the Resolution of the Institute of International Law of 07.09.1993 "The Activities of National Judges and the International Relations of their State" noted that "international law plays an increasingly important role within the various national legal systems; this necessarily leads national courts to decide questions whose solution depends on the application of international norms". At the same time in paragraph 1 of Art. 1 states that "National courts should be empowered by their domestic legal order to interpret and apply international law with full independence".⁶

The growing role of Russian international treaties in law enforcement practice can be also stated on the basis of the formulation of the norm of Article 304 of the CPC of the Russian Federation, which contains "extraordinary grounds"⁷ for transferring the case to the presidium of the highest court within the sovereign state -

proceedings" have been recognized as not applicable // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

⁵ Official site of the President of the Russian Federation // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53419> (application date 18.09.2018).

⁶ Resolution by the Institute of International Law of 07.09.1993 «The Activities of National Judges and the International Relations of their State» URL: http://www.justitiaetpace.org/idiE/resolutionsE/1993_mil_01_en.PDF (accessed 18.09.2018).

⁷ The Ruling of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation of 04.06.2012 No. VAS-6218/12 "On refusal to transfer the case to the Presidium of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation" refers to the list of grounds for transferring cases to the Presidium of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation for the supervisory review // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

Russian Federation for supervisory review in cases connected both with possible breaches of Russia's international treaty obligations.⁸

The increase in the role of international treaties in judiciary is also evidenced by the provisions of the constituent agreements of the Court of the Eurasian Economic Community (hereinafter - the EurAsEC Court) established in 2012 and succeeded by it in accordance with the Treaty on the Eurasian Economic Union of 29 May 2014⁹ (hereinafter the EAEC Treaty) since 1 January 2015 of the Court of the Eurasian Economic Union (hereinafter - the EAEC Court). According to p. 39 of the Statute of the EAEC,¹⁰ it deals with the disputes, arising out of the issues of the implementation of the EAEC Treaty of 2014, international treaties concluded within the Union and (or) decisions of the Union's bodies, including at the request of the economic entity.¹¹

It should be noted that according to the official site of the EAEC Court, the majority of judicial acts in 2015, 2016 and 2017, was rendered on the basis of the requests of the economic entities of the Member States.

The creation of such an international judicial body specializing in economic disputes creates prerequisites for the development of a mechanism for supranational control over the compliance of the law-enforcement practice of the courts of the Member States, including the Russian commercial courts, with the general principles of international law and international treaties of the Russian Federation. The Russian state needs not only to professionally defend its interests in international judicial bodies, but also to maintain the authority of domestic activities in the administration of justice.

All this increases the urgency of accumulation and scientific analysis of judicial practice in this area and comparing it with the results of theoretical research

⁸ Chapter 36 of the CPC of the RF, which contained this rule, was invalidated by Federal Law No. 186-FZ of 28 June 2014 "On Amending the Commercial Procedural Code of the Russian Federation". However, the grounds for repealing or changing the judicial act in general remained the same. For example, paragraph 1 of Art. 308.8 of the CPC of the RF specifies violation by an appealed judicial act of the rights and freedoms of a person and citizen guaranteed by the Constitution of the Russian Federation, universally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation as one of the "extraordinary" cases of transferring the case to the presidium.

⁹ Official internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru> (application date 18.09.2018).

¹⁰ Statute of the EAEC Court Annex No. 2 to the Agreement on the EEA of 2014 // Ibid.

¹¹ Here, an economic entity means a legal entity and individuals registered in accordance with the laws of a Member State or of a third State.

on the effect of the norms of international treaties of the Russian Federation in the Russian legal system.

The above mentioned gives grounds to believe that the need for the Russian Federation to comply with its international treaty obligations through the proper application of the norms of international treaties of the Russian Federation is a priority task of the commercial courts of the Russian Federation. All this justifies the need for further study of the application of the norms of international treaties by the commercial courts of Russia.

Degree of scientific development of the topic. Issues and problems related to the specificity of application of the norms of international treaties by Russian commercial courts are still poorly developed in the legal literature. The law enforcement practice of the system of commercial courts of the RF in this field has not been subjected to comprehensive research and has not received a due scientific understanding in the legal literature.

In modern Russian science, when examining the application of international law in judicial practice, the general trend is the emphasis on practical issues of the courts of general jurisdiction and the Constitutional Court of the Russian Federation.¹² Activities of commercial courts in this sphere are either not investigated at all, or they receive much less attention.

Some problems of this topic are touched upon in the works of both internationalists (S.V. Bakhin, L.N. Galenskaya, B.L. Zimnenko, G.V. Ignatenko, V.S. Ivanenko, A.S. Ispolinov, I.I. Lukashuk, S.Yu. Marochkin, T.N. Neshatayeva, B.I. Osminin, V.Ya. Suvorova, V.P. Talimonchik, S.V. Chernichenko, etc.), theorists (M.N. Marchenko), constitutionalists (V.P. Zorkin) and protsessualist (G.A. Zhilin).

In fundamental monographic studies of B.L. Zimenko,¹³ I.I. Lukashuk,¹⁴ S.Yu. Marochkin¹⁵ devoted to theoretical and practical problems of judicial application of

¹² This tendency continued even after the merger of the highest courts of courts of general jurisdiction and commercial courts. See, for example, Egorova O.A., Bepalov Yu.F. Norms of international law in judicial system. M., 2016. Pp. 142- 234.

¹³ Zimnenko B.L. International law and the legal system of the Russian Federation. M. 2006. 454 p.

international law, including commercial courts, the emphasis is also placed on the activities of the courts of general jurisdiction and the Constitutional Court of the Russian Federation (hereinafter – CC of the RF).

The scientific works of G.V. Ignatenko,¹⁶ B.I. Osminin,¹⁷ V.Ya. Suvorova¹⁸ and a number of other authors have a great importance for the further investigation of the methods, order and peculiarities of the introduction into the Russian legal system of the norms of international law.

A number of publications devoted to various aspects of this object of research (for example, the process of interpreting the norms of international treaties,¹⁹ their adaptation,²⁰ participation in the commercial proceedings of foreign persons²¹ etc.).

Various aspects of the topic are considered in the dissertational studies of R.V. Vinnikova (2003),²² B.L. Zimnenko (1999),²³ V.V. Tereshkova (1998),²⁴ I.V. Fedorov (2002),²⁵ N.A. Tsivadze (2005),²⁶ I.I. Karandashova (2013).²⁷

¹⁴ Lukashuk I.I. International law in the courts of states. SPb., 1993. 302 p.; Lukashuk I.I. Norms of international law in the legal system of Russia. M., 1997. 90 p.; Lukashuk I.I. The modern law of international treaties. Volume 2. Validity of international treaties. M., 2006. 496 p.

¹⁵ Marochkin S.Yu. Action and implementation of the norms of international law in the legal system of the Russian Federation. M., 2011. 288 p.

¹⁶ Ignatenko G.V. Judicial application of international legal norms: a sketch of the activities of the Supreme Court of the Russian Federation // Journal of Russian law. 2008, No. 1. Pp. 96-105.

¹⁷ Osminin B.I. Adoption and implementation of international treaty obligations by States. M., 2006. 408 p.; Osminin B.I. International treaties in the Russian legal system (to the 20th anniversary of the Federal Law "On International Treaties of the Russian Federation" // Journal of Russian law. No. 12. 2015, Pp. 126-139

¹⁸ Suvorova V.Ya. At what point do international treaties of the Russian Federation are subject to execution and application // Russian law journal. 2010. No. 1.- Pp. 142-151.

¹⁹ Anufriyeva L.P. The fulfillment of obligations, the responsibility of States and the interpretation of international treaties in the activities of the CIS Economic Court (on the example of the Agreement on the Procedure for the Settlement of Disputes Relating to the Implementation of Economic Activities of 20 March 1992 // Russian Justice. 2011. No. 12. Pp. 36-48; Khavanova I.A. Peculiarities of the interpretation of international tax treaties // Legislation and Economics. 2016. No. 2. Pp. 80-84.

²⁰ Vinogradova P.A. Judicial legal positions on the adaptation of international treaties in law enforcement practice // Russian Justice. 2015. No. 4. - Pp. 20-24.

²¹ Musin V. A. Some features of participation in the commercial proceedings of foreign persons//Russian year-book of civil and arbitration process. 2002 - 2003. No. 2 - SPb, 2004. Pp. 93-98.

²² Vinnikova R.V. Implementation of the norms of international law in the commercial process of the Russian Federation: Author's abstract of the dissertation for the candidate of juridical sciences. Kazan, 2003. 170 p.

²³ Zimnenko B.L. Application of the norms of international law in the judicial system of the Russian Federation: Author's abstract of the dissertation for the candidate of juridical sciences. M., 1999. 30 p.

²⁴ Tereshkova V.V. Application of the norms of international law in the judicial system of the Russian Federation: Author's abstract of the dissertation for the candidate of juridical sciences. Kazan, 1998. 27 p.

²⁵ Fedorov I.V. Civil and Commercial Proceedings as a Subject of Joint International Legal and Domestic Regulation: Author's abstract of the dissertation for the candidate of juridical sciences. Kazan, 2002. 32 p.

²⁶ Tsivadze N.A. Application of the norms of international law by the courts of the Russian Federation: Author's abstract of the dissertation for the candidate of juridical sciences. M., 2005. 30 p.

The works of B.L. Zimnenko, A.N. Talalayev, S.V. Chernichenko are devoted to the issues of the application of the international treaties of Russia in the context of the correlation between international and national legal systems.

The problems of application of international treaties of the RF are reflected in chapter of monograph by O.I Tiunova, A.A. Kashirkina and A.N. Morozov (2012).²⁸

Issues of international legal assistance, including ones in the framework of the commercial process, were objects of research by L.V. Efremov, A.V. Lesin, TN. Neshataeva, etc. The issues of recognition and enforcement of decisions of foreign commercial courts were researched by M.O. Lits and others.

A significant number of studies have been carried out on the topic of implementation of the norms of international law, including contractual norms, into the legal system of the RF.

Part of the aforementioned studies in this area was conducted before the adoption of the Commercial Procedural Code of the Russian Federation in 2002, therefore, for the part these studies no longer reflect the essential features of modern procedural legislation.

Despite such an impressive scientific and research attention in the domestic legal science to the problems of international treaties, many basic aspects of their operation and application in the Russian legal system still require scientific comprehension and rethinking.

The following questions still remain debatable in the doctrine:

- the status of international treaties as legal acts,
- the legal characteristics of international treaties of Russia, their place in the Russian legal system,
- establishing the specifics and procedure for the application by different courts of international treaties in their interrelation with different types of regulatory acts in the hierarchical structure of the Russian legal system,

²⁷ Karandashov I.I. The direct effect of the norms of international treaties in the legal system of the Russian Federation. Author's abstract of the dissertation for the candidate of juridical sciences, Saint Petersburg., 2013. 26 p.

²⁸ Implementation of international treaties of the Russian Federation / Executive ed. O.I. Tiunov. M., 2012. 256 p.

- the list of international and domestic legal grounds that needs to be established for the most correct and effective application by courts of the norms of international treaties of the RF,

- features and procedures for the interpretation of international treaties of the RF.

Unfortunately, the absence of a comprehensive study of the practice of application of the norms of international treaties of the Russian Federation by a specific and structurally separate system of commercial courts as before, which specializing in resolving economic and commercial disputes, at all stages of the process from the first and to the highest instances, continues to negatively affect the activities of the commercial judicial system.

The subject of the dissertation research is the sphere of social relations that are formed in the judicial system of Russia, related to the peculiarities of the application of the norms of international treaties in the process of commercial courts proceedings.

The object of the dissertation research is constituted of:

- doctrinal positions on the status, force and application of international treaties in the judicial system of Russia

- international contractual obligations of Russia;

- a set of legislative acts of the RF aimed at regulating the fulfilment by the state of international treaty obligations;

- mechanism of interaction of different system (international and Russian) sources of law;

- law enforcement activities of Russian commercial courts;

- legal grounds for application of international treaties by Russian commercial courts;

- doctrinal and practical problematic issues of application of the norms of international treaties by Russian commercial courts.

The aim of dissertation:

– revealing and study of theoretical and practical problematic issues of the administration of justice by the commercial courts of Russia, connected with the application of the norms of international treaties;

– determination of the ways and means of improvement of the effectiveness of commercial courts in the context of the application of international treaty norms.

The tasks of the dissertation research:

1) the actualization of the need for a new conceptual approach to understanding the legal nature and status of international treaties, strengthening the characteristic features of this approach;

2) determination and disclosure of the main characteristics of international treaty of Russia;

3) analysis of the theoretical and practical problem aspects of the process of application of international treaties of the RF by commercial courts of the norms;

4) study of legal grounds and character of application of norms of the international treaties of the Russian Federation by courts of commercial jurisdiction of Russia in the course of dispensation of justice;

5) comparative legal analysis of the nature and status of the international treaty in conjunction with the domestic rules on the hierarchy of sources of law for assessing the place of an international treaty in the legal system of Russia;

6) the identification of ways to reflect in the decisions of commercial courts the application of the norms of international treaties of the Russian Federation, the formation of practical proposals to increase the effectiveness of such methods;

7) formulating recommendations for improving the set of measures to ensure that Russia fulfils its international legal obligations in terms of law enforcement activities of commercial courts.

The scientific novelty of the dissertation research is that it is the first complex study in the domestic legal literature of theoretical and practical issues of application of the norms of international treaties in the commercial courts proceedings of the Russian Federation by all instances of courts of commercial jurisdiction performed on the basis of new commercial procedural legislation and its newest changes.

CHAPTER ONE
PLACE AND LEGAL FORCE OF INTERNATIONAL TREATIES IN THE
LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPTUAL AND
LEGAL ASPECTS

1.1. Definition of the status of international treaties in the legal system of the
Russian Federation: from theory to practice

The provisions of Article 15(4) of the Constitution of the RF on the inclusion of international treaties of Russia in the Russian legal system and on their priority application in the event of a conflict with the norms of Russian laws have brought fundamental changes in the system of sources of Russian law and the mechanism of law enforcement practice. However, as the experience of the last decades shows, a number of problems arose in the process of applying international treaties, requiring both theoretical comprehension and practical proposals for their solution. Among them, in our opinion, it is necessary to point out, first of all, the problem of defining and understanding the status of international treaties in the legal system of Russia. In the literature and in practice, international treaties are traditionally perceived on the basis of only their legal nature - as an agreement of the contracting parties, which does not disclose their legal status in the system of sources of the law applicable by the courts.

Legal literature offers with some differences, but in general a similar list of types of sources of law: a normative legal act, a judicial precedent, a legal custom, a normative treaty.

Normative treaty (as a rule, an international treaty is called as a type of it) is singled out as an independent source of law and is separated from normative legal acts.²⁹

²⁹ See: Anufriyeva L.P. The concept of "source of law" in international legal science: the dogma of "classics" and modern doctrine // Modern International Law: Theory and Practice. M., 2015. P. 48; Commercial process / Textbook. Executive ed. V.V. Yarkov. M., 2014. Pp. 24-27; Commercial process / Textbook. Ed. M.K. Treushnikov. M., 2011. Pp. 46-47; Ivanov R.L. On the issue of the sources of the norms of law in the Russian Federation // Bulletin of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. Law series. Omsk, 2004. No. 1. Pp. 13-23; Vorontsova I.V. Contemporary understanding of legal sources in the theory of the state and law and civil procedural law of the Russian Federation // Bulletin of Saratov State Law Academy. Saratov, 2015. No. 2(103). P. 73; Lazarev V.V., Lipen S.V. Theory of State and Law: textbook. M., 2015. Pp. 212-219; Marchenko M.N. Sources of Law. M., 2009. Pp. 104-105; Morozova L.A. Treaty in public law: the legal nature, features, classification //

Such a separation of international treaties from an array of normative legal acts cannot be recognized as sufficient and proven from the standpoint of a general theory of law and established law enforcement practice.

It is noteworthy that the authors of modern scientific literature seldom give grounds for the separation of the normative legal act and the normative contract in the system of sources of law.³⁰ For example, the contractual variety of lawmaking is emphasized, it is indicated that it is carried out by agreement of two or more parties, because of which international treaties, “unlike normative legal acts, do not directly express the state will and are not an official legal act of the state”.³¹

Some scientists suggest that an individualizing characteristic of a normative (hence, international) treaty, as part of the sources of law, is the fact that such a treaty is “a voluntary will of the parties”, while a normative legal act “is an act of unilateral will”³². There is also a point of view according to which, “unlike normative acts adopted by state bodies, normative treaties are the result of an agreement between equitable subjects on activities of common interest”.³³

To summarize these points of view, it turns out that the equality of subjects, and based on it voluntary declaration of will of each of them and the coordination of such wills are positioned as criteria for the allocation of an international treaty to an independent type of sources of law and, thereby, its isolation from such a type as normative legal act. This approach to the type composition of sources of law is not objective.

In order to determine whether a particular source of law refers to normative legal acts, first of all, it is necessary to determine what is a “normative legal act”, and using what criteria it can be qualified as such.

State and Law. M., 2009. No. 1. P. 15; Theory of State and Law / Textbook. Eds. T.N. Radko, V.V. Lazarev, L.A. Morozov. M., 2012. Pp. 153-171; Farkhtdinov Ya.F. Types of sources of civil procedural law // Russian Yearbook of Civil and Commercial Procedure, 2001. M., 2002. No. 1. P. 11.

³⁰ See: Zhilin G.A. Sources of civil and commercial procedural law // Russian Yearbook of Civil and Commercial Procedural Law, 2007. SPb., 2008. No. 6.P. 83.

³¹ Farkhtdinov Ya.F. Types of sources of civil procedural law. P. 14.

³² Ivanov R.L. On the issue of the sources of the norms of law in the Russian Federation. Pp. 13-23.

³³ Theory of State and Law / Textbook. Executive ed. A.V. Malko. M., 2010. P. 160.

Legal science and practice universally operate with the concept of “normative legal act”, while putting in it a different content.

Modern doctrines define it differently: “an act of law-making activity of competent state bodies that establishes, modifies or abolishes the norms of law”³⁴ or “an act containing rules of law and aimed at the regulation of certain social relations”.³⁵

The authorities tried to “agree on terms.”

For example, in paragraph 2 of the State Duma's Request to the Constitutional Court of the Russian Federation “On the Verification of the Constitutionality of the Decree of the President of the Russian Federation No. 1412 of 02.10.1996 “On Approval of the Regulations on the Administration of the President of the Russian Federation” the following official position is formulated: “In the current legislation there is yet no definition of the concept” of normative legal act. At the same time, it is accepted in the legal doctrine that a normative legal act is a written official document adopted (issued) in a certain form by the law-making body within its competence and aimed at establishing, amending or repealing the legal norms”.³⁶

According to paragraph 2 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.04.1993 No. 5 “On certain issues arising in the examination of cases on applications of prosecutors on the recognition of legal acts as inconsistent with the law” (as amended by Resolution of the Plenum of 05.05.2000 No. 19) a normative legal act is an act of an authorized body of a state authority, a local government body or an official that establishes the legal norms (rules of conduct) that are mandatory for an indefinite group of persons and is intended for repeated use, acting regardless of whether the specific legal relations stipulated in the act ceased or not.³⁷

³⁴ Farkhtdinov Ya.F. Types of sources of civil procedural law. P. 11; Lazarev V.V., Lipen S.V. Theory of State and Law. P. 213.

³⁵ Theory of State and Law / Textbook. Executive ed. A.V. Malko. P. 161.

³⁶ Decree of the State Duma of 11.11.1996 No. 781-II “On Appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation of 02.12.1996 No. 49. Art. 5506.

³⁷ The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.04.1993 No. 5 “On certain issues arising in the examination of cases on applications of prosecutors on the recognition of legal acts as inconsistent with the law” (as amended by Resolution No. 19 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05.05.2000) // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018). This document has lost its force due to the publication of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.01.2003 No. 2 “On some issues arising in connection with the adoption and enactment of the Civil Procedural Code of the Russian Federation” // Ibid. (application date 17.09.2018). However, the reversing act does

In the Ruling of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation No. VAS-5067/14 of 14 July 2014, it is stated that “a normative legal act means a written official document adopted (issued) in a certain form by the law-making body within its competence and aimed at establishing, changing or repealing the legal norms, under the legal norm - a compulsory state prescription of a permanent or temporary nature, designed for multiple applications”.³⁸

It is also to cite the definition of a normative legal act proposed in the prepared by the Ministry of Justice draft of the Federal Law “On Normative Legal Acts in the Russian Federation”.³⁹ Article 1 of this draft indicates that a normative legal act is a written official document adopted in a certain form by a subject of law-making within its competence and aimed at establishing, amending, clarifying, enforcing, terminating or suspending the operation of legal norms, containing compulsory prescriptions of a permanent or temporary nature, extending to an indefinite group of persons and designed for a repeated use. At the same time, law-making is understood as the official activity of state bodies in elaboration and adopting normative legal acts.

These definitions differ in their desire to concentrate in themselves as many main characteristics of a normative legal act as possible: creation (adoption) by competent state bodies; written expression in a strictly defined form; content of the law; the existence of a procedure for its implementation, including, if necessary, the institution of compulsory enforcement of orders and non-violation of prohibitions. These characteristics in theory and practice are used as criteria for the qualification of a particular source of law as a normative legal act.

Meanwhile, such a formulation of the characteristics of a normative legal act leads to an unreasonably narrow understanding of this category.

not contain any other definitions of the concept of “normative legal act”. Therefore, for the purposes of scientific research, it is important to take into account, among other things, attempts to define the concept by the judiciary.

³⁸ The Ruling of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation dated 14.07.2014 No. VAS-5067/14 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

³⁹ On 04.06.1996 the draft Federal Law “On Normative Legal Acts in the Russian Federation” No. 96700088-2 was adopted for consideration by the Protocol of the meeting of the Council of the State Duma No. 29, On 11.11.1996 the draft was adopted by the State Duma in the first reading by Resolution No. 778-II GD, and on 12.05.2004 it was rejected and withdrawn from further consideration by the Decree of the State Duma No. 491-IV GD // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

These characteristics are described on the basis of only a national, intrastate approach to the categories of general theory of law. The basic unity of law and, consequently, its basic sources are not taken into account here. Of course, each legal system operates with a set of sources of law recognized by it as such, since they are most typical for its model of constitution. But such differences do not exclude key characteristics from the position of the general theory of law of a particular concept.

There is a general legal set of properties (characteristics) for each of the types of sources of law - they can be conditionally called basic. In turn, properties of different types of sources of law inherent to each particular legal system are imposed on basic ones, complement them. Thus, the basis for classification of the types of sources should be the fundamental characteristics of the relevant sources, rather than their specific features inherent to them due to the characteristics of each system.

Normative legal act as a kind of source of law is primarily a general category of law in general. These or other specific sources of law can be attributed to this kind both in the national legal system and in the international one.

We shall allocate the basic significant criteria for qualification of this or that source of law as the normative legal act:

- the content of the law in such an act;
- written form of the presentation of such norms, taking into account the requirements for the order of presentation;
- adoption of the act by the subject(s) of law, to which such authority is granted within the framework of a specific legal system;
- exercise of the authority to adopt an act in the established procedural order;
- existence of the procedure for the implementation of such an act.

The following arguments support our position.

It is generally accepted that an act (from latin actum – document) is the name of different types of documents.⁴⁰

⁴⁰ Legal Dictionary / A.Ya. Sukharev (ed.). M., 2009. P. 19; Soviet Encyclopedic Dictionary / A.M. Prokhorov (chief ed.). M., 1985. P. 32.

The act is a generic concept, meaning in this case a formally expressed official document.

For such an understanding, the internal qualitative characteristics of the act do not have priority: the procedural order of adoption (imperative order or conciliatory nature), forms (treaty or law) and the accepting entity (the state alone or by agreement of wills with other states). From the point of view of the general theory of law, only their preliminary establishment, certainty are important, since compliance or non-compliance with the order, form and authority of the subjects can in each concrete case influence the validity of the document, but not on its external severity.

Moreover, in each specific case, acts are adopted by expressing the will of the authorized entities - the legislative bodies, if this is the national legal system, and the subjects of public international law, if this is the relevant legal system. The way of expression of will and ways of its presentation are fixed in each legal system and must be complied by these subjects.

Such conclusions are consistent with the opinion of V.V. Ivanov that essentially legal acts (acts-documents) are “external expressions of activity of the subjects of law”.⁴¹ When it comes to the legal act as a source of law, it means the final result of the will, the form into which it is derived.⁴²

Therefore, we believe that the formulation of the normative legal act in the above proposed definitions, the adoption of this act by the authorized state authority as one of its main characteristics unreasonably narrows this concept. This is only a supplementing, clarifying quality of such an act created in the framework of the national legal system. The authorized state body is one of the subjects of the national legal system. With regards to the international legal system the right to participate in the creation of norms is the main component of the legal capacity of the subjects of this system. In both cases, the norm of law is created by the authorized subjects of each of the legal systems.

⁴¹ Ivanov V.V. *General Issues of Contract Theory*. M., 2000. Pp. 14-15.

⁴² See: *International Law / Textbook*. S.A. Egorov, S.V. Chernichenko et al. M., 2014. P. 71.

Let us turn to the general concept of a normative treaty. It is basically defined as jointly accomplished in the appropriate form of the separate will of two or more authorized subjects of lawmaking, aimed at regulating the conduct of these subjects and (or) other entities, on the basis of agreement establishing legal norms. In other words, a normative treaty is “an agreement of two or more parties, as a result of which the rules of law are established, amended or abrogated”.⁴³

Comparing this definition with the definitions of the international treaty, one can come to the conclusion such an understanding of the normative treaty is put in the basis of the definitions of the concept of an international treaty formulated by the Russian legal science.

In more general terms, an international treaty is defined as an international legal act that fixes the coordination of the will of two or more subjects of international law aimed at establishing the binding permissions, prescriptions and prohibitions provided by the coercive force of states.⁴⁴ The definition of an international treaty as an agreement between subjects of international law, the conclusion, action and termination of which are regulated by international law is even a more general definition.⁴⁵

The definitions of the concept are formulated and normatively fixed.

According to Article 2(1) of the Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969 (hereinafter the Vienna Convention of 1969)⁴⁶ and Article 2(1) of the Vienna Convention on Succession of States in respect of Treaties of 1978,⁴⁷ a treaty means an international agreement concluded between States in writing and governed by international law, regardless of whether such an agreement is contained in one document, in two or more interrelated documents, and also irrespective of its specific name. Moreover, despite the fact that the scope of the Vienna Convention of 1969 is limited to agreements between states, its norms can be applied to other international

⁴³ Lazarev V.V., Lipen S.V. Theory of State and Law. P. 219.

⁴⁴ See, for example, International Law / Textbook. A.A. Kovalev, S.V. Chernichenko (eds.). M. 2008. P4.

⁴⁵ Lukashuk I.I. Modern Law of International Treaties. Volume I. Conclusion of International Treaties: (two volumes). M., 2004. Pp. 77-78.

⁴⁶ Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

⁴⁷ Vienna Convention on Succession of States in respect of Treaties of 1978 // Public International Law. Collection of documents in 2 parts. Part 1. M., 2006. 115-130 p.

treaties, under which they would fall under international law (Article 3 of the 1969 Vienna Convention).

Vienna Convention on the Law of Treaties between States and International Organizations or International Organizations of 1986⁴⁸ (hereinafter - the Vienna Convention of 1986) in Article 2(1) proposes a similar definition of international treaties with a peculiarity of the subject composition of agreements - besides states, international organizations are also included in the subjects.

Federal Law of 15.07.1995 No. 101-FZ of the “On the International Treaties of the Russian Federation” (hereinafter - the Federal Law “On the International Treaties of the Russian Federation”, the Law on the International Treaties of the Russian Federation)⁴⁹ in Article 2 compiles the specified definitions: “An international treaty of the Russian Federation means an international agreement concluded by the Russian Federation with a foreign State (or States) or with an international organization in written form and governed by international law, regardless of whether such an agreement is contained in one document or in several interrelated documents, and also regardless of its specific name”.

Such definitions have a right and a basis for existence, but they only state the individual features of this source of law, emphasizing its international legal nature and essence, such as: consensual character, written form and international legal regulation of implementation processes. The starting point in these definitions is the agreement that lies at the basis of the international treaty.

Undoubtedly, “an agreement or consensus constitutes the legal essence of any treaty, including international one”.⁵⁰ The consensual nature of the method of creating norms of law distinguishes the treaty from the acts containing the norms of law. But this criterion is inherent to it because of the specific nature of the legal system in which it is created, the specifics of the subjects interacting within the framework of this system. When distinguishing the treaty as part of the types of sources of law, the use of such a

⁴⁸ Vienna Convention on the Law of Treaties between States and International Organizations or International Organizations of 1986 // Public International Law. Collection of documents in 2 parts. Part 1. M., 2006. 339-362 p.

⁴⁹ Federal Law of 15.07.1995 No. 101-FZ of the “On the International Treaties of the Russian Federation” // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

⁵⁰ Talalayev A.N. Vienna Convention on the Law of Treaties. Commentary. M., 1997. P. 11.

criterion is not justified. The consensual basis of the norm of the international treaty does not change its legal essence - rules of conduct that are binding for participants due to the existence of a legal mechanism for implementation.

As a result of the conceptual, lexical-semantic and content-legal analysis of the phrase “an international treaty is an agreement”, V.S. Ivanenko came to justified conclusions about its failure, about its confusion in the general conceptual system, and also about the fact that it “very accurately reveals only one part of the concept of treaties - their legal essence as a result of the coordination of the wills of the subjects of international law”.⁵¹

Thus, there is a substitution of concepts in the doctrine: the specific characteristic of an international treaty as an agreement of subjects of international law is brought to the fore at the expense of the rest of its basic characteristics inherent to it as a source of international law.

It can be stated that the international treaty meets all the above basic characteristics of normative legal acts: such act contains the norms of law, has a written form of the presentation of such norms, taking into account the requirements for such presentation, is adopted by the authorized bodies of subjects of international law, in the established procedural order, and has an implementation procedure.

Consequently, international treaties are normative legal acts with all the ensuing legal consequences.⁵²

In addition to the above, the following arguments support this statement.

M.N. Marchenko when writing that all international treaties are “normative in content”, despite the fact that “some of them form general norms designed for a wide (precisely uncertain) group of subjects and for multiple application, while others contain strictly individual norms that create rights and obligations only for the contracting

⁵¹ Ivanenko V.S. International Treaties of Russia as Legal Normative Acts // Russian Yearbook of International Law. SPb., 2014. Pp. 26–51.

⁵² This point of view has opponents. For example, Ye.L. Potseluyev, singling out international treaties as one of the types of the normative treaty, notes at the same time: “the understanding by individual lawyers of a normative treaty as a kind of legal act is unconvincing and unproven”. However, the author does not give any arguments to justify his criticism; see.: Potseluyev Ye.L. Normative treaty as the source (form) of law (Review of educational literature on the theory of law) // Sources (forms) of law. Interuniversity collection of scientific works. Ivanovo, 2003. P. 17.

parties”⁵³ emphasizes characteristic of the international treaty as a source of law containing the norms of law.

Like normative legal acts, international treaties are aimed at the creation, modification or termination of the norms of law. International treaty norms are legal norms, since they possess all their attributes: authorization by states, universality, formal certainty, obligatory nature, if necessary the coercive force of states, including the international legal mechanism for enforcing the norms of international law.

In addition, for example, A.I. Minakov approaches the concept of “state-power character” of the norms of law differently, he states that any norm, in order to be a norm, must have such a character that “comes from the state or states”. In his opinion, both the norms of internal statutory legal acts and the norms of international treaties express the state will: in one case it is the will of one state, in the other - the agreed will.⁵⁴

The algorithm for the adoption of legal acts are inherently similar in many ways to both international and national legal systems.⁵⁵

Participation in international treaties (at all stages) involves participation in this process of competent state bodies, it is for them to accept this act on behalf of each state (within the meaning of articles 9-17 of the Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969). Further, at the domestic level of ensuring the fulfilment of international obligations, one can speak of a certain “authorization”, i.e. the implementation by the state of actions that admit into the legal system the acts that contain international treaty norms. It is this sanction (permission, assurance) that subsequently gives grounds for the application of such norms by the relevant national authorities.

In turn, normative legal acts in the national legal system are also adopted on behalf of the state by authorized bodies - subjects of this legal system. Normative legal

⁵³ Marchenko M.N. International Treaty as a Source of Modern Russian Law // Bulletin of Moscow University. Serie. 11. Law. M., 2004. No. 3. P. 13.

⁵⁴ See Minakov A.I. International treaty as a source of private international law (theory issues) // Soviet Yearbook of International Law. 1986. M.- M., 1987. Pp. 235-238.

⁵⁵ The author in this case emphasizes that it is a philosophical, essential nature of similarity in some elements of the process of norm formation. At the same time, there is no denial of the existence of “cardinal differences between the international and national way of norm formation”, to which, for example, S.V. Bahin refers // See Bakhin S.V. International and national law: the correlation of legal nature // Modern International Law: Theory and Practice. M., 2015. Pp. 84-85.

acts are also introduced into the legal mechanism for regulating public relations by following a certain procedures (determining the method of entry into force and scope, official publication and, if necessary, subsequent official interpretation).

In the literature it is noted that “in international treaty relations, where act seemingly equal subjects are states,” “there is no de facto equality”, “there are no equal and equivalent state wills, because when signing international treaties, the pressure of stronger states on their counterparts is not avoidable”.⁵⁶ Though this relates more to the political side of the issue, and not to the legal, it cannot be ignored in the process of scientific cognition.

It is important to note that the characterization of international treaties as normative legal acts is also confirmed in the legislation of the Russian Federation.

Article 13 of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation is named “Normative Legal Acts Applied during the Consideration of Cases” and in paragraph 1 provides that commercial courts consider cases on the basis of the Constitution of the Russian Federation, international treaties of the Russian Federation, federal constitutional laws, federal laws, normative legal acts of the President of the Russian Federation and normative legal acts of the Government of the Russian Federation and etc.

It is also to note Chapter 1 Section I of the Tax Code of the Russian Federation “Legislation on taxes and fees and other normative legal acts on taxes and fees”. This Chapter includes Article 7 “International treaties on taxation”.⁵⁷ International treaties in this case are also referred to “other” normative legal acts on taxes and fees.

Consequently, it can be assumed that the legislator, when formulating the above mentioned norms of Russian law, relied on the fact that international treaties are normative legal acts.

Thus, taking into account the above, we will outline the following features of international treaties as normative legal acts:

⁵⁶ Morozova L.A. Treaty in public law: the legal nature, features, classification. P. 17; *See also* Zarubayeva E.Yu. Generally recognized principles and norms of international law and international treaties in the legal system of Russia. Author’s abstract of the dissertation for the candidate of juridical sciences. M., 2003. P. 17.

⁵⁷ Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated 31.07.1998 No. 146-FZ (ed. of 03.07.2016) // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

- contain norms of law - mandatory rules of conduct for participants;
- adopted by authorized bodies of subjects of law;
- based on the will of the subjects agreed in the process of their expression;
- have legal force under international law;
- can have legal force also in national legal systems with the sanction of such systems;

- are always adopted in a well-defined procedural order; for which a special conglomerate of norms, called “rules of procedure” is formed in international law;

- have a written form corresponding to the rules of documentary legal acts adopted in the international legal system.

Without diminishing the significance of the definitions of this source of law listed earlier in the literature, for the purposes of this study, we believe it necessary to propose the following definition that characterizes the term under the research as a normative legal act.

International treaty is an international normative legal act adopted by competent subjects of international law on a consensual basis, which contains rules of conduct mandatory for contracting parties aimed on regulation of public relations of mutual interest.

Accordingly, in the case of an international treaty of the RF, the latter is one of the parties to such a treaty and it is authorized by it for implementation within the limits of state jurisdiction.

As V.S. Ivanenko notes, qualification of international treaty as a normative legal act “allows on the stage of definition to perceive international treaty not as a contract-deal between subjects of international law, but as the main norm-forming source of modern international law.” Such an understanding of the essence of the treaty makes it possible “to accurately establish the place of Russia's international treaties in the Russian legal system”.⁵⁸

⁵⁸ Ivanenko V.S. International Treaties of Russia as Normative Legal Acts. PP. 45-46.

The proposed definition gives starting points for studying the processes of implementation of the legal norms contained in international treaties of Russia through the law enforcement procedures of the commercial courts of the Russian Federation.

As legal consequences of the qualification of international treaties, the following can be classified as normative legal acts.

1. International treaty is an international normative legal act that is subject to application by the courts of the RF. Such an act should not be understood as an “amplifier of the legal position” of a judicial body or a party in a case. As a result of the greatly exaggerated division of international law into public and private⁵⁹ a view has formed that the international treaties of the Russian Federation are of public legal nature and thus their application is exclusively subject to international interstate relations.

Thus, for example, dualistic theory suggests that international law and domestic law are designed to regulate various groups of social relations: international law - interstate relations, and domestic law - relations involving individuals and legal entities subjugated to the supreme authority of the state. Interaction of legal systems within the framework of this theory assumes that “the rules of international law have an impact on domestic rulemaking and law enforcement, and vice versa. Each of the interacting legal systems has supremacy, acting in its own environment”.⁶⁰

However, the practice shows that this concept does not always withstand objective criticism. I.V. Fedorov proves the possibility of application by courts of the norms of international law not only in matters involving a foreign element (as private international law treats), but also in matters of a purely domestic nature related to international law. Such category of cases cannot be limited to the interpretations of private international law. The treaties applied in such cases are public in nature, aimed first at resolving interstate public relations, but in their structure they have norms of direct action with respect to subjects of national law. Therefore, I.V. Fedorov concludes that it is possible to use the norms of international law to regulate court’s activities in

⁵⁹ See Bakhin S.V. International and national law: the correlation of legal nature Pp. 93-94.

⁶⁰ See Tolstykh V.L. Course of International Law. M., 2010. P. 208.

resolving a dispute in which there is no foreign participation, its application solely for a “mono-national” dispute.⁶¹

Despite even such conclusions which are significant for the theory and contractual practice, analysis of commercial courts practice shows that the judiciary for a long time (even after the adoption of the Constitution of the Russian Federation in 1993) referred to the norms of international treaties of the Russian Federation as a category, of course, legal, but “foreign”, and therefore not applicable. In this connection, references to the norms of international treaties in judicial acts in some cases are still of formal, inconsistent, non-regulating character. This was largely facilitated by the separation of international treaties into a separate type of sources of law, their isolation from normative legal acts.

It is the qualification of an international treaty as a normative legal act that makes it possible to concentrate the court on those basic nuances of law enforcement with respect to this source of law that are required for correct conclusions.⁶²

2. In case if a dispute related to international law is brought before a commercial court, the commercial court shall follow a certain algorithm of actions. It is essentially the same as the algorithm for applying the normative legal acts of the national law. Certain features are a consequence of the international origin of the treaty.⁶³

Here we note the following. Given the adversarial nature of the commercial process, the existence of a reference to the international treaty of the parties in the case requires the commission of the law enforcement actions in respect of this act. But the absence of such a reference of the parties in the case does not exclude the duty of the commercial court to research and apply the international treaty in the process of legal qualification of the dispute.

⁶¹ See: Fedorov I.V. Op.cit. 32 p.

⁶² Within the framework of this legal consequence, the close connection of such components of the legal system as law and legal awareness is manifested. A peculiar indicator of this is the procedure for forming a legal position of the court on the merits of the dispute, which is reflected in the judicial act.

⁶³ The next paragraph of this research contains more details about the process of law enforcement activities of commercial courts of Russia with respect to the norms of international treaties.

3. Current Russian legislation allows the application of only officially published international treaties of the Russian Federation, regardless of whether it entered into force or is temporarily applied.

Other legal consequences of giving the status of a normative legal act to an international treaty will be considered in conjunction with a further study of related issues in this research.

1.2. Conceptual approach to the justification of the legal force and place of norms of international treaties in the legal system of the Russian Federation

In domestic science, a number of theories have developed on the procedure for the entry of norms of international treaties of Russia into the Russian legal system and the nature of their interaction with the norms of national law.

The main ones are the theory of transformation, the theory of incorporation, the theory of direct action of international treaties. The theory of law enforcement complexes deserves special attention.⁶⁴

The theory of transformation implies that the norms of international law on the territory of the state do not have their own legal force, therefore, “in order for the rule, which is a norm of international law, to acquire legal force within the scope of national law, it must acquire the force of the national legal norm” by the will of the territorial sovereign and by issuing the corresponding national legal act.⁶⁵

According to the theory of incorporation, the norms of international treaties are introduced into the internal legal system of the state by borrowing from the international legal system and constitute a special kind of national norms.⁶⁶

The theory of the direct effect of an international treaty in the legal system is most often due to the presence in the system of Russian law authorizing such an act of Article 15(4) of the Constitution and the existence in the norms of the international treaty of the quality of self-fulfilment, that is, the ability of a direct obligatory impact on the conduct of subjects of domestic law.⁶⁷

At the same time, on the basis of the conclusions that “the forms of the law of one system are not able to be simultaneously forms of the law of another system,” the concept of law enforcement complexes was developed, according to which “norms belonging to different legal systems interact as a normative complex not in a static state,

⁶⁴ The views of Russian and foreign scholars on the issues of legal interaction and harmonization of the norms of national and international legal systems are analyzed in detail in a monograph B.L. Zimenko // Zimenko B.L., *International Law and Legal System of the Russian Federation*. Pp. 33-63.

⁶⁵ Butov V.N., Ilyinykh A.B., Korobova Ye.A. *International Treaty and Sources of Constitutional Law*. Chelyabinsk, 2008. P. 67, - *See also* Usenko E.T. Correlation and interaction of international and national law and the Russian Constitution // *Moscow Journal of International Law*. M., 1995. No. 2. P. 16.

⁶⁶ *See also* Lukashuk I.I., *International Law / Textbook. General Part*. M., 1996. Pp. 227-228.

⁶⁷ *See, for example, Karandashov I.I. Op. cit.*

but in the law enforcement process, and with purposes of ... regulating a specific legal relationship”.⁶⁸ The concept also gets its development in scientific works.⁶⁹

As follows from the publications of many authors on the above issues, they define international treaties as part of the sources of the Russian domestic legal system (taking into account the various features identified by specific authors).⁷⁰

In contrast to this, according to R.A. Müllerson's opinion “the recognition of international treaties as a source of domestic law is not objective and leads to the erasure of the boundary between international and national law”.⁷¹

S.Yu. Marochkin also believes that “the norms and sources of international law in the process of their operation in the legal system of Russia do not become, respectively, domestic legal norms and sources of Russian law. They ... function alongside it”.⁷²

According to the justified opinion of V.V. Gavrilov, “international legal norms, by virtue of direct indication of the internal law of the countries concerned, retain their legally binding force and are therefore able to act as an independent element of the normative level of their national legal systems”.⁷³

B.L. Zimnenko in his study also comes to the conclusion that “the rules of international law are an integral part of the Russian legal system, and not of national

⁶⁸ See Ignatenko G.V. International and Soviet law: problems of interaction of legal systems // Soviet State and Law. M., 1985. No. 1. P. 75; International Law / Textbook. G.V. Ignatenko, O.I. Tiunov (eds.). M., 2016. P. 149;

⁶⁹ Gavrilov V.V. The concept and interaction of international and national legal systems. Vladivostok, 2005. P. 140; Nefedov B.I. Intersystemal sub-sectoral formations in law. Omsk, 2008. Pp. 36, 52.

⁷⁰ See, for example, Ivanenko V.S. International treaties, the Constitution and the legal system of the Russian Federation: the evolution of the relationship and the trend of interaction // Russian Yearbook of International Law, 2009. SPb., 2010. P. 23; Zimenko B.L. International Law and Legal System of the Russian Federation. P. 53; Marchenko M.N. International Treaty as a Source of Modern Russian Law. Pp. 3 – 18; Kanashevskiy V.A. On the qualification of an international treaty as a source of internal law // Russian Law Journal. M., 2013. No. 5. Pp. 63-64.

⁷¹ Müllerson R.A. International public and private international law: correlation and interaction // Soviet Yearbook of International Law, 1985. M., 1986. P. 73.

⁷² Marochkin S.Yu. On the International Component of the Legal System of Russia: Mastering and Developing the Constitutional Principle by Practice // Jurisprudence. SPb., 2010. No. 1. P. 164.

⁷³ Gavrilov V.V. Concept of national and international legal systems // Journal of Russian Law. M., 2004. No. 11. Pp. 98-112.

legislation, law”.⁷⁴ And this, in his opinion, does not contradict the possibility of international law to exert a regulatory influence on intra-state relations.⁷⁵

Practically all of the above scientific positions on the procedure for the entry of norms of international treaties into the legal system of Russia are accompanied by the desire of authors to determine the place of such norms in this system. Such determination depends on the legal force of the international treaty and the results of its correlation with the legal force of national normative legal acts.

Legal force is the main property of the source of law, which allows it to act, to generate legally binding consequences.

In the Russian legal science, the study of the issues of the legal force of various sources of law inevitably comes to determining the place of each of them in the system of law. The approach to resolving the issue of legal force solely from the standpoint of constructing a hierarchy of normative legal acts is conceptually incomplete, one-dimensional.

Legal force is a characteristic of the source of law, which is disclosed on two levels.

The intrinsic qualitative property inherent to any normative legal act, without which the corresponding act cannot be a normative legal one, cannot have the norms of law itself. This quality is immanently inherent to it because of the very fact of its origin and creation. The legal force in this case is the ability of a prescription, concluded in a specific legal form, to act as a regulator of public relations. The legal force expresses the regulating (prescriptive, prohibiting and permissive) effect of the will of the creators of the norm.

The external form of expression of this qualitative property is used for the mutual correlation of sources of law within the framework of a particular system of law by determining the type of the relevant source, subject (subjects) that have adopted it and the nature of the norms contained in it. The external form of the expression of legal force manifests itself directly in the system of law in which the normative legal act is created.

⁷⁴ Zimnenko B.L. Application of the norms of international law in the judicial system of the Russian Federation. Author's abstract of the dissertation for the candidate of juridical sciences. P. 7.

⁷⁵ *Ibid.* P. 8.

It is this form of expression of legal force that determines the place of the international treaty in the system of sources of international law.

The legal force does not depend on the place of one or another source in the system of law in either manifestation, on the contrary, it determines this place.

The importance of hierarchical links in the system of sources of law is difficult to overemphasize both from the theoretical and from the practical point of view. In itself, “the ratio of sources of law in science is seen as one of the system-forming factors that form the national legal system”.⁷⁶ Similar conclusions can be also drawn with respect to the international legal system - the hierarchy of its sources is a system-forming factor within the framework of such a system.

The international treaty acquires legal force as an internal qualitative property of the source of law in the international legal system. At the same time, the regulatory effect related to the existence of such legal force extends not only to the sphere of international legal relations, but also to certain intra-state public relations. This is due to the competence of each authority acting on behalf of the State party in its own national legal system.

Meanwhile, the most widespread judgments and conclusions in the Russian science are that international treaties, being included in the national legal system, should be correlated according to the legal force with the sources of Russian law.⁷⁷

At the same time, the objectives of scientists to define the place of international treaties in the hierarchy of Russian regulatory legal acts are traditional. Such a place is usually dependent on the level at which the state adopted this international treaty. This, in the first place, is due to the provisions of Article 3(2) of the Federal Law “On International Treaties of the Russian Federation”, which establishes the classification of

⁷⁶ Nesterenko I.A. On the issue of the concept and structure of the legal system // Works of SGU. Edition 16. M., 2000. P.10.

⁷⁷ See: Osminin B.I. Adoption and implementation of international treaty obligations by States. Pp. 345–355; Usenko E.T. Correlation and interaction of international and national law and the Russian Constitution. Pp. 13–23; Marochkin S.Yu. Operation and implementation of the norms of international law in the legal system of the Russian Federation. 288 p.

international treaties that is absent in international law: interstate treaties, intergovernmental treaties and interagency agreements.⁷⁸

B.I. Osminin states that “the place of an international treaty in the national legal system of Russia, in the event of a conflict between the norm of a international treaty mandatory Russia and a national legal act, does not change the essence of the obligation of the state to comply with its international legal obligations, regardless of the causes of such a collision”.⁷⁹ He proposes “to distinguish between a place in the hierarchical system of sources of domestic law that is assigned to international treaties at the stage of adopting international treaty obligations, and the special place that entered into force for a State international treaties have in the national legal system in the process of implementing international treaty obligations”.⁸⁰

To make conclusions on this issue, it is necessary to make not only a comprehensive analysis of existing domestic regulatory and legal acts, but also to refer to the normative legal acts of international law.

Thus, international treaty obligations must be strictly respected, regardless of the hierarchical system of sources of law existing within the state. This conclusion, among other things, may be drawn from Articles 26, 27 of the Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969, according to which each treaty in force is binding on its parties, must be performed by them in good faith, and the party cannot invoke the provisions of his internal law as an excuse for not fulfilling the treaty.

Article 42 The Vienna Convention of 1969 contains the concept of the validity of an international treaty. Commenting on these provisions, A.N. Talalayev describes the concept of “validity” through the feature of the existence of legal force of a treaty. He writes that “valid international treaties are such treaties, the legal force of which cannot be challenged from the standpoint of international law, against which no international

⁷⁸ It is to note that Part 1 of the same article formulates, in fact, the correct provision, consistent with the norms of international law, that in accordance with the Constitution of the Russian Federation, the conclusion, termination and suspension of the operation of international treaties of the Russian Federation are in the jurisdiction of the Russian Federation. Consequently, all such treaties are equally international.

⁷⁹ Osminin B.I. Conclusion and implementation of international treaties and domestic law. M., 2010. P. 236.

⁸⁰ *Ibid.* P. 236-237.

legal objections can be raised”.⁸¹ It should be assumed that in the absence of validity of an international treaty, such normative legal act can have no legal force. At the same time, I.I. Lukashuk reasonably notes that “the validity of a contract is not affected by the nature, organization, name of state bodies authorized to conclude them”.⁸² I.I. Lukashuk also refers to J. Bluntschli, who stated that “the validity of treaties depends neither on the form of government of the contracting states, nor on the religion of their population or representatives”.⁸³

O.I. Tiunov analyzed Article 17(1) of the Constitution, where the norms of international law are listed before the Constitution, but this, in his opinion, “does not mean that they are dominating over it.” However, in our opinion, neither the term “prevail” can reflect the nature of the interaction of the legal force of the different-system sources of law, nor the principle of determining such interaction through the current procedure of listing the norms of law can be taken as a basis.

Following exclusively this logic, according to the provisions of the law, one can occur in a deadlock situation. According to Article 3 of the Federal Constitutional Law “On the judicial system of the Russian Federation”, the unity of the judicial system is ensured, *inter alia*, by the application by courts of the Constitution, federal constitutional laws, federal laws, generally recognized principles and norms of international law and international treaties, as well as constitutions (statutes) and other laws of the constituent entities of the Russian Federation.⁸⁴ In turn, Article 17(1) of the Russian Constitution in the opposite way builds a chain of enumeration: “In the Russian Federation recognition and guarantees shall be provided for the rights and freedoms of man and citizen according to the universally recognized principles and norms of international law and according to the present Constitution”. According to Article 13(1) of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation Commercial courts consider cases on the basis of the Constitution of the Russian

⁸¹ Talalayev A.N. Vienna Convention of the Law of Treaties: Commentary. P. 116.

⁸² Lukashuk I.I. Modern Law on International Treaties. Volume 1. P. 364.

⁸³ Bluntschli J. Modern International Law of Civilized Nations. M., 1876. P. 257 // Translation from the 2nd german edition. Ed. L. Kamarovsky. M., 1876. 634 p.

⁸⁴ Federal Constitutional Law of 31.12.1996 No. 1-FKZ (ed. of 05.02.2014) “On the judicial system of the Russian Federation” // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018); the original text of the document was published: SZ RF. 1997. No. 1. Art. 1.

Federation, international treaties of the Russian Federation, federal constitutional laws, federal laws, normative legal acts of the President of the Russian Federation and normative legal acts of the Government of the Russian Federation and etc.

These examples evidence that the wording of the Russian legislation does not allow the law enforcer to fairly reliably determine the conceptually correct approach in the matter of determining the place of international treaties of the Russian Federation in the legal system of Russia.

It is necessary to state the inclusion of a set of norms of international treaties of the Russian Federation in the national legal system as a relatively independent structural component. It is not necessary to correlate the legal force of the norms of international treaties with the legal force of the norms of domestic sources of law. This is impossible because of the lack of common criteria for such a correlation.

Such an approach to the concept of the legal force of the normative legal act, together with the analysis of normative acts, allows us to conclude that the place of the international treaty in the system of sources of Russian law should not depend on the body that expressed the consent on behalf of Russia to be bound by this international treaty. This is due to the fact that at the international level the state acts as a single complex entity. As regards this criterion, the legal force of any international treaty is assumed to be equal, not subject to classification by the criteria of the level of the body that signed it on behalf of the state. Therefore, the place of the international treaty in the system of sources of law subject to application by Russian commercial courts should be determined on the assumption of the provisions of the Constitution of the Russian Federation and the norms of international law, and fixed uniformly in Russian normative legal acts.

1.3. Commercial justice as a form of application of the international treaties' norms in the Russian legal system

The most important component of legal regulation is the application of law. This is a special process that stands out from other forms of realization of law by its subject composition, process and result. The application of law connects the current norm with a specific legal relationship, moreover, such a connection is always provided by authorized bodies of the state.

Law enforcement is only part of the process of implementing the norm of law. However, there are cases of confusion of the meanings of the concepts of the law enforcement and the operation of law (the ability of a rule of law to regulate social relations). Such a confusion occurred, for example, in I.I. Lukashuk, when in the part 12 of his monograph, entitled "Application of treaties", he examines only issues of operation the treaty in time and space. And even the concretization of these provisions in the final chapter of that part "The application of successively concluded treaties" did not change the fact of investigating only the issues of operation and validity of treaty provisions depending on the time of their adoption.⁸⁵ Therefore, in our opinion, anticipating further research, it is reasonable to dwell on general legal issues of the complex process of applying the law by Russian judicial bodies, taking into account the specifics of such a process with regard to the norms of international treaties.

One of the most important independent ways of applying the law is justice - the activities of the judiciary to review and resolve disputes in a court session.

In the context of this research, commercial courts of the Russian Federation are considered as such enforcement bodies.

It is especially important that the judiciary (acting on behalf of the state in the process of administering justice and adopting individual legal acts on its behalf) in the context of the state's fulfilment of its international legal obligations be able to carry out its activities, focusing not only on the need for conscientious compliance with

⁸⁵ See: Lukashuk I.I. Modern Law on International Treaties. Volume 2. Operation of International Treaties. Pp. 43 – 60.

international treaties, but also on formally-defined, unseparated prescriptions and recommendations in this field.

On the other hand, in the Resolution of the Institute of International Law of 07.09.1993 “The activities of the domestic judge and international relations of the state” states: “in order to achieve the correct application of the norms of international law within each state through their own methods of interpretation, it is reasonable for each state to strengthen the independence of national courts from the executive branch, and to promote the development of knowledge of international law by such courts”.

In the process of judicial proceedings, a balance must be found between independence of the judiciary in the system of public authorities and ensuring them by proper information on the application of the norms of international treaties of the Russian Federation.

We address directly to the activity itself. Law enforcement is expressed in the main stages, which include the establishment of factual circumstances, the choice and analysis of the law and the decision of the case, expressed in the act of application of law.⁸⁶

As part of these basic stages, it is possible to identify such processes as the study of the circumstances of the case (the definition of the subject and object composition of the relationship, the identification of cause and effect relationships, etc.), the choice of the applicable legal norm, i.e. the legal qualification; interpretation of the text of a normative act (“first of all, the clarification of the meaning of the text of the law, the construction of a legal norm to be applied to this case with all its elements (hypothesis, disposition, sanction)”);⁸⁷ preparation and adoption of an act of application of law.

Some authors have attempted to identify the main processes in the stages of law enforcement activities of the courts, carried out specifically with regard to the norms of international treaties.

⁸⁶ See, for example, Theory of Law / Textbook. R.B. Golovin, S.A. Sofronova (eds.) M., 2012. P. 351; Alekseev A.A. General Theory of Law. Textbook. M., 2009. P. 536.

⁸⁷ Razuvaev N.V. Sources of Modern Law of the Russian Federation // Sources of law: classical and postclassical paradigms / Under total. ed. I.L. Chestnova. SPb., 2011. P. 114. See also: Theory of State and Law / Textbook. M.N. Marchenko (ed.), M., 2009. Pp. 786-787.

I.I. Lukashuk pointed out that the application of the norms of international law in a specific case is as follows: “a) establishing the facts of the case; b) legal qualification of factual circumstances, i.e. the establishment of whether they fall under the rules of the international law and, if so, which ones; c) definition of legal characteristics of the relevant norms, their scope, especially with respect to these entities. In other words, we are talking about a special-legal interpretation of norms; d) establishing the content of the norm, i.e. general interpretation; e) deciding on the manner in which the norms are applied to these actual circumstances; e) actions to ensure the implementation of the decision”.⁸⁸ He notes that “the greatest specificity is related to the special, international legal interpretation of norms”, the remaining processes of law enforcement activity are essentially identical to the same activity in relation to the norms of national law.⁸⁹

From the work of S.Yu. Marochkin follows that the obligatory actions on the part of the court when applying the international treaty are: a) the qualification of the situation from the point of view of internal law; b) establishing the existence of a relevant contract; c) determination of legal grounds for the possibility of applying an international treaty; d) its correlation by the legal force with the internal normative act; e) determination of the applicable law (Russian or international); (e) making a decision in accordance with applicable law.⁹⁰

In addition, I.V. Fedorov at the stage of legal qualification of public relations within the framework of a dynamic process of law enforcement singles out such a feature as the duty of the law enforcer “when choosing the rule of law governing the actual situation under consideration ... to decide the question of the correlation of the rule of international law with the current national legislation”.⁹¹

⁸⁸ Lukashuk I.I. *International Law in the Courts of States*. SPb., 1993. Pp. 87-88.

⁸⁹ *Ibid.*

⁹⁰ Marochkin S.Yu. The application by the courts of Russia of the norms of international law: ten years after the adoption of the Constitution of the Russian Federation // *Russian Yearbook of International Law*. SPb., 2003. P. 72.

⁹¹ Fedorov I.V. *Civil and commercial proceedings as a subject of joint international legal and internal regulation*. Author's abstract of the dissertation for the candidate of juridical sciences. Kazan, 2002. Pp. 8 – 9.

Making such a differentiation of law enforcement into application of the norms of national law and application of the norms of international treaties can cause excessive breakdown of really dynamic activity in the administration of justice.

It should not unjustifiably fragment the overall scope of activity on the application of the norms of law by the court. The point is that the types of actions formulated by different authors and the types of actions that we have described fit organically into a complex law enforcement mechanism. Such a mechanism is an algorithm, the consistent implementation of which provides the legal result of each trial. It is obvious that at a certain stage of such an algorithm there arises the need for specific actions that can be conditioned both by the nature of the source of the law to be applied, and by the specifics of the evidence found in the process of research and other significant facts. But this does not prove the need for even a theoretical division of the single process of law enforcement. Disputable legal relations are a multi-level substance. Often, their legal regulation is exercised simultaneously by the norms of both national and international legal systems. Thus, the process must be comprehensive and unified.

If the court discovers the necessity application of the norms of the international treaty of the Russian Federation to disputable legal relations, then there is no need to correlate the legal acts of different legal systems by legal force. Such a conclusion is possible taking into account the position stated by us regarding the legal nature of this source of law and a comprehensive understanding of the legal force.

In this case, the court should establish the quality of the legal regulation of the norms of various legal systems: whether the regulation by the norm of an international treaty excludes or supplements the regulation by the national law.⁹²

It is necessary to emphasize the following peculiarity of the judicial way of applying the norms of law. The point is that the rules of commercial procedure oblige the courts in the process of law enforcement not only to apply the norms of legal acts to disputable legal relations, but also in the case of the inadmissibility of a rule to them (if there is a reference to it by the parties) to justify this circumstance and reject the

⁹² This will be discussed in more detail and with specific examples in the third chapter of this research.

relevant arguments. In this respect, even if a rule does not regulate disputable legal relations, its legal qualification may be contained in a judicial act of the commercial court.

If in such a case, it comes, for example, to an international treaty,⁹³ then the court must analyze the rules of law contained in it, exercise their interpretation in order to determine the specifics of the social relations on the regulation of which they are directed, correlate the conclusions resulting from this with the revealed characteristic of the disputable legal relations and decide the issue of the relevance of these norms to the case.

Moreover, the court initially must determine the set of international and national legal characteristics of the international treaty in order to determine whether it is an international normative legal act or an international act of recommendatory force, whether it is to be implemented in the Russian legal system due to the proper acceptance by Russia of obligations on it (through the implementation of international and domestic procedures).

In order to ensure the implementation of such an analysis, in our opinion, it is optimal to use by each particular judge the theoretical developments contained in the previous paragraphs of this research (concerning the qualification of an international treaty as a normative legal act and determining its place in the national legal system).

Even in the case of a simple rejection of the arguments of the parties in the case on the need to take into account the norms of the international treaty (if such norms do not regulate the disputable relationship), the commercial court sets in motion such previously stated law enforcement processes as legal qualification, interpretation, reflection in the law enforcement act. Such a process cannot be called as the application of the norm of the international treaty in the final version, since the rights and obligations of the parties to the dispute are not regulated by this rule. But in this case, the exercise by the commercial court of at least a part of the law enforcement process is

⁹³ From the point of view of the greatest adaptation of Russian subjects of law to the implementation of national law in their activities, the situation in question most often arises precisely with regard to the norms of international treaties.

undeniably taking place. Consequently, complete and incomplete compositions can be identified in the law enforcement activities of the court.

Such a gradation additionally makes it possible to justify the need to reflect in the judicial act the motives for rejecting arguments with references to normative legal acts that are not relevant to the substance of the dispute. Moreover, the legal analysis carried out for this purpose can reveal interpretative aspects of norms that would not be clear when “concealment” inadmissible arguments.

The Commercial Procedure Code of the Russian Federation in Chapters 20, 21 contains requirements for the procedure for issuing decision and rulings, and the content of decisions and rulings that “are legal facts that give rise to certain legal consequences”.⁹⁴ Such requirements do not exclude our conclusion that it is to reflect in judicial acts the results of the incomplete composition of law enforcement activity in relation to international treaties.

Unfortunately, the heaviest workload of the judicial system often leads to the fact that the judicial act does not contain indications of the party's arguments with reference to international treaties and their motivated rejection. This often becomes the reason for appealing such acts to higher courts, which are actually forced to perform the work of the court of first instance in rejecting the arguments of the statement of claim or the statement of defence, duplicated in the appeal or cassation complaint.

⁹⁴ Theory of State and Law / Textbook. M.N. Marchenko (ed.). P. 792.

CHAPTER TWO
THE SPECIFICITY OF INTERNATIONAL AND INTERNATIONAL
CONCEPTUAL LEGAL FRAMEWORK FOR APPLICATION OF NORMS
OF INTERNATIONAL TREATIES IN THE RUSSIAN COMMERCIAL
COURT SYSTEM

2.1. The legal grounds and the problems of the application of the international treaties in the commercial proceedings Russia.

Commercial proceedings, as a form of civil proceedings, is one of the forms of exercising judicial power in the Russian Federation. Cases arising from administrative and other public legal relations, which, along with civil ones, fall within the competence of commercial courts, are considered in the order of the civil procedure.

The Constitution and other legal acts of the Russian Federation direct commercial courts to administer justice by applying not only the norms of the Constitution and federal laws, but also international generally recognized and contractual principles and norms. This follows, in particular, from the requirements of the Federal Constitutional Law On the Judicial System of the Russian Federation, FKZ On Arbitration Courts of the Russian Federation, the AIC of the Russian Federation, the Federal Law On Enforcement Proceedings, and the Law on the International Commercial Arbitration Court.

Carrying out an authoritative function on behalf of the state, commercial courts become eligible for the application of universally recognized and treaty norms of international law included by the established procedure in the legal system of Russia. As L.N. Galenskaya fairly notes, part 4 of Article 15 of the Constitution of the Russian Federation means that “at present the commercial courts are obliged to apply the norms of international law”.⁹⁵ This legal duty is conditioned by a complex of legal grounds for the implementation of the relevant norms and their subsequent application in the domestic legal system.

⁹⁵ Galenskaya L.N. Application of the norms of international treaties in arbitration practice // Journal of International Private Law. SPb., 1997. No. 3 (17). P. 3.

In the most general form, the legal grounds for applying the norms of international treaties can be divided into law and factual ones.

The law grounds. The qualification of an act as a normative legal one with its inherent legal force, as well as contained in it the legal norms aimed at the settlement of the relevant legal relations - are law grounds.

The complex of legal law grounds can be represented as follows.

Legal grounds of an international character: the basic principles of international law, international treaties, international customs, individual decisions of international authorities.

The main principles of the national law, constitutional provisions, the norms of other sources of Russian law in their hierarchical sequence and the leading explanations of the highest judicial instances, as well as legal culture and legal awareness, are the legal grounds of a national character.

In addition to them, one more legal fact can be called - the existence of a legal dispute between the parties, i.e. situation, when the object and the subject of disagreements have been determined and the issue has been resolved to the competent authority. In order to resolve the issue of the jurisdiction of the dispute, the commercial court must decide whether the dispute complies with the requirements set by the procedural law for referring it to the competence of commercial courts. The last law fact is special in relation to arbitration proceedings.

Factual grounds are a combination of legal facts aimed at implementing all domestic procedures for the introduction of international treaties into the legal system of Russia and their subsequent judicial enforcement.

It should be noted that all the grounds are closely interrelated, complementary and interact with each other.

Arbitration proceedings have specific features that manifest themselves in the entire complex of both law and factual grounds for the application of the norms of international treaties, giving rise to a number of problems.

As known, the commercial court is obliged to be guided by the rules of procedural law, which regulate the procedures for the administration of justice, in the

process of law enforcement activity. Today such norms are contained not only in national procedural normative acts, but also in international acts. However, in this case, the issue is not just in the content of the procedural rules, but also in the fact that arbitration courts are law-enforcement authorities, which should be guided by the legal norms, which are increasingly being enshrined in international law. Therefore, the exact application by courts of the norms of international treaties is intended to fulfill an important state function - to formulate the judicial practice of the fulfillment by Russia of its international legal obligations.

It should also be recognized that modern judicial proceedings are not provided in due measure with effective mechanisms (both international and national) for applying the norms of international treaties and the generally accepted practice of its consideration. There is no institute of prejudicial inquiry, it is not possible to ensure timely receipt of a qualified explanation of the procedure for the application of specific rules of international treaties in the conditions of observance of procedural deadlines.

One of the problems is the significant gaps in the Russian legislation, which is aimed at resolving domestic enforcement procedures of international treaty obligations.

The purpose of the commercial (as well as any other) legal proceedings should not be to harmonize Russian and international law, but to ensure their mutually beneficial cooperation and compliance with regulatory requirements. Judicial authorities can smooth out existing conflicts between the norms of the two legal systems through legally correct application.

Difficulties are manifested both in the application of the norms of Russian law, and in the application of the norms of international treaties in case of need. However, with regard to domestic law, the state has the ability to quickly respond and use flexible mechanisms to eliminate inaccuracies or gaps (for example, by explaining from the highest judicial instances, generalizing the practice, receiving explanations from the official of the authority that issued the regulatory act, etc.). Such mechanisms are actively used in the judicial system. But with regard to the norms of

international treaties, they are much more time consuming and procedurally complex, because they require not just an authoritative prescription, decorated in the proper form, but often require coordination of the will of various subjects of international law, which are equal. It is practically possible to formally interpret the rules of international treaty, but practice shows that in some cases it is carried out without taking into account the relevant conceptual developments.

An analysis of the legal grounds for applying the norms of international treaties can help to formulate common goals and objectives during the law enforcement process, as well as guidelines for the state in the area of enforcement of obligations arising from international treaties.

2.2. International legal grounds for applying the norms of international treaties in the commercial proceedings in Russia

As mentioned in the previous paragraph, the international legal grounds for the application by Russian courts of international norms are the basic principles of international law, international treaties, international customs, individual decisions of international authorities.

Grounds for applying the basic principles of international law. The Plenum of the SC of the RF has repeatedly pointed to the necessity and the possibility of the application of principles of international law by the courts. Thus, according to the well-known Resolution of the Plenum No. 5 of 10.10.2003 "On certain issues arising in the examination of cases on applications of prosecutors on the recognition of legal acts as inconsistent with the law", courts are required to apply the basic principles of international law, under which the Supreme Court in paragraph 1 of the Resolution understands the "fundamental imperative norms of international law adopted and recognized by the international community of states as a whole, the deviation from which is unacceptable".

Among such principles, the the SC of the RF include, in particular, the principle of the conscientious compliance with international obligations - *pacta sunt servanda*. This is a fundamental principle of international law, which is a rule of *jus cogens*, because it contains a mandatory prescription and is universally recognized. Art. 26 "*Pacta sunt servanda*" 1969 Vienna Convention states: "Every treaty in force is binding on its members and must be performed by them in good faith."

Good faith implementation of treaty obligations "is central to the whole concept of *pacta sunt servanda*"⁹⁶ and suggests: fair use rights set forth in the contract; fair interpretation of the contract; exclusion of unreasonable refusal from the contract.⁹⁷

Final Act of the Helsinki Conference 1975 provides a more detailed interpretation of this principle: States parties must conscientiously fulfill their

⁹⁶ Elias T. *The Modern Law of Treaties*. N.Y., 1974. P. 41.

⁹⁷ Zakharova N.V. *Fulfillment of obligations arising from an international treaty*. M., 1987. P. 101-103.

international obligations arising from the basic principles and norms of international law and international treaties; should exercise their sovereign rights, including the establishment of laws and administrative rules, aligning them with their obligations under international law.⁹⁸

Thus, only the rules of the treaties, which are consistent with international law, to be faithful implementation.

By art. 27 of the Vienna Convention, 1969 it is established that the party cannot refer to the provisions of its domestic law as an excuse for its failure to comply with the contract. This rule is valid without prejudice to Art. 46, enshrining the provisions of domestic law, relating to the competence to the conclusion of a treaty.

In the course of the analysis of the norms of international law about the impossibility for the state with reference to the norms of its internal law to evade responsibility for non-compliance with international obligations, V.S. Ivanenko points to the essential provisions of separate acts, which became the basis of the relevant norms of the Vienna Convention, 1969. Thus, in the draft Declaration on the Rights and Obligations of States, developed by the International Law Commission of the United Nations in 1949, «the provision under review is worded very clearly and precisely: «Every State has the duty to fulfill in good faith its obligations arising from treaties and other sources of international law, and may not invoke the provisions of its constitution or its laws as an excuse failure to perform this duty» (Atc. 13), at the same time, states should be guided by the principle that «the sovereignty of each state is subordinated to the supremacy of international law».⁹⁹

Such a concept cannot have a negative impact on the existence of other principles, such as the principles of sovereign equality and non-interference in the internal affairs of states. The principle of sovereign equality, according to the Declaration of Principles of International Law of 1970, indicates that all states are

⁹⁸ Final Act of the Helsinki Conference, 1975 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

⁹⁹ Ivanenko V.S. International treaties, the Constitution and the legal system of the Russian Federation: the evolution of the relationship and trends of interaction. P. 32.

sovereignly equal, have the same rights and obligations and must fulfill international obligations in good faith.¹⁰⁰

It should be noted that other international principles may be the legal basis for the application of international treaties. For example, in connection with Russia's accession to the Convention on the Protection of Human Rights of 1950 in the Information Letter No. C1-7/SMP-1341 dated December 20, 1999, the Supreme Commercial Court of the Russian Federation noted that "the courts should take into account the principles used by the European Court of Human Rights in protecting property rights in the administration of justice in the commercial courts of the Russian Federation".¹⁰¹ The obligations of the state to fulfill by its state bodies, including commercial courts, international obligations undertaken by it do not indicate external interference in their competence and violation of the international legal principle of non-interference in the internal affairs of states

Grounds for the application of international treaties. The whole system of international treaty law is aimed at the fulfillment in good faith by States of its obligations under international treaties both in interstate and domestic spheres.

The basic international legal basis for the application of rules of treaties by commercial courts is, of course, the Vienna Convention 1969. The Convention, in its Part III "Compliance, application and interpretation of treaties", enshrines the fundamental imperative rules regarding the actions of states and their jurisdictional bodies on the observance, execution, use and application of the norms of international treaties.

The Russian state, like any other state, voluntarily:

- enters into international relations and participates in them,
- expresses his will in the formation of the norms of international treaties,
- takes obligations to implement international treaties.

¹⁰⁰ Declaration of Principles of International Law of 1970 // Current international law: in 2 volumes. V. 1.- M., 1996. p. 65-73.

¹⁰¹ Information Letter by Supreme Commercial Court of the Russian Federation dated December 20, 1999 No. C1-7/SMP-1341 // Bulletin of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation. 2000. № 2. P. 93 - 96.

Acting as a sovereign participant in international legal relations, the Russian state agrees with the following positions:

- obligatory norms of international treaties contain not only his will, but also the will of other member states;

- the introduction of international treaty norms in the national legal system, previously agreed with its participation or on the binding nature of which it has given consent, cannot and should not be qualified as external interference in its internal affairs.¹⁰²

At present, the Russian Federation is a party to a huge number of multilateral and bilateral international treaties.

Many of these treaties were originally signed and ratified during the period of the Russian Empire and the Soviet Union, but they continue to operate on the territory of the Russian Federation by virtue of the legal institution of contractual duration.

Russia fulfills obligations under a number of multilateral treaties with respect to more than 100 states. The most significant of these treaties containing procedural rules include the following:

- The Hague Convention on civil procedure of 1954 (USSR acceded to the Convention by a note of the USSR Ministry of Foreign Affairs dated September 17, 1966);¹⁰³

- The Hague Convention on the service abroad of judicial and extrajudicial documents in civil and commercial matters of 1965 (Russia acceded to the Convention in accordance with Federal Law No. 10-FZ of February 12, 2001);¹⁰⁴

- The Hague Convention on the acquisition of evidence in civil and commercial matters in 1970 (Russia acceded to this Convention in accordance with Federal Law No. 11-Φ3 of February 12, 2001);¹⁰⁵

¹⁰² For more on this, see: Krivoruchko O.A. Problematic questions of the grounds for application of international treaties by commercial courts of the Russian Federation // Eurasian Law Journal, 2014. № 9 (76). Pp. 86-91.

¹⁰³ The Hague Convention on Civil Procedure of 1954 // Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Issue XXV. M., 1972. Pp. 136-144.

¹⁰⁴ The Hague Convention on the service abroad of judicial and extrajudicial documents in civil and commercial matters of 1965 // Collection of the RF legislation. December 13, 2004 No. 50. Art. 4951.

- United Nations Convention on the recognition and enforcement of foreign arbitration decisions of 1958 (ratified by the USSR of August 10, 1960);¹⁰⁶
- Convention abolishing the requirement to legalize foreign official documents of 1961 (USSR acceded to the Convention in accordance with the Decree of the Supreme Council of the USSR of April 17, 1991 No. 2119-I).¹⁰⁷

Within the framework of the CIS, an Agreement on the procedure for the settlement of disputes relating to the conduct of business activities, 1992,¹⁰⁸ are important, Convention on legal assistance and legal relations in civil, family and criminal matters, 1993,¹⁰⁹ Convention on legal assistance and legal relations in civil, family and criminal matters, 2002.¹¹⁰

It should also be noted that in order to ensure the effective protection of rights in the sphere of property turn with the participation of foreign persons, international treaties of Russia with other states that determine the procedure for rendering mutual assistance in legal matters are important.

At the same time, in most cases the normative prescription about scope of application of international treaty in the legal system of a state is contained in the first articles of each specific act. For example, it is reflected in Art. 1 of the Agreement on the Procedure Settlement of Disputes relating to Carrying Out Economic Activity (ratified by the Resolution of the Supreme Soviet of the Russian Federation No. 3620-1 of 09.10.1992), in Art. 1 of the Convention Abolishing the Requirement of Legalisation for Foreign Public Documents (concluded in the city of The Hague on 10.05.1961, entered into force for Russia on 05.31.1992), Art. 1, 2 of the Convention

¹⁰⁵ The Hague Convention on the acquisition of evidence in civil and commercial matters in 1970 // International Private Law. Collection of documents. M., 1997. P. 737 - 744.

¹⁰⁶ United Nations Convention on the recognition and enforcement of foreign arbitration decisions of 1958 // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1960. No. 46. Art. 421.

¹⁰⁷ Convention abolishing the requirement to legalize foreign official documents of 1961 // Bulletin of international treaties. 1993. № 6.

¹⁰⁸ Agreement on the procedure for the settlement of disputes relating to the conduct of business activities, 1992 // International Private Law. Collection of documents, M.: Izd. BEK 1997. P. 911-914.

¹⁰⁹ Convention on legal assistance and legal relations in civil, family and criminal matters, 1993 // Journal of International Private Law. 1996. № 3 (13).

¹¹⁰ Convention on Legal assistance and legal relations in civil, family and criminal matters, 2002 // Commonwealth. Information Bulletin of the Council of Heads of State and the Council of Heads of Government of the CIS. No. 2 (41). Pp. 82 - 130.

for the unification of certain rules for international carriage by air (concluded in Montreal 05.28.1999).¹¹¹

Reasons for the application of international customs. The legal basis for the application of international treaties in the activities of commercial courts may also be international legal custom.

The preamble of the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties states that the States Parties to this Convention confirm that “the rules of international customary law still will regulate issues that have not been resolved in the provisions of this Convention”.

One of the participants in the development of the Vienna Convention A.N. Talalaev commenting on these provisions, emphasizes their fundamental importance. In his opinion, the preamble “proceeds from the fact that no matter how wide the scope of the law of treaties by the Convention, it does not solve all questions of conventional law. For example, it does not regulate the ways of ensuring the implementation of international treaties, the procedure for their signing and initialing” and others.¹¹²

Art. 38 of the Statute of the International Court of Justice of the United Nations defines international custom "as evidence of universal practice, recognized as a rule of law".

The specificity of international custom is that, unlike the international treaty, it is not a document with clearly expressed formulations of rules. These rules may be reflected in government statements, in foreign policy documents of states, in diplomatic correspondence, thereby acquiring legal outlines, although not as formalized as international treaties. In view of this, understanding the content of international custom for commercial courts is more complex and controversial than similar activities in relation with international treaties.

We also note that in connection with the intensive processes of codification of international law, some of the customs are fixed in international treaties. For

¹¹¹ Convention for the unification of certain rules for international carriage by air (concluded in Montreal 05.28.1999)// Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

¹¹² Talalaev A.N. Vienna Convention on the Law of Treaties. P. 8.

example, the principle of *pacta sunt servanda*, which previously existed as an international legal custom, was enshrined in Art. 26 Vienna Convention, 1969. It is also important to keep in mind that the rule of customary law enshrined in the contract retains binding force for non-parties to the contract.¹¹³ In this case, according to Art. 38 of the Vienna Convention of 1969, articles 34-37 (regulate issues of treaties and third states) do not prevent the treaty provision to become mandatory for a third state as a customary norm of international law, recognized as such.

In the transition from custom to a treaty, a new source replaces the old one only for the states participating in the treaty. In this connection, situations are typical when both sources of an international treaty and international custom are applied on the same issue, but each applies to a specific group of states.

Custom acquires a legal meaning as a result of homogeneous or identical actions by states and the express intention to give such actions a normative value expressed by them in a definite way. Repeatability makes an application of international custom in sustainable practices.¹¹⁴

In this connection, it is necessary to take into account the feature of arbitration proceedings noted above. It lies in the fact that the factual circumstances of the case are established, first of all, on the basis of written evidence, which is the carrier of the written information on the merits of the dispute. At the same time, the legal qualification of the circumstances of the case is connected not only with the establishment of facts, but also with their interpretation in relation to specific rules of law. Consequently, given the substantial formalism in the document flow, custom, as an unwritten source of law, can create additional difficulties in interpretation and qualification.

Along with this, often the legal custom in international practice was formed in the sphere of commodity-money relations. Historically, the relations of subjects of different nationality demanded a unified settlement in this particular area. In the field

¹¹³ See about this: Movchan A.P. Codification and progressive development of international law. M., 1972. P. 27; Aleksidze L.A. Some questions of the theory of international law: Imperative norms. Jus cogens Tbilisi, 1982. P. 177.

¹¹⁴ See, for example: Tirskikh M.G., Chernyak L.Yu. International legal custom: the concept and signs // Siberian legal Gazette. № 2. Irkutsk, 2014. Pp. 89 - 97.

of trade, the practice of repeatedly mutually beneficial behavior of the parties was formed, on the basis of which the customs were formed. And it is precisely such socio-economic relations that often become the subject of research by commercial courts. Moreover, first of all, in Russian law, civil law relations, which are the sphere of all disputes in commercial courts, operate with such a category of sources of law as custom.

If the resolution of a dispute must be carried out through an international treaty norm, in view of the usual practice of such a resolution, the commercial court of Russia faces a rather complicated and not quite familiar activity in finding such a custom and its application.¹¹⁵

It is necessary to distinguish an international custom from usage, which should not be viewed as an established norm of a customary character, but rather as a stage in the formation of an international legal custom. According to T.N. Neshataeva, "only the rule of conduct is present in the custom, but the legal obligation of this rule has not been formed".¹¹⁶ The very fine line between custom and usage does not diminish, and often can exacerbate, the difficulties of legal proceedings.

Compliance with international treaty norms in the field of arbitration proceedings - an important guarantee of the rule of law in disputes.¹¹⁷

On the basis of the foregoing, it can be summarized that the application of international treaties by commercial courts is a complex process within the framework of Russia's general implementation of the norms of international law. In this regard, the issues of such application become urgent for arbitration courts and require doctrinal elaboration, clearly articulated practical guidelines. It is necessary to provide judges with the opportunity to seek qualified assistance from the scientific community, its representatives and the Supreme Court, in case of doubts regarding the procedure for applying the norms of an international treaty. After all, it is the

¹¹⁵ The issues of international custom, the order of regulation of the public relations by it and its application by national judicial bodies are require special study.

¹¹⁶ Neshataeva T.N. Commercial courts and some issues of application of international law in the Russian Federation // Russian Yearbook of International Law. 1998 - 1999. SPb., 1999. P. 230.

¹¹⁷ See about this: Vinnikova R.V. Implementation of international law in the commercial process of the Russian Federation. Dis. ... Ph.D. Kazan, 2003. 170 p.

function of this judicial body to summarize judicial practice, prepare, on the basis of such activities, explanations on the application of the law, which, in essence, is an interpretative process that is official in the framework of the national legal system.

The above international legal grounds are also grounds for the adaptation of the Russian law enforcer to the process of applying the norms of international treaties. No actions / inactions of subjects of national law should not conflict with these fundamentals, despite the freedom of the state to choose the means and methods of ensuring the fulfillment of international obligations within the country.

Grounds for applying decisions of international bodies. An increasing role in the implementation of arbitration justice is played by decisions of international bodies, primarily judgments of the European Court of Human Rights, made in specific cases.

The Federal Law of March 30, 1998 “On Ratification of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms” contains a declaration of recognition as binding on the Russian Federation to both the jurisdiction of the European Court and the decisions of this court.

The decisions of the ECHR expressed its legal position on the interpretation and application of the European Convention, which is of crucial importance for the arbitration courts of Russia. At the same time, not only decisions that were made in cases against Russia, but also decisions against other states are important, because of the judgments of the Court are standard-setting interpretations of the Convention.

2.3. Russian domestic legal grounds for the application of the norms of international treaties in commercial proceedings

Of course, for Russian commercial courts the basic legal basis for the application of the norms of international treaties is part 4 of art. 15 of the Constitution of the Russian Federation.

Constitutional grounds for the application of international treaties. The provisions of part 4. art. 15 of the Constitution provided legal registration of international treaties in the legal system of Russia. On the basis of these provisions, international treaties of the Russian Federation have become an integral part of its legal system; moreover, if an international treaty of the Russian Federation establishes other rules than are provided for by Russian law, then the rules of the treaty shall apply.

It is important to note that a number of other provisions of the Constitution, especially the norms Ch. 2 "The rights and freedoms of man and citizen" can be basis of application of international agreements in the arbitration proceedings.

In general, the norms of the Constitution of the Russian Federation "are the conceptual basis of the arbitration law of procedure, which determines the strategy for its development and application".¹¹⁸ Moreover, "in the system of sources of arbitration procedural law, the Constitution lays the foundations of a hierarchy ..., determines the main vectors of development of sectoral legislation and fills gaps in the law".¹¹⁹

As noted V.T. Kabyshev and V.S. Khizhnyak, "the constitution does not simply declare the intentions of states with regard to international treaties, but also defines the responsibilities of state bodies for the implementation of their provisions and the oversight of implementation".¹²⁰

¹¹⁸ Nikolaev A.V. The influence of the Constitution of the Russian Federation on the formation and development of arbitration law of procedure. Author. dis. ... Ph.D. Saratov, 2013. P. 8.

¹¹⁹ Ibid.

¹²⁰ Kabyshev V.T., Khizhnyak V.S. Russian constitutionalism and the norms of international law and international treaties in the practice of constitutional justice: materials of the All-Russian Conference (Moscow, December 24, 2002) // Ed. M.A. Mityukova. M., 2004. P. 137 // Cit. by: Tiunov O.I., Kashirkina A.A., Morozov A.N. Decree. cit. P. 71.

By virtue of the foregoing, it can be concluded that the Constitution of Russia is the primary domestic basis for the application of the norms of international treaties in arbitration proceedings.

However, it is important to note the following: for arbitration proceedings, as well as in general for the entire judicial system of the Russian Federation, the lack of unity in understanding the relationship and hierarchy of the norms of the Constitution and the norms of international treaties of Russia creates significant difficulties.

Based on the analysis of part 4 of art. 15 of the Constitution, scientists often make polar conclusions: some believe that for the first time in the history of Russia, it establishes the primacy of international treaties over domestic sources of law (the Constitution, federal laws),¹²¹ others recognize the supremacy of the Constitution in the system of sources of law of the Russian Federation and give to the international treaties a place after the laws in the hierarchy of sources of law.¹²²

As a justification of the latter point of view, the authors use the link to Part 1 of Art. 15 of the Constitution, according to which it has the highest legal force, direct effect and it is applied throughout the territory of Russia; adopted laws and other legal acts should not contradict it.

However, V.S. Ivanenko came to the well-founded conclusion that the Constitution “does not and cannot extend its legal supremacy to the norms of international and foreign law allowed in the prescribed manner to the legal system of Russia”, since international treaties “as other legal acts systems are not in a subordinate position to the Constitution”.¹²³

¹²¹ See, for example: Law and Politics of Modern Russia. Ed. N.V. Varlamova, E.A. Lukasheva, G.V. Maltsev and others. M., 1996. P.135-136.

¹²² See, for example: Ivanov S.A. Application of ILO conventions in Russia during the transition period // State and law. M., 1994. No. 8. P. 72; Lukashuk I.I. Norms of international law in the legal system of Russia. P. 37; Osminin B.I. Adoption and implementation of international treaty obligations by States. P. 346; Talalaev A.N. The ratio of international and domestic law and the Constitution of the Russian Federation // Moscow Journal of International Law. M., 1994. No. 4. Pp. 13-14; Topornin B.N. The system of sources of law: development trends // Judicial practice as a source of law. Auth. Col.: B.N. Topornin, E. Serverin, K. Gunter, et al. M., 2000. P. 27; Usenko E.T. Relationship and interaction of international and national law and the Russian Constitution. P.17-20.

¹²³ Ivanenko V.S. International treaties and the Constitution in the Russian legal system: “the war of supremacy” or peaceful interaction? P. 152 - 153.

The systematic interpretation of the provisions of the Constitution shows that international treaties are excluded from the composition of normative legal acts that are subordinate to it.

According to Part 6 of Art. 125 of the Constitution, “international treaties of the Russian Federation that do not comply with the Constitution of the Russian Federation are not subject to entry into force and application”.

International treaties are highlighted in a separate proposal, under the terms of which, in order to ensure law and order and legality in the legal system, before entering into it, international treaties must be checked for their compliance with constitutional norms.

The federal legislator supports the position of the Constitutional Court about the supremacy of the Constitution in the system of national law. This, however, does not exclude the existence of the point of view that there are two legal supremacy in the Russian legal system: the territorial-legal supremacy of the norms of the Constitution, and the normative-legal supremacy of international treaties of Russia.¹²⁴

Legislative regulation of the application of international treaties. The Constitution establishes the basic standards for the implementation of international treaties by state authorities. In addition to the Constitution, laws and subordinate legislation are of great importance to ensure the implementation of international treaties: federal laws, codes, decrees of the President and Government resolutions, acts of ministries and departments.

The above constitutional foundations of the law-enforcement activities of commercial courts are specified in acts of federal legislation, including legislation that establishes the foundations of the judicial system of the Russian Federation. So, according to Art. 3 FKZ "On the judicial system of the Russian Federation" the unity of the judicial system of the Russian Federation is ensured including by the application of the generally accepted principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation by all courts. Similar legal grounds

¹²⁴ Ivanenko V.S. International treaties, the Constitution and the legal system of the Russian Federation: the evolution of the relationship and trends of interaction. P. 34.

were also found in other laws: FKZ “On Commercial Courts of the RF”, FZ “On Enforcement Proceedings”, etc.

The legal basis for the application of the norms of international treaties are also enshrined in the sectoral procedural law - the APC of the RF (Part 3 Article 3), which is the basis for commercial courts.

Commercial procedural legislation provides the legal basis for the application of international law by commercial courts. It is important to note that the APC of the RF directly provides for the priority of applying only the treaty rules of international law.¹²⁵ This can be seen by referring to paragraph 3 of Art. 3 of the APC of the RF, according to which, if an international treaty of the Russian Federation establishes other rules of legal proceedings than those, which provided for by the legislation of the Russian Federation on legal proceedings in commercial courts, the rules of an international treaties apply. The procedural code for commercial courts is the newest act of their development history. The stability and elaboration of procedural law can be confirmed by the insignificant number of changes made during the period of action of the APC of the RF, 2002. Regarding the changes being made, it should be noted that the increase in their number in recent years (2015–2018) is due both to the reform of the judicial system of the Russian Federation and the desire to improve the procedural mechanisms for the consideration of jurisdictional disputes. At the same time, both the code, and the changes made to it brought the system of state courts of arbitration jurisdiction to a fundamentally new high level of administration of justice.

The possibility for commercial courts of Russia to apply the norms of international treaties is also provided by the Merchant Marine Code, the Air Code, the Federal Law “On Railway Transport in the Russian Federation”, etc.

The overwhelming majority of federal laws have fixed the position that in conflict situations the norms of international treaties have priority application. Similar rules are contained in Federal Laws “On Production Sharing Agreements” (Art. 24),

¹²⁵ Zimnenko B.L. *International Law in the Judicial Practice of Russia: Arbitration Proceedings // Russian Justice*. Moscow, 2004. No. 1. Access from the legal database “ConsultantPlus” (18.09.2018).

“On Protection of Competition” (Part 3, Art. 2), “On Concession Agreements (Part 2, Art. 2), etc.

Finally, the most important act of Russian legislation in this issue is the Federal Law "On International Treaties of the Russian Federation." The law is based both on the provisions of the Constitution and on the generally recognized principles and norms of international treaty law, as reflected in the Vienna Conventions on the Law of International Treaties with the participation of states (1969) and with the participation of international organizations (1986).¹²⁶

The provisions contained in this Law are aimed, among other things, so that any of the commercial courts may apply international treaties when considering economic disputes involving both Russian and foreign participants: firms, companies and other organizations.

The legal grounds for the application of the norms of international treaties can also include a number of subordinate legislations. These acts govern procedural issues, which, in turn, would be fair to call the terms of the operation of international treaties in the Russian legal system, to which we turn in the next chapter. Among them are, for example, the Decree of the President of the Russian Federation of 11.01.1993 No. 11 “On the procedure for publishing international treaties of the Russian Federation”,¹²⁷ Order of the President of the RF of 08.09.1994 No. 458-rp “On the procedure in accordance with which copies of official texts of international treaties are certified by the federal executive bodies”¹²⁸ and the corresponding Letter of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation of 11.17.1994 No.

¹²⁶ See about this: Konyukhova I.A. International and constitutional law: theory and practice of interaction. M., 2006. P. 255.

¹²⁷ Original edition: Meeting of acts of the President and the Government of the Russian Federation. 01.18.1993, No. 3. P. 182. Edition of 12.01.1995; access from the legal database “ConsultantPlus” (18.09.2018).

¹²⁸ Order of the President of the RF of 08.09.1994 No. 458-rp “On the procedure in accordance with which copies of official texts of international treaties are certified by the federal executive bodies” // SZ RF. 09.12.1994. No. 20. P. 2269.

3633,¹²⁹ Presidential Decree of 12.07.2012 No. 970 “On the official publication of temporarily applied international treaties of the Russian Federation”.¹³⁰

The basic principles of domestic law. As a legal basis for the application of the norms of international treaties within the legal system of Russia, it is also necessary to mention the basic principles of domestic law, in particular, the principles of arbitration proceedings, such as: the principle of legality, a combination of sole and collective consideration of cases, publicity of court proceedings, discretion, adversary proceedings, equality of the parties, a combination of oral and written language, immediacy.

All these principles are a natural continuation of the principles of international law, previously laid by us in the international legal framework of application.

Legal positions of the highest judicial bodies of the Russian Federation. For the purposes of this study, we consider it necessary to single out among other domestic legal grounds for the application of the norms of international treaties one more specific to legal proceedings: leading explanations and recommendations of the highest judicial instances. This basis has a significant advantage over others - it is designed to be more operational than the publication of regulations.

The decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Commercial Court of the Russian Federation that has ceased its activities (the main legal positions of which are reflected in its decisions continue to operate) reflect many important provisions that play a significant role in ensuring the proper application of international treaty rules by arbitration courts.

These decisions dealt with both general and specific issues of the application of international treaties.

A significant role in determining the general legal basis and procedure for the interpretation and application of the substantive and procedural rules of international

¹²⁹ Letter of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation of 11.17.1994 No. 3633 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

¹³⁰ Presidential Decree dated 12.07.2012 No. 970 “On the official publication of temporarily applied international treaties of the Russian Federation” // Official Internet portal of legal information, URL: <http://www.pravo.gov.ru> (application date 18.09.2018); SZ of the RF. 16.07.2012. No. 29. P. 4069.

treaties was performed at one time by the Supreme Commercial Court of the Russian Federation.

Thus, the Plenum of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation on June 11, 1999 adopted the widely known Resolution No. 11 “On the effect of international treaties of the Russian Federation in relation to the issues of the commercial process”, which has not lost its significance at the present time. In this resolution, the Supreme Commercial Court of the Russian Federation clarified the principles of interpretation of international treaties of Russia to lower arbitration courts on the relationship between bilateral and multilateral international treaties; on the procedure for the official publication of international treaties; on the ratio of international treaties and the APC of the RF on the competence of commercial courts; on payment of state duty when applying to the court; on the procedure for sending instructions of commercial courts to commit certain legal proceedings in foreign states; procedural deadlines; about legalization; on establishing the status of a foreign person participating in the commercial process; on the execution of instructions of the courts of a foreign state and the execution of a court order of an commercial court in a court of a foreign state.

In this Resolution, the Supreme Commercial Court of the Russian Federation to substantiate and confirm its legal positions turned to the content of a number of international treaties of Russia: the Vienna Convention on the Law of International Treaties, 1969; European Convention on International Commercial Arbitration, 1961; Convention abolishing the requirements for the legalization of foreign official documents, 1961; Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Cases, 1993; Agreement on the Resolution of Disputes Related to the Implementation of Economic Activities, 1992; The agreement on the size of the state duty and the procedure for its collection when considering economic disputes between business entities of different states, 1993.

However, the aforementioned resolution of 1999 “On the effect of international treaties of the Russian Federation in relation to issues of the arbitration process” was amended by the Supreme Court of the Russian Federation in 2017. According to

paragraph 53 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.06.2017 No. 23 “On consideration by commercial courts of cases on economic disputes arising from relations complicated by a foreign element”,¹³¹ in connection with the adoption of this Resolution, par. 1 of point. 1, par. 1 of point 3, points 5 - 7, 16 - 32 of Resolution № 8 of 11.06.1999 were not considered to be applicable.

The Resolution No. 23, as follows from its preamble, for the purpose of resolving disputes complicated by a foreign element, clarified the institutions of justice, which are “a necessary condition for a fair justice”: about the competence of arbitration courts of Russia to resolve such disputes, about the legal status of participants in the process, about the procedure for considering cases,¹³² on applicable law. The provisions excluded from Resolution No. 8 are reflected in a more common form in the new decision, conceptually the approaches have not changed, the explanations are now more widespread and more systematically set forth, for example, it can be argued about the mechanism of legal assistance, about sending judicial notices about the appointed hearing: key international treaties in this field are listed with a brief description of their principles of procedure.

Important for the activities of arbitration courts is the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.10.2003 No. 5 “On the application by courts of general jurisdiction of generally accepted principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation”. Even before the consolidation of the highest judicial instances, the explanatory information in the Resolution, despite the fact that they were addressed to the courts of general jurisdiction, found application in the practice of commercial courts, which fit into the

¹³¹ The Resolution of the Plenum of Supreme Court of the RF dated 27.06.2017 No. 23 “Concerning consideration of cases by Commercial Courts on the economic disputes, arising from the relations with complications due to a foreign element” // *Rossiyskaya Gazeta*, No. 144, 04.07.2017.

¹³² T.N. Neshataeva relates to the international civil process questions the jurisdiction of disputes with a foreign element, the procedure for establishing the content of a foreign law, the procedure for executing court orders, etc., stating that they are resolved in Russia also by arbitration courts // Neshataeva T.N., Pavlova N.V., Strazhenetsky V.V, Sharamova G.I., Shebanova N.A. Commentary to the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 11.06.1999 No. 8 “ On the effect of international treaties of the Russian Federation in relation to issues of the arbitration process” // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 1999. No. 8. Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

principle of the unity of the judicial system and did not contradict the principle of legality of decisions taken.

In addition, the higher courts of Russia worked out common legal positions, which they reflected in joint decisions. So, for example, in a joint Resolution of Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Commercial Court of the Russian Federation dated 04.12.2000 № 33/44 “On some issues of the practice of resolving disputes related to the circulation of bills” attention of the courts to the fact that when considering disputes related to the circulation of bills of exchange, they should take into account, in addition to domestic regulations, the international obligations of the Russian Federation arising from its participation in the Convention establishing the Uniform Law on the Bill of Exchange and Promissory Notes, and the Convention to resolve some conflicts of laws on transfer and promissory notes (Geneva, 07.06.1930).¹³³

With the consolidation of higher courts, the functions of summarizing judicial practice, interpretation and clarification are concentrated in the Supreme Court of the Russian Federation and are reflected in the resolutions of the Plenum and in reviews of judicial practice.

As noted V.F. Yakovlev, among the acts of interpretation of the norms of law, the explanations given in the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation have the greatest legal weight, since they have a constitutional basis in the form of the norms of art. 126 of the Constitution, as well as being adopted by the full complement of judges of the highest court on the basis of generalization of the practice of all lower courts and after careful study, taking into account positions and representatives of science.¹³⁴

Separately, it is necessary to single out reviews of the judicial practice of resolution by courts of certain categories of cases. This form of activity of the highest court allows for the prompt, purposeful and detailed identification and even

¹³³ The Resolution of Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Commercial Court of the Russian Federation dated 04.12.2000 № 33/44 “On some issues of the practice of resolving disputes related to the circulation of bills” // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

¹³⁴ Yakovlev V.F. Rule of law: questions of formation // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

elimination of possible non-compliant national and international law conclusions of the courts. In particular, a significant amount and substantial significance can be noted, emphasizing the remaining problems in the field under study, the review of the practice of resolving disputes related to the protection of foreign investors by the courts, approved by the Presidium of the Supreme Court of the RF on 12.07.2017.¹³⁵

Information letters sent by higher courts to lower courts are also important. So, for example, the information letter of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation dated 20.12.1999 No. C1-7/SMP-1341 “On the main provisions applied by the European Court of Human Rights in protecting property rights and the right to justice” draws the attention of lower courts of Russia to the fact that with Russia's accession to the jurisdiction of the European Court of Human Rights, Russian judicial mechanisms for monitoring compliance with the property rights of participants in economic transactions in the Russian Federation received support in the form of international judicial control. This means that the competence of commercial courts for the consideration of property disputes and the European Court of Justice for the consideration of complaints of violation of property rights are interrelated.

The link is based on the need to solve a single task of international and domestic legal proceedings - the protection of property rights of individuals with proper public order, which follows from Article 6 of the European Convention, Article 1 of Protocol 1 to this Convention».¹³⁶

To one of the domestic legal grounds for the application of the norms of international treaties in arbitration proceedings, it is necessary to include such a category as legal awareness. We believe that the individual legal awareness of the judge, the inner conviction that forms in each case the result of the dispute resolution, the basis of the decision made on the case, in modern conditions are a significant driving factor for the progressive development of the practice of applying the norms of international treaties of the Russian Federation by the commercial courts of Russia.

¹³⁵ The Review of the practice of resolving disputes related to the protection of foreign investors by the courts, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 12.07.2017 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

¹³⁶ URL: http://sudbiblioteka.ru/as/text1/vassud_big_3620.htm (application date 28.05.2018).

In the aggregate, the domestic legal framework for the application of international treaties of the Russian Federation should be aimed at stricter and more precise formulation and consolidation of the rules for such application.

The analysis of the law enforcement practice of the commercial courts of Russia shows that the root cause of problems in the application of the norms of international treaties of the Russian Federation are the existing gaps in the domestic legal grounds for such use, as well as contradictions (collisions), which will be discussed in the next paragraph.

CHAPTER THREE
STATUS AND PROBLEMS OF APPLICATION OF THE NORMS OF
INTERNATIONAL TREATIES
IN RUSSIAN COMMERCIAL PROCEEDINGS

3.1. The problems of application of procedural and material norms of international treaties by Russian commercial courts

In the beginning of 2000s, in the course of the analysis of the Commercial Procedural Code of the Russian Federation, accepted in 2002, there was an opinion stated in literature that “in the modern Commercial Procedural legislation ... the executor of law is mainly focused on the exercise of the national procedural rights even in cases of proceedings with foreign elements”.¹³⁷ Currently, the situation has changed. Following the statutory regulations in the Commercial Procedural law and the directives of supreme judicial authorities, the Commercial Courts of Russia started to actively participate in the process of exercising not only the norms of foreign law, but also the material and procedural rules, contained in the international treaties of the Russian Federation, which is confirmed by the such application during the recent years.

Commercial Procedural law contains direct regulation of the legislative body in regards to the norms of the procedural law about the application of international norms.

According to item 3, Article 3 of APC of the RF, if the international treaty of the RF defines other rules of proceedings than the rules, stipulated in the legislation of the RF regarding the proceedings in Commercial Courts, the rules of the international treaty shall be applied.

According to item 4 of Article 13 of APC of the RF, if the international treaty of the RF defines the rules other than the rules, stipulated in the law, the Commercial Court shall apply the rules of the international treaty.

In regards to this regulation, immediately after the adoption of the new procedural code, there had been expressed doubts on the matter of its precise and comprehensive nature. However, by means of the norm’s complex interpretation it has

¹³⁷ Ignatenko G.V., Fedorov I.V. Commercial Procedural Code of the Russian Federation in the international and legal sense: achievements and omissions // Journal of Russian law. M., 2003. No. 7. P. 27

been defined that "it refers to not the rules of proceedings, but the substantive regulations, defining the statutory content of the relevant subject of regulation"¹³⁸.

Such issue did not appear in the practice of the application of APC of the RF during the passed period. The title itself of the Article 13 – “Normative legal acts, applied at the trial” and the inclusion of the international treaties into the list of the indicated acts, clearly defines its content and allows to make the only reasonable conclusion regarding the interaction of the material regulations of the national and international law at the regulation of the specific disputable legal relations.

At the law enforcement, Russian Commercial Courts may follow the rules contained in international treaties of the RF to settle the procedural matters in the course of trial and to settle the material issues, i.e. on the merits of the dispute.

It is also reflected in the doctrine. For example, I.I. Lukashuk notes that “the court applies the norms, incorporated in the national law, but not [the international law] itself, it does it in the order, foreseen by the law of its state”¹³⁹.

Such statement may lead to at least two conclusions: firstly, the national authorities of law enforcement may apply only the norms of international treaties, included in the legal system of the state¹⁴⁰; secondly, the procedural matters are settled exclusively on the basis of the national law of the Court.

Some authors also put out the thesis that “the Court, investigating the economic disputes with the participation of foreign persons, acts within the national procedural legislation”.¹⁴¹

The Commercial Courts practice is evidence to the contrary.

Firstly, according to Article 13 of APC of the RF, in a case of necessity the Commercial Court applies namely the international treaty rules towards the investigated economic dispute. Certainly, only the norms of the international treaties, duly incorporated into the legal system of the country should be applied. However, as it has

¹³⁸ Lbid. 20-21 pp.

¹³⁹ Lukashuk I.I. International Law in the Courts of States. P. 103.

¹⁴⁰ As regards to this regulation, our somewhat different position is represented in Chapter One of the present investigation.

¹⁴¹ Efremov L. On the application of international treaties on mutual legal assistance in the work of commercial courts // Economy and Law. 1999. № 10. Pp. 102 - 103.

already been noted, such norms do not forfeit their international legal status and the necessity to observe the corresponding order of application in relation to them.

Secondly, in particular cases at the settlement of procedural matters the national court must follow the very norms of international treaties of the RF, and not the national procedural law. For instance, such situation may occur due to the differences in procedural settlement of the specific matter or the inability of the interstate procedural rule to foresee the current development of case consideration.¹⁴²

The reasoning of our position in regards to this matter may be supported by the explanations of Plenum of Supreme Court of the RF, represented in item 2 of the Resolution as on 27.06.2017 No. 23 “Concerning consideration of cases by Commercial Courts on the economic disputes, arising from the relations with complications due to a foreign element”: if the international treaty of the Russian Federation sets other rules of proceedings than the rules, foreseen by the legislation of the Russian Federation as regards to the court proceedings in Commercial Courts of the Russian Federation, the rules of the international treaty shall be applied (part 3 of Article 3 of APC of the RF, part 4 of Article 13 of APC of the RF); applying the rules of the court proceedings, defined by the norms of international treaties, the Commercial Court determines the functioning of these rules in time and extent, according to the chapter 2 of part 3 of Vienna Convention on the Law of Treaties.

These clarifications describe in particular the procedural norms of international treaties within Commercial Court proceedings, which shall be applied if their legal regulation differs from the legal regulation of the norms of the Commercial Court proceedings in Russia. In other words, in the case of congruence in these legal regulations, the Commercial Court may apply only the norms of the national procedural legislation, which supposedly shall not be considered as mistake. The word combination “the rules of court proceedings” with the purpose to define the procedural norms, has been used repeatedly, which emphasizes namely the outlined understanding of this item. In its own turn, the substantive norms of international treaties shall be applied by the Commercial Courts even in case of congruence of the legal regulations.

¹⁴² We intend to illustrate these statements in the following paragraphs.

Another important aspect of law enforcement practice of Commercial Courts is a complex nature of law enforcement acts (in relation to both - the substantive, as well as the procedural norms), despite sometimes a fairly brief and laconic summary of the reasons for judgement.

In this case the following statement, made by V.V. Gavrilov, may be considered as a disputable one. “Despite the fact that the norms of international treaties in the RF may create rights and duties of entities and persons, and may serve as a legal ground for law enforcement acts, it is hard to imagine in practice a situation, when the Russian court uses only the rules of some or other convention at delivering the judgment”¹⁴³.

The author did not take into account the peculiarity of the court proceedings, laying in the close interaction of norms of substantive and procedural law, which shall be applied by the Court. As a result, there has aroused confusion of notions due to their generalization.

This problem requires a systematic and institutional understanding of the law enforcement act of the Commercial Court in Russia.

Primarily, any law enforcement act is a product of the complex application of norms of substantive law. Secondly, any judicial act also combines the application of procedural norms with various purposes: it may be the norms on the estimation of the representative’s legal personality in the Commercial Court proceedings or on the interpretation of regulations of the applicable law together with the regulations of different normative acts to make a decision about the form of judicial act, the norms for procedural qualification of actions, performed by the party within the court session and the whole judicial court proceeding, also for the estimation of legal consequences of such actions, etc. Therefore, delivering any judicial act, the judge of the Commercial Court can not be limited to the application of one single national normative act.

At that, if the judicial act of the Commercial Court refers only to the regulations of APC of the RF, one should remember that the judge of the Commercial Court was governed by various standing orders at the very least while making a decision, and also

¹⁴³ Gavrilov V.V. Notion and interaction of the international and national legal systems. P. 191

by different subordinate acts or explanations of the highest courts. The similar applies to the norms of the substantive law.

In certain cases it may be observed that the accepted judicial act contains the general normative act, the norms of which make the key conclusion on the dispute (matter). Such normative act may be in regards to the substantial and procedural aspect of the matters, settled by the Court. For instance, as indicated further, to leave a dispute which is beyond the jurisdiction of Commercial Court of RF unsettled, it is possible to follow Articles 20-21 of the Convention on Legal Assistance and Legal Relations in civil, family and criminal cases, 1993¹⁴⁴. At that, defining the procedural factors such as the order of opening and closing of court session, the collective character of consideration of appeal petition and other matters, the Commercial Court will be governed by the national procedural legislation.

Moreover, the judge's decision, which forms the position on the considered dispute or matter, is a complex mental process that can not and shall not be fully set out in the judicial act due to the specific requirements to litigation documents and the lack of labor and time resources for making up one judicial act.

The specific character of Commercial Court proceedings should also be considered, mainly the official representatives of subjects of commercial activity. Therefore, the legal assessment of certain legal matters (relating to the general theory of law and its functioning, etc.) may be omitted at the presentation of statement of reasons of the judicial act, as it should be known and obvious to the qualified lawyer.

It shall not and does not influence the motivation of judicial acts of Commercial Courts of the RF. On the contrary, in the vast majority of cases, the judicial acts of Commercial Courts are notable for their precision, brevity, feasibility, consistency and the proper reflection of subject matter of the considered dispute in terms of the legal regulation.

¹⁴⁴ The detailed information: The Resolution of the Thirteenth Commercial Appellate Court dated 13.08.2012 case No. A56-58029/2011.

Let us refer to the regulatory base. The content requirements to law enforcement acts of the Commercial Courts of Russia are mainly indicated in Articles 170, 185, 271, 289 of APC of the RF.

In terms of the present investigation, it follows from the analysis of these legal norms that:

Firstly. Item 3 of Article 170 of APC of the RF (“Content of decision”) foresees that the descriptive part of the decision shall contain the brief summary of the stated claims and objections, explanations, applications and solicitations of parties to the case. This legal norm does not specify that the decision shall contain the motivated result of consideration of such applications and solicitations of parties to the case.

Such directive is also absent in Article 159 of APC of the RF (“Settlement of applications and solicitations of parties to the case by the Commercial Court”). However, such solicitations may include the solicitations as regards to the applying of norms of international treaties of the RF to disputable legal relations or to the performance of procedural actions, foreseen by the norms of international treaties.

Secondly. In the light of the specific features of every authority and types of judicial acts, it is stated that the statement of the reasons shall include the laws and other normative legal acts, followed by the Court at the decision making and the reasons due to which the Court did not enforce the laws and other normative legal acts, referred by the parties involved in the case (sub-item 3 of item 4 of Article 170, sub-item 6 of item 1 of Article 185, sub-item 12 of item 2 of Article 271, sub-item 12 of item 2 of Article 289 of APC of the RF). In the view of conclusions, made in the present work, the stated regulatory requirements are referred to the international treaties of the RF, since “other normative legal acts” are indicated as a general category, and are not relative to the system of national law. However, in our opinion, as of today such conclusions are soundly based on science and theory and require corresponding explanations from the supreme judicial authority for all Commercial Courts.

It would be a good addition for this rule to indicate that if it comes to the normative legal act – the international treaty of the RF, the statement of reasons of the judicial act of the Commercial Court must contain the legal assessment of effect and

validity of such act. In other words, these rules should remain within the written statement of reasons in regards to the decision making on the dispute.

Thirdly. In relation to the content of Ruling of the Presidium of the Supreme Court of the RF, the requirement to refer to other normative legal acts is totally absent, except the laws (item 8 of Article 308.12 of APC of the RF – the Ruling of the Presidium of the Supreme Court of RF should include, among others, “the reasons, due to which the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation has come to its conclusions, with reference to the laws followed by it at the decision making”).

An analysis of this rule’s content gives a base to assume that the Presidium of the Supreme Court of the RF does not apply the norms of international treaties of the RF while considering the case in the exercise of supervisory powers. Obviously, that is not the case in a view of the grounds for such reconsideration, which includes, among others, “violation (by the appealed court rulings) of the rights and liberties of an individual and a citizen, guaranteed... by the international treaties of the RF”.

The wording of article 308.12 of APC of the RF requires corrections in regards to an enlarged list of sources of legal standards which shall be enforced at the case consideration in the exercise of supervisory powers.

The stated conclusions are not only of (and not mainly of) a theoretical character, but are of applicable nature as well. The point is that at Commercial Court proceedings “it may be considered a common situation that all courts of all types do not determine (in any case, do not note in their case decisions) the presence of legal terms for application of a specific [international] treaty”.¹⁴⁵ However, precisely this practice may have a negative effect on the whole process of application of norms of international treaties of the RF by Commercial Courts. In such activity the details and general principles are equally important (observance of all interstate procedures of due inclusion of international treaties in the Russian legal system), also the uniformity (which may be achieved by the supreme judicial authority’s analysis of the reasons of

¹⁴⁵ Marochkin S.Y. Implementation of the norms of international law in the legal system of the Russian Federation: ten years after adoption of Constitution of the RF. P. 68

application/non-application of international norms in specific areas of social relations of some or another sort).

In particular cases the Commercial Courts do not even take a close look at the raised objections, if they refer to the norms of international treaties. As an example, one may analyze the resolution of the Ninth Commercial Appellate Court dated 27.03.2013 Case No. A40-105107/12-79-1057.¹⁴⁶ In this case, the dispute arose between a foreign company (claimant) and a Russian commercial firm (defendant) on the matter of payment for delivered goods. According to the Decision of Moscow Commercial Court dated 28.12.2012, case No. A40-105107/12-79-1057, the stated claims were denied. At that, the Court's reasoning was that the claimant has not proved the existence of contractual relations between the parties and the fact of acceptance of goods by the defendant from the claimant, also that the action limitation period to protect the violated right has been failed by the claimant, as the defendant declared whereof.

Not pleaded with the announced decision, the claimant filed a complaint to the Court of appellate instance, in the pretext that the parties have had a concluded contract, the goods were delivered to the defendant; the Court unduly applied Articles 7, 196, 199, 434, 438, 458, 1209, 1211, 1186 of Civil Code of the RF and did not apply Articles 7, 11, 12, 13, 31 of the Convention on Treaties for the International Sale of Goods, Articles 3, 20 of the Convention on the Limitation Period in the International Sale of Goods, pursuant thereto the Court unreasonably dismissed the suit.

The Commercial Court of Appeal explained the dismissal of appeal by the reason that the case papers confirm "the absence of contractual relations between the parties and the fact of the goods acceptance by the defendant at the disputable deliveries, the claimant did not prove the contrary".¹⁴⁷ As to the arguments of the complaint by the action limitation period with references to the norms of international treaties, the Court of Appeal was confined to the phrase which is disputable in essence and formulation: the Court of first instance "upon the defendant's application has reasonably applied the action limitation period in accordance with the legislation of the RF (Articles 196, 199

¹⁴⁶ The Resolution of the Ninth Commercial Appellate Court dated 27.03.2013 case No. A40-105107/12-79-1057 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.01.2018).

¹⁴⁷ The Ruling of the Ninth Commercial Appellate Court dated 27.03.2013, case No. A40-105107/12-79-1057 // Ibid.

of the Civil Code of RF), since the law of another state may not be applied in the absence of contractual relations in the considered case". The point is that the claimant (pursuant to the same Ruling by the Court of Appeal) did not ask to apply the rules of a foreign law, he referred to the norms of an international law in support of his arguments. Moreover, the Court of Appeal did not provide an evaluation of the proposed norms (which are particularly listed in this very ruling) and did not indicate on what ground the absence of contractual relations excludes the application of norms of the international regulatory legal acts in this dispute. It appears that not only the absence of contractual relations, but the absence of evidences of legal relations between the parties as well could be a standalone ground to reject the claims. In regards to that, it appears that the Court did not consider necessary to assess the arguments on the improper application of legal standards in regards to the action limitation period.¹⁴⁸ But this circumstance may not be taken as a basis of non-application of norms of international treaties at the case consideration, related to such norms.

Noteworthy, in this very case the applicant's reference to the norm of international treaty could have been rejected in a much simpler way. Thus, the analysis of rules of the United Nations Convention on Treaties for the International Sale of Goods (1980) states, that it may be applied only towards the legal relations between the parties which have concluded the sales contract, the evidences of which are absent in the case (according to the content of judicial acts). In its turn, the Convention on the Limitation Period in the International Sale of Goods (1974) did not come into force in relation to our state, as it had not been ratified.

In other case (No. A40-92579/11-5-654) the Commercial Courts of Appeal and Cassation did not find the grounds for application of the norms of international treaties, indicated above, due to the fact, that the parties interacted on the ground of suretyship, and not the purchase and sale agreement.¹⁴⁹ As a matter of fact, such rejection of arguments in regards to the United Nations Convention on Treaties for the International Sale of Goods (1980) may be considered as correct. But the Commercial Courts did not

¹⁴⁸ This situation is disputable from the procedural standpoint, but it is insignificant to this investigation.

¹⁴⁹ The Resolution of the Ninth Commercial Appellate Court dated 18.05.2012 case No. A40-92579/11-5-654 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

analyze the second normative act, which has never come into force in relation to the Russian Federation. “A concealment” of such circumstance, in our point of view, may be reasoned by the absence of general knowledge of this fact, or by the absence of some strictly defined criteria which should have been analyzed by the Court in regards to the international acts.

Such explanation of the Courts position proves the defects in the fundamental legal knowledges in regards to the procedures of international treaties norms application by the Russian Commercial Courts.

Based on that, we deem it appropriate to recommend the Commercial Courts to clearly and fully state in judicial acts the reasons of law enforcement processes as regards to the norms of international treaties of RF. It is worth noting that this case refers to both completed and unfinished law enforcement activities.¹⁵⁰

Consequently, it is necessary to include an imperative element of the law enforcement acts - a motivated statement of grounds for application/non-application of the norms of international treaties to the considered dispute/case, if a reference to them arises during a trial. In this instance it comes to the norms of international treaties, aimed at the adjustment of substantive part of the dispute settlement.

In regards to the generally applied international treaties of the RF (double taxation treaties, contracts on legal assistance, etc.), such motivation should consist of identification of the date of treaty acceptance, the date of ratification or other expression of consent to make this act obligatory for Russia, the date of its entry into force under the international law, the date and the place of its official publication. These criteria are well enough to make a conclusion about the relevance/irrelevance of the governing effect of the normative legal act of international law towards the disputable legal relations (taking into account the subject of its legal regulation, the nature of disputed relations and the period of its initiation and development).

Considering the foregoing regulatory directions, the issue on inclusion of such element should be settled on a case by case basis with due consideration of the existing

¹⁵⁰ See paragraph 1.3 of the present investigation.

legal regulation, or through its unification in regards to the different kinds of law enforcement acts.

3.2. Procedural norms of international treaties in Russian Commercial Courts’ law enforcement

In particular cases the procedural matters within the Commercial Court proceedings in Russia are differently regulated by the international treaties of the RF and the procedural law, which leads to a necessity of a priority-oriented application of the norms of international treaties (in accordance with the legal proposition outlined in this work on the merits of the issue of the correlation between international and national law).

An additional argument in support of this position is also the official clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the RF in item 2 of the Ruling dated 27.06.2017 No. 23, if whereunder the international treaty of the RF sets the rules of proceedings other than the rules foreseen by the legislation of the RF on the proceedings in Commercial Courts of the RF, the rules of the international treaty shall be applied (part 3 of Article 3 of APC of the RF, part 4 of Article 13 of APC of the RF); applying the rules of proceedings, established by the norms of international treaties, the Commercial Court defines the influence of these rules in due time and extent in accordance with chapter 2, part 3 of Vienna Convention 1969.

New and progressive is, for example, an explanation on the question of the priority of special international treaties (paragraph 4, paragraph 2 of the resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation No. 23).

It is also interesting innovation is the amount available to the Arbitration Court of the mechanisms associated with the establishment of a foreign person's legal status in the process. Commenting in 1999 the provisions of section VIII now no longer in force (“Establishing a foreign person's legal status, who participate in the arbitration process”) the resolution of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, N.V. Pavlova rightly noted the importance of this process for the further consideration of the dispute, since on its basis a significant number of other important issues are resolved. She also points out that «often when resolving a dispute in the Russian Federation, they try to establish the legal status of a foreign participant in accordance with Russian law.

With regard to foreign participants, this approach is erroneous».¹⁵¹ Offering guidance to law enforcement agencies, the Plenum of the Supreme Court of RF in Resolution No. 23 approached this issue in more detail than in Resolution No. 8. In particular, in addition to the general provisions on the applicable law, due to the conflict of laws rules on the nationality of the legal entity, arbitration courts were provided with a range of possible instruments for confirming the legal status of such entities, for example, information posted on the Internet, posted on the official websites of authorized foreign bodies for registration of legal entities (paragraph 19 of the Resolution of the Plenum of the RF Supreme Council No. 23).

In the meantime, problem aspects remained uncovered. So p. 44 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of RF No. 23 gives a detailed explanation of the procedure for applying p. 2 of Art. 14 of the APC RF with regard to the question of establishing the content of the norms of foreign law, but there are no recommendations: how to establish the actual content of the norms of international law - the corresponding procedure is missing in both the regulatory legal acts and the acts of generalization and harmonization of judicial practice.

Certain clarifications within this act contradict one another. Looks up the inconformity in regards to the interpretation of the legal procedural regulation by the norms of national and international law upon availability of the prorogation agreement.

As we have already noted, the Agreement on dispute settlement procedure related to the economic activity (1992) is of the utmost importance to the member states of the CIS. The Convention on legal assistance and legal relations in civil, family and criminal cases (1993), made between all CIS countries (hereinafter referred to as “Minsk Convention, 1933”), is just as important.¹⁵²

The mentioned international treaties of the RF regulate not only the procedure for exercising the legal assistance, but also the considerable number of procedural matters to the courts of the member states.

¹⁵¹ Neshataeva T.N., Pavlova N.V., Strazhenetsky V.V, Sharamova G.I., Shebanova N.A. Op. cit.

¹⁵² The Convention came into force the Russian Federation on 10.12.1994.

Article 21 of Minsk Convention, 1933 foresees that the courts of the Contracting Parties may also consider cases in situations, if the written agreement of the Parties is available in regards to the submission of the dispute to these courts. At that, the exclusive competence arising from item 3 of Article 20 and other established rules, as well as from the interstate legislation of the State-party, cannot be amended by the Agreement of the Parties. If there is an agreement on the submission of the dispute, the court shall terminate the proceedings on the defendant's application.

Item 2 of Article 4 of the Agreement on the settlement of disputes dated 1922 stipulates that in the presence of the written agreement of the parties to submit the dispute to the competent court of the Commonwealth State, the court of another Commonwealth State shall terminate the proceedings upon the defendant's application, if such application had been submitted before the decision on the case had been made.

The international treaties settle the situation almost identically, when for whatever reason the dispute case between the parties of the prorogation agreement is submitted to the national court, unauthorized by the prorogation agreement thereto. In such cases the unauthorized court should terminate the proceeding in case.

Item 7 of Resolution of the Plenum of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation No. 8 dated 11.06.1999 (before its cessation of its force and effect since 27.06.2017),¹⁵³ represented an official explanation in regards to the application of this norm of international law by the Russian Commercial Courts, according to which, in the presence of the prorogation agreement on submission of the dispute to the competent court of a foreign state, the Commercial Court of the Russian Federation shall terminate the proceedings between the same parties, on the same subject and on the same grounds, submitted to it according to the rules of general jurisdiction.

Art. 150 of the Commercial Procedural Code of the Russian Federation does not directly indicate the necessity to terminate the proceedings in case of submission of the

¹⁵³ According to item 53 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF dated 27.06.2017 No. 23, in connection with the adoption of this Ruling, the first paragraph of item 1, the first paragraph of item 3, items 5-7, 16-32 of the resolution of the Plenum of the Supreme Commercial Court of the RF dated 11.06.1999 No. 8 "On the operation of the international treaties of the Russian Federation with regard to the Commercial Court proceedings" have been recognized as not applicable.

dispute to the court of another state, which may lead to procedural uncertainty on this matter and possible mistakes of the enforcer.

As explained in the ruling of the Constitutional Court of the RF dated 15.01.2009 No. 144-O-P, "according to rules of Articles 270, 288 and 304 of APC of the Russian Federation in interrelation with part 4 of Article 39 of this Code in the system of legal regulation, the Courts of Appeal, Cassation and supervisory instances are obliged to cancel the decision of the Commercial Court of first instance at the consideration of case with the violated jurisdiction rules, and to submit this case to the Commercial Court with the corresponding jurisdiction".¹⁵⁴

The stated position of the Constitutional Court of RF may treat the judicial consideration of the claim with the violated jurisdiction rules as a judicial consideration by unauthorized bench of judges that implies the unconditional reversal of a court ruling and the obligation of the Court of Appeal and Cassation to submit the claim for consideration to the jurisdiction, defined by the applicable legislation.

However, the indicated norms of the Russian legislation may be applied only in relation to the interaction of Commercial Courts of the national legal system.

In case of a dispute between the economic entities of different states (for example, CIS countries), the stated norms shall not be applied, as they create a contradiction to the norms of international law, reflected in the existing international treaties on legal assistance. As to the interaction of states that have not settled their relations in this area with an international treaty, such norms may contradict to the general principles of international law. In particular, it may affect such fundamental principles as the principle of the sovereign equality of states and respect for the rights of sovereignty, the legal equality of states, mutual respect and the faithful implementation of the incurred international obligations.

The dispute case, admitted by the Commercial Court of RF in its jurisdiction, with the prorogation agreement according to which such dispute is under the

¹⁵⁴ The Ruling of the Constitutional Court of RF dated 15.01.2009 No. 144-O-P "On the complaint of the Human Rights Commissioner for the Russian Federation as regards to the violation of constitutional rights of the citizen Halimbekova Shamala Sharabutdinovna with the rules of part 4 of Article 39, Articles 270, 288 and 304 of the Commercial Procedural Code of the Russian Federation" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

competence of Commercial court of another state, shall not be submitted by jurisdiction with the determination of competent authority in this case. In relation to such case, the formerly stated norms of international treaties directly stipulate that the proceeding should be terminated with the indication of the corresponding reasons and its lack of jurisdiction in the system of Commercial Courts of the RF.

Such conclusion could also be made with reference to item 2 of the Ruling of the Plenum of Supreme Court of the RF dated 27.06.2017 No. 23, proclaiming the priority of norms of international treaties in a case, when they regulate the procedural matters in a different way compared to the Russian legislation.

However, item 11 of this Ruling of the Plenum contains the explanation, completely opposite to its legal consequences. According to it, in the context of Article 252 of APC of the RF, in the presence of the prorogation agreement on the submission of the dispute to the competent court of a foreign state, the Commercial Court of the Russian Federation shall leave the legal claim unconsidered, if any of the parties, no later than the day of submission of its first statement of case to the Commercial Court of first instance, raises an objection on this ground as regards to the case consideration in the Commercial Court of the Russian Federation, except the cases, when the Commercial Court finds the prorogation agreement invalid and ineffective, that it can not be accomplished and does not exclude the competence of Commercial Courts of the Russian Federation (part 5 of Article 3, item 5 of part 1 of Article 148 of APC of the RF). The indicated rules shall be applied irrespective of whether the case in dispute between the parties of the prorogation agreement is under the jurisdiction of a foreign court.

The field of legal regulation of Article 252 of APC of the RF is adjacent to the matters of case consideration by the Commercial Court with the violated jurisdiction rules in the presence of the prorogation agreement, but not similar to it.

Item 1 of Article 252 of APC of the RF stipulates that the Commercial Court leaves the claim unconsidered according to Chapter 17 of this Code, if the dispute case between the same persons, on the same subject and on the same grounds is considered in the jurisdiction of a foreign court, with a condition that such case consideration does

not apply to the exclusive competence of the Commercial Court in the Russian Federation in accordance with Article 248 of this Code. Item 2 of this Article foresees that the Commercial Court in the Russian Federation may terminate the proceedings according to Chapter 18 of this Code, if there is a final and binding decision, made by the foreign court in regards to the dispute case between the same persons, on the same subject and on the same grounds, with a condition that such case consideration does not apply to the exclusive competence of the Commercial Court in the Russian Federation or the indicated decision shall not be recognized and enforced in accordance with Article 244.

In other words, this refers to the situations, when there is a determination of actual coincidence of ground and subject of the claim, considered by national courts of different states. Moreover, the cases, indicated in this article, will represent the appropriate variants of actions of a Russian Commercial Court irrespective to the effective prorogation agreement and the competent court under its conditions.

The situation when the Commercial Court accepts the legal claim, violating the jurisdiction rules of the prorogation agreement, holds other factual grounds and represents other legal circumstance with independent legal consequences, in given case – the procedural ones.

APC of the RF duly distinguishes the situation within the frames of the national jurisdiction:

- if there is a dispute case between the same persons, on the same subject and on the same grounds in the jurisdiction of the Commercial Court, the Court of general jurisdiction, the Commercial Court leaves the legal claim unconsidered, if it determines such circumstances after the listing for trial (item 1 part 1 Article 148 of APC of the RF);

-if during the case viewing, the court found that the case was accepted with violations of the jurisdiction rules, the Commercial Court submits the case to another Commercial Court of the same level (item 3 part 2 Article 39 of APC of the RF).

This can be explained very easily. If the dispute is not yet settled by another court, there is a hypothetical probability that such dispute will not be settled, and

leaving the claim without consideration allows the applicant to apply with a similar claim once more to defend his rights and legitimate interests. If the dispute has already been settled by another court, it leaves no reason for even a hypothetical probability of the repeated claim submission with similar requirements of the applicant.

What possible right for a judicial protection on similar requirements may be discussed, while the Commercial Court of the Russian Federation is not competent in general to consider this dispute in a view of the agreed consent of the parties to the dispute consideration by the court of another state? It is obvious that in case of the changed circumstances, and in particular, in case of a hypothetical change of the will of the parties, there would arise other grounds of claims, which would allow to accept and consider the claims even at the termination of proceedings due to the presence of the prorogation agreement.

Item 11 of the Ruling of the Plenum of Supreme Court of the RF dated 27.06.2017 No. 13 does not correspond to the context of international treaties with the participation of Russia.

Item 18 of the Ruling of the Plenum of Supreme Court of the RF dated 27.06.2017 No. 13 provides an explanation that in relation to a part 1 of Article 148 of APC of the RF, the participation of a foreign person in the court proceedings and the absence of objections on his part concerning the competence of the Commercial Court of the Russian Federation before the first statement on the dispute confirm his will for consideration of the dispute by the specified Court and entail the loss of the right to refer to the lack of competence of this court (the rule of loss of the right to objection) (part 5 of Article 3 of APC of the RF).¹⁵⁵ As specified further: "Such procedural conduct of the defendant in the court of first Instance does not provide grounds for

¹⁵⁵ Part 5 of Article 3 of APC of RF also comes under notice, it refers to the analogy of a right and analogy of a law, as the matter remains unsettled, what analogy in this case is used for the possibility of application of the rule on the loss of right to objection, the so-called estoppel (estoppel – venire contra factum proprium). At that, the concept of loss of the right to objection is not elaborated in the Russian law enforcement practice and its unappealing introduction on such a significant level (even not on a level of doctrine) may arise and will arise a lot of questions. Several matters remain unsettled, whether the absence of objections to the competence of the Court may be considered as a tacit conclusion of a new prorogation agreement by the parties, whether this agreement may be drawn up in such a form, depending on either such institution corresponds to the context of international treaties, etc.

termination of proceedings in accordance with item 1 of part 1 of Article 150 of APC of the RF".

In case of opposite procedural conduct of the defendant, i.e. if he duly declares the existence of the prorogation agreement, the Commercial Court shall be considered to have been provided with "the grounds for termination of the proceedings in accordance with item 1 of part 1 of Article 150 of APC of the RF", in contradiction to item 11 of this Ruling.

One may cite the situation, described below as an example of forced but highly controversial resolution of the procedural issue on the jurisdiction of a particular dispute. This situation occurred prior to the adoption of the clarifications in June 2017, but at the moment of case consideration by the Commercial Courts, its resolution was also questionable.

The Russian Commercial Organization (the claimant) appealed to the Commercial Court of St. Petersburg and the Leningrad Region with a claim to the Republican Unitary Enterprise of the Republic of Belarus (the defendant) on the debt recovery resulted from the improper performance of obligations by the latter in the frames of a subcontract. Item 7.1 of this subcontract (taking into account the protocol of disagreements) stipulated that all disputes, disagreements or requirements of the parties under this Contract shall be settled in the Commercial (Economic) court at the defendant's location in accordance with the legislation of the defendant's country. The defendant in this dispute was represented by an enterprise of the Republic of Belarus, which corresponds to the jurisdiction of this dispute to the Commercial (Economic) Court of the Republic of Belarus at the location of the enterprise (the defendant).

Meanwhile, due to the absence of any objections of the defendant, whose representative was absent in the session of the Court of first instance, the Commercial Court of St. Petersburg and the Leningrad Region has considered the claims and on 11.05.2012 it decided on their partial settlement.¹⁵⁶

¹⁵⁶ The Decision of the Arbitration Court of the St. Petersburg and the Leningrad Region dated 05.11.2012 in case number A56-58029/2011 // Official website Electronic Justice. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/8f74a66b-c50c-4046-b2e3-1041b787ffdb/A56-58029-2011_20120502_Reshenie.pdf (application date 18.09.2018).

The appeal of the defendant contained objections related to the lack of jurisdiction of this case to the Commercial Courts of the Russian Federation with reference to the indicated prorogation agreement of the parties. These objections were accepted by the Commercial Court of Appeal, pursuant thereto according to the Ruling of the Thirteenth Commercial Court of Appeal dated 13.08.2012, the decision of the Commercial Court of St. Petersburg and Leningrad Region dated 11.05.2012 was recalled, the case was submitted for reconsideration to the Economic Court of Gomel Region of the Republic of Belarus.¹⁵⁷

In support of its Ruling, the Commercial Court of Appeal referred to the above mentioned position of the Constitutional Court of the RF with regard to the case consideration by the Court in violation of the jurisdiction rules.

In this case, the Ruling of the Court of Appeal was declared contrary to the applicable norm of the international treaty, directly requiring the unauthorized court of the Convention State to terminate the proceedings.

In the frames of mechanism of the legal assistance and legal relations in civil actions (in this particular case), such procedure as case submission according to the jurisdiction to the Court of the competent state does not exist. Obviously, the absence of such mechanism is specified by the unique features of the legal system in each of the contracting states and by the lack of the need to unify the separate norms on the acceptance of civil disputes by the courts, on the procedure of supplying evidences, the stages of proceedings and many other procedural actions.

This option of issue settlement implicitly indirectly covers the principle of the sovereign equality of member states of Minsk Convention of 1933, which excludes the possibility of the judicial authority of one state to provide the public authority (represented by a particular Economic Court) of another state with legally significant regulations (to consider the specific civil dispute with certain subject matters and certain Economic Court, taking into account the right of the parties for the judicial proceedings within a reasonable time). At that, item 4 of Article 39 of APC of the RF stipulates that

¹⁵⁷ The Resolution of the Thirteenth Commercial Court of Appeal dated 13.08.2012, case No. A56-58029/2011 // Official website of E-justice. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/68d7419b-cdfc-4e15-a260-e7763155adf9/A56-58029-2011_20120813_Postanovlenie%20apelljacionnoj%20instancii.pdf (application date 12.06.2016).

the court, to which the case is submitted by jurisdiction, is obliged to accept the case and consider it. It remains unclear how this obligation should be enforced in the reviewed case. It is obvious, that this matter has not been not taken into consideration by the Commercial Court of Appeal when making the relevant decision.

Inadmissibility of mixture of legal assistance mechanism and the settlement of the issue of crossing jurisdictional judicial authorities of various states was reflected in the explanations given in paragraph 2 of item 50 of the resolution of the Plenum of Supreme Court of the RF dated 27.06.2017 No. 23, according to which the enforcement of interim measures (as well as the initiation of proceedings on the application of a foreign court in favor of any private person) is not included in the scope of mutual legal assistance and may not be carried out in the manner of its rendering by a court of one state on the basis of order of the Court of another state.

The stated it is possible to interpret as an attempt at keeping the priority of norms of international treaties in procedural matters to minimize the influence of international law on the law enforcement activity.

It is worth to mention the progressive nature of this Ruling, as it contains a significant number of institutional and terminological innovations, such as already mentioned estoppel, the prorogation and derogation agreement, the rules of interrelation of general and specific international treaties, the procedure for settlement of a disputable matter with jurisdiction in tort liabilities with the use of flexible connecting factors, the procedure and grounds for the application of certain theories to determine the personal law of the legal entity, the establishment of procedural capacity of the legal person in the Commercial Court proceedings, the issues of proper notification of legal entities on proceedings in the Commercial Court, including the presence of a representative or a representative office in the territory of the Russian Federation, the matters of interrelation of legal assistance institutions and the interaction of judicial institutions of different states, etc. Moreover, there has been made some important comments in relation to certain international treaties of the Russian Federation, which are a subject to application at the consideration of specific procedural issues by the Commercial Courts, their legal status and scope of application is defined, such comments on the part of the

supreme judicial authority may significantly simplify the enforcement process in this field.

The fundamental thesis that international treaties of the Russian Federation are a subject to an application at the settlement of procedural issues by Commercial Courts not only at contradiction to its norms and rules of the Russian legislation, but also when such norms complement each other, as in case of determination of the procedural capacity of the legal entity or the procedure of notification of the participants of the process who are located outside of Russia, in conjunction with the determination of the grounds for the extension of the procedural terms of case consideration - has not been properly reflected in the Resolution, but it may be clearly traced in its essence (in contrast to the resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the RF dated 06.11.1999 No. 8). It makes sense to introduce such explanations should in order to attract attention of the judicial community.

3.3. Substantive norms of international treaties in Russian commercial courts' law enforcement

In the course of the proceedings, the Commercial Courts may face a complicated situation where the international legal regulation intervenes in the already existing national legal regulation. An extraordinary difficulty in such situation might cause the intersection of private and public interests. Exactly that happened, for example, due to the conclusion of significant number of international treaties on the matter of double taxation exclusion.

The Resolution of the Presidium of the Supreme Commercial Court of the RF dated 15.11.2011 No. 8654/11, case No. A27-7455/2010¹⁵⁸ is a good showcase in this matter, as well as the subsequent judicial acts of Commercial Courts with references to it, for example, case No. A46-24377/2012.¹⁵⁹

The mentioned Resolution of the supreme judicial authority proposed a controversial interpretation of the norms of international treaties in terms of determining their interrelation with the national tax legislation of Russia.

The judicial acts on the case No. A27-7455/2010 foresee that the Commercial Courts of the three instances (first, Appeal and Cassation instances), by recognizing the debt of joint stock company (the claimant) as controllable, altogether reasonably considered that the norms of the international treaties regulating the taxation of the participants of loan transactions shall prevail in the considered case.¹⁶⁰

Having considered the norms of the Agreement on avoidance of double taxation with respect to taxes on income and capital, concluded between the Russian Federation and the Swiss Confederation on 15.11.1995,¹⁶¹ and the Agreement on avoidance of double taxation with respect to taxes on income and capital, concluded between the

¹⁵⁸ The Resolution of the Presidium of the Supreme Commercial Court of RF dated 15.11.2011 No. 8654/11, case No. A27-7455/2010 // Bulletin of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation. M., 2012. No. 3.

¹⁵⁹ One may get acquainted with the judicial acts of four instances of Commercial Courts of RF, case A46-24377/2012, in the system "Electronic justice". URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/e3fbeb5e-be35-44b7-b141-308598348f81> (application date 18.09.2018).

¹⁶⁰ One may get acquainted with the judicial acts of four instances of Commercial Courts of RF on case No. A27-7455/2010 in the system "Electronic justice". URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/04154295-3f19-4e9b-9d24-fdd4a274cac7> (application date 18.09.2018).

¹⁶¹ Agreement on avoidance of double taxation with respect to taxes on income and capital, concluded between the Russian Federation and the Swiss Confederation on 15.11.1995 // Collection of Russian legislation. 09.06.1997, No. 23. Art. 2666.

Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Cyprus on 05.12.1998¹⁶² (identical according to contents, hereinafter referred to as the "Agreements"), the Commercial Courts of first, Appeal and Cassation instances came to the conclusion that the taxation of the company, including the settlement of issues related to the peculiarities of its expenses in determining the taxable profit, should be carried out with consideration of requirements of these Agreements.¹⁶³

Meanwhile, the Presidium of Supreme Commercial Court of the RF revised this case in order of supervision, abolished these judicial acts, as it had found that the conclusions made by the courts of three instances contradict to the existing tax legislation. According to the standpoint of the Presidium, Article 7 of the Tax Code of the RF stipulates that international treaties, in particular the treaties to avoid the double taxation agreements shall be applied in cases where the national legislation contradicts to the international legal acts and establishes other legal regulation for tax issues of the contracting states. The Presidium indicated that Article 24 of aforesaid agreements is widely interpreted by the courts, it practically excludes the application of item 2 of Article 269 of Tax Code of the RF, allowing for interests on the controlled debt.¹⁶⁴

The considered Resolution No. 8654/11 gives the following interpretation of Article 24 related to the agreements for avoiding double taxation: "These articles are aimed at eliminating discrimination at the taxation of nationals of one contracting state in another one, including the guarantee of equal conditions of taxation, these articles do not exclude the establishment of special taxation rules on the level of the national legislation of the contracting states as a means to minimize the taxation. Among these rules, there is also item 2 of Article 269 of the Tax Code of the RF, imposing restrictions for taxpayers – Russian organizations – when they allow for the interests on debt obligations to the companies, which dominate in various forms in the taxpayer's

¹⁶² Agreement on avoidance of double taxation with respect to taxes on income and capital, concluded between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Cyprus on 05.12.1998 // Collection of Russian legislation. 13.09.1999. No. 37, Article 4447.

¹⁶³ The Decision of the Commercial Court of the Kemerovo region dated 12.08.2010 on the case No. A27-7455/2010, the Resolution of the Seventh Commercial Court of Appeal dated 01.11.2010 on the case No. A27-7455/2010, the Decision of the Federal Commercial Court of the West Siberian District dated 11.03.2011 on the case No. A27-7455/2010. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/04154295-3f19-4e9b-9d24-fdd4a274cac7> (application date 12.06.2016).

¹⁶⁴ The Resolution of the Presidium of the Supreme Commercial Court of RF dated 15.11.2011 No. 8654/11, case No. A27-7455/2010.

activity – the Russian organization. This restriction on interest accounting is introduced in case of presence of a Russian company having a high share of debt, the affiliation of the borrower and the lender, who represents not only a foreign company, but the Russian company affiliated with the foreign company as well, the absence of the fact of repayment of the debt obligation. These features correspond to the notion "associated enterprises" in respect of which Article 9 of Agreements dated 15.11.1995 and 05.12.1998 imposes the special procedure of taxation of profit, received by such enterprises, due to the specific commercial and financial relations between them".

In support of its position, the Presidium of the Supreme Court of the RF also referred to the official comment of the Organization for Economic Cooperation and Development as regards to the Model Convention on the avoidance of double taxation, which is "a framework document, establishing the general principles and approaches to the elimination of double taxation".¹⁶⁵

As a result, the Presidium had concluded that Articles 9 of aforementioned agreements not only allow, but also indicate the necessity to apply the norms of the national legislation on controlled debt, in this relation item 3 of Article 24 of the agreements, providing the certain guarantees to residents of the contracting states in regards to the deductions in determining the taxable profit, do not cover the residents with features of associated enterprise, as directly stated in this norm. Whereby, according to the Presidium of the Supreme Court of the RF, item 4 of Article 24 of the agreements means that each and every Russian organization, covered by item 2 of Article 269 of the Civil Code of the RF, shall follow the procedure, established by aforementioned rules of the Code, which only imposes for the Russian taxpayers an additional condition which must be observed to deduct interests without the appropriate restrictions.

¹⁶⁵ It is noteworthy that, for example, the letters of the Ministry of Finance of the RF contain such statements that currently Russia is not a member of the OECD, but in an official interpretation, contained in the comments to the Model of OECD agreement, is binding due to the principle of the identical interpretation of the double taxation treaty with OECD member states // See: letters of the Ministry of Finance of the RF dated 19.08.2013 No. 03-08-05/33673 and dated 16.08.2013 No. 03-01-18/33520 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

The Presidium has stated that the rules of item 2 of Article 269 of the civil Code of the RF are aimed at counteracting of abuses in tax relations and they can not be considered as discriminatory against Russian organizations with a large foreign capital if they have a controlled debt to a foreign organization.

The Supreme Commercial Court of the RF at a difficult choice between private and public interests in the process of interrelated interpretation of the rules of norms of the national legislation of RF and the international legal acts, stated that the national public interest shall prevail the priority application of norms of the international law. It's worth to note that tin regards to he cases, previously considered by the Commercial Courts with quite opposite conclusions, the Supreme Commercial Court of the RF has not applied the retroactive effect of such interpretation and has left in force the relevant decisions, for example, on the case No. A46-10363 /2010¹⁶⁶ (Decision on the refusal to submit the case to the Presidium of the Supreme Commercial Court of the RF No. 13698/11 dated 02.03.2012¹⁶⁷).

The stated situation additionally witnesses the versatility, significance and complexity of unified approach to improve the law enforcement process in terms of interaction between the national and international legal acts.

In some situations, for example, a certain number of states may make a decision to regulate the specific legal relations between them and between the subjects of their legal systems only on the international level in a unified manner. They conclude an international treaty, and the national legislation aimed at the settlement of this scope of legal relations ceases to be effective in each of the member states. This happened with the Customs Code of the Russian Federation,¹⁶⁸ which became ineffective (in its main part) since 29.12.2010, after the Decision of the Interstate Council of the Eurasian Economic Community adopted the Customs Code of the Customs Union by a decision

¹⁶⁶ One may get acquainted with the judicial acts of four instances of Commercial Courts of RF, on case No. A46-10363/2010, in the system "Electronic justice". URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/8cbd8ece-6bbc-4f40-8a32-e55bf35d6ad2> (application date 18.09.2018).

¹⁶⁷ The Ruling of the Supreme Commercial Court of RF on the refusal to submit the case to the Presidium of the Supreme Commercial Court of RF No. 13698/11 dated 02.03.2012. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/5f271789-4fb4-4256-9367-4b385eeefb3ef/A46-10363-2010_20120302_Opredelenie.pdf (application date 18.09.2018).

¹⁶⁸ The Customs Code of the Russian Federation dated 28.05.2003 No. 61-FZ // Collection of legislation of RF. 02.06.2003 No. № 22. Article 2066.

of No. 17 dated 27.11.2009.¹⁶⁹ After that Customs Regulation on the territory of Russia is carried out in accordance with the Federal Law No. 311-FL dated 27.11.2010. "On customs regulation in the Russian Federation".¹⁷⁰

The Customs Code of the Customs Union is an international treaty of a regional nature. It is a normative legal act of public international law, which is subject to the direct application by the state authorities of the RF. In addition to the regulation of interstate relations, its norms apply to the rights and obligations of individuals and legal entities entering into customs relations. Its application is related not only to passing of the customs control by citizens and to the customs registration of goods at crossing of borders of the member states of the Customs Union, but to the subsequent control by the authorized bodies for the correctness of the corresponding procedures, as well as the settlement of economic disputes arising in this regard.

The application of norms of the Customs Code of the Customs Union and accompanying international documents has become controversial on the territory of the Russian Federation.

The already mentioned case of the citizen I.D. Ushakov is a good demonstrative model in this regard, during transfer of goods for his personal use to the territory of the Russian Federation on 10.07.2010, he paid customs duty and tax in the amount determined by the Customs authority in accordance with the requirements of the Customs Code of the RF and the Regulations on the application of common rates of customs duties, taxes on goods transferred across the customs border of the Russian Federation by individuals for personal use. However, at a later stage, the customs authority demanded I.D. Ushakov to pay arrears on customs payments and penalty for payment delay (the sum has exceeded the paid one by more than 30 times). This demand was satisfied by the decision of justice of the peace, which remained unchanged in the definition of the District Court.¹⁷¹

¹⁶⁹ Customs Code of the Custom Union, 2009 // Collection of legislation of RF. 13.12.2010 No. 50. Article 6615.

¹⁷⁰ Federal Law dated 27.11.2010 No. 311-FZ "On customs regulation in the Russian Federation" // Collection of legislation of the RF. 29.11.2010, No. 48. Art. 6252.

¹⁷¹ The analysis of case of the citizen I.D. Ushakov is given on the basis of the narrative part of the Decision of the Constitutional Court of the RF dated 27.03.2012 No. 8-P, the reference to which is further presented. The situation may be considered by courts of general jurisdiction in respect to the Commercial Court proceedings for two reasons.

At charging the obligation to pay additional payments and the application of the sanction for the delay of its execution, the law enforcement authorities relied upon the international treaty, introduced into force 10 days before (since 01.07.2010) as temporarily applied international treaty the Agreement between the Government of the RF, the Government of the Republic of Belarus and the Government of the Republic of Kazakhstan dated 18.06.2010 "On the procedure for the movement by individuals of goods for personal use across the customs border of the customs union and the commission of customs operations associated with their release", providing the higher rates of customs payments established by. Despite the fact that the indicated Agreement was not officially published until the consideration of the dispute, the law enforcement authorities did not find any obstacles to its application as regards to the customs legal relations, which took place on 10.07.2010 (Russian Federation ratified it by the Federal Law No. 60-FZ only on 05.04.2011).

Citizen I.D. Ushakov challenged in the Constitutional Court on the constitutionality of the situation of item 1 of Art. 23 of the Federal Law "On international treaties of the RF". According to it, an international treaty or a part of the treaty before its entry into force may be temporarily applied in the Russian Federation, if it is stipulated in the contract or if it was agreed with the parties to the treaty. I.D. Ushakov associated the violation of his constitutional rights with the application of the disputed legal rule in his case on the recovery of arrears and penalties for customs payments.

The Constitutional Court of the RF in the Resolution No. 8-P dated 27.03.2012 came to the conclusions, including the observance of the principle of conscientious fulfillment of the international obligations by the Russian Federation. The statement of reasons in this Resolution foresees that Art. 23(1) of the FZ "On international treaties of the Russian Federation" does not contradict to the Constitution of the Russian

Firstly, currently the Supreme Court of the Russian Federation is the supreme judicial authority for Commercial Courts and Courts of general jurisdiction, which defines the unified criteria and the approaches to solve the tasks of court procedure at the generalization of practice of bodies of these judicial systems. Secondly, the Customs Code of the Customs Union and the international normative legal acts, adopted as its continuation, regulate not only crossing of the customs border of the RF by individuals, but the transfer of goods across such border. In this regard, the activity of legal entities and individual entrepreneurs in case of a disputable situation, will refer to the field of jurisdiction of Commercial Courts.

Federation, as according to its constitutional and legal meaning in the system of applicable statutory regulation, it does not provides for the temporary application of the international treaty of the RF (or a part of the international treaty) in the Russian Federation, which affects the rights, freedoms and obligations of a person and a citizen, and establishes the rules other than those provided by the law, without its official publication.

In addition, the Constitutional Court held that the temporarily applicable by Russian Federation international treaties which affect the rights, freedoms and obligations of a person and a citizen and establish the rules other than those stipulated by the law, shall be subject to the official publication in the order provided by Art. 30 (1,2) of this Federal Law for the international treaties of the RF entered into force, or in the order stipulated by Art. 3(3) and of Art. 4(1) of the FZ "On the procedure of publication and entry into force of federal constitutional laws, federal laws, acts of the Chambers of the Federal Assembly" for the international treaties ratified by the Federal Assembly.

The recognition of Art. 23(1) of the FZ "On international treaties of the RF", not contradicting to the Constitution of the Russian Federation in its constitutional and legal interpretation, contained in this Decision, does not put in doubt the obligation of the Russian Federation to comply with the generally recognized principle of international law "pacta sunt servanda" in the interstate relations (Articles 26 and 27 of the Vienna Convention on the Law of Treaties) and according to the general rule, it can not justify the failure of the Russian Federation to comply with the obligations arising from the international treaties, temporarily applied to the relations with other member states, in the absence of the interstate official publication of such treaties.

According to the decision of Transbaikal regional court dated 05.06.2012 on the case No. 33-1653-2012, the claim of the citizen I.D. Ushakov on the review of new circumstances of the cassational ruling as regards to the debt recovery of customs

payments was satisfied with reference to the aforementioned decision of the Constitutional Court of RF No. 8-P.¹⁷²

This case has revealed a special character of the international treaty obligations of the state and the process of their implementation with the participation of national law enforcement authorities (both tax authorities and court instances at the dispute consideration). Moreover, the problematic aspects of this case have theoretical problems in the law, which were underlined and analyzed by V.S. Ivanenko in the course of justification of reference of international treaties to the normative legal acts.¹⁷³

According to the current doctrine of interrelation of international and national substantive regulation of legal relations, covered by the jurisdiction of Commercial Courts, it is possible to define the legal guidelines for the enforcement practice of Commercial Courts.

Certainly, it is paramount to the Commercial Court to determine the existence of the norms of international treaties of the RF, aimed at the regulation of controversial legal relations. It is necessary to verify the entry into force of the international treaty in general under the rules of an international law and, in particular, for our state. Then it is necessary to verify the compliance of the treaty with the interstate procedures that enable the regulation of the disputable legal relations. First of all, such procedures should include the official publication of the international treaty of the RF.

Further lines of actions depend on the established practice on the basis of conclusions of the supreme judicial authority. In particular, at the interpretation of the norms of international treaties, the Commercial Court should determine the nature of the legal regulation in regards to the norms of international treaties and how it relates to the legal regulation of norms of national law in this field.

There may be two options.

First: the legal regulation of norms of international law is has an additional character to the regulation of norms of national law. Which means that the goals, objectives and general principles which regulate the norms of different legal systems are

¹⁷² The Decision of Transbaikal regional court dated 05.06.2012 on the case No. 33-1653-2012 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

¹⁷³ The detailed information: Ivanenko V.S. International treaties of Russia as normative legal acts. Pp. 26-51.

congruent. In such case, the norms of international treaties should be applied in conjunction with the norms of a national law, enhancing and specifying each other.

A second option: the legal regulation of the norms of international law is exclusive to the regulation of the norms of national law. In such case, the objectives and/or tasks of this regulation, the means and methods of influencing the public relations may not coincide. Then, the international treaty of the RF should be applied in virtue of its primacy in the field of law enforcement.

Guided by the principle of benevolence to the international law and the need to respect the balance of public and private interests in the national legal system, the Commercial Court should in each case strive for such interpretation of international and national law, which may ensure their mutual reinforcing nature, i.e. the preferential development of the first option of interrelated legal regulation.

3.4. Problems of application of international treaties by courts depending on their type and legal status

In modern international law it is accepted to classify international treaties by several features: by a quantitative composition – bilateral and multilateral treaties; by an object – political, economic, social treaties, etc., by subjects – interstate agreements and treaties concluded between states and international organizations or between international organizations. Another classifications are also possible.

However, the international law does not classify international treaties by authority acting on behalf of a state at their conclusion. Such state of affairs may be justified, since the state, as a sovereign entity, is free to assign its authorities to represent it in the international relations on its behalf. It is not possible to define in advance the authorized bodies/officials for all participants of such relations. Besides, the state is free to define the domestic organizational procedures for the enforcement of the international treaty. This is due to the fact that the state acts on the public international arena as a single entity with its own separate and indivisible will, represented by its authorities and officials.

But this does not deprive the state of the right to determine who is entitled to participate in the international contractual relations on its behalf. Thus, according to part 2 of Article 3 of the Federal law "On international treaties of the Russian Federation", international treaties shall be concluded on three levels on behalf of: the Russian Federation (interstate agreements), Government (intergovernmental agreements), federal executive bodies or authorized organizations (treaties of interdepartmental nature).

This has also found a reflection in the legal science. States that the Russian legal system includes three types of international treaties: interstate, intergovernmental and interdepartmental. Thereby, there is a clause that these three types of international treaties "are interstate treaties, i.e., international treaties of a state as a subject of international law, which itself is responsible for its fulfillment".¹⁷⁴

¹⁷⁴ See, for example: Morozov A.N. Implementation of international treaties in the Russian Federation: legal grounds //Russian law journal. No. 2 (146). M., 2009. P. 103.

The Russian legislation proposes the legal consequences, corresponding to this classification (legal force of the contract, the procedure of its introduction to the legal system and its fulfillment, the interaction of its norms with the norms of national law).

The existence of the practical interest in clarifying this issue may be confirmed by the following.

Item 8 of the Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the RF dated 10.10.2003 No. 5 clarifies that the rules of the international treaty, the consent to which had been approved in a form of the Federal Law, have a priority in the application of laws; the rules of the international treaty of the RF, the consent to which had not been approved in the form of the Federal Law, have priority in the application of the substatory normative acts, issued by the state authority, which concluded this treaty.

In practice, the Commercial Courts, using this classification, make contradictory and sometimes incorrect conclusions regarding the norms, which are due to be applied.¹⁷⁵

Some scientists, sometimes making the conclusions, which contradict the basic logic,¹⁷⁶ do not analyze the matter, whether there are any international legal grounds for the above-indicated explanations of the supreme judicial authority and the legislative consolidation of such classification of international treaties of the RF in our state.

There has even been made an unjustifiable attempt to introduce a controversial (from a point of an international law) classification of international treaties to the international legal relations of a regional nature: "... within the frames of the Interstate Association, for example, EurAsEC, it makes sense to develop and adopt a document,

¹⁷⁵ Such contradictory conclusions regarding the official publication of the international treaties of the RF and their application or non-application to disputable legal relations are made in regards to the cases of Commercial Courts, for example, No. A71-2758/2014 and A65-5254/2013, we will turn to their theory in the course of further presentation.

¹⁷⁶ For example, sub-item "a" of item 1 of Article 15 of the Federal Law "On international Treaties of the Russian Federation" talks in favor of three-tiered classification of international treaties of the RF, depending on the level of the state authority, which expressed its consent to its obligation on behalf of the state // Tiunov O.I., Kashirkina A.A., Morozov A.N. Implementation of international treaties of the Russian Federation. M., 2012. P. 87. However, this item is a logical continuation within this law, as it defines the volume of international treaties which are subjects to ratification. Thus, this item is the result (legal consequence) of an earlier wrongly formulated representation of another norm of the Law dated 1995.

devoted to the hierarchy of international treaties concluded at different levels (interstate, intergovernmental and interdepartmental) within the Association".¹⁷⁷

However, the authors of such proposal did not take into an account that such document on the hierarchy can significantly break the stability of international contractual relations, it essentially contradicts to the general principles of international law. The international legal system does not qualify the state authorities of specific countries as the subjects of law. The subjects of an international law are the sovereign states. The theory of assignment allows to define the activities of the main actors of international law the activities, carried out by their authorities and officials. Thus, one and the same subject of international legal relations, acting on behalf of its public authorities of various levels, can not and should not give effect to the concluded international treaties in that context.

Creating a system of public authorities is a sovereign function of each state. Such system of public authorities can not and should not be united for all states of the world community. In such situation, it is not possible to establish a single unified classification of international treaties in the international legal system.

As it was rightly emphasized by B.L. Zimnenko, "the international law assumes that an international treaty may be concluded exclusively by a subject of an international law. Neither the Government, nor the Ministry, nor a department, or any other governmental body and/or public authority have the right to conclude international treaties on their own behalf. In this regard, the presented... classification... is illogical as it does not fully comply with the generally recognized norms of an international law, applicable in the law of international treaties".¹⁷⁸ At the same time, the author notes that the indicated "Law could specify the list of persons and state authorities, having an opportunity to participate in the conclusion of international treaties on behalf of the Russian Federation, not subdividing the international treaties".¹⁷⁹

¹⁷⁷ Ibid. P. 94.

¹⁷⁸ Zimnenko B.L. The international law and the legal system of the Russian Federation / Course of lectures: general part. M., 2010. P. 277.

¹⁷⁹ Zimnenko B.L. Op. cit. P. 277.

The scientist's assumption is justified and makes sense. Even taking into account the freedom granted to each state by an international law for determining the order and means of fulfillment of international treaty obligations, it should be understood that the international treaties are the sources of an international law and their characteristics, assumingly including also the classification, are defined in the international legal system. Interstate legal system should accept and apply the given sources of law in the final and completed version; it should not interfere with its qualitative characteristics.

At the same time, the state acts as a subject of law through its bodies and through its officials. The system and structure of the state authorities and officials is built in such a way that each link is responsible for a certain range of issues. Such organization optimally provides the sustainable lawmaking, law enforcement and other legal and related processes in the legal system.

The integration processes of modern society increasingly lead the states to collaboration not only in the international field, but to the coordinated settlement of specific domestic issues. It has already been noted in the literature, that "the subject of regulation of international law can not be considered only as the matters relating exclusively to the territory or to the jurisdiction of states, it becomes increasingly involved in the regulation and settlement of the specific problems in modern society".¹⁸⁰ According to V.V. Gavrilov, "nowadays, the states are forced to jointly solve not only international problems, but the tasks that were considered purely internal just yesterday".¹⁸¹

It is not always the presence of a foreign element in a disputed legal relationship makes it necessary to refer the arbitration court to the norms of international treaty, especially when it comes to the substantive aspects of the law, for example, the institution of human rights. Note that the scope of possible use of clarifications of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF dated 06.27.2017 No. 23 in this sense is much narrower, and the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF dated 10.10.2003 No. 5 can not always promptly help in practical issues.

¹⁸⁰ Shaw M.N.P. *International Law*. Third Edition. Cambridge, 1991. P. 57.

¹⁸¹ Gavrilov V.V. *Notion and interaction of the international and national legal systems* // Vladivostok, 2005. P.75.

In the course of time, international treaties cover a growing range of issues and areas of activity of both international and national law. Naturally, the participation of each state in the creation of international treaty norms and in giving them legal force (i.e. in the process of conclusion of international treaties) should be ensured by the authorized bodies. This way, the best coordinated interaction is achieved between the national and international legal systems.

It is most likely that this particular specialization is indicated by B.L. Zimnenko, proposing to reflect it in the Law "On international treaties of the Russian Federation". This will fully comply with the principle of conscientious performance of obligations by the state. The highly specialized body or an official has full information in regards to the field of public relation to be settled by the international treaty.

Granting the special status or leveling of the governing effect of international treaty, depending on the level of the decision on its binding for the state, is unreasonable.

In this case, from a legal standpoint, it is appropriate to distinguish the actual classification of types of international treaties of the RF and the details of which body acts on behalf of the state at the conclusion of the international treaty. In our opinion, the latter was pursued as a goal in part 2 of Article 3 of the Federal law "On international treaties of the Russian Federation". That is, this rule should be assessed as an indication that not only one representative body of the state may take part in the international treaty process, but it underlines the specialization of such participation. The broad interpretation of this statutory rule in a favor of formulating an additional classification of types of international treaties of the RF contradicts to the harmonized understanding of the interrelated issues of different legal systems. Any and every international treaty is an international treaty of the Russian Federation.

In this regard, the position of M.G. Rosenberg should be noted, he assumes that the official explanations of classification of international treaties of the RF (decisions of the Plenums dated 31.10.1995 No. 8 and 10.10.2003 No. 5) "unduly restrict the requirements of the Constitution of the Russian Federation", while "the crucial importance should be given to whether the authority signing the international treaty was

responsible for its conclusion and whether the Russian legislation required the publication of the special law of the RF for its entry into force".¹⁸² Such position of the scientist seems to be the most correct.

The removal of contradictions will eliminate the separation of procedures of application of international treaties in Russia.

Item 1 of Article 46 of the Vienna Convention on the Law of Treaties (1969) stipulates that a state has no right to refer to the fact that its consent to be bound by the treaty was expressed in violation of some or other rule of its internal law, relating to the competence to conclude contracts, as to the grounds of invalidity of its consent, unless this violation was evident and did not cover the norm of its internal law of particular importance.

This norm underlines the importance of the well-coordinated functioning of the national institutions, which organize the activity of public authorities to ensure the effective application of international treaty norms.

¹⁸² Rosenberg M. Actual issues of the dispute resolution by the International Commercial Court at CCI // Economy and law. No.12. M., 2003. P. 113.

3.5. The issues of official publication the texts of international treaties of Russia as a problematic segment of their applicability

The modern Russian doctrine is based on the fact that international treaties in which the Russian Federation is a party operate under certain conditions, including those when the international treaty officially promulgates them.¹⁸³

L.N. Galenskaja quite rightly notes, "that the contract, which is not brought to the attention of the direct executors, can not be executed by them".¹⁸⁴

"The requirement of publication and promulgation of contracts, according to Lukashuk, stems from one of the most important principles of law... [-] as soon as the contract is directly applicable, it shall be published in the same way as the law. Otherwise, the court has no right to apply it".¹⁸⁵

The problems related to the official publication of international treaties of the Russian Federation have already been raised by scholars. However, they remain relevant, as evidenced by the practice of applying the norms of international treaties by the Russian Commercial Courts.

For example, there remains uncertainty as to what official publication is and how it is different from making a legal document available to the public (promulgation); publication in which source from the list of the proposed ones should be considered the date of official publication; whether the international treaty that is not officially published becomes part of the legal system of the Russian Federation, etc.

Before the legislative changes in official official publication that took place in 2012, S.Y. Marochkin had drawn attention to the significant contradictions in this field. For example, two requirements were proposed: international treaties shall be published simultaneously with the law on ratification, and international treaties that have entered into force are subject to the official publication. "In fact," the author underlined, "Neither of those requirements is followed". The law on ratification of a specific treaty

¹⁸³ See the detailed information: Marochkin S.Y. Implementation of the norms of international Law in the Legal System of the Russian Federation: ten years after the Adoption of the Constitution of the RF. P.p. 71-72; *Ibid.* What international rules and treaties are to be applied by the courts. P. 44; par. 1,2 of the resolution of the Supreme court of the RF.

¹⁸⁴ Galenskaja L.N. Application of the norms of international treaties in arbitration practice. P.p. 5-6.

¹⁸⁵ Lukashuk I.I. International Law in the Courts of States. P.133.

in the "Collection of legislation of the RF" is accompanied by the following explanation: the text of the agreement will be published after it has entered into force for the RF. In reality, though, it appears much later, even after the entry into force, despite the fact that the Treaty is already effective and giving rise to legal consequences".¹⁸⁶

To date, the Constitution of the RF in part 3 article 15 contains only an indirect requirement to promulgate international treaties: "Any normative legal acts affecting the rights, freedoms and duties of a person and a citizen may not be applied if they are not published officially for the general public".

The Constitution of the RF is significantly supplemented by the federal law "On International Treaties of the RF", which directly links the immediate effect of the international treaties with the need for their official publication. This law in item 3 of Article 5 establishes that the provisions of the officially published international treaties in the RF, which do not require the publication of domestic normative acts for application, operate in the Russian Federation directly.

"It is generally accepted, as S.Y. Marachkin noted as early as in 1997, to consider that this constitutional provision [Part 3 Article 15 of the Constitution of the RF] fully extends to international treaties".¹⁸⁷

But, as it turned out, not quite "generally". In 2012, the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation in the case on verification of the constitutionality of item 1 of Article 23 of the Federal law "On International Contracts of the Russian Federation", in connection with the complaint of citizen I.D. Ushakov¹⁸⁸. Among other things, the Resolution stipulates that the international treaties of the Russian Federation which have entered into force, including those affecting the rights, freedoms and legal duties of a person and a citizen, shall be subject to mandatory

¹⁸⁶ Marochkin S.Y. Legislative, doctrinal and practical development of the constitutional principle of the norms of international law in the Russian legal system//Application of international human rights treaties in the legal system of the Russian Federation: Scholarly conference proceedings. Yekaterinburg, 2003. P. 61.

¹⁸⁷ The Constitution of the Russian Federation: Scholarly and practical commentary // ed. by B.N. Topornin, Y.M. Baturin, R.G. Orekhov. M., 1997. P.109.

¹⁸⁸ The Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 27.03.2012 № 8-P "On the case of verification of the constitutionality of Article 23, item 1, of the Federal law "On International Treaties of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen I.D. Ushakov" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

official publication in the established procedure (on the basis of Part 3 of article 15 of the Constitution), without which they can not be considered as satisfying the principles of the legal state, the legal equality and legal certainty as necessary constitutional criteria for the protection of human and civil rights and freedoms in the territory of the Russian Federation. This conclusion has been made by the body of constitutional control on the basis of classifying international treaties as normative-legal acts.¹⁸⁹

Perhaps, it is this decision (along with some theoretical insights) that led to the adoption of the changes in the Russian legislation on official publication.

Analysis of Article 30 of the Federal law dated 15.07.1995 № 101-FZ (as amended on 12.03.2014) "On International Treaties of the RF", which regulates the procedure for the official publication of international treaties of the Russian Federation, shows, in particular, another duplication of the norm of this article classification of international treaties introduced by our legislators, which has been analyzed above, as well as legal consequences related to the procedure of official publication.

What else do we have in Russia's current legislation on this issue?

According to paragraph 3 of Article 3 of Federal Law "On the procedure for official publication and entry into force of federal constitutional laws, federal laws, acts of the Chambers of the Federal Assembly" (as amended by 25.12.2012), international treaties ratified by the Federal Assembly are promulgated in simultaneously with the federal laws on their ratification.¹⁹⁰

Article 4 of this Law provides that the official publication of the Federal Constitutional law, federal law, Act of the Chamber of the Federal Assembly is considered to be the first publication of its full text in The Parliamentary Newspaper, The Rossyiskaya Gazeta, The Collection of Legislation of the Russian Federation or the

¹⁸⁹ However, in the controversy over this resolution (before its adoption), very opposing views were expressed. As noted by V.S. Ivanenko, "the official responses of the federal agencies and constitution and international law scholars" to the request of the Court and "the statements of representatives of federal agencies at the session of the Constitutional Court contained allegations that International treaties are not normative legal acts" // Ivanenko V.S. International treaties of Russia as normative legal acts // Russian Yearbook of International Law, 2013. SPb., 2014. P.30.

¹⁹⁰ Federal law dated 14.06.1994 № 5-FZ "On the Procedure of official publication and Entry into Force of Federal Constitutional Laws, Federal Laws, Acts of the Chambers of the Federal Assembly" (as amended by the Federal law of 25.12.2012 № 254-FZ) // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018); the original text of the document was published: Collection of Legislation of the Russian Federation. 20.06.1994. № 8. P. 801.

first placement (publication) on the Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru).

Although international treaties are not indicated in the listing of Article 4, it should be assumed that in conjunction with Article 3 these provisions formulate the normative content of the term "official publication", including, in respect to such category of normative acts as international treaties.

In this case, the confusion with the sources of publication continues. Regarding the sources of official publication of the international treaties, the legal reference system still refers to the Decree of the President of the Russian Federation "On the Procedure for the official publication of International Treaties of the Russian Federation" in 1993,¹⁹¹ item 1 of which stipulates that the International treaties that have entered into force for the Russian Federation (except inter-agency agreements) are subject to official publication in the monthly Bulletin for International Treaties and, where necessary, also in the newspaper *Rossyiskie Vesti*. In addition, the international treaties of the Russian Federation can be communicated to the public by other mass media and publishers.

The second item of the Decree refers to the authorized bodies for submission for official publication of the international treaties, namely, the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and, where necessary, together with the Ministry of External Economic Relations, the State Committee for Economic Cooperation with the CIS member States or other interested central bodies of the federal executive power.

At the same time, item 3 of this Decree foresees that the international treaties of the Russian Federation concluded on behalf of the ministries and other central bodies of the Federal executive power (interdepartmental treaties), are promulgated in the official editions of these bodies.

However, this document contains neither clear procedure for official publication and bringing to the public the information of the international treaties of the Russian Federation nor any terms for this procedure. The question of "whether official official

¹⁹¹ Resolution of the President of the Russian Federation dated 11.01.1993 № 11 "On the Procedure of official publication of the International Treaties of the Russian Federation" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

publication of the international treaties is the responsibility of¹⁹² the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation has not been resolved yet.

There is no clear distinction between the notions of "official publication" and "promulgation". However, in practice, the confusion of these concepts may occur.

It can be noted that: at the time of the adoption of the changes of the law, the Russian legislators did not fully take into account the theoretical insights of legal scholars. Thus, there are neither uniform terms for the official publication of the international treaties, nor a comprehensible list of subjects whose duties include the timely official publication of international treaties; there is no single and systematic list of the places for official publication.

This innovation can be considered as progressive because it recognizes the publication of the texts of treaties on an official website as official publication - such publication is obviously intended to be prompt. The analysis of the specified website¹⁹³ shows the following:

The Internet portal has been working since 2005, the certificate of registration of the mass media was issued on 10.11.2011. The earliest publication of the international treaty on the portal dates back to 13.07.2012. As of 01.09.2015 (the date of the author's access), the total number of publications on the portal is 482. Based on these dates and figures only, two legitimate questions arise: can the publication prior to the amendments to the Federal Law dated 25.12.2012 (which provides for the recognition of the official status of such publication) be considered official; will the other international treaties be published on this website if they had already entered into force for the Russian Federation on the date of the recognition of the official publication. While the second question is less relevant for an executor of law enforcement, the first one is very important.

We can try to answer the second question to a degree and examine one of the publications on the website. The Agreement on the Customs Value of Goods Transported through the Customs Border of the Customs Union of 25.01.2008,

¹⁹² Dzhamaaldinov S.A., Ivanenko V.S. The Issues of official publication of the international treaties in Russia // Legal Science. SPb., 2004. № 1. P. 119

¹⁹³ Official Internet portal of legal information // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (application date 01.09.2015).

publication number 0001201207130036, the date of publication: 13.07.2012. At the same time, it was noted in parentheses that it had entered into force on 06.07.2010 and had not been published before. That is, the Commercial Court of the Russian Federation may apply this Agreement for a dispute settlement only if the relevant legal relationships were created after 13.07.2012. Meanwhile, the Agreement had entered into force two years before this date and should have been not just promulgated, but officially brought not only to the individuals and legal entities, who could be engaged in the legal relations that are regulated by them, but also to various law enforcers (Customs authorities, courts, tax authorities, etc.).

There is another example. The Protocol to the Agreement between the Government of the Russian Federation and the European Community on the Financing and Implementation of the Border Cooperation Program "South-East Finland-Russia", signed on December 15 and 18, 2014, came into force 26.12.2014, publication number: 0001201508110027, the date of publication: 11.08.2015. There is no indication of the existence or absence of any other official publication in regard to this document. Such case is not exceptional. That is, for a law enforcer, it stills remains unclear whether this website is a primary source of official publication and whether it is possible to apply the normative act before the date of its publication on this website.

A Russian law enforcer seems to need a certain transition period to learn how to use and apply this resource. Law developers or coordinators will need to promptly place relevant normative legal acts there and, possibly, add some explanatory references to the normative acts. For example, the website needs a section about the date of entry into force of the act, indicating the justification of this date, as well as a section devoted to the place and time of official publication of the act in other sources and similar data on the communication to the public by other mass media.¹⁹⁴

The resolution of the Federal Commercial Court of the Northwest district of 02.03.2009 in the case of № A42-3138/2008 may be indicative in terms of legal

¹⁹⁴ It should be noted that as of January 2019 this source of official publication is the most expeditious of all presented.

analysis of official publication of the international treaties.¹⁹⁵ The dispute was based on the following: JSC "Russian Railways" (claimant) appealed to the Commercial Court of the Murmansk region claiming that JSC "Siberian Aluminum Company" (defendant) should pay the penalty for exceeding the wagon load capacity. The Decision of the Commercial Court of First Instance dated 31.10.2008 dismissed the claim.

During the cassation appeal of the decision the claimant did not agree with the conclusion of the Court of First instance that the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Finland on the International Direct Railway Traffic concluded on 16.04.1996 had not been published so far in accordance with the procedure established by law.¹⁹⁶ He believed that the Court of First Instance "erroneously recognized the priority of the national legislation before the Agreement".¹⁹⁷

In response to the cassation complaint, the defendant stated, in my opinion, a reasonable position that the Court of First Instance correctly admitted that, since in the Collection of Legislation of the Russian Federation from 18.03.1996 № 12, Article 1146 published only the Resolution of the Government of the Russian Federation dated 28.02.1996 № 197 "On Signing the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Finland on the International Direct Railway Communication", and neither the Agreement itself nor the Conditions of carriage of passengers, freight and cargoes in the Russian-Finnish Direct Rail Traffic, therefore, this agreement cannot be applied in the case of a disputed carriage.¹⁹⁸

However, neither the Court of Cassation Instance (the decision of the Federal Commercial Court of the Northwest district of 02.03.2009 in regard to case № A42-3138/2008) agreed with such position, nor the Court of First Instance after the re-examination of the case (the resolution of the Commercial Court of the Murmansk

¹⁹⁵ The legal acts in case № A42-3138/2008 can be found on the official website Elektronnoe pravosudie (E-Justice). URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/5b1aaf1b-c00a-4c78-a310-c3ffbc536ed2> (application date 18.09.2018).

¹⁹⁶ This document was not officially published and ceased to be effective from the date of entry into force of the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Finland on direct international rail traffic from 28.04.2015.

¹⁹⁷ The Resolution of the Federal Commercial Court of the Northwest district of 02.03.2009 with regard to case № A42-3138/2008 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

¹⁹⁸ Ibid.

region dated 23.06.2009 in regard to case № A42-3138/2008), nor the Supreme Commercial Court of the Russian Federation (definition from 16.06.2010 № BAC-8025/09 on refusal to transfer case № A42-3138/2008 to the Presidium of the Supreme Commercial Court).

In regard to this case, the Decision of the Federal Commercial Court of the Northwest district dated 02.03.2009 sets out sufficiently detailed reasons to apply the rules of the international agreement and its annex. The Court makes the following conclusions. This Agreement is intergovernmental by its nature. In accordance with the recommendations set forth in the Resolution of the Plenum of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation dated 11.06.1999 № 8 "On Application of the International Treaties of the Russian Federation in relation to the Issues of Arbitration", the commercial courts are advised to take into account that the international treaties of the Russian Federation concluded by the ministries and departments should be published in the official editions of these bodies. In addition, item 2 of the aforementioned Resolution states that the international treaties of the RF may be brought to the public by the other mass media and publishers (Resolution of the President of the Russian Federation of 11.01.1993 № 11 "On the Procedure for official publication of the International Treaties of the RF"). According to the Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation (which is the successor to the Ministry of Rail Traffic of the RF abolished by the Resolution of the President dated 09.03.2004 № 314) from 02.11.2004 № 28 the official source of the normative acts of this Ministry is the newspaper *Transport Rossii* (Transport of Russia) which does not have to be registered by the state authorities. The newspaper *Transport Rossii* published the announcement of the Ministry of Transport of the RF that the Conditions of Carriage became effective from 10.03.2007.

The court analyzed the case files and noted two facts: By telegram from 18.10.2007 № BJI-11582 JSC "RZD" brought the announcement of the Ministry of Transport of the RF to the public attention, including consignees, as well as notified that the Conditions of Carriage are published on the website of the Ministry; earlier the telegram from 22.05.2007 № SK-5397 by JSC "RZD" informed consignees that the text

of the conditions of transportation in the territory of the Russian Federation is posted on the website of JSC "RZD" and on the website of Transinform.

The Court concludes that such procedure of publishing the information on the international treaties and agreements, in the implementation of which a federal body of executive power takes part, is foreseen by the Resolution of the Government of the Russian Federation dated 12.02.2003. "On Ensuring Access to the Information on the Activities of the Government of the Russian Federation and the Federal Executive Authorities" adopted in order to provide realization of the rights of citizens and organizations to access the information on the activities of the Government of the Russian Federation and the federal executive authorities. In accordance with the provisions of the Federal law dated 27.07.2006, № 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection", the Internet, in its turn, as a type of information and telecommunication networks, is a means of transmission of and access to information resources and therefore is considered to be a mass media.

As a result, the court concludes that the company as a professional participant in the transportation process and a receiver of cargo that is regularly transported in Russian-Finnish direct railway traffic, was supposed to obtain and study the information on the Conditions of Carriage's entry into force.

The reasoning part of judgment indicates that the court made the right conclusion that the Agreement under consideration between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Finland (as well as all its constituent parts, including the Conditions of Carriage) is an international treaty. As a normative legal act, this treaty is subject to official publication.

Such controversial situation would not have taken place at all if the Russian legislation did not have an unjustified hierarchy of the international treaties depending on the level of their signatory. But, in view of the existence of such provisions, the Commercial Court referred to the explanations by the Plenum of the Supreme Commercial Court of the RF according to which the international agreements concluded at the level of the ministries and departments are subject to official publication in official editions of these bodies.

However, the newspaper *Transport Rossii* published only an announcement on the Conditions of Carriage entering into force from a specific date. The publication of such announcement may not be the reason for the commencement of these Conditions because they were not officially published in this newspaper. Such announcement was just a repeat of the mistake of the ratification laws: when these laws were published it was said that the international treaty itself would be promulgated separately later.

The Commercial courts unreasonably substituted the idea of official publication of normative acts is by the idea of access to information. While the first idea is intended to create a legal fact of the entry into force of a normative act in space and time and make it applicable by stakeholders by its publication in the official mass media, the second idea is intended only to notify the state authorities and to inform and familiarize the participants in legal relations with the normative acts in the most comprehensible form. In this regard, legal scholars expressed well-founded views on the ambiguity of the category "bringing to the public" and, in particular, that it is unreasonably confused with the notion of "official publication" on both levels: legislation and law implementation.¹⁹⁹ Bringing to the public can be carried out along with publication in official editions, but not instead of it.

This position is also supported by the opinion of the Supreme Court of the Russian Federation, as set out in the decision from 20.04.2011 № GKPI 11-383, according to which, following item 1 of the Decree of the President of the RF "On the Procedure of official publication of the International Treaties of the Russian Federation", the first and second paragraphs define the procedure of official publication of the international treaties of the RF and the editions in which such official publication should be made. Consequently, the official publication of an international treaty of the RF in any other edition that is not mentioned in these paragraphs or in Article 30 of the Federal law "On International Treaties of the RF" expanding the list of official publications, is not considered official. Paragraph 3 of item 1 of the Resolution does not regulate the issues related to the official publication of the international treaties, but

¹⁹⁹ Dzhamaaldinov S.A., Ivanenko V.S. Issues of official publication of the international treaties in Russia. P. 119; Marochkin S.Y., Lesin A.V. Once again about the question of whether unpublished international treaties are subject to application // *Arbitration and Civil Court Proceedings*. M., 2003. No. 1. P. 29.

provides only the possibility of bringing them to the public by other media and publishers. The wording of this paragraph does not allow for such official publication of the international treaties to be official and results in relevant legal consequences; and does not cancel the requirement of their official publication in the editions defined for this purpose.²⁰⁰

Even though V.Y. Suvorova examines in detail the question when the international treaties of the Russian Federation are subject to execution and application, but she does not provide a substantive answer. However, the author notes that the commercial courts "do not always pay attention to treaty official publication", suggesting that "this is happening... because they do not consider it an obstacle to its application". At the same time V.Y. Suvorova rightly points out that "an international treaty that entered into force is subject to fair execution and application, and its timely official publication contributes to this".²⁰¹

It is necessary to understand that the competence of judges about the current sources of law is very important. However, the awareness of individuals (legal and physical) about the rules of law that perpetuate rights, freedoms and legitimate interests are no less important. The presumption of such awareness depends on the state's compliance with its obligations to promulgate legal acts. But it is necessary to understand clearly that obtaining information and official publication are substantially different phenomena and only the latter one gives rise to legal consequences.

The current situation of uncertainty regarding the procedures of official publication of the normative legal acts on the territory of Russia gives rise, in our opinion, to serious legal consequences in terms of law application. For example, in some cases, the commercial courts make absolutely opposite conclusions about the applicability/non-applicability of the same international treaty.

²⁰⁰ The Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.04.2011 № GKPI11-383 On refusal to satisfy the application to recognize as invalid the third item of clause 1 of the Resolution of the President of the Russian Federation dated 11.01.1993 № 11 "On the Procedure of official publication of the International Treaties of the Russian Federation" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

²⁰¹ See the detailed information: Suvorova V.Y. At what point are the international treaties of the Russian Federation subject to enforcement and application? // Russian legal journal. Yekaterinburg, 2010. № 1 (70). P.p.142-151.

This is what happened with the European Agreement concerning the International Carriage of Dangerous Goods by Road in 1957 (ADR).²⁰² Russia acceded to this Agreement by the Resolution of the Government of the Russian Federation of 03.02.1994 № 76.²⁰³ In regard to ADR, the legal reference system Consultant Plus states that this document entered the force on 29.01.1968 and for the Russian Federation on 28.04.1994. However, such conclusion is made solely on the basis of Art. 7(2) of the 1957 Agreement itself, according to which in each country that accedes to it, this Agreement shall enter into force one month after the date of the deposit of the instrument of accession of the said country to the Secretary-General of the United Nations. Thus, legal vacuum can be observed: From the standpoint of the international legal system, this agreement entered into force for the Russian Federation and should be implemented in good faith, while from the standpoint of the national legal system, this Agreement is not applicable because it affects the rights and freedoms of participants in civil law relations (in particular, it provides grounds for prosecution for non-compliance with its provisions), but it was not promulgated.

It is quite controversial to date how the issues of determining the necessity of official publication of international treaties of the Russian Federation concluded at the level below the federal law, have been legally fixed. The necessity of such actions is determined by the category of "affecting the human rights and freedoms". At the same time, in relation to other normative legal acts of the level below the federal law, it is rather difficult to determine whether a particular act affects the rights and freedoms of a person and a citizen and, therefore, whether it is subject to official publication in order to enter into force. This assessment in accordance with the Resolution of the RF government of 13.08.1997 № 1009 is entrusted to the Ministry of Justice of the Russian Federation which approved the rules for the preparation of normative legal acts of the

²⁰² This international treaty, as of 17.09.2018, was not officially published. Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

²⁰³ Resolution of the Government of the Russian Federation dated 03.02.1994 № 76 "On the Accession of the Russian Federation to the The European Agreement concerning the International Carriage of Dangerous Goods by Road" // SZ of the RF. № 7. From 14.02.1994 Art. 508.

federal executive authorities and their state registration.²⁰⁴ From paragraphs 10, 11 of these rules it follows that the procedure of the state registration of normative legal acts has a separate stage, namely, the decision on the necessity of the state registration of the act, which, in turn, depends on whether this legal act affects the rights, freedoms and duties of a person and citizen, and whether a legal status of organizations should be established. Based on the classification of the international treaties of the Russian Federation adopted in Russia to date, similar rules apply to the corresponding level of the international treaties.

At the same time, let me make one more remark. In accordance with item 3 of Article 15 of the Constitution of the RF, mandatory official publication is provided for the normative legal acts that affect the rights and freedoms of a man and citizen. But in commerce, when the participants in legal relations are mainly commercial enterprises, it is difficult to state, for example, that the ADR normative acts directly affect the rights and freedoms of a person or citizen. At the same time, it is the property disputes between the economic entities that are the subjects of the commercial courts of the RF.

Strictly speaking, an organization is recognized as a legal entity if it has its own set apart property which is accountable by its obligations with this property and may on its own behalf acquire and exercise its civil rights and discharge its civil duties and to come out as the claimant and defendant in the court of justice. (item 1 of Article 48 of the Russian Civil Code).

However, neither this legal definition nor the subsequent norms of the Russian Civil Code exclude the fact that a legal entity is classified as a legal category derived from the main, paramount subjects of the domestic rights – individuals. It is by the will of such individuals who want to primarily realize their socio-economic ambitions that the legal entities are created. Based on the international and domestic law a person has a set of personal rights, such as: the right to life, right to a dignified existence, etc. These rights cannot be realized without a set of human freedoms, which include freedom of economic activity and association. The ultimate goal of entrepreneurship, in any case, is

²⁰⁴ Resolution of the Government of the Russian Federation dated 13.08.1997 № 1009 "On the Approval of the Rules of Preparation of the Normative Legal Acts of the Federal Executive Authorities and their State Registration" // SZ of the RF. 1997. № 33. Art. 3895.

the realization of the right to life, through the receipt of profit, which in some extent is allocated for sustenance ensuring the maintenance of life cycles. Through the organization of the legal entities, the realization of the right to work of specific individuals is ensured. Moreover, in the next chapter I will give an example of the interpretation by the international judicial body of the right of the legal entity founders to defend their interests even when the entity has already ceased to exist, that is beyond the existence of the legal entity as such.

On the basis of the above facts, we believe that the rights and freedoms of natural persons can be and are affected by the norms of international treaties indirectly through the regulation of legal relations with the participation of juridical persons. Therefore, the national legal system allows the Russian commercial courts to directly apply only promulgated international treaties of the RF.

Here are the examples of the consequences of the theoretical and practical loose ends in the Russian legal system.

The decision of the Commercial Court of the Udmurt Republic dated 21.04.2014 regarding case № A71-2758/2014 on the claim of the limited liability company "Udmurt Commercial Company" to the Department of the State Inspectorate of Road Traffic Safety of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Izhevsk to recognize as illegal and cancel the decision to impose administrative sanctions, in the reasoning part thereof, on the basis of analysis of the provisions of the current Russian legislation and taking into account that there is promulgation of ADR and annexes A and B to the said agreement have not only been published but also not posted in the legal reference systems, concluded that "imposing administrative sanctions on the commercial company for violation of the requirements contained in ADR should be recognized as unlawful".²⁰⁵ This decision was kept in force by the decision of the Seventeenth Commercial Appellate Court dated 09.07.2014.²⁰⁶

²⁰⁵ The Decision of the Commercial Court of the Udmurt Republic dated 21.04.2014 regarding case № A71-2758/2014 // Official Site E-Justice. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/8827fc80-29fc-40f1-9764-a50ae199c9b7/A71-2758-2014_20140421_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (application date 18.09.2018).

²⁰⁶ The Resolution of the Seventeenth Commercial Appellate Court dated 09.07.2014 regarding case № A71-2758/2014//Official Site E-justice. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/8827fc80-29fc-40f1-9764-a50ae199c9b7/A71-2758-2014_20140421_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (application date 18.09.2018).

Contradictory conclusions were made in arbitration case № A65-5254/2013 regarding the claim of the limited liability company "Department of Technical Transport of Bugulminskoe" to the Department of the State Inspection of Road Safety of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the Bugulminskomu region of the Republic of Tatarstan challenging the decision to impose to administrative sanctions. The existence/absence of the administrative offense in the actions of the plaintiff in this case were evaluated by the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan on the basis of the provisions of ADR.²⁰⁷ Such conclusions were supported by the Eleventh Commercial Appellate Court and the Federal Commercial Court of the Povolzhskiy district.²⁰⁸ In particular, the reasoning part of the ruling of the third instance court states that "the relevant provisions of ADR were applied by the courts to the case under consideration". This conclusion was made on the basis of the following assessment: "According to Article 1 of the Federal law of 15.07.1995 № 101-FZ "On International Treaties of the Russian Federation", the international treaty of the Russian Federation is an interstate, intergovernmental or inter-agency agreement regardless of its type and name (treaty, agreement, convention, protocol, exchange of letters or notes, other types and names of international treaties). Item b of part 1 of Article 21 of the same Law foresees that the Russian Federation shall accede to the international treaties on behalf of the Government of the Russian Federation.

In accordance with the Resolution of the Government of the Russian Federation of 03.02.1994 № 76, the Russian Federation formally acceded to the European Agreement on the International Carriage of Dangerous Goods by Road (ADR) from 28.04.1994.

The European Agreement on the International Carriage of Dangerous Goods by Road (ADR), by virtue of article 15, item 4 of the Constitution of the Russian

²⁰⁷ The Decision of the Commercial Court of the Republic of Tatarstan dated 24.05.2013 regarding case № A65-5254/2013 // Official site E-justice. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/36230fbc-f8da-431a-a6fc-8261a7731d67/A65-5254-2013_20130524_Reshenie.pdf (application date 18.09.2018).

²⁰⁸ The Resolution of the Eleventh Commercial Appellate Court dated 11.09.2013 and the Resolution of the Federal Commercial Court of the Povolzhskiy district dated 09.01.2014 regarding case № A65-5254/2013 // Official site E-justice. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/ffe03866-eeef-45a0-90d5-7b38dd40a7a9> (application date 18.09.2018).

Federation since 28.04.1994 has been an integral part of the legal system of the Russian Federation".²⁰⁹

The amount of fines imposed on the companies for the administrative offenses was significant (400 000 rubles), and the area of legal relations regulated by ADR was important (transportation of dangerous goods). But no action was taken by the higher state bodies regarding the legalization of application of this international treaty of the RF by the Russian law enforcement agencies (official publication was not carried out), and its full text (including applications) is still unavailable even for the public in general.²¹⁰ Whereby we deem unreasonable only the registration of protocols on administrative offenses with references to this normative legal act of international law, but also the adoption of judicial acts on the basis of its provisions.

To sum up, the following should be emphasized.

To date, there is still the need for legislative resolution of issues of official publication the normative legal acts in the Russian Federation.²¹¹

On the one hand, failure to implement a domestic procedure to ensure that the Russian law enforcement agent be provided the possibility of the proper application of the international treaty which entered into force for the state, is the responsibility of the state as a party in international relations that has violated the principles of compliance and good conscience in fulfilling its obligations under the treaty. In turn, law enforcement agencies and individuals (whether legal or natural persons) are obliged to follow the rule that only the promulgated normative acts are subject to their application, as it is stipulated in the national legal system. From this point of view, the state cannot impose inflated demands to its agencies and to individuals regarding the application of the rules of the international treaties.

But on the other hand, participants in legal relations have to deal with this conflict: the current international law does not require that one of the provisions for the

²⁰⁹ The Resolution of the Federal Commercial Court of the Povolzhskiy district dated 09.01.2014 regarding case № A65-5254/2013 // Ibid.

²¹⁰ As a result of a search on the Internet, one site was found that gives a real opportunity to learn the provisions (including appendices) of ADR: URL: <http://zakonrus.ru/asmapi/dopog/dopog.html> (application date 12.06.2016).

²¹¹ In the literature, even the need to publish acts of international organizations and international courts is justified as a promising direction for the development of this institution. – see about this: Morozova Y.G. Is the international treaty not published officially in the media applicable? // Arbitration practice. M., 2002. № 6. P. 95.

application of its normative acts to be the official publication of these acts, while the Russian legislation does. Accordingly, guided by the general principles of international law, the Russian law enforcement agencies and private individuals should take into account the international treaties that entered into force in Russia, notwithstanding the fact that, according to the internal law, only the promulgated international treaties should be applied.

The first option seems more correct, but with a caveat. The state is independent in determining the procedures and modes for the implementation of the international treaties within its legal system and it may burden itself with the need to comply with additional procedures in order to ensure the most effective protection of human rights and civil liberties, as well as to streamline the law enforcement practice.

The requirement of official publication is not unreasonable, but it has its quite logical objectives and must be fulfilled.

If the state is concerned about its reputation on the world stage and wishes to observe the provisions of both the universally recognized principles of international law and international treaties, it is obliged to establish such a mechanism of official publication which will allow to exclude existing shortcomings in this process and follow the international obligations. In formulating a procedure of official publication of normative and legal acts of international law, the state should take into account the provisions of Article 27 of the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties, which states that a party may not invoke the provisions of its domestic law as justification for its failure to comply with the treaty. Hence, no matter what rules and procedures were envisaged in the domestic legal system in order to achieve the objective of the domestic implementation of an international treaty, the state itself is not exempt from the legal responsibility for non-compliance with its international obligations as a result of compliance with the domestic rules and procedures.

The interpretation of the norms of Article 15 of the Constitution of the RF all its complexity leads to the conclusion that the Russian legal system is built in such a way that it includes the international treaties of the RF, regardless of whether they were or were not promulgated. But the relevant agencies are obliged to apply only those

international treaties of the RF that were promulgated, because "any normative legal acts affecting the rights, freedoms and duties of a person and a citizen, can not be applied if they have not been officially brought to the public" (Art. 15(3) of the Constituion of the RF).

The mechanism of official publication of the international treaties of the RF should be developed at the level of federal laws, given the importance of the issues that require resolution. Such federal law cannot be made without amendments to the federal law "On the International Treaties of the RF". This mechanism can be effectively developed when the following principles are adopted: the international treaties are not classified depending on the authority that expresses its consent to be bound by such a treaty; a specific agency is determined to be responsible for official publication (such agency should be informed about its responsibilities as early as at the stage of the negotiation of the international treaty and the expression of the consent to it); such agency is given access to the relevant Internet resource (which can be called the most expeditious of all means of the official publication); a clear time frame should be determined for the promulgation procedure; the obligation (and not the possibility) to official publicate the full text of the international treaty should be foreseen (including all the annexes and other possible integral parts) together with the act of acceptance or ratification.

Moreover, it is necessary to give a formal explanation as to the application by the Commercial Courts of only those international treaties of the RF which are promulgated, irrespective of the fact that such treaties may not directly affect the rights and freedoms of a person and citizen. Such treaties can provide legal regulation of arbitration proceedings, that is mainly about public relations which involve the activities of the legal entities. But this does not preclude the ultimate effect of the principle of legal certainty. It should be remembered that there is always an individual behind a commercial enterprise.

3.6. An integrated approach to the determination of the place and nature of the interpretation of international treaty norms for their judicial application

It is difficult to imagine how, without understanding the content and meaning of the norm, a legal relationship can be settled with it or a specific dispute can be resolved.

In order to comply with the national rules of interpretation of international law, item 9 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF of 10.10.2003 № 5 clarifies that the improper application of the rule of international law may also take place in cases in which the court provided an incorrect interpretation of the rules of international law.

Item 10 of the Resolution states that "the international treaty shall be interpreted in accordance with the Vienna Convention on the Law of Treaties of 23 May 1969 (section 3; Articles 31-33)". It was also emphasized that "under article 31, item 3 (b), of the Vienna Convention, the interpretation of an international treaty, together with its context, should take into account the subsequent practice of applying the treaty, which establishes the agreement of the parties concerning its interpretation".

Item 4 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation regarding "Application of International Treaties of Russian Federation in Relation to Arbitration" clarified: "When the court applies the rules of the international treaties it should be guided by the such interpretation of the international rules that is made in the manner specified in part 3, section 3, of the Vienna Convention on the Law of Treaties of 23.05.1969. The court interprets the international legal norm in good faith, in the specific context and in accordance with the scope and purposes of the international treaty of the Russian Federation".

Some scholars argue that the interpretation of the rules of law and their application are two separate processes following one another. For example, D. Kharasti noted that "the interpretation is intended to clarify the meaning of the treaty, whereas its application implies the establishment of consequences for the parties and, in exceptional cases, also for the third party states in a specific situation".²¹² V.S. Nersesjanc pointed out that "the only thing that is obvious and unchangeable is that the content of a specific

²¹² Haraszti G. Some Fundamental problems of the Law of Treaties. Budapest, 1973. P.18.

legal norm [national or international] should be clarified before its application (implementation)".²¹³

However, this study has previously examined law enforcement as an integral legal system. In this regard, it is more reasonable, in my view, to consider the treaty interpretation as part of law enforcement process. The indispensable link and the complex unity of interpretation with other constituent processes of law application make it difficult to separate them from each other. Such conclusions will be supported by further elaboration of this issue.

The concept of faithful implementation of the international legal obligations implies, among other things, the obligation to conscientiously interpret the rule to be applied. In this case, as S.V. Bakhin aptly notes, "law cannot be considered outside the context in which it is formed and functioning".²¹⁴

In specific cases, a national law enforcer cannot avoid establishing the legal significance of a normative act - an international treaty that should be applied. However, as noted by I.I. Lukashuk, often "courts resort to the restrictive interpretation of international law, believing that they [international laws] limit the sovereignty of the state", thus "international norms acquire unequal content in different legal systems"²¹⁵. But, as it was noted earlier in this investigation, the principles of respect for the state sovereignty and non-interference in the internal affairs of the state are not limited by the principle of faithful implementation of international treaties (an integral part of which is conscientious interpretation of the norms of such normative legal acts in the course of their application). On the contrary, they are complementary legal principles aimed at the stability of the world order and the progressive development of domestic legal systems.

In cases of the application of the norms of the international treaties of the RF a domestic court should be guided by the special rules of international law interpretation.

If law is a constituent backbone part of the legal system, then the interpretation of a normative act is a factor that influences the characteristics of the legal system.

²¹³ Issues in General Theory of Law and State / textbook. ed. by V.S. Nersesjans. M., 2006. P. 443.

²¹⁴ Bakhin S.V. The International Component of the Russian Legal System // Jurisprudence. SPb., 2007, № 6 (275). P. 127

²¹⁵ Lukashuk I.I. Modern Law of International Treaties. Vol. 1. P. 653

As Braginsky M.I. and Vitvjanskij V.V. aptly note, "any legal norm as such is an abstract rule of conduct, which is realized in its application", and "the link between the norm and its application is the understanding of the norm, or, in other words, its interpretation".²¹⁶ We deem this is the reason why interpretation is a component of the legal system; it is inextricably linked to the interpreted act itself (in our case, an international treaty).²¹⁷

The interpretation of the rule of law is a complex process involving the need to use different strategies and mechanisms, which is why their elemental characteristics cannot be determined. However, the parameters and characteristics of the interpretation are directly dependent on the nature of the system and affect its quality, since the results of the interpretation depend on the relevant law enforcement activities.

The idea that "there is nothing wrong with interpreting the [international] treaty as a domestic normative act" seems to be controversial.²¹⁸ In cases where it is necessary to apply the norms of international treaties, the commercial court should be guided by special rules of both international legal and Russian legal interpretation.

The international law interpretation of the norm of an international treaty is a component of the international legal system. While remaining a qualitatively international phenomenon, this interpretation becomes, along with international treaties themselves, part and parcel of the national legal system.

The normative grounds of international interpretation of international treaties, first of all, are the provisions of Articles 31 – 32 of the Vienna Convention on the Law of Treaties, 1969.

Article 31 "General Rule of Interpretation" of this Convention formulates (despite the name of this article) a few rules. These rules reflect all three basic approaches to the interpretation of international law: intent-based approach (according to which greater importance is attached to preparatory materials), text-based approach

²¹⁶ Braginsky M.I., Vitvjanskij V.V. Contract law. Book one. General provisions. M., 2011. P. 137

²¹⁷ For more information, see: Krivoruchko O.A. Official International Legal Interpretation of International Treaties as a Component of the Russian legal system // Bulletin of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. Law Series. 2015. № 1. P.p 104-113.

²¹⁸ Kanashvskij V.A. On the interpretation of international treaties regulating civil-legal relations // Application of International Human Rights Treaties in the Legal System of the Russian Federation: Scholarly conference proceedings. Yekaterinburg, 2003. P. 26

(it aims at clarifying the meaning of the contract by analyzing its contents) and teleological approach (interpretation is made through elucidation of the object and purposes of the treaty; such interpretation allows for changing the content of the treaty to adapt it to new circumstances).²¹⁹

Establishing these three approaches to the interpretation of international treaty norms is appropriate because it eliminates possible contradictions arising from the differences in the legal systems of the contracting states.

It is very important not to resort to the analogy with the interpretation of civil law contracts when there is "the true intent will of the parties".²²⁰ Regarding the international treaties, the indispensable adherence to the principle of literal interpretation of the words and expressions contained in a treaty may erroneously prevent the applicability of the rules of a particular treaty to the disputed legal relations, or lead to the distortion of the matter of the treaty and the regulatory procedure it provides.

Here is an example.

The Commercial Court of the Omsk region on 16.02.2017 regarding case of № A46-1495/2017 issued a refusal to accept the objections of the Office of the Pension Fund of Russia to the decision of a foreign court.²²¹ The Pension Fund Office in its statement objected to the Definition of the Economic Court of Tashkent of the Republic of Uzbekistan dated 01.12.2016 in case № 10-1503/5011, which satisfied the claim of the judicial manager of JSC TTP to oblige the territorial extra-budgetary pension funds to accept the documents of the former employees of JSC TTP who receive compensations for the health damage caused by their work at JSC TTP and make payments to these employees; the territorial extra-budgetary pension funds for the city of Tashkent and the Republic of Uzbekistan, the pension funds of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan are bound to accept the obligations of the debtor – JSC TTP and make further payments to the former employees of JSC TTP as

²¹⁹ See: Lukashuk I.I. Modern law of international treaties. T. 1. P. 612-613.

²²⁰ Article 431 of the Civil Code of the RF obliges to establish the true intent of the parties that agree about the interpretation of the treaty / Civil code of the Russian Federation. Part 1 // SZ RF. 05.12.1994. No. 32. Art. 3301.

²²¹ The Determination of the Commercial Court of the Omsk region dated 16.02.2017 in the case № A46-1495/2017// Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

a compensation for the health damage caused by their work at JSP TTP, for the period from 2017, taking into account the average life expectancy in the Republic of Uzbekistan for a total amount of 21 451 633 068 sum.

The Commercial Court used the integral approach for the interpretation of the rules of national and international law and found that the definition of the Economic Court of Tashkent "imposes on the persons listed therein a joint obligation, and this obligation is related to the payment of compensation to third parties, which, in the view of the court, indicates that it (definition) requires enforcement, and that this execution is obviously not ensured solely by the goodwill of the persons who should comply with the obligation". Therefore, this definition, "based on its contents, does not correspond to decisions that do not require of their implementation and that are recognized in the Russian Federation without additional judicial administration, because it does not meet the conditions provided by Article 52 of the Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters, which was adopted in Minsk on January 22, 1993".

The court concluded that "the Definition of the Economic Court of Tashkent of the Republic of Uzbekistan does not belong to the range of decisions in respect of which, in accordance with article 245.1 of the APC of the RF the stakeholder can file objections against such decision".

In this case, the Commercial Court did not use the literal interpretation of the 1993 Convention on Legal Assistance, which uses the term "decision". Of course, judicial acts – decisions and definitions – differ significantly by their legal characteristics. In our opinion, the Commercial Court provided comprehensive reasons that a judicial act of a foreign state by virtue of an international treaty is an act that should be recognized and enforced.

It goes without saying that "in real practice, the participants in civil legal relations and the Russian courts do not have the opportunity to use all... means of [international law] interpretation and are limited to the analysis of the text of the treaty,...courts adhere

to the objectifying approach by recognizing the text... as the only means of their interpretation because the other means are less accessible to the court".²²²

But in this case it is necessary to cope with the specificity of the Russian arbitration process – the formality of the relations between the parties, i.e. when the written evidence presented in the case materials is subject to evaluation. The evidence of other references – witness testimonies, explanations of the parties, etc. - though formally is no less important, but it can not compete with the written evidence. Such specificity makes it possible, in some cases, to substantiate the "the true intent of the parties", which contradicts the text of the contract-transaction, by submitting prior or subsequent written negotiations of the parties in relation to the transaction. In the same vein, certain questions of interpretation of the rules of treaties should be taken into consideration.

The following statement has been repeatedly criticized, but it still has its grounds: "the historical basis of the treaty, the preparatory work, the circumstances in which the parties found themselves were at the time of the conclusion of the treaty, the change of these circumstances, which the treaty sought to implement, the subsequent conduct of the parties in the application of the provisions of the treaty and the conditions prevailing at the time when the treaty was interpreted- all these conditions should be taken into account, in connection with the general purpose for which the treaty was concluded".²²³

Such approach to the interpretation of treaty norms is very complex and labor-intensive when it is put into practice. When a decision is made on the merits of the dispute or when formal explanations for a particular legal situation are provided, a Commercial Court of any level has to find (besides the text of the treaty to be applied) a great amount of related information that may not available to the public. It should also be noted that the language of the international treaty norms is more abstract than that of the Russian legislation, which also creates the need for a formal international legal interpretation of their application.

²²² Kanashevskij V.A. Op. cit. P. 26; See also: Lukashuk I.I. International law. General part. P. 208

²²³ The American Journal of International Law. 1935. № 4. October. Vol. 29. Supplement.

Thus, by applying the norm of an international treaty, the judge of a domestic court inevitably faces difficulties in finding various kinds of information regarding the application of such norms. Official explanations, as it may be seen, do not facilitate this work. The time factor also plays a role in this process. The number of cases considered by the Commercial Courts is increasing and there is a tendency to complicate such cases. The information and technical support of the arbitrators is at a high level today and is constantly evolving, but it cannot yet cover all the needs for the correct interpretation and application of the rules of the international treaties.

E.A. Kudelich reasonably comes to the conclusion that “the questions of the application and often the associated process of interpreting the norms of international treaties are extremely complex in nature, which is caused by the significant difference between the system of international law and the more familiar to the judge system of norms of national law. However, expanding the participation of Russian entrepreneurs in international commercial circulation is increasingly challenging the judges of commercial courts with the difficult task of interpreting international acts”.²²⁴

The application of the rules of the international treaties sometimes requires not merely a legal assessment of a particular situation in relation to a normative rule of conduct of judges but also their expertise in international law regarded as an integrated legal system. In this situation, an arbitrator of a Commercial Court does not have the opportunity to obtain an advisory opinion related to the application of international law.

Only the highest judicial authority has the right to request the relevant international body for the procedure of the application of the international treaties. Let us provide an example. Before the creation of the Eurasian Economic Union there used to be the right (in case if the decision is not final) and the obligation (in case if the decision is not subject to further appeal) to appeal to the Court of the Eurasian Economic Community (hereinafter referred to as the EurAsEC court) to which a relevant decision was made which was mandatory by virtue of clause 5 of Article 10 of

²²⁴ Kudelich E.A. Theoretical and practical aspects of interpretation by the commercial courts of the Russian Federation of the norms of international treaties // Questions of international law in the law enforcement activity of the court. Actual problems of judicial practice in the field of intellectual property protection. M., 2006. P. 27.

the Agreement on Appeal to the EurAsEC Court of Business Entities on disputes within the Customs Union and the peculiarities of dispute proceedings dated 09.12.2010.²²⁵

Only the court of higher instance could apply to the EurAsEC court with relevant requests. It appears that if the Commercial Courts of other instances have a dispute concerning the interpretation of the norm of an international treaty, there would have been no legal possibility of obtaining any special explanation. This circumstance has posed another obstacle to the correct application of norms of the international treaties by courts of all levels of the arbitration system. An arbitrator is bound to comply with procedural deadlines and has no opportunity to get an advisory opinion or official international legal interpretation; on top of that she or he has to consider a number of cases and becomes a hostage of the circumstances and is forced to make a decision based only on his or her subjective assessment of the norm of international law, relying on the subsequent support of the higher instance court. Such a situation undermined the idea of compliance with the principles of uniformity of judicial acts and legal certainty.

The constituent treaties of the Eurasian Economic Union do not separate the prejudicial and advisory requests, and the right to request an advisory opinion about the interpretation of the acts of the Union is left to those bodies of Member States that will be indicated in a special diplomatic note by each state.²²⁶

T.N. Neshataeva notes that "elimination of a special form of request from courts poses a threat to uniform understanding of the Union's law and, consequently, its effective functioning".²²⁷

The European Court of Human Rights noted that the role of the Supreme National Court is precisely to resolve the contradictions in the case-law which stem

²²⁵ URL: <http://sudevrazes.org/main.aspx?guid=21791> (application date 18.09.2018).

²²⁶ Item 49 of the Statute of the Eurasian Economic Union Court of 2014 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018); See also: Resolution of the President of RF dated 21.05.2015 № 252 "On the Federal Agency of Executive Power Authorized to Appeal to the Court of the Eurasian Economic Union" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018); Neshataeva T.N. Eurasian integration: the role of Court. M., 2015. P. 63.

²²⁷ Neshataeva T.N. Eurasian Integration: the role of Court. P. 63.

from the lack of uniformity. This court is supposed to eliminate such contradictions and approve the interpretation to be followed by the subordinate courts.²²⁸

The Supreme Court of the RF has a very important and necessary authority (in relation to the study by the Panel on Arbitration disputes) to form recommendations and explanations on the application of the international treaties. This has been repeatedly emphasized in our study above.

Without denying the need of this authority of the highest judicial body and without taking away from its merits, it should be noted that a court decision of any level must meet the criteria of legality and validity. However, the Supreme Court cannot cover all possible variations application of the norms of the international treaties in Russia. Moreover, the explanations and recommendations of the Supreme Court of the RF (as well as those that were made before by the Supreme Arbitration Court of the RF) are proposed after generalizing the existing judicial practice and in regard to a specific issue in a particular case when it arises. In order to ascertain the correct application of the rules of international law, it is necessary to have the specific case passed through the courts of all instances.

T.N. Neshataeva examines the procedures for the elimination of conflicts of law that exist in Russia (including the conflicts of national and international law) and reasonably indicates their *lex ferenda* nature, that is that they are intended for the future.²²⁹ According to Neshataeva, the procedures for the elimination of conflicts include establishing "an extraordinary ground in the procedural legislation for the annulment of a judicial act in order to create the uniform (correct) practice (which should be binding), while the elaboration of reviews of the judicial practice by the Supreme Courts should be advisory.²³⁰ But "they are not capable", T.N. Neshataeva notes, "to help the judge understand the situation in a concrete case, for the first time

²²⁸ The resolution of the European Court of Human Rights from 06.12.2007 regarding the case "Bejan v. Romania" (№ 1), complaint № 30658/05 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

²²⁹ Neshataeva T.N. Building uniform judicial practice and possibilities of introduction of prejudicial inquiry into the procedural legislation of Russia // *Legislation: Law for business M.*, 2007. No. 5. P. 53.

²³⁰ *Ibid.* Pp. 52-53.

arising in his career".²³¹ In her opinion, a prejudicial request to the High Court during case consideration may solve this problem.

The problem can also be solved by the introduction of a procedural inquiry to the arbitral tribunal. Such inquiries can be sent by a commercial court of any instance to a higher judicial instance "in order to ensure a uniform interpretation and application of the law by commercial courts in connection with the adoption of the law, conflict of rules of substantive or procedural law, the absence of a rule of law to be applied in the case in question, which may lead to the violation of human rights and freedoms and interests of an uncertain number of persons".²³²

In addition, there may be situations where the interpretation of the rule of law cannot be exhaustive and definitive. In a particular situation, given changing circumstances (political or economic conditions or any specific action by the parties to an international treaty that may entail appropriate sanctions or counteractions), the norms of international law can be interpreted and, accordingly, implemented in a different way.

I.I. Lukashuk reasonably argues that "the legislative and judicial state bodies are not always prepared to take due account of the provisions of international law, and even more so to duly interpret its norms".²³³ He underlines that the task of interpreting the norms of international law "requires thorough knowledge not only in the field of law, but in the field of politics, economics etc".²³⁴

The institute of expertise does not allow judges to raise questions about the applicability of certain substantive or procedural rules of international law. The questions of the applicable law, the order of its application, the interpretation of the normative and legal acts reside exclusively in the competence of a commercial court and may not constitute the subject of an expert examination. At the very least, a commercial court may not formally invoke the expert's findings on such matters as a justification for the relevant enforcement of law.

²³¹ *Ibid.* № 5. P. 53.

²³² See: Crymsky D.I. Approaches to understanding the "uniformity" of judicial practice in arbitration cases: Critical View // *Arbitration practice*. M., 2009. No. 11. P. 51-52.

²³³ Lukashuk I.I. *Modern Law of International Treaties*. Vol. 1. P.654

²³⁴ *Ibid.* P. 657.

The judge's duties in deciding on a particular dispute include legal assessment of the circumstances of the case and determination of the norms to be applied to the disputed legal relations. However, some special legal analysis of the provisions of the international treaties using comprehensive knowledge in this field (i.e. the international law interpretation in its broad, objective understanding) cannot be attributed to the competence of a national judge, as it is rather an area of the expert research. However, by making a judicial decision on the merits of a dispute with the application of international law, the arbitrator acts on behalf of the Russian Federation as a public authority and must have full information on the norm applicability.

In connection with the above, the following should be underlined. It is necessary to remember that "in any law enforcement action, in any decision of a legal case the understanding of the law is already expressed, even if it was not mentioned literally in the text".²³⁵

A.V. Darda reasonably argues that "even when the court of general jurisdiction is obliged to abide by the interpretation given by the Supreme Court of the Russian Federation, the arbitrators must still independently comprehend the relevant legal material and express their judgment, because it is this court that generates a decision".²³⁶ The principle of the independence of judges is not only a guarantee of the impartiality of the decision, but also compels each particular judge to find the correct meaning of the applicable law and to settle the dispute at his or her own discretion.

It is not necessary to exaggerate the importance of applicability of the law in terms of interpretation of international treaties. The principles of the system of commercial courts in Russia before its reformation determined that the legal authority to issue acts of interpretation and explanation of the application of the law belonged only to the Supreme Commercial Court of the RF. After the reform of 2014, such authority

²³⁵ Issues in General Theory of Law and State / textbook. Ed. by V.S. Nersesjans. P. 442.

²³⁶ Darda A.V. General Principles and Rules of Judicial Interpretation of Universally Recognized Principles and Norms of International Law // Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. M., 2004. No. 1. P. 118 It should also be noted that the proposed statement applies to the courts of general jurisdiction, but it is also applicable to the legal interpretation of the universally recognized principles and norms of international law by the commercial courts.

(including the acts in regard to the system of the commercial courts) was vested in the Supreme Court of the RF.

In this situation, we deem it is possible to divide the concept of interpretation into a subjective process of understanding the essence of the legal norm of an international treaty and the process of presenting the essence of the norm outside so as to make it understood by every person or a legal entity.

Every judicial act of a Russian commercial court is an act of subjective interpretation of the rule of law. Moreover, it is the interpretation as a subjective process of understanding the meaning of the norm that is included in each implementation of law (compliance, execution, use, application).

In turn, the interpretation, as a result of appropriate professional work of the authorized bodies and organizations to explain the norms of the international treaties, may not be a characteristic of each judicial act. Such official interpretation only resides in the competence of the Supreme Court of the RF.

If we refer to the category "official interpretation", it can be seen that the 1969 Convention on the Law of Treaties does not establish the list of persons authorized to give an official authentic interpretation. Such indication is absent both in the text of the Convention itself and in the preparatory materials for its elaboration and adoption at a relevant conference.

According to I.I. Lukashuk, "the interpretation exercised by those who are the subjects of international law is considered official, by those who are not the subjects is unofficial".²³⁷ However, it does not seem sufficient to qualify the interpretation as "official" only according the relation of the subject who made it to the subjects of international law.

The official nature of the interpretation distinguishes it from the rest not only by the fact that it is given by the entity that created the norm, but also by the fact that such interpretation has a normative and universal binding. "The binding nature of the official interpretation compels a law enforcement body to find and study the acts of clarification

²³⁷ Lukashuk I.I. *Modern Law of International Treaties*. Vol. 1. P. 642.

in the first place and, second, to follow these acts in the event of divergence of their own understanding of the applicable norms with the official interpretation".²³⁸

Regarding the qualifying interpretation of the norms of the international treaties as official by the states as the main subjects of international law, it is necessary at least that the majority of the contracting Parties recognize this interpretation as official. However, I.I. Lukashuk qualifies this interpretation as "generic" after it has already been recognized as "official".²³⁹ Schechter argues that "in the theory of international law, the interpretation of a treaty that is accepted by all participants is considered an "authentic" interpretation with the same legal force as the treaty itself".²⁴⁰

In this case, it should be mentioned that the official and authentic interpretation of the international treaty should be equal in scope at the time of the returning circumstances within the regulated legal relations. However, in the case of changes in such circumstances, it is the official interpretation that will be used for the correct application of the norm.

The subjects of international law are also international bodies and organizations whose role in the interpretation of the norms of the international treaties is steadily increasing. It should be recognized that interpretations by such subjects are of advisory nature.

I.I. Lukashuk notes that "Due to the fact that the important characteristic of the treaty norms is the stability of their content - that is they are less influenced by the practice in comparison with the usual norms, they provide greater predictability of behavior of participants, which is extremely important for the international legal order, as it is of particular importance in the settlement of issues of vital concern to the states. ... However, the stability of the treaty rules has its drawbacks, as it makes it difficult to adapt their content to changing conditions." For leveling of this circumstance "non-legal international norms are also used. More specialized bodies have recently been created

²³⁸ Issues in General Theory of Law and State / textbook. Ed. by V.S. Nersesjans. P. 451.

²³⁹ Lukashuk I.I. Modern Law of International Treaties. Vol. 1. P. 642.

²⁴⁰ Schachter O. Law-making in the United nations. Perspectives on International law. London, 1995. P. 126. Quote by: Lukashuk I.I. Modern Law of International Treaties. Vol. 1. P. 642.

for the implementation of the treaties. Guided by goals and principles of the treaties, the decisions of these bodies specify and compensate the provisions of the treaties.²⁴¹

In this regard, the acts of the bodies of the international organizations that are established to promote the development of different areas of international law are of particular interest. For example, the UN Commission on International Trade Law (UNCITRAL) was established as a subsidiary body of the UN General Assembly to promote the progressive harmonization and unification of the international trade law. The Commission develops conventions, model laws, rules, legal and legislative guidelines and recommendations, and carries out other activities aimed at realizing its objectives. Thus, the Commission is a specialized body in the field of the international trade law and international commercial traffic. It is obvious that the generalization of practices in the specified area of international law enforcement conducted by the Commission is made through some special legal analysis, on the basis of which conclusions about the order of understanding and realization of certain norms are made. These conclusions can be qualified as the competent international legal interpretation of international law, which, despite the advisory nature of UNCITRAL acts, should be guided by the national courts of the states. This obligation derives from a particular competence of the body, from the fact that the conclusions on interpretation are based on established practice of a state and are aimed at ensuring uniform application of the norms of the international treaties.

UNCITRAL has its official website (including the Russian version), where, among other things, the documents adopted by this body are published. However, given the enormous workload of an arbitrator, it is impossible to impose on him or her the obligation to prepare for the consideration of the case by learning about the practice of applying the norms of the international treaties in the Internet. On the other hand, the APK of the RF does not regulate the legal status and legal force of the Internet-based materials. The way out could be, for example, to refer parties to relevant practices, taking into account, for the most part, the professional nature of representation in the commercial courts. However, it would be more efficient to publish, at the state level, a

²⁴¹ Lukashuk I.I. Norms of international law in the international normative system. P. 275

normative act referring the arbitrator to the materials of the relevant international body or organization, in the event of the need to determine the content of a norm; another efficient means would be to ensure the availability of such information both at the level of publication in official sources and at the level of inclusion of the relevant section in legal reference systems.

Despite the fact that the recommendations (explanations) of international bodies and organizations do not receive formal interpretation, it does not seem appropriate to free the law enforcement agency from the obligation to correlate its understanding of an international treaty norm with the viewpoint of a specialized body or organization.

I.I. Lukashuk believes that "courts should refrain from unilateral interpretation..., they should not be guided only by the national legal system", and it is necessary to "take into account the relevant court practice of other countries".²⁴²

No matter how correct this statement is in terms of international law, it can put the Russian arbitration process in a deadlock because a wide range of nuances that should be taken into account by a particular arbitrator in regard to a particular dispute will result in a shortage of time and technical solutions and finally will lead to incompetent decisions. This is provided that compared to the entire judicial system of Russia the commercial courts are, without exaggeration, the most equipped courts in technical terms.

The difficulty in determining the usual meaning of the terms of treaties drew attention of such legal scholars as T.N. Neshataeva, V.A. Kanashevskij. For example, V.A. Kanashevskij pays attention to the term "usage" in article 9 of the Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods, 1980: "... its meaning in part 1 of the said article (customary as usual) does not coincide with the meaning in part 2 of the same article (custom as legal norm, classic trade custom)".²⁴³

Commentaries on normative and legal acts could not ease the fate of arbitrators either. Let us support S.Y. Marochkin's criticism of various kinds of commentaries: «...

²⁴² Lukashuk I.I. International law. General part. P. 208; This view is shared by O.N. Sadikov // See, for example: Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, part one (articles) / ed. by O.N. Sadikov. M., 1997. P. 23.

²⁴³ See, for example: Kanashevskij V.A. On the Interpretation of International Treaties Regulating Civil and Legal Relations. P.p. 25 – 32; Neshataeva T.N. Foreign Businessmen in Russia. Litigation and Arbitration Practice. M., 1998. P. 31.

more often they provide an arbitrary interpretation, without a concrete legal analysis, they disorient the legal practitioner and simply give inaccurate information".²⁴⁴ "Unfortunately," the author argues, "it can hardly be said that commentaries provide any valuable assistance in interpreting provisions on the application of international law in the context of a relevant code (law)".²⁴⁵

Once again it should be emphasized that "in the absence of clear legislative and doctrinal guidelines it is difficult to expect any reasonable, consistent and legally correct decisions from legal practitioners".²⁴⁶

To sum up, the following should be mentioned.

Each time when a commercial court applies the rules of a treaty, it interprets them. However, only the application and clarification of such a norm by the highest judicial authority becomes an act of official international law interpretation on behalf of the Russian Federation. This interpretation must conform to the requirements to this process by international law and is binding on all the subordinate courts of the arbitration system. When decisions of such commercial courts contain references to the norms of the international treaties they may be regarded only as acts of understanding the idea of such rules. Formally, the decision by a commercial court (with the exception of a higher instance court), misinterpreting the norm of an international treaty, constitutes a violation by the state of its international legal obligations. In the meantime, such a violation can be corrected by appealing an unlawful decision to the corresponding higher court. A violation of the rules of the international treaties by the highest judicial authority is unacceptable; this interpretation should take into account all the rules of interpretation of international law, the existing explanations of specialized international bodies and organizations, and the established practice of application of the international treaty.²⁴⁷

²⁴⁴ Marochkin S.Y. Legislative, doctrinal and practical development of the constitutional principle of norms of International Law in the Russian Legal System. P. 62.

²⁴⁵ Marochkin S.Y. Implementation of the norms of International Law in the Legal System of the Russian Federation: ten years after the adoption of the Constitution of the RF. P. 65.

²⁴⁶ Marochkin S.Y. Legislative, doctrinal and practical development of the constitutional principle of norms of International Law in the Russian Legal System. P. 63.

²⁴⁷ The term "correct interpretation of an international treaty" in this study refers to an interpretation that is consistent with the rules of international law that govern this process and have been described earlier. However, this is not a

Russia is a full-fledged subject of international relations, and if the national practice of application of a specific treaty did not cause any complaints from other subjects-participants of the contract, it should qualify as official and be taken into account when relevant generalizations are made. The Russian Federation has the right (and should be able to implement it) to express its objections through the specialized bodies and organizations that work on generalization of practices and, accordingly, contribute to the official international law interpretation of the rules of the international treaties.

comparative legal study, i.e. it is not intended to compare specific examples of the interpretation of the international treaty norms by, for example, the international judicial bodies and national commercial courts in Russia. This area of study, of course, deserves a separate detailed investigation. We only made general conclusions in regard to what should be used to build the concept of applicability of norms of the international treaties of the RF.

3.7. The interpretation of the norms of the international treaties by international judicial bodies as a factor of improving of their application by arbitration courts of Russia

If you refer to item 10 of the aforementioned resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.10.2003 № 5, you may notice the following. The capstone of this item is, of course, the interpretation of the international treaties that should guide courts when they apply the treaty. But there is also the third paragraph, which says: "The Russian Federation, as a party to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, recognizes the jurisdiction of the European Court of Human Rights to be binding on the interpretation and application of the Convention and its Protocols in the event of an alleged violation of the provisions of these treaty acts by the Russian Federation when the alleged violation occurred after their entry into force in the Russian Federation (article 1 of the Federal law dated 30.03.1998 № 54-FZ "On Ratification of the Convention on the Protection of the Human Rights and the Fundamental Freedoms and Protocols thereto"). The application of the above-mentioned Convention by the courts should therefore take into account the practices of the European Court of Human Rights to avoid any violation of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms".

The Convention has its own legal mechanism for its implementation, which includes the requirement for national courts, if it is applied, to follow the interpretation of its provisions that was given by the ECHR.²⁴⁸

This provision of the Plenum Resolution is based on the norms of the 1950 Convention itself. In our view, it is a key prerequisite for the recognition of the international law judicial interpretation, that is, the interpretation of the international treaty norms by international judicial bodies during consideration of specific disputes. Let me highlight the main features of this process. This interpretation is of a professional nature and it is given by an authority that is competent to apply the relevant norm of international law; this body is formed on the basis of the norms and principles

²⁴⁸ Section II of the 1950 Convention deals with the work of the European Court of Human Rights and the legal force of its acts.

of international law. Such interpretation is obligatory only if it is given within the competence of the relevant body and, exclusively, in relation to the disputed legal relations and arguing entities. In regard to the states that have accepted the jurisdiction of such an organ of international justice but are not a party to the dispute, such interpretation shall be an advisory provision within the act of its application. In this case, it is not a question of creating a new norm of international law. This has to do only with wording of the court's internal decision on the regulatory impact of international law regarding a particular contentious situation.

It is worth emphasizing the reasonable argument of B.L. Zimnenko: "The legal practice [of the European Court of Human Rights] would contradict not only the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms,... but also the universally recognized principle of international law – the sovereign equality of States.... The states, while agreeing with the Convention, proceeded from the fact that the Court had the competence to apply and interpret the international treaty, rather than to create new rules binding on the state parties to the Convention".²⁴⁹

It is this international legal interpretation that can influence the dynamics of the application of the law in various jurisdictions of the Russian commercial courts. It may contribute to further development in the national legal system of the principle of favorable relation to international law, "according to which preference should be given to such interpretation and application of domestic law, which conforms to the principles and norms of international law".²⁵⁰

Given all of the above, it seems interesting to refer to the practice of the Court of the Eurasian Economic Community in matters related to the normative regulation of international (regional) and national levels.²⁵¹

²⁴⁹ Zimnenko B.L. The international law and the legal system of the Russian Federation. P.p. 306-307.

²⁵⁰ Lukashuk I.I. The Norms of International Law in the Russian Legal System. P. 14.

²⁵¹ As a preliminary conclusion, in order to substantiate the possibility of resorting to the practice of an international body that has ceased its activities it may be noted that: The Court of the Eurasian Economic Community is a judicial body of the Eurasian Economic Community (hereinafter referred to as EURASEC), which existed in 2001 – 2014. The Eurasian Economic Union has ceased to operate together with the EURASEC itself. The Court of the Eurasian Economic Union, which was established in accordance with the Treaty on the Eurasian Economic Union of 29.05.2014 as a permanent judicial body of the Union, started its work in 01.01.2015. The status, composition, competence, functioning and formation of the Union Court shall be determined by the Statute of the Court of the Eurasian Economic Union (annex № 2 to the Treaty on the Eurasian Economic Union of 29.05.2014). T.N.

In the case on the claim of the limited liability company "ONP" against the Eurasian Economic Commission (hereinafter – the EEC) The EurAsEC Court interpreted the right to associate in cooperation with the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950.²⁵² From the facts of the case it follows that by the time of the claim to the EurAsEC Court the Company ONP by the decision of the Arbitration Court of Belgorod region was declared insolvent (bankrupt) and the bankruptcy proceeding was started. This circumstance indicates that the company was no longer engaged in entrepreneurial activities, and this, in the opinion of ECE, meant it was not a business entity anymore, which did not allow the court to recognize that the claimant had a direct interest in the judicial protection of its rights.

As the Court pointed out in the reasoning part of the decision of the Appeals Chamber, despite the fact that the claimant is undergoing the procedure of bankruptcy, it is not liquidated and continues to have the status of a legal entity (business entity), so it still has the opportunity to apply to international judicial bodies (European Court of Human Rights, Credit and Industrial Bank vs The Czech Republic case).

The court applied together the norms of international treaties of various levels-subregional (article 6 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950 that establishes the right of everyone to access the court) and regional (article 14 The Statute of the Court of the Eurasian Economic Community 2002 - the list of subjects who can apply to courts and their cases may be considered in a Court).

In this regard, it is interesting to consider the opinion of T.N. Neshataeva, according to which, in this case, "the EurAsEC court applied a broader interpretation of the right of economic entities to access a court and defended not only the rights, but also

Neshataeva – in the past, a judge of the EurAsEC court and now a judge of the Court of the Eurasian Economic Union – substantiates the idea that "the Eurasian Court should rather be considered as the successor of the Eurasian Economic Community Court". This statement is based on the existence of separate structural, normative and competence similarities between these two bodies, which is noted by T.N. Neshataeva // See: Neshataeva T.N. Eurasian Integration: the role of Court. Pp. 72-64; Neshataeva T.N. Uniform Law Application is the purpose of the Court of the Eurasian Economic Union // International Justice. M., 2013. No. 3. P.p.106-117; URL: <http://отрасли-права.рф/article/13821> (application date 18.09.2018).

In general, the competence of both aforesaid courts has the potential to achieve the goal of maintaining uniformity in the legal regulation of public relations within the framework of the respective integration entities.

²⁵² The Decision of the Appeals Chamber of the EurAsEC Court of 21.02.2013 on the case regarding the claim of LLC ONP/URL: <http://www.tsouz.ru/Docs/sud/Documents/apellyaciya.pdf> (application date 18.09.2018).

the legitimate interests of bankrupt legal entities, having ruled out that after the termination of liquidation procedures and subsequent exclusion of these entities from the register, the interests of legal persons in the courts may be protected by their managers (a general director, if it is a credit institution), as well as by the shareholders".²⁵³

The Russian legislation for bankruptcy of legal entities establishes complete cessation of the activity of a legal entity and the loss of its rights and legitimate interests from the moment of making a record of the completion of tender proceedings and liquidation in the Unified State Register of legal entities. Moreover, after this date the commercial court refuses to perform any procedural actions, the proceedings in the case are terminated, even the appeal of the judicial act on the completion of the bankruptcy proceedings is not possible from the moment of making a record of liquidation of a legal entity into the Unified State Register of Legal Entities.

According to item 48 of the resolution of the Plenum of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation dated 15.12.2004 № 29 "On some issues of the practice of application of the federal law "On Insolvency (Bankruptcy)", from the moment of making a record of the debtor's liquidation into the Unified Register of Legal Entities on the basis of the evidence of the liquidation of the debtor that was received from the bankruptcy trustee or the registering body, the Commercial Court shall determine the termination of the proceedings to consider all the differences, statements, petitions and complaints.²⁵⁴

The Commercial Courts of the Russian Federation should not disregard the practice of the international judicial body in this field, as well as its interpretation of the interrelated categories "liquidated legal entity", "legitimate interest of a business entity" and "access to the court".

As it follows from the interpretation of the procedural legal capacity of business entities to protect their legitimate interests, commercial courts must take into account

²⁵³ Neshataeva T.N. Eurasian Integration: the role of Court. P.p. 68 – 69.

²⁵⁴ The Resolution of the Plenum of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation dated 15.12.2004 № 29 "On some issues of the practice of application of the federal law "On Insolvency (Bankruptcy)" // Bulletin of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation. M., 2005. № 3.

the circumstances that are relevant to a particular case. In particular, it is important that the applicant has a legitimate interest in challenging, appealing or committing other procedural actions on behalf of and in the interests of the liquidated legal entity. It is also not superfluous to establish the presence of interest of this company, which is expressed in planning its return to a particular market segment (if there is no reason to believe that such interest is not legal).²⁵⁵

The Constitutional Court of the RF has already begun such practice. Thus, in its Decision of 12.10.2015 № 25-N the Court pointed out that in the system of current legal regulation item 5 of part 1 of Article 150 of the APC of the RF (providing the authority of the Commercial Court to terminate the proceedings if it determines that the organization, which is a party in the case, is liquidated) does not prevent the Commercial Appellate Court to consider the case and to make a decision on the complaint of the bankruptcy trustee about the resolution of the Commercial Court of First instance on the recognition of illegal acts (inactions) committed during the performance of the duties in the case of bankruptcy, in the event when during the execution of the appeal proceedings a record on liquidation of the debtor organization is made in the Uniform State Register of Legal Entities and on the basis thereof the bankruptcy case is terminated. Otherwise, the Constitutional Court of the RF foresees the possibility of violation of the right of the manager to protect his business reputation (Part 1 of Article 23 of the Constitution of the RF) and the corresponding right to protect the business reputation that is inseparably connected with his personality, the interest in protection thereof is not directly dependent on the realization of the debtor's rights and obligations in the bankruptcy case.²⁵⁶

There is no doubt that the background of the case is somewhat different, but the very assumption by the body of constitutional control of Russia that it is possible to protect the violated right of the individual in the case of bankruptcy, but beyond the

²⁵⁵ See the detailed information: Neshataeva T.N. Eurasian Integration: the role of Court. P. 69.

²⁵⁶ The Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12.10.2015 № 25-P "On the case of verification of the constitutionality of paragraph 5 of Article 150 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen D.A. Tatamikov" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

liquidation of the debtor, can be considered as a legal innovation. Such innovation is progressive and has a potential development opportunity.

This approach is applicable also to the procedure of consideration of cassation complaints of creditors filed against the judicial acts on refusal to satisfy their claims to recognize unlawful actions (inactions) of the manager, as indicated in the judicial acts of the Supreme Court of the RF in April 2016.²⁵⁷

The reasoning part of the definition of the Supreme Court of the RF of 04.04.2016 № 306-es 15-15954 contains an indication that in the case under consideration under the provisions of Art. 49(3) of the Civil Code of the RF at the moment of resolution of cassation complaint the legal capacity of the cooperative ceased. At the same time, neither the creditor (claimant) nor the arbitration manager (defendant) has lost their legal capacity. Consequently, the termination of proceedings on the appeal of the creditor (due to the liquidation of the legal entity) deprived him of the possibility of appealing the judicial act adopted by the Court of Appeals, which in fact is a denial of the right to judicial protection.

This shows that the innovation, the impetus for development of which became the interpretive practice of an international judicial body, is beginning to win its place in the system of the domestic legal regulation. In our opinion, there will be more such new non-standard and positive decisions in the judicial practice with the development of integration relations and the international bodies of justice themselves.

A significant feature of the susceptibility of the national legal system to innovations of interpretations by the international judicial bodies is as follows. The perception of trends in international legal practice and their adaptation to the national legal regulation is the prerogative of the highest judicial bodies of the national judicial system.

²⁵⁷ The Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.04.2016 № 306-ES15-15954 and the Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 28.04.2016 № 307-ES15-3429(3) // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

3.8. Normative and non-normative acts of international law in the judicial enforcement of the commercial courts

The judgment of the Permanent Court of International Justice in the case of the steamship "Lotus" stated that "the mandatory legal standards for the state are created by the free will of the latter which is expressed in the conventions or customary practices".²⁵⁸ That is, the legal norm is expressed in the sources containing it. That is why one should consult the source in order to find the legal norm to be applied, but most often this source belongs to the same legal system as the law enforcer does. At this current stage of the interaction process between the international and Russian legal systems, we can observe that the Russian courts are increasingly beginning to turn for the purposes of application to the sources of a "non-native" legal system for them, primarily international treaties.

In this regard, the following problem area can be identified in the law enforcement practice of the Russian commercial courts.

On the one hand, in a situation where an international treaty extends its regulatory impact on the area of public relations connected to business and other economic activities, the international legal norms can and should be implemented through law enforcement.

On the other hand, in some cases the law enforcement process of commercial courts includes the so-called political acts (statements) that have no binding legal effect under international law or contain rules of law, or create international legal obligations for Russia.

Today the most common political acts are resolutions of international forums. In the theory of international law the issue of the status of resolutions is controversial.²⁵⁹ However, if we do not go into details,²⁶⁰ it is possible to unite the acts of international conferences, meetings, as well as international organizations under the term "resolutions of international forums". So we can say that this term is

²⁵⁸ Cit. ex: Lukashuk I.I. *The Norms of International Law in the Russian Legal System*. M., 1997. P. 8.

²⁵⁹ See the detailed information: *International law / Textbook*. Eds. G.V. Ignatenko, O.I. Tiunova. M. 2016. Pp. 145 - 150. (752 p.). The discussion is mainly about what international organization accepts such an act and what type of regulations (legal or political) it contains.

²⁶⁰ Because it is a complex matter outside the limits of this study.

of generic nature. In our view, this approach does not contradict the fundamentals of the general international law theory and is suitable for the purposes of this study.

Usually, resolutions of international forums do not have a binding legal effect. In this case it should be emphasized that "the difference between a recommendation and a legally binding regulation is that the first one is a suggestion, while the second one imposes legal obligations on the state".²⁶¹ Voting and resolutions of international organizations do not in themselves create norms of international law. On the contrary, as Tunkin G.I. notes correctly, "resolutions of international organizations... may be a part of the norm development process and have an influence on shaping new principles and norms of international law, on affirming, preserving, developing and interpreting existing principles and norms".²⁶²

When characterizing international political acts in comparison with international treaties, R.V. Vinnikova correctly points out that "a treaty that was concluded and published properly becomes a part of the state legal system, whereas a duly adopted and officially published document of an international organization does not".²⁶³

I.I. Lukashuk states that "resolutions of international organizations, in accordance to their charters, have are of advisory nature. States-members are obliged to treat them with respect".²⁶⁴

However, "respectful attitude to recommendations" is an abstract concept of the international legal system, which seems quite complicated to apply in the practice of the Russian law enforcement agencies. First of all, because national law does not use such abstractions. Most often, such international law acts are supposed to become a part of the norm development process described above but not to regulate specific legal relations.

²⁶¹ Tunkin G.I. Theory of international law. M., 2006. P. 150.

²⁶² Ibid. 152 p.

²⁶³ Vinnikova R.V. Implementation of the norms of international law in commercial process of the Russian Federation: author's abstract of the dis. ... Ph.D. Kazan, 2003. 33 p. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=127339> (application date 18.09.2018).

²⁶⁴ Lukashuk I.I. The Norms of International Law in the Russian Legal System. P. 26; See also: Decision in the case of the U.S. diplomatic and consular staff in Tehran. // ICJ. Reports. 1980. 93 p.

However, it is important to note the changes taking place in this area of law enforcement. This is manifested in the fact that the activity of Russian commercial courts is not always "consistent with the theoretical views of about the significance and role that resolutions of international organizations have".²⁶⁵ Commercial proceedings begin to "turn around" to acts of international forums and "references to such documents are found more often in court documents (statements of claim, motions by the parties, responses to suits, etc.)".²⁶⁶

The international political acts do not comprise international rules of law,²⁶⁷ they are not normative legal acts despite their frequent similarity with international treaties in terms of the form of presentation. Consequently, such acts cannot become the object of law enforcement. At the same time, these acts can be applied in the law enforcement process at some stages. They may be used by a commercial court in to interpret the provisions of an applicable international treaty and to prove the existence of customary law practice of states regarding a particular issue, etc.

I.I. Lukashuk notes: "The court is not obliged to apply resolutions of international conferences but applies normative acts of the state adopted in accordance with them. However, as a public authority it must take into consideration non-legal international obligations. This means that in the case of discrepancy between this obligation and national law, the latter should be interpreted in accordance with the first one. If such co-ordination is impossible, then the rule of national law should be applied even if it clearly contradicts the conference resolution".²⁶⁸

²⁶⁵ Talimonchik V.P. Resolutions of international organizations in the legal system of Russia // Jurisprudence. SPb., 2008. № 5. P.134

²⁶⁶ Neshataeva T. N. Commercial courts and some questions of application of international law in the Russian Federation // Russian Yearbook of International Law, 1998-1999. SPb., 1999. 228 p.

²⁶⁷ A specific exception may be political acts (for example, resolutions) in which international customs may be reflected in writing. In this case the resolution does not become a source of law. For example, the United Nations International Court of Justice, in its advisory opinion on the Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons (1996), states: "*General Assembly resolutions, even if they are not binding, may sometimes have normative value. They can, in certain circumstances, provide evidence important for establishing the existence of a rule or the emergence of opinion juris*" // URL: <https://www.futurepolicy.org/wp-content/uploads/2015/01/Annex-5.pdf> (application date 18.09.2018).

²⁶⁸ Lukashuk I.I. International Law in the Courts of States. P. 169.

Despite the seemingly simple and natural solution to the proposed problem, everything is not so simple. There is a contradiction in the very nature of resolutions of international bodies. They do not have a binding legal force inherently; but it is also impossible to ignore them even if they contradict the norms of domestic normative legal acts only in theory. Even if the state only politically declared its adherence to certain rules, it takes at least not legal but political obligations to harmonize its domestic legal regulation and law enforcement with such rules.

Regarding the nature of the cooperation of states within the framework of international organizations, the International Court of Justice "emphasizes that the mere fact of state membership in an international organization "implies certain reciprocal obligations of cooperation and conscientiousness" that the state and the organization take".²⁶⁹

In this case, it should be noted that international acts of political nature mostly guide the political activity of the states that are members of an international body or organization. This determines subsequent legislative and political activity in the domestic legal system and in the field of international communication. Consequently, in most cases, the ideas and provisions of political acts are manifested in the rules of national or international law. The court in the process of law enforcement should assess the existence of such manifestation and apply a norm of the relevant law taking into account the recommendatory act of international law on which it was based. However, what was stated above does not allow us to draw conclusions that the recommendatory acts of international law should be applied by Russian courts in a similar way as international treaties.

Advisory international acts are issued by international bodies or organizations that were established to ensure the implementation of a particular international treaty, to generalize the practice of its application and to formulate practical recommendations on the basis thereof. In this case, it is possible to define them as

²⁶⁹ Judgment in the case of the U.S. diplomatic and consular staff in Tehran // ICJ. Reports. 1980. 93 p. // Cit. ex: Lukashuk I.I. The Norms of International Law in the Russian Legal System. P. 26

mandatory acts for domestic enforcement agencies as they are acts of the official international legal interpretation of the rules of international law.

The resolutions themselves, for example, the UN General Assembly, are not carriers of the norms of international law. However, as practice has shown, states often seek to ensure that their actions do not disagree with the rules contained in such documents, as they "constitute an important form of collective state practice that should be taken into account when interpreting the rules of international law".²⁷⁰

Taking into account these non-normative acts at the interpretation stage when applying the norms of treaties of the RF cannot and should not be replaced by actual law enforcement of these acts.

First, a particular judge should be aware of the non-normative and nonlegal nature of these acts.²⁷¹ Secondly, as soon as it is impossible to completely ignore such nonlegal act, the law enforcer should understand how to build the process of legal qualification and subsequent argumentation of his conclusions and decisions so that they conform with the political obligations of the state.

V.P. Talimonchik analyzed specific cases that involved application of various acts of international organizations by Russian courts and concluded that "there are no uniform approaches in the practice of courts... In a number of cases, non-binding resolutions are applied"; and in some cases the application of such acts "for a particular case is inappropriate and not based on the normative provisions related to the structure of the Russian legal system".²⁷²

S.Y. Marochkin notes that courts do not always establish "whether an international document is a treaty, i.e. whether it is legally binding".²⁷³

The analysis of commercial judicial acts proves these statements to be true.

²⁷⁰ Lukashuk I.I. *The Norms of International Law in the Russian Legal System*. P. 26

²⁷¹ While working in the Russian commercial courts and during the dissertation research period the author analyzed a significant number of law enforcement acts by the Russian commercial courts which often reveal a lack of understanding or neglect of rules of statement of judicial acts, which may result in incorrect conclusions about the level of legal understanding that the law enforcers have.

²⁷² Talimonchik V.P. *Resolutions of international organizations in the legal system of Russia*. P. 141.

²⁷³ Marochkin S.Y. *What international rules and treaties are subject to application by the courts // Commercial and civil proceedings*. M., 2005. № 1. P.44

Here is an example. UN General Assembly resolution 217 (A) III of 10.12.1948 adopted the Universal Declaration of Human Rights, the preamble of which states: "The General Assembly proclaims this Universal Declaration of Human Rights as a common standard of achievement for all peoples and all nations, to the end that every individual and every organ of society, keeping this Declaration constantly in mind, shall strive by teaching and education to promote respect for these rights and freedoms and by progressive measures, national and international, to secure their universal and effective recognition and observance, both among the peoples of Member States themselves and among the peoples of territories under their jurisdiction".²⁷⁴

Decisions of international organizations "are adopted on the basis of constituent documents of international organizations, i.e. international treaties establishing the powers of the bodies of these organizations" and they are "the law-forming sources for determining the legal force of decisions of international organizations".²⁷⁵

In accordance with Article 10 of the UN Charter, the General Assembly is authorized to make recommendations to UN members.²⁷⁶ This means that the Declaration is an act of the adopted by the agency of an international organization and is advisory by nature. It did not undergo and does not need any international or national procedures to acquire binding legal force. Even though this document reflects certain fundamental principles of international human rights law, it cannot be considered as a normative legal act of international law, since it has no major characteristics of such an act.

In the light of current discussions around the normative power of the 1948 Universal Declaration, A.S. Ispolinov do not deny the fact that this is not an international treaty that imposes legal obligations on States, and also concludes that

²⁷⁴ Universal Declaration of Human Rights, 10.12.1948 // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (application date 18.09.2018).

²⁷⁵ Implementation of Russian Federation international treaties / Ed. O.I. Tiunov. M., 2012. P.p. 39-40

²⁷⁶ Charter of the United Nations of 24.10.1945 // Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Vol. XII. M., 1956. Pp. 14 – 47; URL: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-iv/index.html> (application date 25.01.2016).

“only some of the provisions of the Declaration have acquired the status of the usual norms of international law».²⁷⁷

Consequently, this act shows intentions of the state and cannot be, in a strict sense, applicable by national commercial courts or qualified as an international treaty.²⁷⁸

However, in its the reasoning part of the Decision of the Ninth Commercial Appellate Court of 22.12.2014 concerning case № A64-3716/2014, the judge evaluated the appeal pleadings as follows: "Article 17 of the Universal Declaration of Human Rights, adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948, proclaims the principle according to which everyone has the right to own property both alone and in association with others, and no one shall be arbitrarily deprived of his property. To implement this principle, Article 35 of the Russian Federation Constitution established that the right to private property is protected by law".²⁷⁹ However, only rules of law can be "implemented"; and the subjects of this process can be the subjects of law, but not normative legal acts (especially not the Constitutional law of the state). Therefore, the initial reference of the commercial court to "proclaimed principles" in the declaration was legally valid, but it is impossible to say that the provisions of the Declaration were implemented and especially not by the Constitution of the RF. In this case, the Russian Federation has implemented the fundamental principles of international law in this area by presenting the basic directions of its domestic policy in the Constitution.

The following judicial expressions "In accordance with Articles 7, 8 and 10 of the 1948 Universal Declaration of Human Rights, Article 6 of the 1950 European Convention for the Protection of Human Rights and fundamental freedoms, and Article 14 of the 1966 International Covenant on Civil and Political Rights, everyone

²⁷⁷ Ispolinov A.S. The legal status of the Universal Declaration of Human Rights (on the 70th anniversary of adoption) // Comparative constitutional review. M., 2018. No. 4 (125). Pp. 4-5.

²⁷⁸ In this case, the author does not deny the fact that the 1948 Universal Declaration of Human Rights proves the existence of customs related to human rights that had formed long before its adoption by the UN GA and recognized by the states as such. This act shows the formation of a customary norm of international law. But, despite this, this act is not a normative and legal act of international law and cannot be used as a source of the law; it can be used by the justice authorities only for interpretation of norms of international or national law.

²⁷⁹ The Resolution of the Ninth Commercial Appellate Court of 22.12.2014 concerning case № A64-3716/2014 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

is equal before the law and court",²⁸⁰ "this provision conforms to the Universal Declaration of Human Rights of 1948",²⁸¹ "according to the provisions of the Universal Declaration of Human Rights of 1948"²⁸² are generally accepted in law enforcement acts of commercial courts. However, it is difficult to consider them as legally correct, since such references may indicate the court's assumption of binding legal force of a particular act of international law.

According to the Resolution of the Twenty-first Arbitration Court of Appeal dated 24.03.2015 with regard to case No. A83-1853/2014, "international agreements and conventions establish the right of every person to have his or her rights effectively restored by competent national courts in cases of violation of fundamental rights granted by the Constitution or law (Article 8 of The Universal Declaration of Human Rights adopted on December 10, 1948. by UN General Assembly)".²⁸³ In this case, the reasons to present a Judicial Act in this way are not clear, since there is no reference to the source of international law; however, the verb "establish" is used, which is an indication of binding force of the regulations. Thus, this reference is not a declaration of the state's intentions and the existence of certain legislative provisions in this regard, but is intended to reflect the "application of international law by the court", which, in fact, cannot occur in this case. The same conclusions can be made about the reasons for resolution of the Fourteenth Commercial Appellate Court of 26.09.2014 with regard to case No. A13-7185/2014.²⁸⁴

The reasoning part of the resolution of the Eleventh Commercial Appellate Court of 13.08.2013 with regard to case No. A55-34819/2012 is debatable, as it says

²⁸⁰ The Resolution of the Fifteenth Commercial Court of Appeal dated 03.04.2014 concerning case № A32-2304/2014 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018); a similar reference is found in the aforementioned Resolution of the Twelfth Commercial Court of Appeal of 04.03.2015 concerning case № A06-12095/2014.

²⁸¹ The Resolution of the Fifteenth Commercial Appellate Court dated 23.11.2009 concerning case № A32-23686/2008 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

²⁸² The Resolution of the Seventh Commercial Appellate Court dated 12.08.2008 concerning appeal petition № 07AP-4331/08 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

²⁸³ The Resolution of the Eleventh Commercial Appellate Court dated 13.08.2013 with regard to case No. A55-34819/2012 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

²⁸⁴ The Resolution of the Fourteenth Commercial Appellate Court dated 26.09.2014 with regard to case No. A13-7185/2014 // Ibid.

that "the decision to reorganize two municipal medical institutions should be adopted according to the requirements of Article 25 of the Universal Declaration of Human Rights adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948; Article 41 of the Constitution of the Russian Federation and the provisions of the Federal law of November 21, 2011, № 323-FZ "On General Principles of Public Health Protection of the Citizens of the Russian Federation".²⁸⁵ The provisions of the Universal Declaration of 1948 are not obligatory or binding by their nature.

In those countries where the norms of international law are part of the national legal order, according to A.S. Ispolinov, they are subject to application by national courts. At the same time, he makes a reservation that the provisions of the Declaration, like other international legal documents, can be used by national courts in two ways: «when interpreting the norms of national law to increase the credibility and legitimacy of their conclusions» and «in order to resolve specific disputes instead of applicable national law, but for this any court must justify its acceptance of the Declaration's provisions as an expression of the usual rules of international law».²⁸⁶ Obviously, in the considered cases, the courts did not select one or another option and, moreover, the court did not analyze the possibility of establishing the nature of custom in any provision of the Declaration.

In terms of the requirements for law enforcement, it is necessary to clearly separate the normative legal acts of international law and other acts of international law that do not have binding legal force of the source of law. Taking into account such separation it is necessary to carefully select the terms for the presentation of the reasoning part of judicial acts. Therefore, we believe that in order to present advisory provisions of international law acts in a judicial act, the following expressions are appropriate: "The basic principles of international law are formulated in...", "the basic principles of international law were reflected in..." "in... are proclaimed...", "from the content of... , it is possible to conclude that the intention of the state is...", "... the

²⁸⁵ Ibid.

²⁸⁶ Ispolinov A.S. The legal status of the Universal Declaration of Human Rights (on the 70th anniversary of adoption). P. 6.

fundamental rights and freedoms include... "287 etc. The specifics and content of every particular advisory act should be taken into account in each case.

Here is another example. The Seventh Commercial Appellate Court in case No. A27-8992/2014 considered the request of OAO "Russian Railways" (claimant) to annul the non-normative act of the Department of Culture and National policy of the Kemerovo region (defendant). The subject of research was a cultural heritage site. The Appellate Court concluded that "the requirements for the environment protection, including prevention of adverse effect of economic and other activities are also applicable to the urban environment".²⁸⁸ This statement was followed by the arguments that give rise to doubt: "Such approach conforms with the provisions of international legal acts, including the Universal Declaration of Human Rights, Article 27 of which says that... and the Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe, according to which...". These two international acts are related to international policy and do not lay normative obligations on the state in this field. However, the provisions of these acts are quoted with the preposition "according to" which indicates that the court considers that the provisions have binding force, i.e. the acts are of normative legal nature, which does not correspond to reality. If the court had previously given an evaluation (legal classification) of the international instruments in question, it would not have been necessary to interpret the provisions of the judicial act and make assumptions about the legal position of the court.

In this resolution, the court of appeal refers to the directives of the International Charter for the conservation and restoration of monuments and attractions, adopted by the II International Congress of Architects and technical experts on historical Monuments in Venice (1964)".²⁸⁹ Apart from the fact that the reference is generally

²⁸⁷ See, for example: The Resolution of the Thirteenth Commercial Appellate Court dated 13.10.2011 concerning case № A56-43904/2011, the Resolution of the Nineteenth Commercial Appellate Court of 22.12.2014 concerning case No. A64-3716/2014 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018). But the second judicial act contains an error which we have mentioned above - an indication of the fact that the Constitution of the RF in its articles "implements" the principle proclaimed by the Declaration of 1948.

²⁸⁸ The Resolution of the Seventh Arbitration Appellate Court dated 31.10.2014 concerning case No. A27-8992/2014 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

²⁸⁹ Ibid.

incorrect,²⁹⁰ the court does not evaluate what the act is and what its nature is.²⁹¹ Then the Commercial Court refers to Articles 4, 5 and 6 of the Convention on the Protection of the World Cultural and Natural heritage, stating that it was "adopted by the General Conference of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization of November 16, 1972".²⁹² However, no analysis of the legal force of this act (especially taking into account previous references to acts of recommendatory nature of international organizations) was not implemented by the court (there is no analysis of participation/non-participation of Russia in this international treaty, entry/non-entry into force under international law, the presence/absence of official publication of this act on the territory of Russia, and in general, or any analysis of the relevance of the stated norms of the international treaty to the disputed legal relations).

There are significant gaps even at the level of directives for the proceedings. There is a dearth of conceptual unity on the question of how to present and formulate non-normative acts of international law, which certainly leads to misunderstandings of the justice authorities in this matter. Thus, item 5 of resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF dated 31.10.1995 No. 8 "On Application of the Constitution by Courts of the RF in Law Enforcement" has the following explanation: "In the law enforcement process, the courts must assume that the universally recognized principles and norms of international law enshrined in international covenants, conventions and other instruments (in particular, in the General Declaration of Human Rights, the International Covenant on Civil and Political Rights, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights) and

²⁹⁰ The court proposes a quotation from the international act in question with a reference to Article 7, but the above provisions are taken from the preamble and Article 7 of the act.

²⁹¹ This act was adopted by an international non-governmental organization, the International Council for the Protection of Monuments and Historical Places (hereinafter ICPMHP); Russia is a member country of UNESCO and in this connection a national committee of ICPMHP is established in our country, but the acts adopted by this organization do not have binding legal force. Moreover, this act was not published on the territory of the Russian Federation at all- its written presentation in the Russian language was carried out only in the following edition of the St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences: Zapesotsky A.S. International legal documents on cultural issues. SPB., 1996. 389 p. This does not rescind the consideration of its provisions in the interpretation of international law or national law in this area of public relations. In this case, the reference of the court should have been used as an additional means of interpretation.

²⁹² The resolution of the Seventh Commercial Appellate Court of 31.10.2014 concerning case No. A27-8992/2014 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

international treaties of the Russian Federation shall be in accordance with part 4 of Article 15 of the Constitution of the Russian Federation as part of its legal system".²⁹³ It can be assumed that the Plenum of the Supreme Court of the RF in this item had an intention to note certain acts of international law, to which the courts should pay special attention, as well as to emphasize the possibility of giving different titles to these acts. But such an explanation does not correspond to international law. International covenants and conventions have indeed enshrined certain universally recognized principles and norms of international law, but these are only some of the names of international treaties, the normative and legal acts of international law. The International Covenant on civil and political rights of 1966,²⁹⁴ the International Covenant on economic, social and cultural rights of 1966,²⁹⁵ are international treaties, but it is not clear for which reason they are listed in the same list as the Universal Declaration of Human Rights which is an advisory act of international law. It is also not clear why they are not listed as an example of the international treaties of the Russian Federation.

Whereby it is difficult to demand from the court of higher instance any consistent explanations because of the incorrect language of part 4 of Article 15 of the Constitution. For example, B.I. Nefedov notes that "the wording of item 4 of Article 15 of the Constitution of the RF has a legislator's mistake, because it contains a serious inherent contradiction: it establishes the priority of the norms of international treaties over the national norms of law and, at the same time, the inclusion of universally recognized principles and norms of international law in the national legal system of Russia".²⁹⁶ However, it is undeniable that clarifications on the application of certain acts should provide clarity, transparency, knowledge of law and certainty in the implementation of such principles, which was not achieved in this

²⁹³ The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF dated 31.10.1995 No. 8 (ed. on 03.03.2015) "On Application of the Constitution by Courts of the RF in Law Enforcement" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

²⁹⁴ International Covenant on civil and political rights of 1966 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

²⁹⁵ International Covenant on economic, social and cultural rights of 1966 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

²⁹⁶ Nefedov B.I. International and Domestic Law Relation: problem of inter-systemic formations. Author's abstract of the dissertation for the degree of doctor of juridical sciences. M., 2011. P.p.14-15.

case. In particular, in one of the comments to the Constitution of the RF, this item of Resolution № 8 provided grounds for the conclusion that, by virtue of paragraph 4 of Article 15 of the Constitution of the RF "international treaties shall apply even in cases where this is detrimental to the interests of the Russian Federation and its citizens".²⁹⁷ Even at first sight, such a statement contradicts the social relevance of international law and does not take into account the rights of each sovereign state to denunciation of international treaties. It also does not take into account internal processes in the legal system of the state, the supremacy of the Constitution as the fundamental national law, and the principles of law enforcement, as well as other general interconnected legal categories.

In regard with all the foregoing I believe it is necessary and natural to note separate judicial acts in the investigated questions, as undoubtedly indicative of more careful analysis carried out in this area.

The Fourth Appellate Arbitral Tribunal's resolution dated 09.09.2015 for case of № A78-4606/2015 supported the decision of the Court of First instance to satisfy the claim of JSC "Aeroflot" (applicant) to the Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Well-being for Zabaikalsky Region (Head Office) to invalidate the order on elimination of infringement, namely, failure to provide necessary and reliable information about services in national currency of the Russian Federation (ruble).²⁹⁸ In its Resolution, the Appellate Court consistently established the existence of an act of the international non-governmental organization (International Air Transport Association (IATA)- a Resolution on special provisions for currency regulation № 024a, according to which the tariffs should be set in Euro in the territory of Russia. This document is not an international treaty of the RF²⁹⁹, but its provisions are binding on the claimant who is a participant of an international

²⁹⁷ Borisov A.B. Commentary to the Constitution of the Russian Federation (article-by-article). With the comments of the Constitutional Court of the Russian Federation. M., 2012. P. 34.

²⁹⁸ The Resolution of the Fourth Commercial Appellate Court dated 09.09.2015 case № A78-4606/2015 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

²⁹⁹ The Commercial Appellate Court surely made a preliminary reference (it is not exactly relevant to this case) to Article 2 of the Law of the Russian Federation of 07.02.1992 № 2300-1 "on Protection of Consumer Rights". According to this reference, if an international treaty of the RF established rules on consumer protection other than those provided by this Law then the rules of the international treaty should be applied.

organization. In this connection, the commercial court has correctly analyzed the provisions of the existing domestic legal regulation in this area for the purpose of not contradicting the provisions of the resolution of an international Organization. That is, the court used the interpretation of the norms of national law, taking into account the provisions of recommendatory international acts which can be viewed as compatible. The Appellate Court therefore concluded: "The legislation of the Russian Federation does not provide for restrictions on the carrier's choice of the currency in which the tariffs for transportation are announced. In the territory of the Russian Federation, payment of tariffs and charges established in foreign currency is made in rubles. In this case, the passenger is given an appropriate document confirming the payment, where the amount of paid money is also indicated in rubles. Thus, the fact of establishing tariffs in foreign currency [on the basis of the claimant's participation in IATA] does not violate the legislation of the Russian Federation, including the Law on Protection of Consumer Rights".

The Eighth Commercial Appellate Court in its ruling of 24.12.2012 regarding case of № A75-1015/2012 supported the decision of the Commercial Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Region Yugra concerning the denial to satisfy the claim of LLC PSK "Vtorma" (claimant) to recognize the information on the official website of the defendant (LLC My City) as untrue and tarnishing the business reputation of the claimant.³⁰⁰ In particular, regarding the interpretation of the right to freely express an opinion, the judicial panel in the reasoning part rightfully referred to Article 10 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 1950, Article 19 of the International Covenant on Civil and Political Rights, 1966, Article 29 of the Constitution of the RF. The Court further examined the provisions of Resolution 7/36 of the Council on Human Rights and the Joint Declaration on Freedom of Expression and the Internet from 01.06.2011, after which it concluded: "The said Declaration is not a rule of law of binding nature".³⁰¹ Despite the obvious theoretical error of the statement of thought (a declaration is a document,

³⁰⁰ The Resolution of the Eighth Commercial Appellate Court dated 24.12.2012 regarding case № A75-1015/2012 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

³⁰¹ Ibid.

therefore, it is not a source of law and does not contain the rule of law of binding nature), the essence of it is absolutely true – the act does not create international legal obligations for the states.

Moreover, from the point of view of international law, the court in this decision made a correct conclusion that in the case under consideration "the imposition of responsibility... is possible only on the grounds provided by the general rules of civil law. At the same time, the general principles, including international, that are applied to determine the liability of owners of websites, cannot be radically different from the principles of liability of the owners of other mass media. This is also evidenced by the coincidence of legal positions set out in the Declaration [on Freedom of Expression and the Internet] and the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.06.2010 № 16 "On Applicability of the Law of the Russian Federation on Mass Media by courts".³⁰²

In this case, the court correctly selected the language for the analysis of non-normative acts of international law.

A correct and worthy example of wording is the statement of the Fifth Commercial Appellate Court in its Resolution № A51-6157/2012 concerning a resolution of an international organization: "By making this conclusion, the court takes into account the provisions of the Resolution of the International Maritime Organization (IMO) A. 1052 (27) "State Port Control Procedures, 2011 "..., according to which..." In this case, even the preposition "according to" is acceptable, since it was initially noted that the provisions of this act are "taken into account" but are not considered to have binding force.

Thus, we believe that the following conclusions need to be made normative or at least advisory.

An international Treaty of the RF is a normative legal act, it contains rules of law and it is subject to application by Russian commercial courts.

International acts of advisory nature (political acts, resolutions of international organizations), regardless of their titles or their similarity in terms of wording with

³⁰² Ibid.

treaties are not the sources of law. In general, they contain no norms of international law. Such acts may not become applicable by the Russian commercial courts.

The principle of taking into account non-normative international acts at the stage of interpretation of the norms of international treaties of the RF by commercial courts cannot and should not be replaced by actual application of these acts. The necessity to distinguish the actual application of a treaty norm of the RF and taking into account during interpretation (one of the stages of law enforcement) the provisions of a non-normative, advisory act of international law determines the requirements to the wording of the reasoning part of judicial acts.

3.9. Directions and ways to ensure uniformity of application of international treaty rules by commercial courts of the Russian Federation

Based on the analysis of directions and ways to formulate law enforcement acts in the cases that involved international law, by Russian commercial court we may note that there are four options for the possible use of international treaty rules.

1. A simple reference to an international treaty of Russia in the text of a judicial act, as a rule, in the general list of applicable sources, without a reference to specific articles and provisions of the treaty. Whereby, the commercial court concludes that the international treaty regulates the domestic relations that are considered and evaluated in the context of a particular dispute.

Most often, however, such use is characterized by the actual coincidence of the regulatory effect of the international treaty with the norm of a domestic legal act.

The source of the international law is not analyzed in terms of its legal effect within the domestic legal relationship, its validity is not investigated, even its content is not always disclosed (the judicial act may be limited only by the statement, according to which legal regulation is equivalent to the provisions contained in the international treaty).

This is mainly due to the unwillingness of the court to put its decision in jeopardy of the possible misinterpretation or wrong evaluation of the norms of the international treaty. Moreover, the wording of the norms themselves of the Russian legislation (part 3 of Article 3 and part 4 of Article 13 of the AIC of the RF, paragraph 2 of part 2 of Article 7 of the Civil Code of the RF, paragraph 1 of article 7 of the Tax Code of the RF, etc.) are of predominantly "negative" nature in relation to the applicability of the norms of treaties. The stated and many other norms of the Russian legislation formulate the following theoretical premise: only in such cases when the treaty of the RF foresees a norm that is other than the legislation of the RF does, the treaty is applied.

Earlier in the present study it was substantiated that in case of coincidence of the regulatory effect of the international treaty and the national legal act, it is necessary to apply both normative acts with the purpose of the most complete, objective and comprehensive analysis of the situation, including the corresponding interpretation of

each norm. In such cases, more often than not, the regulatory effect of the international and national law is complementary.

As an illustration, we can cite the following.

The resolution of the Eighth Commercial Appellate Court dated 23.04.2012 concerning case № A70-11038/2010 states the following: "The Party that unilaterally refused to execute the contract shall notify the other party about it, and the contract of delivery is considered to be terminated from the moment of receipt of such notice by the Party concerned (item 4 of Article 523 of the Russian Civil Code). The United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (1980) contains similar provisions".³⁰³

The judgment of the Thirteenth Commercial Appellate Court dated 22.10.2008, regarding case № A56-5652/2008, contains the following reasoning: "These legal provisions are consistent with the Convention on Facilitation of International Maritime Traffic of 9 April 1965 (hereinafter referred to as the Convention) regulating maritime relations and the requirements for documents and procedures, moorage and departure of vessels on an international foreign voyage".³⁰⁴

The Fifteenth Commercial Court, in the decision dated 14.07.2010 in № A53-29588/2009, stated: "In accordance with item 5 of the Bern Convention for the Protection of Literary and Artistic Works and Article 5, item 3, of the Law of the Russian Federation on Copyright and Related Rights, works created in the United States are granted the same regime of legal protection as for Russian objects of copyright".³⁰⁵

The latter judicial act also provided the following clarification: "The United States of America, like the Russian Federation, is a party to this Convention (Russia acceded to the said Convention on the basis of Resolution of the Government of the Russian Federation of November 3, 1994 № 1224). The Convention entered into force for Russia on 13 March 1995, and the United States of America has participated in the

³⁰³ The Resolution of the Eighth Commercial Appellate Court dated 23.04.2012 concerning case № A70-11038/2010 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

³⁰⁴ The Resolution of the Thirteenth Commercial Appellate Court dated 22.10.2008 case № A56-5652/2008 // Ibid.

³⁰⁵ The Resolution of the Fifteenth Commercial Appellate Court dated 14.07.2010 concerning case № A53-29588/2009 // Ibid.

Convention since 1 March 1989".³⁰⁶ However, subsequently, the court confined itself to the analysis of the legal norms of the Russian legislation regarding this issue.

2. In view of the last remark, the second option of the use should be direct application of the international treaty of the RF as a legal regulator of legal relations. This option has usually to do with a legal expertise of the relevant source of international law and a statement of the preferential application of its rules.³⁰⁷

This conclusion reflects the adherence to a more widespread trend of the dualistic theory on the priority of international law over national law in terms of applicability of the law.

Referring to part 4 of Article 15 of the Constitution of the RF and part 2 of Article 7 of the Civil Code of the RF, the commercial courts of the first and appellate instances that considered case № A60-7091/2007 applying the Convention on the Contract for the International Carriage of Goods by Road, 2008 concluded that "since the Convention provides for a different procedure of calculation and amount of reimbursement of the value of the lost cargo during transportation than it is established by law... the amount of damage shall be determined in accordance with the provisions of the Convention".³⁰⁸

Here is another example: rejecting the arguments of the claimant "on the erroneous application of the rules of the international treaty and non-application of domestic law", the Thirteenth Commercial Appellate Court referred to their contradiction "part 4 of Article 15 of the Constitution of the RF and Article 7 of the Tax

³⁰⁶ Ibid.

³⁰⁷ The Resolution of the Federal Commercial Court of the Northwest district dated 15.11.2010 regarding the case № A56-26717/2009; The Decision of the Federal Commercial Court of the Northwest District dated 11.05.2010 regarding case № A05-7314/2008; The Resolution of the Presidium of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation from 22.12.2009 № 9918/09; The Resolution of the Federal Commercial Court of the West Siberian District dated 12.05.2009 № F04-1571/2009 (2526-A03-21) regarding case № A03-12971/2006-3; The Resolution of the Presidium of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation dated 01.12.2009 № 11284/09 // Ibid.

³⁰⁸ This refers to the Convention on the Contract for the International Carriage of Goods by Road in 2008 and the Federal Law № 78-FZ dated 30.06.2013 "On Shipping and Forwarding Operations" (the Resolution of the Seventeenth Commercial Appellate Court dated 27.05.2008 and the Decision of the Commercial Court of the Sverdlovsk region from 18.03.2008 regarding case № A60-7091/2007 // Ibid.

Code of the RF, establishing the priority of the international treaty, to which the Russian Federation is a party, over the norms of the national Russian legislation".³⁰⁹

However, in this case, a number of significant circumstances can be overlooked, such as the legal force and validity of a particular international treaty, the sphere of public relations subject to the regulation of these rules, the interpretation of the norms of international treaties, and the generally accepted application of the norms of international treaties. The stated aspects, though, are rather theoretical, but they are very important for the law applicability, because without their evaluation it is impossible to determine the possibility or impossibility of the international treaty's regulation of legal disputes.

There are tendencies in the arbitration practice that are characterized by the court's desire to evaluate an international treaty as a holistic legal phenomenon, with its inherent peculiarities. In such case, after legal analysis of a relevant international treaty, the commercial court may reach the following conclusions: there is a need to attribute controversial legal relations to the sphere of law regulation of a specific international treaty or to exclude controversial relations from within its jurisdiction.

While making its first conclusion, the court should also verify the validity of the international treaty and its validity at the time of the legal dispute. Some courts also rightfully evaluate the existence or absence of official publication of an international treaty in the Russian Federation. The sequence of determinations of these factors has no legal significance for the substance of the final conclusion; these factors should be examined together and only after that there can be a conclusion whether the specific norms of international law may or may not be applied to the legal dispute.³¹⁰

³⁰⁹ This refers to the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Cyprus for the avoidance of double taxation in respect of taxes on income and capital of 1998 (The Resolution of the Thirteenth Commercial Appellate Court dated 25.06.2007 case № A56-51459/2005) // *Ibid.*

³¹⁰ The Eighth Commercial Appellate Court, in its resolution of 07.05.2009 concerning case № A70-2918/2007, stated that *"the Court of First instance has correctly applied the provisions of the United Nations Convention on treaties of the International Sale of Goods (1980) since the Russian Federation (since 1990) and the Czech Republic (since 1993) are parties to this Convention"*; the Judicial Panel of the Twelfth Commercial Appellate Court in its decision of 15.07.2010 regarding case № A57-2685/2010 found that *"the Court of First instance unreasonably applied the norms of Russian law only, but it did not apply the provisions of the said Convention"* because it was *"incorrectly stated that the Russian Federation is not a party to the Convention on the Contract for the International Carriage of Goods by Road and the protocol of 05.07.1978"* // *Ibid.*

3. The third option of the use of international treaty rules appears to be most sensitive to criticism,³¹¹ it is characterized by the total absence of a reference to an international treaty which, by its regulatory nature, should be applied to legal disputes.

This position often leads to two consequences: annulment of a judicial act by a higher court as one of the methods to appeal or to affirm the judgment by a superior court, with an indication of the norms of international treaties that were not applied.

The following situation is an example of the first consequence. The resolution of the Presidium of the Supreme Commercial Court of the RF dated 01.12.2009 № 11284/09 ascertains the existence of grounds for the abolition of the appealed judicial acts and for referring the case to the court of first instance because the conclusions were made without taking into account the provisions of the Convention on the Contract for the International Carriage of Goods by Road from 19.05.1956.³¹²

The decision of the Federal Commercial Court of the Moscow district from 28.06.2011 regarding case of № A41-34563/10 found that "in accordance with article VII of the Budapest Convention of 05.12.1980, as well as under article 16 of the Agreement between the Government of the Russian Federation and The Joint Institute of Nuclear Research on Whereabouts and the Conditions of the Institute in the Russian Federation, which was committed in Dubna, Moscow Oblast, on October 23, 1995 ratified by the Federal Assembly of the RF (Federal Law of January 2, 2000 № 39-FZ). The Joint Institute for Nuclear Research is exempt from payment of the state fee. Both documents are international treaties. The Agreement between the Government of the Russian Federation and the Joint Institute for Nuclear Research on the Whereabouts of the Institute in the Country was published in the collection of legislation of the Russian Federation № 9 dated February 28, 2000 and in the fifth issue of the Bulletin of International Treaties, 2000. The appeal of the Joint Institute for Nuclear Studies

³¹¹ However, both this option and the former one should be referred to as "passive law application", which was described in the previous paragraphs of this study.

³¹² The Resolution of the Presidium of the Supreme Commercial Court of the RF dated 01.12.2009 № 11284/09 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

referred to the aforementioned normative acts. However, the court of appeal has not applied these rules".³¹³

The second of the above-mentioned consequences results from the similarity of the legal regulation of the dispute with the norms of international and national law.

4. Another option for the commercial court to use the rules of international treaties is to formulate the conclusion that the international treaty is not subject to application. Such conclusion should be based on a comprehensive study of the characteristics of the treaty itself and the scope of the regulatory effect of its norm.

Thus, each particular use / non-use of norms of international agreements based on the sole discretion of the judge (or the collegium), on the established law practice with regard to a particular issue, as well as on the position of the Supreme Court of the RF (formerly the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation) or lack thereof.

The prompt and competent application by the Russian courts of the norms of international treaties should be the result of the consolidation of the internal mechanisms for improving the Russian judicial system: of identifying in practice the problem areas, improving scientific research in this area, ensuring the state with appropriate mechanisms for the application of international treaties.

Identification by the Supreme Court of the Russian Federation of problems in the field of application of the norms of international treaties and adoption of recommendations for their resolution. Considering the existence of gaps in the legal regulation of individual issues in this area, recommendations and explanations on the application of international treaty norms based on a synthesis and analysis of law-enforcement judicial practice could have an important role to be played by the highest court - the Supreme Court. The Supreme Court of the Russian Federation can implement its recommendations and explanations in various forms, the main of which are rulings adopted by the Plenum of the Supreme Court and approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation. These documents would be an

³¹³ The Resolution of the Federal Commercial Court of the Moscow district from 28.06.2011 regarding case of № A41-34563/10 // Ibid.

operational way to form a legally correct and effective law enforcement behavior of the Russian arbitration courts.

Norms of international law, as I.I. Lukashuk fairly points out, "are not sufficiently articulated, reminding often of declarations and intentions",³¹⁴ so explanations should be of interpretive nature and stress the need for a more detailed approach to the legal evaluation of each international treaty of the Russian Federation in each particular case.

One of the main purposes of the reviews and resolutions of the Supreme Court of the Russian Federation should be to ensure a uniform and legally correct application by commercial courts of not only laws and subordinate normative acts, but also international treaties of the Russian Federation.

Professional development of judges in international law. In paragraph 18 of the famous Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.10.2003 № 5 there are some recommendations for Russian Academy of Justice:³¹⁵ in the course of the organization of educational process of preparation, retraining and improvement of qualification of judges and court personnel to pay particular attention to the study of the principles and norms of international law and international treaties, to review sources of international and European law regularly, to issue the necessary practical aids, commentaries, monographs and other educational, methodical and scientific literature.

T.N. Neshataeva noted: "Since the applicability of international norms is always a rather complex process, commercial courts have an agenda for the in-depth study of international law issues. It seems that the Russian international law science will also be able to assist the process of applicability of international law by the courts of the Russian Federation".³¹⁶

Training programs for judges of the Russian commercial courts include a section on the study of the applicability of international law as a mandatory component.

³¹⁴ Lukashuk I.I. *International Law in the Courts of States*. P. 106.

³¹⁵ On September 4, 2014, the Russian Academy of Justice was renamed the Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Russian State University of Justice".

³¹⁶ Neshataeva T. N. *Commercial courts and some questions of application of international law in the Russian Federation* // *Russian Yearbook of International Law*, 1998-1999. P. 231.

At the same time, in deciding whether to approve a candidate for the position of a judge of commercial court, we think that the situation is not quite normal.

The website of the Higher Examination Commission for the Qualification Examination for the Judge is posted “Questions to prepare for the qualification exam for the position of judge of the arbitration court”.³¹⁷ The list includes 163 questions in 6 sections of law: theories of law, constitutional, civil, arbitration procedure, administrative and tax law.

Examiners checking the degree of preparedness of the candidate qualifications in the arbitration court judge on issues of international law carried out only on the 4th most common issues: two questions from the section “Questions on the theory of law” - “Sources and forms of international law applicable in Russia” and “Correlation of international and Russian law”, and two questions from the section “Questions on arbitration proceedings” - “Proceedings on recognition and enforcement of decisions of foreign courts and foreign arbitral awards” and “Peculiarities of notifying foreign persons participating in the case about the time and place of legal proceedings”.

Considering the problems existing in commercial proceedings with the application of international principles and norms of generally recognized and contractual nature, partially reflected in this study, it is impossible not to note the very low level of requirements for candidates for commercial judges on international law issues: the proposed wording of questions for the preparation and verification of examinees Candidates correspond to the level of examinations of students of the 2nd year of the university, which cannot be considered acceptable.

Besides, assistants of judges, whose duties include preparation of draft judicial acts, as well as analysis of normative documentation and law practice on existing issues, should also receive necessary knowledge and information about various innovations in the field of applicability of the norms of international treaties by Russian courts of arbitration. In some cases, given the particularities of the judicial process, the internal organization of the courts, secretaries of court sessions should have a well-structured knowledge of the order and procedures, for example, a foreign citizen's participation in

³¹⁷ URL: <http://www.vekrf.ru/publication/1715/> (assessed on 18.09.2018).

the process. However, training programs for such judicial officers often do not include an international legal component.

Providing by the state with proper mechanisms for applying the norms of international treaties. N.M. Yurov notes that "the absence of a well-defined national mechanism for the implementation of international law in the legal consciousness of judges generates a nihilistic attitude to international law and misunderstanding of the regulatory potential, which is laid down in international law; this is topped by the fear of application of "alien legal norms".³¹⁸ It should be noted with regret that this allegation is not unfounded.

Following the International Legal Science Symposium at the Institute of Legislation and Comparative law under the Government of the Russian Federation 21.04.2008, the abstracts of the participant's reports were published.

Y.A. Tikhomirov pointed out that when implementing international treaties, the Government of the RF imposes relevant duties on ministries and departments, but the specialists of the ministries are not prepared for the implementation of treaties.

A.G. Shatunovskaja-Bjurno reported that the competent authorities in charge of the implementation of an international treaty do not always understand what the international treaty requires them to do because of the meaning of certain terms of international law that are unusual for the Russian legislation; therefore, the task for the competent authorities that are responsible for the preparation of an international treaty would be to ensure that the treaty is drafted in such a way that legal practitioners have no questions about the interpretation of the provisions of international treaties.

According N.M. Kolosova's report, the Russian Federation should adopt a law on normative and legal acts, where, inter alia, it will be necessary to define a mechanism for the uniform application of international treaties.³¹⁹

Establishing a uniform order of application of the norms of international treaties in the Russian Federation by commercial courts is long overdue. The relevant

³¹⁸ See the detailed information: Yurova N.M. International Civil Procedural Law: theory of implementation of norms in the Legal System of the Russian Federation. M., 2008. 352 p.

³¹⁹ See the detailed information: Tiunov O.I., Manov B.G. The principle of compliance with international treaties: Conflicts of International and National Law // Journal of Russian Law. M., 2002. № 6. Access from the legal database "GARANT" (17.11.2017).

government authorities need to ensure that Russian legal practitioners have concrete answers to their questions in this matter.

In addition, some adaptation work should also be carried out by state authorities on the preparation for the application of international treaties. When adopting international treaties, these bodies should carry out a normative interpretation of the terms and provisions contained in them, the regulatory effect of which has novelties in relation to the already established Russian regulatory framework in this area. In this case, it seems insufficient only to amend the existing normative legal acts of domestic law. Available practical recommendations should be adopted regarding each international treaty in order to organize its proper interpretation and application.

Only a full scale interaction between executive, legislative and judicial authorities may enable the Russian Federation to fulfill its international legal obligations and the implementation of the provisions of the Constitution of the RF aimed at incorporating such normative international law acts into the legal system of the country.

The system of interaction with foreign countries on issues of mutual legal assistance also requires improvement. According to R.V. Vinnikova, "the law practice requires finding ways to ensure reliable interaction of Russian commercial courts with foreign institutions of justice and means of increasing the efficiency of interstate cooperation".³²⁰ Legal assistance may include not only requests for the application of foreign law, but also facilitate the practice of applying the norms of international treaties in Russian arbitration proceedings.

³²⁰ Vinnikova R.V. Implementation of the norms of international law in commercial courts of the Russian Federation.

CONCLUSION

In the process of working on his dissertation, the author identified the following normative-legal, methodological and doctrinal foundations of the study and formulated conclusions and provisions to be defended.

The legal basis for the research was international treaties of the Russian Federation, the Constitution of the Russian Federation, laws and sub-legal acts regulating the issues of arbitration proceedings and the application of the norms of international treaties.

When working on the dissertation, the author has analyzed various judicial acts of commercial courts of Russia (mainly commercial courts of the West Siberian, North-Western and Central Districts, the Supreme Commercial Court of the Russian Federation), separate judicial acts of courts of general jurisdiction of Russia, the Supreme Court of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, and also the European Court of Human Rights, the Court of the Eurasian Economic Union and the Court of the Eurasian Economic Union), the International Court of Justice.

The author has also analyzed explanations, information letters and decisions of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation.

The methodological basis of the research includes such dialectical methods of cognition as deduction and induction, analysis and synthesis, theoretical modelling, comparison, generalization, systemic and structural approaches, etc.

Private-scientific research methods such as formal-legal and formal-logical methods, a comparative legal method and a method for studying and generalizing judicial practice were also used.

The practice of commercial courts has been analyzed through search queries both in the internal database and on the official websites of the courts on the Internet, in legal databases "ConsultantPlus". Search and selection of judicial acts was carried out with the use of relevant queries by key words, which allowed individualization of international treaties of the RF, resolutions, etc.

The theoretical basis of the thesis is based on the works of such scientists of the Soviet and modern period as L.A. Aleksidze, L.P. Anufrieva, A.S. Gaverdovsky, S.V. Bakhin, V.G. Butkevich, V.V. Gavrilov, L.N. Galenskaya, G.M. Danilenko, B.L. Zimnenko, V.S. Ivanenko, G.V. Ignatenko, I.I. Lukashuk, O.I. Lukashuk, S.Yu. Marochkin, R.A. Myullerson, T.N. Neshataeva, B.I. Osminin, I.S. Peretersky, V.Ya. Suvorova, A.N. Talalaev, G.I. Tunkin, E.T. Usenko and others.

During the research process, the author also turned to works of other scientists, which reflected the issues of the operation, interpretation and application of international legal norms in national legal systems.

The works of legal scholars such as M.N. Marchenko, A.V. Malko, N.I. Matusow and V.S. Nersesyantsa significantly contributed to this research.

The works of scholars of different branches of law such as M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky, Yu.S. Gambarova, M.K. Treushnikova, Ya.F. Farkhtdinov, V.M. Sherstyuk and others were also referred to in this thesis.

The use in this research of theoretical works of practicing judges and researchers (R.V. Vinnikova, L.N. Galenskaya, G.A. Zhilin, S.Yu. Marochkin, T.N. Neshataeva, V.P. Talinmonchik) which are devoted to the analysis of the evolving practice of law enforcement agencies is of particular importance.

The thesis examines the application of the norms of international treaties by the national law enforcer from the point of referring this source of international law to normative legal acts, determining its place in the Russian legal system, and not in the system of law of Russia, the grounds for the application of such norms, as well as the problematic issues of commercial courts proceedings.

Conclusions and provisions to be defended:

1. Analysis of the practice of a quarter-century implementation of the imperative provisions of article 15(4) of the Constitution of the Russian Federation about the applicability of international treaties of Russia in the Russian legal system and the Commercial Procedure Code of the RF which concretize their respective norms indicates that the Russian commercial judicial system generally perceived international treaties as a really relevant law-enforceable source of arbitration

proceedings, the use of which in necessary cases, as a rule, really helps to increase the efficiency of arbitration courts and the judiciary. resolution of economic disputes.

2. However, despite such a relatively long period of application of the norms of international treaties of the RF, the accumulated significant enforcement experience of the system of commercial courts of the RF, the opportunity to eliminate contradictions in the legal positions of higher courts due to their merging in 2014, as well as numerous explanations of the Constitutional Court of the RF, the necessary uniformity in the general issues of understanding and applying the norms of international treaties by the commercial courts of Russia has not yet been achieved.

3. The practice of applying international treaties by commercial courts is still ambiguous and contradictory, and references to them are often incorrect, even legally unfounded, or vice versa - illegally absent.

According to the author, the reasons for this abnormal situation depend on many factors complicating the process, the main of which are as follows:

- insufficient regulatory resolution and scientific elaboration of issues and problems arising in this area;
- the presence in the legislation, as well as in the decrees, instructions and explanations of the highest courts are not sufficiently clear and even contradictory provisions that make it difficult to clearly understand the content, features and procedure for applying the norms of international treaties in the commercial process;
- fragmented, often contradictory positions of legislative bodies and supreme courts regarding the status, place and role of different types of international treaties (intergovernmental, intergovernmental and interdepartmental) in the hierarchical structure of normative acts of the Russian legal system and related features of the use of different types of international treaty norms in commercial proceedings;
- lack of clarity in distinguishing between various types of international acts, numerous in designation, but having different legal or political status, that are binding and recommendatory;

- insufficient level of qualification of the judges and their professional readiness to understand international treaties terms, to clarify the content of the treaties norm, its correct interpretation and application;
- the lack of international legal competence and flexibility of representatives of the parties in the commercial process;
- lack of available and reliable system to inform stakeholders about the actual operating in Russia international treaties;
- the absence of a permanent system of practical training and advising about application of international treaties for judges;
- huge workload of the judiciary.

4. The lack of a clear understanding of the nature and status of international treaties in the Russian legal system also has a negative effect. The isolation of the international treaty from legal acts in the system of sources of Russian law, which is based on the perception of the legal nature of the treaty as only an agreement of the contracting parties and not on its legal status as an international legal act, is legally unjustified in the legal literature and jurisprudence act. The work substantiates the need for a uniform understanding and interpretation in law enforcement practice of the concept of an international treaty as a normative legal act.

Therefore, the following definition of the concept is proposed: an international treaty is an international legal act adopted by the competent subjects of international law on a conciliatory basis, aimed at regulating public relations representing mutual interest for the contracting parties, containing legal norms binding on the contracting parties.

5. In the opinion of the author, the place of the international treaties of the Russia in the system of sources of law subject to application by Russian commercial courts should be uniformly defined and fixed in Russian normative legal acts, in the assumption of the provisions of the Constitution of the RF and the norms of international law. Such a place for international treaties of Russia in the hierarchical structure of sources of Russian law should be the place after the Constitution of the RF. This will eliminate the inadmissible from the point of view of legislative

technology facts of arbitrarily fixing the place of Russia's international treaties in the list of acts (from the place after the Constitution to the place after acts of local authorities), on which the legal basis of the force and application of one or another federal law or other normative act is based. This, in turn, will facilitate the work of the courts with the proper selection of the necessary normative act according to its legal force from their hierarchical list in the text of any law enforcement source.

6. One of the significant means of increasing the efficiency of the judicial method of applying the norms of international treaties of the Russian Federation is the maximum awareness of the court on the validity and legal force of a potentially applicable international treaty. This will allow the court to form an internal belief about the admissibility / inadmissibility of the application of a specific contract, based on the understanding of the totality of all its legal characteristics.

In the author's opinion, to achieve this the priority should be given to two areas: normative and legal direction which is as follows:

- the introduction by Russia of international treaties into the Russian legal system as regulatory legal acts;

- clarification by the highest authorized State bodies of the content of the norms of international treaties in order to establish their self-fulfillment or non-compliance in the system of Russian Law;

- if necessary, adopt domestic acts on the introduction and transformation of the norms of international treaties into the system of Russian Law;

organizational and legal direction:

- publishing international treaties in the established official media;

- issuance by the highest judicial bodies of decisions on the procedure for the application of international treaties in commercial proceedings;

- making publicly available by the highest judicial authority of Russia general information in the form of instructional letters, explanations, reports or reviews about practical or potentially applicable international treaties, which specifying and explaining their legal properties and law-enforcement characteristics and analyzing the errors made by the courts.

7. Any and every application of the norm of an international treaty by a commercial court is also an act of its interpretation, in the sense of personal, internal professional clarification of the essence of such a norm by the judge / tribunal. Clarification of this rule by the highest court of Russia will be an act of official interpretation on behalf of the Russian Federation and mandatory for all lower courts of the commercial courts system. Such an interpretation can be viewed in international relations as the official position of the Russian Federation on the content of certain norms of such international treaties.

8. The interpretation offered by international judicial institutions (firstly ECHR and EAEU Court) with regard to the norms of international treaties may in some cases create prerequisites or actually contribute to the development of the practice of the most accurate application of international legal norms in the sphere of competence of commercial courts.

9. In the author's opinion, a model of the activity of commercial courts of Russia in the administration of justice has formed in the event of a contradiction between private and public interests in certain economic legal relations, regulated by the norms of both domestic and international law.

A significant circumstance in the framework of this model is the definition of the nature of the legal regulation of public relations by the rule of international law, which may be complementary or exclusive in relation to the norm of Russian law. In the exceptional character, the norm of the international treaty should be applied due to its primacy in the sphere of law enforcement, in the additional character - norms of international and Russian law should be applied in the totality while enriching and detailing each other.

10. The author stated that there are 4 possible applications / non-application of the norms of international treaties by commercial courts:

- a simple reference to the international treaty of Russia in the text of the judicial act in the general list of applicable sources, without reference to specific articles and provisions of the treaty;

- direct application of the international treaty of the Russian Federation or its specific articles as a legal regulator of legal relations;

- formulation of the conclusion that the international treaty is not applicable;
- the absence of a reference to an international treaty that must be applied to a controversial legal relationship.

The theoretical significance and practical aspect of this research are that in this paper questions of the application of norms of international treaties by Russian law enforcement agencies are examined from the position of attributing this source of international law to Russian normative legal acts, determined its place in the Russian legal system, but not in the legal system of the Russian Federation, clarified the grounds for the application of such rules and the problematic issues of the Russian commercial proceedings related to this.

The results obtained of this research can be:

- useful as a theoretical basis for further scientific works in the field of the application of international treaties by Russian judicial authorities;
- perceived by the Russian legislature to improve the national mechanism for ensuring the implementation of the norms of international treaties of the Russian Federation;
- used by the courts in the context of determining the applicability to a specific situation of the norms of the international treaty of the Russian Federation, as well as the procedure for such application, including the manner in which the relevant rule is interpreted;
- applied by the highest court for the purposes of formulating generalizations and drafting clarification on the procedure for applying the norms of international treaties by commercial courts in Russia;
- can be taken into account in the subsequent reform of the judicial system of the Russian Federation, whose drafts are already being developed and discussed;
- used in the teaching of the modules “International Law”, “Private International Law”, “Commercial Procedure” in the specialty “jurisprudence” and advanced training courses for judges of commercial courts and staff of courts.

Approbation of research results carried out at the Department of International Law of the Saint Petersburg State University, reflected in a speech at a meeting of the

Russian Association of International Law (25 June 2015, Moscow), at the XIII International Scientific and Practical Conference “Kutafin Readings” (21-23 November 2017, Moscow).

The results of the research were applied by the author during her professional career as a judicial assistant in commercial courts of appellate instances (the Eighth Commercial Court (Omsk) and the Thirteenth Commercial Court (Saint Petersburg), in the Omsk Regional Court (Omsk).

Materials of scientific research work were also used by the author in the process of lecturing and conducting practical classes in the courses “International Law” and “International Private Law” at the Institute of Law and Entrepreneurship (Saint Petersburg), at the Law Department of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky (Omsk).

The main conclusions were presented by the author in nine scientific articles, including four articles in scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

LIST OF USED SOURCES**INTERNATIONAL NORMATIVE LEGAL AND RECOMMENDING ACTS**

1. Charter of the United Nations, 1945 // Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Issue XII. M., 1956. P. 14 – 47; URL: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-iv/index.html> (application date 18.08.2018).
2. Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).
3. Vienna Convention on the Law of Treaties between States and International Organizations or International Organizations of 1986 // Public International Law. Collection of documents in 2 parts. Part 1. M., 2006. 339-362 p.
4. Vienna Convention on Succession of States in respect of Treaties of 1978 // Public International Law. Collection of documents in 2 parts. Part 1. M., 2006. 115-130 p.
5. The Hague Convention on Civil Procedure of 1954 // Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Issue XXV. M., 1972. Pp. 136-144.
6. The Hague Convention on the service abroad of judicial and extrajudicial documents in civil and commercial matters of 1965 // Collection of the RF legislation. December 13, 2004 No. 50. Art. 4951.
7. The Hague Convention on the acquisition of evidence in civil and commercial matters in 1970 // International Private Law. Collection of documents. M., 1997. P. 737 - 744.
8. United Nations Convention on the recognition and enforcement of foreign arbitration decisions of 1958 // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1960. No. 46. Art. 421.
9. The Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950 // SZ RF. 08.01.2001. № 2. Atc.163.

10. International Covenant on civil and political rights of 1966 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

11. International Covenant on economic, social and cultural rights of 1966 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

12. Agreement on the procedure for the settlement of disputes relating to the conduct of business activities, 1992 // International Private Law. Collection of documents, M.: Izd. BEK 1997. P. 911-914.

13. Convention on legal assistance and legal relations in civil, family and criminal matters, 1993 // Journal of International Private Law. 1996. № 3 (13).

14. Convention on Legal assistance and legal relations in civil, family and criminal matters, 2002 // Commonwealth. Information Bulletin of the Council of Heads of State and the Council of Heads of Government of the CIS. No. 2 (41). Pp. 82 - 130.

15. Convention for the unification of certain rules for international carriage by air (concluded in Montreal 05.28.1999) // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

16. Convention abolishing the requirement to legalize foreign official documents of 1961 // Bulletin of international treaties. 1993. № 6.

17. The Convention on the Contract for the International Carriage of Goods by Road in 2008 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

18. The Treaty on the Eurasian Economic Union of 29.05.2014 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

19. Statute of the Court of the Eurasian Economic Union 2014 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

20. Agreement on Appeal to the EurAsEC Court of Business Entities on disputes within the Customs Union and the peculiarities of dispute proceedings dated 09.12.2010 // URL: <http://sudevrazes.org/main.aspx?guid=21791> (application date 18.09.2018).

21. Customs Code of the Custom Union, 2009 // Collection of legislation of RF. 13.12.2010 No. 50. Article 6615.

22. The Agreement on avoidance of double taxation with respect to taxes on income and capital, concluded between the Russian Federation and the Swiss Confederation on 15.11.1995 // Collection of Russian legislation. 09.06.1997, No. 23. Art. 2666.

23. The Agreements on avoidance of double taxation with respect to taxes on income and capital, concluded between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Cyprus on 05.12.1998 // Collection of Russian legislation. 13.09.1999, No. 37, Art. 4447.

24. Declaration of Principles of International Law of 1970 // Current international law: in 2 volumes. V. 1.- M., 1996. p. 65-73.

25. Final Act of the Helsinki Conference, 1975 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

26. Universal Declaration of Human Rights, 10.12.1948 // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (application date 18.09.2018).

27. Resolution by the Institute of International Law of 07.09.1993 «The Activities of National Judges and the International Relations of their State» URL: http://www.justitiaetpace.org/idiE/resolutionsE/1993_mil_01_en.PDF (accessed 18.09.2018).

ACTS OF INTERNATIONAL JUDICIAL BODIES

28. The Decision in the case of the U.S. diplomatic and consular staff in Tehran // ICJ. Reports. 1980. 93 p. // Quote by: Lukashuk I.I. The Norms of International Law in the Russian Legal System. P. 26.

29. Advisory opinion of the United Nations International Court of Justice on the Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, 1996 // URL: <https://www.futurepolicy.org/wp-content/uploads/2015/01/Annex-5.pdf> (application date 18.09.2018).

30. The resolution of the European Court of Human Rights from 06.12.2007 regarding the case "Bejan v. Romania" (№ 1), complaint № 30658/05 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

31. The Decision of the Appeals Chamber of the EurAsEC Court of 21.02.2013 on the case regarding the claim of LLC ONP//URL: <http://www.tsouz.ru/Docs/sud/Documents/apellyaciya.pdf> (application date 18.09.2018).

LEGISLATIVE AND OTHER OFFICIAL ACTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

32. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) // SZ RF. 08.04.2014. No. 31. Art. 4398.

33. Federal Constitutional Law dated 31.12.1996 No. 1-FKZ (ed. of 05.02.2014) "On the judicial system of the Russian Federation" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018); the original text of the document was published: SZ RF. 1997. No. 1. Art. 1.

34. Federal Constitutional Law dated 28.04.1995 No. 1-FKZ "On Commercial Courts in the Russian Federation" // SZ RF. 1995. No. 18. Art. 1589.

35. Commercial Procedural Code of the Russian Federation of 24.07.2002 No. 95-FZ // SZ RF. 2002. No. 30. Art. 3012.

36. Customs Code of the Russian Federation dated 28.05.2003 No. 61-FZ // Collection of legislation of RF. 02.06.2003 No. № 22. Art. 2066.

37. Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated 31.07.1998 No. 146-FZ (ed. of 03.07.2016) // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

38. Civil code of the Russian Federation. Part 1 // SZ RF. 05.12.1994. No. 32. Art. 3301.

39. Federal Law dated 15.07.1995 No. 101-FZ of the "On the International Treaties of the Russian Federation" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

40. Federal Law dated 27.11.2010 No. 311-FZ "On customs regulation in the Russian Federation" // Collection of legislation of the RF. 29.11.2010, No. 48. Art. 6252.

41. Federal Law № 78-FZ dated 30.06.2013 "On Shipping and Forwarding Operations" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

42. Federal law dated 14.06.1994 № 5-FZ "On the Procedure of official publication and Entry into Force of Federal Constitutional Laws, Federal Laws, Acts of the Chambers of the Federal Assembly" (as amended by the Federal law of 25.12.2012 № 254-FZ) // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018); the original text of the document was published: Collection of Legislation of the Russian Federation. 20.06.1994. № 8. P. 801.

43. Federal law dated 30.03.1998 № 54-FZ "On Ratification of the Convention on the Protection of the Human Rights and the Fundamental Freedoms and Protocols thereto" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

44. Resolution of the President of the Russian Federation of 11.01.1993 № 11 "On the Procedure of official publication of the International Treaties of the Russian Federation" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

45. Presidential Decree dated 12.07.2012 No. 970 "On the official publication of temporarily applied international treaties of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information, URL: <http://www.pravo.gov.ru> (application date 18.09.2018); SZ of the RF. 16.07.2012. No. 29. P. 4069.

46. Resolution of the President of the Russian Federation dated 11.01.1993 № 11 "On the Procedure of official publication of the International Treaties of the Russian Federation" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

47. Resolution of the President of RF dated 21.05.2015 № 252 "On the Federal Agency of Executive Power Authorized to Appeal to the Court of the Eurasian Economic Union" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

48. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 13.08.1997 № 1009 "On the Approval of the Rules of Preparation of the Normative Legal Acts of

the Federal Executive Authorities and their State Registration" // SZ of the RF. 1997. № 33. Art. 3895.

49. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 03.02.1994 № 76 "On the Accession of the Russian Federation to the The European Agreement concerning the International Carriage of Dangerous Goods by Road" // SZ of the RF. № 7. From 14.02.1994 Art. 508.

50. Letters of the Ministry of Finance of the RF dated 19.08.2013 No. 03-08-05/33673 and dated 16.08.2013 No. 03-01-18/33520 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

51. Decree of the State Duma of 11.11.1996 No. 781-II "On Appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation" // SZ of the RF. 02.12.1996 No. 49. Art. 5506.

52. Order of the President of the RF of 08.09.1994 No. 458-rp "On the procedure in accordance with which copies of official texts of international treaties are certified by the federal executive bodies" // SZ RF. 09.12.1994. No. 20. P. 2269.

53. Letter of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation of 11.17.1994 No. 3633 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

54. The draft of Federal Law dated 04.06.1996 No. 96700088-2 "On Normative Legal Acts in the Russian Federation" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

ACTS OF COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

55. The Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 27.03.2012 № 8-P "On the case of verification of the constitutionality of Article 23, item 1 of the Federal law "On International Treaties of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen I.D. Ushakov" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

56. The Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12.10.2015 № 25-P "On the case of verification of the constitutionality of paragraph

5 of Article 150 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen D.A. Tatarnikov" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

57. The Ruling of the Constitutional Court of RF dated 15.01.2009 No. 144-O-P "On the complaint of the Human Rights Commissioner for the Russian Federation as regards to the violation of constitutional rights of the citizen Halimbekova Shamala Sharabutdinovna with the rules of part 4 of Article 39, Articles 270, 288 and 304 of the Commercial Procedural Code of the Russian Federation" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

58. Resolution of Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Commercial Court of the Russian Federation dated 04.12.2000 № 33/44 "On some issues of the practice of resolving disputes related to the circulation of bills" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

59. The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.04.1993 No. 5 "On certain issues arising in the examination of cases on applications of prosecutors on the recognition of legal acts as inconsistent with the law" (as amended by Resolution No. 19 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05.05.2000) // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

60. The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.01.2003 No. 2 "On some issues arising in connection with the adoption and enactment of the Civil Procedural Code of the Russian Federation" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (application date 17.09.2018).

61. The Resolution of the Plenum of Supreme Court of the RF dated 27.06.2017 No. 23 "Concerning consideration of cases by Commercial Courts on the economic disputes, arising from the relations with complications due to a foreign element" // Rossiyskaya Gazeta, No. 144, 04.07.2017.

62. The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF dated 31.10.1995 No. 8 (ed. on 03.03.2015) "On Application of the Constitution by Courts

of the RF in Law Enforcement" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

63. The Resolution of the Plenum of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation dated 15.12.2004 № 29 "On some issues of the practice of application of the federal law "On Insolvency (Bankruptcy)" // Bulletin of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation. M., 2005. № 3.

64. The Resolution of the Plenum of the Supreme Commercial Court of the RF dated 11.06.1999 No. 8 "On the operation of the international treaties of the Russian Federation with regard to the Commercial Court proceedings" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

65. Information Letter by Supreme Commercial Court of the Russian Federation dated December 20, 1999 No. C1-7/SMP-1341 // Bulletin of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation. 2000. № 2. P. 93 - 96.

66. The Review of the practice of resolving disputes related to the protection of foreign investors by the courts, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 12.07.2017 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

67. The Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.04.2011 № GKPI11-383 On refusal to satisfy the application to recognize as invalid the third item of clause 1 of the Resolution of the President of the Russian Federation dated 11.01.1993 № 11 "On the Procedure of official publication of the International Treaties of the Russian Federation" // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

68. The Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.04.2016 № 306-ES15-15954 and // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

69. The Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 28.04.2016 № 307-ES15-3429(3) // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

70. The Resolution of the Presidium of the Supreme Commercial Court of RF dated 15.11.2011 No. 8654/11, case No. A27-7455/2010 // Bulletin of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation. M., 2012. No. 3.

71. The Resolution of the Presidium of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation from 22.12.2009 № 9918/09 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

72. The Resolution of the Presidium of the Supreme Commercial Court of the RF dated 01.12.2009 № 11284/09 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

73. The Ruling of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation of 04.06.2012 No. VAS-6218/12 “On refusal to transfer the case to the Presidium of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation” refers to the list of grounds for transferring cases to the Presidium of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation for the supervisory review // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

74. The Ruling of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation dated 14.07.2014 No. VAS-5067/14 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

75. The Ruling of the Supreme Commercial Court of RF on the refusal to submit the case to the Presidium of the Supreme Commercial Court of RF No. 13698/11 dated 02.03.2012. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/5f271789-4fb4-4256-9367-4b385eefb3ef/A46-10363-2010_20120302_Opredelenie.pdf (application date 18.09.2018).

76. The Resolution of the Federal Commercial Court of the West Siberian District of 12.05.2009 № F04-1571/2009 (2526-A03-21) regarding case № A03-12971/2006-3 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

77. The Decision of the Federal Commercial Court of the Northwest District of 11.05.2010 regarding case № A05-7314/2008 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

78. The Resolution of the Federal Commercial Court of the Northwest district dated 15.11.2010 regarding the case № A56-26717/2009 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

79. The Resolution of the Federal Commercial Court of the Northwest district of 02.03.2009 in the case of № A42-3138/2008 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

80. The Resolution of the Commercial Court of the Republic of Tatarstan dated 24.05.2013 regarding case № A65-5254/2013 // Official site E-justice. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/36230fbc-f8da-431a-a6fc-8261a7731d67/A65-5254-2013_20130524_Reshenie.pdf (application date 18.09.2018).

81. The Resolution of the Federal Commercial Court of the Moscow district from 28.06.2011 regarding case of № A41-34563/10 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

82. The Resolution of the Fourth Commercial Appellate Court dated 09.09.2015 case № A78-4606/2015 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

83. The Resolution of the Seventh Arbitration Appellate Court dated 31.10.2014 concerning case No. A27-8992/2014 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

84. The Resolution of the Seventh Commercial Appellate Court dated 12.08.2008 concerning appeal petition № 07AP-4331/08 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

85. The Resolution of the Eighth Commercial Appellate Court dated 24.12.2012 regarding case № A75-1015/2012 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

86. The Resolution of the Eighth Commercial Appellate Court dated 07.05.2009 regarding case № A70-2918/2007 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

87. The Resolution of the Eighth Commercial Appellate Court dated 23.04.2012 concerning case № A70-11038/2010 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

88. The Resolution of the Ninth Commercial Appellate Court dated 27.03.2013 case No. A40-105107/12-79-1057 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

89. The Resolution of the Ninth Commercial Appellate Court dated 18.05.2012 case No. A40-92579/11-5-654 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.01.2018).

90. The Resolution of the Eleventh Commercial Appellate Court dated 11.09.2013 regarding case № A65-5254/2013 // Official site E-justice. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/ffe03866-eeef-45a0-90d5-7b38dd40a7a9> (application date 18.09.2018).

91. The Resolution of the Eleventh Commercial Appellate Court dated 13.08.2013 with regard to case No. A55-34819/2012 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

92. The Resolution of the Thirteenth Commercial Appellate Court dated 25.06.2007 case № A56-51459/2005 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

93. The Resolution of the Thirteenth Commercial Appellate Court dated 13.10.2011 concerning case № A56-43904/2011 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

94. The Resolution of the Thirteenth Commercial Appellate Court dated 13.08.2012 case No. A56-58029/2011 // Official website Electronic Justice. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/8f74a66b-c50c-4046-b2e3-1041b787ffdb/A56-58029-2011_20120502_Reshenie.pdf (application date 18.09.2018).

95. The Resolution of the Thirteenth Commercial Appellate Court dated 22.10.2008 case № A56-5652/2008 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

96. The Resolution of the Fourteenth Commercial Appellate Court dated 26.09.2014 with regard to case No. A13-7185/2014 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

97. The Resolution of the Fifteenth Commercial Court of Appeal of 03.04.2014 concerning case № A32-2304/2014 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

98. The Resolution of the Fifteenth Commercial Appellate Court dated 23.11.2009 concerning case № A32-23686/2008 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

99. The Resolution of the Fifteenth Commercial Appellate Court dated 14.07.2010 concerning case № A53-29588/2009 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

100. The Resolution of the Seventeenth Commercial Appellate Court dated 27.05.2008 regarding case № A60-7091/2007 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

101. The Resolution of the Seventeenth Commercial Appellate Court dated 09.07.2014 regarding case № A71-2758/2014//Official Site E-justice. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/8827fc80-29fc-40f1-9764-a50ae199c9b7/A71-2758-2014_20140421_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (application date 18.09.2018).

102. The Resolution of the Ninth Commercial Appellate Court of 22.12.2014 concerning case № A64-3716/2014 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

103. The Resolution of the Eleventh Commercial Appellate Court dated 13.08.2013 with regard to case No. A55-34819/2012 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

104. The Decision of the Commercial Court of the Sverdlovsk region from 18.03.2008 regarding case № A60-7091/2007 // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

105. The Decision of the Arbitration Court of the St. Petersburg and the Leningrad Region dated 05.11.2012 in case number A56-58029/2011 // Official website Electronic Justice. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/8f74a66b-c50c-4046-b2e3-1041b787ffdb/A56-58029-2011_20120502_Reshenie.pdf (application date 18.09.2018).

106. The Decision of the Commercial Court of the Udmurt Republic dated 21.04.2014 regarding case № A71-2758/2014 // Official Site E-Justice. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/8827fc80-29fc-40f1-9764-a50ae199c9b7/A71-2758-2014_20140421_Reshenija%20i%20postanovlenija.pdf (application date 18.09.2018).

107. The Decision of the Commercial Court of the Republic of Tatarstan dated 24.05.2013 regarding case № A65-5254/2013 // Official site E-justice. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/36230fbc-f8da-431a-a6fc-8261a7731d67/A65-5254-2013_20130524_Reshenie.pdf (application date 18.09.2018).

108. The Determination of the Commercial Court of the Omsk region dated 16.02.2017 in the case № A46-1495/2017// Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

109. The Decision of Transbaikal regional court dated 05.06.2012 on the case No. 33-1653-2012 // Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).

110. The judicial acts of four instances of Commercial Courts of RF, case A46-24377/2012, in the system "Electronic justice". URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/e3fbeb5e-be35-44b7-b141-308598348f81> (application date 18.09.2018).

111. The judicial acts of four instances of Commercial Courts of RF on case No. A27-7455/2010 in the system "Electronic justice". URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/04154295-3f19-4e9b-9d24-fdd4a274cac7> (application date 18.09.2018).

112. The judicial acts of four instances of Commercial Courts of RF, on case No. A46-10363/2010, in the system "Electronic justice". URL:

<http://kad.arbitr.ru/Card/8cbd8ece-6bbc-4f40-8a32-e55bf35d6ad2> (application date 18.09.2018).

113. The legal acts in case № A42-3138/2008 can be found on the official website Elektronnoe pravosudie (E-Justice). URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/5b1aaf1b-c00a-4c78-a310-c3ffbc536ed2> (application date 18.09.2018).

SCIENTIFIC LITERATURE

114. Alekseev A.A. General Theory of Law. Textbook. M., 2009. 566 p.

115. Aleksidze L.A. Some questions of the theory of international law: Imperative norms. Jus cogens Tbilisi, 1982. 406 p.

116. The American Journal of International Law. 1935. № 4. October. Vol. 29. Supplement.

117. Anufriyeva L.P. The fulfillment of obligations, the responsibility of States and the interpretation of international treaties in the activities of the CIS Economic Court (on the example of the Agreement on the Procedure for the Settlement of Disputes Relating to the Implementation of Economic Activities of 20 March 1992) // Russian Justice. 2011. No. 12. Pp. 36-48.

118. Anufriyeva L.P. The concept of "source of law" in international legal science: the dogma of "classics" and modern doctrine // Modern International Law: Theory and Practice. M., 2015. Pp. 39-53.

119. Commercial process / Textbook. Ed. M.K. Treushnikov. M., 2011. 672 p.

120. Commercial process / Textbook. Executive ed. V.V. Yarkov. M., 2014. 848 p.

121. Bakhin S.V. The international component of the legal system of Russia // Modern international law: theory and practice. M., 2015. Pp. 79 – 101.

122. Bakhin S.V. International and national law: the correlation of legal nature // Modern International Law: Theory and Practice. M., 2015. Pp. 84-85.

123. Bluntschli J. *Modern International Law of Civilized Nations*. M., 1876. P. 257 // Translation from the 2nd German edition. Ed. L. Kamarovsky. M., 1876. 634 p.
124. *Legal Dictionary* / A.Ya. Sukharev (ed.). M., 2009. P. 19; *Soviet Encyclopedic Dictionary* / A.M. Prokhorov (chief ed.). M., 1985. 858 p.
125. Borisov A.B. *Commentary to the Constitution of the Russian Federation (article-by-article)*. With the comments of the Constitutional Court of the Russian Federation. M., 2012. 272 p.
126. Braginsky M.I., Vitryanskij V.V. *Contract law. Book one. General provisions*. M., 2011. 847 p.
127. Butov V.N., Ilyinykh A.B., Korobova Ye.A. *International Treaty and Sources of Constitutional Law*. Chelyabinsk, 2008. 170 p.
128. Vinnikova R.V. *Implementation of the norms of international law in the commercial process of the Russian Federation: author's abstract of the dis. ... Ph.D.* Kazan, 2003. 33 p. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=127339> (application date 18.09.2018).
129. Vinnikova R.V. *Implementation of the norms of international law in the commercial process of the Russian Federation*. Dis. ... Ph.D. Kazan, 2003. 170 p.
130. Vinogradova P.A. *Judicial legal positions on the adaptation of international treaties in law enforcement practice // Russian Justice*. 2015. No. 4. Pp. 20-24.
131. Vorontsova I.V. *Contemporary understanding of legal sources in the theory of the state and law and civil procedural law of the Russian Federation // Bulletin of Saratov State Law Academy*. Saratov, 2015. No. 2(103). Pp. 69-75.
132. *Implementation of Russian Federation international treaties* / Ed. O.I. Tiunov. M., 2012. 256 p.
133. Gavrilov V.V. *The concept and interaction of international and national legal systems*. Vladivostok, 2005. 260 p.
134. Gavrilov V.V. *Concept of national and international legal systems // Journal of Russian Law*. M., 2004. No. 11. Pp. 98-112.

135. Galenskaya L.N. Application of the norms of international treaties in arbitration practice // *Journal of International Private Law*. SPb., 1997. No. 3 (17). P. 3-9.

136. Darda A.V. General Principles and Rules of Judicial Interpretation of Universally Recognized Principles and Norms of International Law // *Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples*. M., 2004. No. 1. Pp. 117-123.

137. Dzhamaaldinov S.A., Ivanenko V.S. The Issues of official publication of the international treaties in Russia // *Legal Science*. SPb., 2004. № 1. Pp. 117-131.

138. Egorova O.A., Bepalov Yu.F. Norms of international law in judicial system. M., 2016. Pp. 142- 234.

139. Efremov L. On the application of international treaties on mutual legal assistance in the work of commercial courts // *Economy and Law*. 1999. № 10. Pp. 99-107.

140. Zhilin G.A. Sources of civil and commercial procedural law // *Russian Yearbook of Civil and Commercial Procedural Law*, 2007. SPb., 2008. No. 6. Pp. 73-92.

141. Zarubayeva E.Yu. Generally recognized principles and norms of international law and international treaties in the legal system of Russia. Author's abstract of the dissertation for the candidate of juridical sciences. M., 2003. 25 p.

142. Zakharova N.V. Fulfillment of obligations arising from an international treaty. M., 1987. 139 p.

143. Zimnenko B.L. International law and the legal system of the Russian Federation. M. 2006. 454 p.

144. Zimnenko B.L. The international law and the legal system of the Russian Federation / *Course of lectures: general part*. M., 2010. 416 p.

145. Zimnenko B.L. Application of the norms of international law in the judicial system of the Russian Federation: author's abstract of the dissertation for the candidate of juridical sciences. M., 1999. 30 p.

146. Zimnenko B.L. International Law in the Judicial Practice of Russia: Arbitration Proceedings // Russian Justice. Moscow, 2004. No. 1. Access from the legal database "ConsultantPlus" (17.09.2018).
147. Zimnenko B.L. International law and the legal system of the Russian Federation: author's abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law. M., 2006. 49 p.
148. Ivanenko V.S. International treaties and the Constitution in the legal system of the Russia: war of the "supremacy" or peaceful interaction? // Jurisprudence. 2010. No 3. C. 135-161.
149. Ivanenko V.S. International treaties of Russia as normative legal acts // Russian Yearbook of International Law, 2013. SPb., 2014. Pp. 26-51.
150. Ivanenko V.S. International treaties, the Constitution and the legal system of the Russian Federation: the evolution of the relationship and the trend of interaction // Russian Yearbook of International Law, 2009. SPb., 2010. Pp. 9-34.
151. Ivanov V.V. General Issues of Contract Theory. M., 2000. 160 p.
152. Ivanov R.L. On the issue of the sources of the norms of law in the Russian Federation // Bulletin of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. Law series. Omsk, 2004. No. 1. Pp. 13-23.
153. Ivanov S.A. Application of ILO conventions in Russia during the transition period // State and law. M., 1994. No. 8. Pp. 66-73.
154. Ignatenko G.V. Judicial application of international legal norms: a sketch of the activities of the Supreme Court of the Russian Federation // Journal of Russian law. 2008, No. 1. Pp. 96-105.
155. Ignatenko G.V. International and Soviet law: problems of interaction of legal systems // Soviet State and Law. M., 1985. No. 1. Pp. 73-84.
156. Ignatenko G.V., Fedorov I.V. Commercial Procedural Code of the Russian Federation in the international and legal sense: achievements and omissions // Journal of Russian law. M., 2003. No. 7. Pp. 20-28.

157. Ispolinov A.S. The legal status of the Universal Declaration of Human Rights (on the 70th anniversary of adoption) // *Comparative constitutional review*. M., 2018. No. 4 (125). Pp. 1-8.

158. Kabyshev V.T., Khizhnyak V.S. Russian constitutionalism and the norms of international law and international treaties in the practice of constitutional justice: materials of the All-Russian Conference (Moscow, December 24, 2002) // Ed. M.A. Mityukova. M., 2004. P. 137 // Cit. by: Tiunov O.I., Kashirkina A.A., Morozov A.N. Decree. cit. P. 71.

159. Kanashevskiy V.A. On the qualification of an international treaty as a source of internal law // *Russian Law Journal*. M., 2013. No. 5. Pp. 57-64.

160. Kanashevskij V.A. On the interpretation of international treaties regulating civil-legal relations // *Application of International Human Rights Treaties in the Legal System of the Russian Federation: Scholarly conference proceedings*. Yekaterinburg, 2003. Pp. 25-32.

161. Karandashov I.I. The direct effect of the norms of international treaties in the legal system of the Russian Federation: author's abstract of the dissertation for the candidate of juridical sciences. SPb., 2013. 26 p.

162. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, part one (itemized) / Ed. by O.N. Sadikov. M., 1997. 777 p.

163. The Constitution of the Russian Federation: scholarly and practical commentary // Ed. by B.N. Topornin, Y.M. Baturin, R.G. Orekhov. M., 1997. 624 p.

164. Konyukhova I.A. International and constitutional law: theory and practice of interaction. M., 2006. 496 p.

165. Krivoruchko O.A. Problematic questions of the grounds for application of international treaties by commercial courts of the Russian Federation // *Eurasian Law Journal*, 2014. № 9 (76). Pp. 86-91.

166. Krivoruchko O.A. Official international legal interpretation of international treaties as a component of the Russian legal system // *Bulletin of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. Law Series*. 2015. № 1. Pp. 104-113.

167. Crymsky D.I. Approaches to understanding the "uniformity" of judicial practice in arbitration cases: Critical View // Arbitration practice. M., 2009. No. 11. Pp. 51-58.
168. Kudelich E.A. Theoretical and practical aspects of interpretation by the commercial courts of the Russian Federation of the norms of international treaties // Questions of international law in the law enforcement activity of the court. Actual problems of judicial practice in the field of intellectual property protection. M., 2006. Pp. 5-27.
169. Lazarev V.V., Lipen S.V. Theory of State and Law: textbook. M., 2015. 521 p.
170. Lukashuk I.I. International Law in the Courts of States. SPb., 1993. 302 p.
171. Lukashuk I.I. International Law / Textbook. General Part. M., 1996. 368 p.
172. Lukashuk I.I. The norms of international law in the Russian legal system. M., 1997. 90 p.
173. Lukashuk I.I. Norms of international law in the international normative system. M., 1997. 322 p.
174. Lukashuk I.I. Modern Law of International Treaties. Volume I. Conclusion of International Treaties: (two volumes). M., 2004. Pp.
175. Lukashuk I.I. Modern Law on International Treaties. Volume 2. Operation of International Treaties. Pp. 43 – 60.
176. Lukashuk O.I. Interpretation of norms of international law: author's abstract of the dissertation for the candidate of juridical sciences. Kiev, 1980. 20 p.
177. Marochkin S.Y. Legislative, doctrinal and practical development of the constitutional principle of the norms of international law in the Russian legal system // Application of international human rights treaties in the legal system of the Russian Federation: Scholarly conference proceedings. Yekaterinburg, 2003. Pp. 60-63.

178. Marochkin S.Yu. The application by the courts of Russia of the norms of international law: ten years after the adoption of the Constitution of the Russian Federation // *Russian Yearbook of International Law*. SPb., 2003. Pp. 61-72.
179. Marochkin S.Yu. Action and realization of the norms of international law in the legal system of the Russian Federation. M., 2011. 288 p.
180. Marochkin S.Y. What international norms and treaties are subject to application by the courts // *Commercial and civil proceedings*. M., 2005. № 1. Pp. 43-48.
181. Marochkin S.Yu. About the international component of the legal system of Russia: mastering and developing the constitutional principle by practice // *Jurisprudence*. SPb., 2010. No. 1. Pp. 160-189.
182. Marochkin S.Y., Lesin A.V. Once again about the question of whether unpublished international treaties are subject to application // *Arbitration and Civil Court Proceedings*. M., 2003. No. 1. P. 23-29.
183. Marchenko M.N. Sources of Law. M., 2009. 760 p.
184. Marchenko M.N. International treaty as a source of modern Russian law // *Bulletin of Moscow University. Ser. 11. Law*. M., 2004. No. 3. Pp. 3-18.
185. *International Law / Textbook*. S.A. Egorov, S.V. Chernichenko et al. M., 2014. 622 p.
186. *International Law / Textbook*. A.A. Kovalev, S.V. Chernichenko (eds.). M. 2008. 832 p.
187. *International Law / Textbook*. G.V. Ignatenko, O.I. Tiunov (eds.). M., 2016. 752 p.
188. *International legal documents on cultural issues*. Compiler and ch. editor Zapesotsky A.S. - SPb., 1996. 389 p.
189. Minakov A.I. International treaty as a source of private international law (theory issues) // *Soviet Yearbook of International Law*. 1986. M.- M., 1987. Pp. 228-241.
190. Movchan A.P. Codification and progressive development of international law. M., 1972. 216 p.

191. Morozov A.N. Implementation of international treaties in the Russian Federation: legal grounds // Russian law journal. No. 2 (146). M., 2009. 100-110 p.
192. Morozova L.A. Treaty in public law: the legal nature, features, classification // State and Law. M., 2009. No. 1. Pp. 15-22.
193. Morozova Y.G. Is the international treaty not published officially in the media applicable? // Arbitration practice. M., 2002. № 6. Pp. 93-95.
194. Musin V. A. Some features of participation in the commercial proceedings of foreign persons // Russian year-book of civil and arbitration process. 2002 - 2003. No. 2 - SPb, 2004. Pp. 93-98.
195. Müllerson R.A. International public and private international law: correlation and interaction // Soviet Yearbook of International Law, 1985. M., 1986. Pp. 63-84.
196. Nesterenko I.A. On the issue of the concept and structure of the legal system // Works of SGU. Edition 16. M., 2000. Pp. 9-18.
197. Nefedov B.I. Intersystemal sub-sectoral formations in law. Omsk, 2008. 232 p.
198. Nefedov B.I. International and Domestic Law Relation: problem of inter-systemic formations. Author's abstract of the dissertation for the degree of doctor of juridical sciences. M., 2011. 63 p.
199. Neshataeva T.N. Commercial courts and some issues of application of international law in the Russian Federation // Russian Yearbook of International Law. 1998 - 1999. SPb., 1999. Pp. 218-231.
200. Neshataeva T.N. Eurasian integration: the role of Court. M., 2015. 304 p.
201. Neshataeva T.N. Uniform Law Application is the purpose of the Court of the Eurasian Economic Union // International Justice. M., 2013. No. 3. Pp. 106-117; URL: <http://отрасли-права.рф/article/13821> (application date 18.09.2018).
202. Neshataeva T.N. Foreign Businessmen in Russia. Litigation and Arbitration Practice. M., 1998. 216 p.
203. Neshataeva T.N., Pavlova N.V., Strazhenetsky V.V., Sharamova G.I., Shebanova N.A. Commentary to the Resolution of the Plenum of the Supreme

Arbitration Court of the Russian Federation dated 11.06.1999 No. 8 “On the effect of international treaties of the Russian Federation in relation to issues of the arbitration process” // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 1999. No. 8. Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

204. Neshataeva T.N. Building uniform judicial practice and possibilities of introduction of prejudicial inquiry into the procedural legislation of Russia // Legislation: Law for business M., 2007. No. 5. Pp. 52-55.

205. Nikolaev A.V. The influence of the Constitution of the Russian Federation on the formation and development of arbitration law of procedure. Author. dis. ... Ph.D. Saratov, 2013. 26 p.

206. Osminin B.I. Conclusion and implementation of international treaties and domestic law. M., 2010. 400 c.

207. Osminin B.I. Adoption and implementation of international treaty obligations by States. M., 2006. 408 p.

208. Osminin B.I. International treaties in the Russian legal system (to the 20th anniversary of the Federal Law “On International Treaties of the Russian Federation” // Journal of Russian law. No. 12. 2015. Pp. 126-139.

209. Potseluyev Ye.L. Normative treaty as the source (form) of law (Review of educational literature on the theory of law) // Sources (forms) of law. Interuniversity collection of scientific works. Ivanovo, 2003. Pp. 9-18.

210. Law and Politics of Modern Russia. Ed. N.V. Varlamova, E.A. Lukasheva, G.V. Maltsev and others. M., 1996. 215 p.

211. Issues in General Theory of Law and State / textbook. ed. by V.S. Nersesjans. M., 2006. 832 p.

212. Razuvayev N.V. Sources of Modern Law of the Russian Federation // Sources of law: classical and postclassical paradigms / Under total. ed. I.L. Chestnova. SPb., 2011. 172 p.

213. Rosenberg M. Actual issues of the dispute resolution by the International Commercial Court at CCI // Economy and law. No.12. M., 2003. Pp. 112-121.

214. Soviet Encyclopedic Dictionary / A.M. Prokhorov (chief ed.). M., 1985. 1600 p.
215. Suvorova V.Y. At what point are the international treaties of the Russian Federation subject to enforcement and application? // Russian legal journal. Yekaterinburg, 2010. № 1 (70). Pp. 142-151.
216. Talalayev A.N. Vienna Convention on the Law of Treaties. Commentary. M., 1997. 336 p.
217. Talalaev A.N. The ratio of international and domestic law and the Constitution of the Russian Federation // Moscow Journal of International Law. M., 1994. No. 4. Pp. 3-15.
218. Talimonchik V.P. Resolutions of international organizations in the legal system of Russia // Jurisprudence. SPb., 2008. № 5. Pp. 134-141.
219. Theory of State and Law / Textbook. Executive ed. A.V. Malko. M., 2010. 400 p.
220. Theory of State and Law / Textbook. M.N. Marchenko (ed.), M., 2009. 800 p.
221. Theory of State and Law / Textbook. Ed. T.N. Radko, V.V. Lazarev, L.A. Morozov. M., 2012. 448 p.
222. Theory of Law / Textbook. R.B. Golovin, S.A. Sofronova (eds.) M., 2012. 494 p.
223. Tereshkova V.V. Application of the norms of international law in the judicial system of the Russian Federation: Author's abstract of the dissertation for the candidate of juridical sciences. Kazan, 1998. 27 p.
224. Tirsikh M.G., Chernyak L.Yu. International legal custom: the concept and signs // Siberian legal Gazette. № 2. Irkutsk, 2014. Pp. 89 - 97.
225. Tiunov O.I. Sovereign equality of States in the system of basic principles of international law // Journal of Russian law. 2014. No. 5. Pp. 5-21.
226. Tiunov O.I., Kashirkina A.A., Morozov A.N. Implementation of international treaties of the Russian Federation. M., 2012. 247 p.

227. Tiunov O.I., Manov B.G. The principle of compliance with international treaties: Conflicts of International and National Law // Journal of Russian Law. M., 2002. № 6. Access from the legal database "GARANT" (17.11.2017).
228. Tolstykh V.L. Course of International Law. M., 2010. 1056 p.
229. Topornin B.N. The system of sources of law: development trends // Judicial practice as a source of law. Auth. Col.: B.N. Topornin, E. Serverin, K. Gunter, et al. M., 2000. 160 p.
230. Tunkin G.I. Theory of international law. M., 2006. 396 p.
231. Usenko E.T. Correlation and interaction of international and national law and the Russian Constitution // Moscow Journal of International Law. M., 1995. No. 2. Pp. 13-28.
232. Farkhtdinov Ya.F. Types of sources of civil procedural law // Russian Yearbook of Civil and Commercial Procedure, 2001. M., 2002. No. 1. Pp. 3-35.
233. Fedorov I.V. Civil and commercial proceedings as a subject of joint international legal and internal regulation. Author's abstract of the dissertation for the candidate of juridical sciences. Kazan, 2002. 32 p.
234. Khavanova I.A. Peculiarities of the interpretation of international tax treaties // Legislation and Economics. 2016. No. 2. Pp. 80-84.
235. Haraszti G. Some Fundamental problems of the Law of Treaties. Budapest, 1973. 439 p.
236. Tsivadze N.A. Application of the norms of international law by the courts of the Russian Federation: Author's abstract of the dissertation for the candidate of juridical sciences. M., 2005. 30 p.
237. Schachter O. Law-making in the United Nations. Perspectives on International Law. London, 1995. P. 126. Quote by: Lukashuk I.I. Modern Law of International Treaties. Vol. 1. P. 642.
238. Shaw M.N.P. International Law. Third Edition. Cambridge, 1991. 128 p.
239. Elias T. The Modern Law of Treaties. N.Y., 1974. 272 p.

240. Yurova N.M. International Civil Procedural Law: theory of implementation of norms in the Legal System of the Russian Federation. M., 2008. 352 p.

241. Yakovlev V.F. Rule of law: questions of formation // Access from the legal database “ConsultantPlus” (17.09.2018).

INTERNET NETWORK RESOURCES

242. Official site of the President of the Russian Federation // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53419> (application date 18.09.2018).

243. Official Internet portal of legal information // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (application date 18.09.2018).

244. The official website of the Higher Examination Commission for the Qualification Examination for the position of judge // URL: <http://www.vekrf.ru/publication/1715/> (application date 18.09.2018).

